

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казённое образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
18–19 октября 2018 года

К 300-летию российской полиции

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2018

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93
С56

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент А. В. Гришин (председатель);
доктор юридических наук, доцент Е. В. Марковичева (заместитель председателя);
кандидат юридических наук, доцент Ю. П. Якубина;
кандидат юридических наук О. А. Ветрова; кандидат юридических наук Е. А. Семёнов;
кандидат юридических наук Е. Б. Гришина (ответственный секретарь)

С56 **«Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Международная науч.- практическая конф. (2018 ; Орёл).** Международная научно-практическая конференция «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», 18–19 октября 2018 года : [к 300-летию российской полиции : сборник материалов] / редкол. : А. В. Гришин [и др.]; Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2018. – 430 с.
ISBN 978-5-88872-220-6

В сборник материалов включены статьи профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, докторантов, адъюнктов и аспирантов, представленные для участия в Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (18–19 октября 2018 года).

Тексты статей представлены в авторской редакции.

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-220-6

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2018

Содержание

Абрамова Л. Л. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: НЕСОВЕРШЕННОСТЬ РЕГЛАМЕНТАЦИИ.....	9
Авдеев В. Н., Белоусова С. В. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	13
Агаева А. В. ЭВОЛЮЦИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	18
Александров А. Н., Котарев С. Н., Столбина Л. В. ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ – ПОТРЕБНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.....	21
Алехин Д. В. ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ НА ЭТАПЕ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О БЕЗВЕСТНОМ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ЛЮДЕЙ	27
Алимамедов Э. Н. ФУНКЦИИ И ЗАДАЧИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	30
Бадиков Д. А. О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	35
Безруков С. С. ПРОТОКОЛИРОВАНИЕ ИЛИ ВИДЕОЗАПИСЬ: О ДОПУСТИМОСТИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ СПОСОБОВ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	39
Белевский Р. А. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	43
Беляев М. В. ВЛИЯНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ НА ВЫНЕСЕНИЕ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	49
Вахмянина Н. Б., Надоненко О. Н. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	52
Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТ. 281 УПК РФ.....	56
Ветрова О. А. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА, ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	59
Воробей С. Н. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	63
Волеводз А. Г. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	66

Волынский А. Ф. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА – СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ, А НЕ РОЗЫСКА	76
Гаврилин Ю. В. ТЕХНОЛОГИИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ КАК СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	81
Гаврилов Б. Я. ДОКТРИНА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В XXI ВЕКЕ: ВИДЕНИЕ УЧЕНОГО И ПРАКТИКА	88
Гирько С. И. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ – ПЕРВЫЕ ШАГИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ: УРОКИ НЕДАЛЕКОЙ ИСТОРИИ	96
Гладышева О. В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	103
Грибунов О. П. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ	109
Григорьев В. Н., Савенков А. В. ОБ АДЕКВАТНОСТИ ВЫБОРА ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ НАГЛЯДНОСТИ ФИКСАЦИИ ЗНАЧИМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.....	114
Гриненко А. В. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ.....	118
Гришин А. В., Гришина М. В. КРИТЕРИИ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛНОТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	125
Гришина Е. Б. ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УПК РФ	131
Гуляев А. П., Николюк В. В. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ГРАЖДАНАМ И ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ ВЕДЕНИЕМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	135
Дзабиев У. К. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ	145
Джелали Т. И., Тарнакоп О. Г. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ И БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	150
Егоров Н. Н. ОБ ИНТЕГРАЦИИ МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИИ И ВИДЕОЗАПИСИ	154

Екимцев С. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ	157
Жиеншенева Ш. С. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ.....	161
Журавлева Н. М., Ретюнских И. А. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ.....	168
Зубцов Ю. Н., Гришин А. В. ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ТЯЖКИЕ И ОСОБО ТЯЖКИЕ ДЕЯНИЯ, ПОДПАДАЮЩИЕ ПОД ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	172
Зюзина И. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ДИАГНОСТИКИ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ВНЕШНОСТИ В ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	175
Иванов Д. А. РУКОВОДИТЕЛЬ ОРГАНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ДОЗНАВАТЕЛЯ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ВРЕДА.....	178
Игнатъев М. Е. К ВОПРОСУ УСТАНОВЛЕНИЯ ЭКСПЕРТОМ ПРИЧИНЫ ПО ИМЕЮЩЕМУСЯ РЕЗУЛЬТАТУ (СЛЕДСТВИЮ, ОТОБРАЖЕНИЮ)	183
Кадырова А. С. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	187
Калюжный А. Н. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА ПОМЕЩЕНИЙ ПО ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ	194
Карагодин В. Н. ПОНЯТИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И ТАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	198
Кириченко Ю. Н., Михайликов В. Л. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ.....	202
Колотушкин С. М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПУТНИКОВОЙ КАРТОГРАФИИ И МАТЕРИАЛОВ ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДТП	207
Комаров И. М. РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.....	213
Кузьменко Е. С., Лапшин В. Е. АНАЛИЗ СТЕПЕНИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНЫХ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА.....	218

Кураков Д. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	226
Кучин О. С. «СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ» ПРОЦЕДУРЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗА И ПРОТИВ.....	233
Лакомская М. Ю. ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ГРУППЫ «ФИКСАЦИЯ»	237
Лукьянчикова С. А. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ	243
Марковичева Е. В. ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАКРЕПЛЕНИЕМ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО, В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	247
Мерецкий Н. Е. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЧЛЕНАМИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ	251
Михайлина Ю. В. ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	256
Морозова Н. В., Лазаренко О. Н. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ	262
Москвичев А. А. СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ РАСПОЗНАВАНИЯ ОБЪЕКТОВ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ	266
Муравьев К. В. ЗАКОННОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ	271
Новикова Е. А., Чаплыгина В. Н. ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ КАК УСЛОВИЕ СОКРАЩЕННОГО ПОРЯДКА ДОЗНАНИЯ.....	276
Пимакова О. Г., Малышева Н. А. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ХИЩЕНИЕМ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	280
Победкин А. В. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК ФОРМА ДИКТАТУРЫ НРАВСТВЕННО-ЗДОРОВЫХ СИЛ.....	284
Пушкарев В. В. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ ПОНЯТИЯ	290
Расулова Н. С., Такиulina Э. Р. ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ИНСТИТУТ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ.....	295

Сальников Е. В. УЧАСТНИКИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ	299
Сафронов Д. М. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ДОЛЖНО ОБЕСПЕЧИВАТЬ РЕАЛИЗАЦИЮ ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА	303
Сафронова Е. В. К ВОПРОСУ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О РАЗБОЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ В ОТНОШЕНИИ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	307
Семенцов В. А. К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	311
Семёнов Е. А., Харьбин А. Ю. АЛЬТЕРНАТИВА ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ ЕСТЬ	318
Семионкина Н. Г., Комова М. А. ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	324
Сиделев В. В. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ Ч. 5 СТ. 215 УПК РФ ДЛЯ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗАТЯГИВАНИЯ СРОКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СО СТОРОНЫ ОБВИНЯЕМЫХ И ИХ ЗАЩИТНИКОВ.....	330
Синенко С. А. ОПТИМИЗАЦИЯ ПОРЯДКА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	336
Ситдикова Г. З., Чаплыгина В. Н. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ	342
Ситникова И. Л. К ВОПРОСУ О МЕСТЕ АКТОВ ВЫСШЕГО ОРГАНА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ИЕРАРХИИ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	347
Сретенцев А. Н. ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ПЕРЕДОВЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ФОТОФИКСАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	351
Старжинская А. Н. К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ СУИЦИДОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	356
Стеблецов С. Н. ПРОБЛЕМА ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ РУКОВОДИТЕЛЮ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	359
Стельмах В. Ю. ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С НЕПРИЧАСТНОСТЬЮ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	364

Стольников П. М. ОБ ИСТОРИИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	368
Такоева В. В., Залескина А. Н. ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОЧНОЙ СТАВКИ	371
Тарасова О. М. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ	375
Титов П. М. ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ	380
Химичева О. В., Шаров Д. В. ОБ УТОЧНЕНИИ ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ	384
Чаплыгина В. Н. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ	389
Шайдуллина Э. Д. ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ – НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ	393
Шеметов А. К. СПЕЦИФИКА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ	397
Ширкин А. А., Назарова А. Б. К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЗА ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА	400
Шурухнов Н. Г., Румянцев Н. В. ВСЕГДА ЛИ ЦЕЛЕСООБРАЗНО ИЗМЕНЕНИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА? АНАЛИЗ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЯ К УСТАНОВЛЕНИЮ ОСОБЫХ ПРАВИЛ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	404
Щербакова Л. Ю., Гришин А. В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИЗБРАНИИ СУДАМИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ С УЧЕТОМ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕРАХ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ, ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАЛОГА»	411
Якубина Ю. П. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ ДОСТУП ГРАЖДАН К ПРАВОСУДИЮ	422
В ПАМЯТЬ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. П. ГУЛЯЕВА	428

Абрамова Л. Л.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: НЕСОВЕРШЕННОСТЬ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В статье затронута проблема несовершенства регламентации вещественных доказательств. Автором сравниваются действующая редакция ст. 81 УПК РФ и редакция ст. 83 УПК РСФСР, анализируются вопросы понимания сущности доказательств, предлагаются оптимальные критерии, отграничивающие вещественные доказательства – документы от иных документов как отдельного вида доказательств.

Значение вещественных доказательств и их роль в доказывании трудно переоценить. Вещественные доказательства являются неотъемлемой частью любого из типов уголовного процесса.

Несмотря на значительное количество публикаций, касающихся вещественных доказательств, по-прежнему нет единого мнения по отношению к определению понятия «вещественного доказательства», охватывающего всю неоднородность вовлекаемых в процесс объектов, отграничивающего вещественные доказательства от иных видов доказательств. Нормы действующего УПК РФ, определяющие виды вещественных доказательств, регламентирующих процессуальный режим работы с ними, сформулированы не точно, ряд актуальных вопросов законодатель оставил без регулирования.

В понимании природы вещественных доказательств заслуживает внимания мнение А. В. Кудрявцевой и Ю. В. Худяковой о том, что «...вещественные доказательства – это результат разных уровней отражения: отражения в материальной среде события преступления и отражения этих следов преступления субъектами доказывания не только в собственном сознании, но и на материальных носителях с соблюдением норм УПК РФ. При этом доказательственное значение вещественных доказательств зависит от качества их содержания и качества их процессуальной формы. Качество же процессуальной формы зависит от правильности произведенных процессуальных и следственных действий по собиранию, получению и проверке, закреплению в качестве вещественных доказательств» [5].

Для соблюдения требований, предъявляемых к форме и содержанию вещественного доказательства, правоприменителю надлежит после изъятия объекта безошибочно определить, в какой именно вид доказательств и, соответственно, в каком процессуальном режиме объект будет трансформироваться в доказательство. В этой связи весьма важной представляется проблема неточного нормативного определения в уголовно-процессуальном законе различных видов доказательств.

Так, согласно ст. 83 УПК РСФСР [1] вещественными доказательствами признавались предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий обвиняемого, а также деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, и все другие предметы, которые могли служить средствами к установлению обстоятельств совершения преступления.

В соответствии со статьей 81 УПК РФ [2] вещественными доказательствами признаются любые предметы:

1) которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления. Изменения, касающиеся «оборудования и иных средств совершения преступления», были продиктованы практикой, дополнили первоначальную редакцию статьи в 2014 году [3]. К данной категории можно отнести: орудия убийства (пистолет, палка, нож и др.); оборудование, приспособления для производства наркотических средств (колбы, холодильник, электроприборы и др.); предметы, посредством которых совершалось хищение (отмычка, лом, которым взламывался сейф, и т. п.); предметы, которые сохранили на себе следы преступления (одежда со следами крови, пороха и т. п.).

2) на которые были направлены преступные действия (например, похищенное имущество, поддельные купюры и т. д.);

2.1) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления (указанный пункт дополнен в 2006 году [4]). К данной категории теперь относится не только имущество, которое добыто непосредственно в результате преступления, но и имущество, являющееся доходами от этого имущества, либо использовалось или предназначалось для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, что вытекает из смысла п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Рядом авторов предложена законодателем нетрадиционная формулировка вышеуказанного пункта была раскритикована. Однако, следует учесть, что «экстренные» изменения, внесенные в статью 81 пунктом 2.1, были вызваны необходимостью усиления борьбы с терроризмом, легализацией преступных доходов. Представляется, что существующей формулировкой законодатель попытался «привязать» доходы к совершаемым преступлениям, одновременно обязав правоприменителя установить в этой части обстоятельства, подлежащие доказыванию (п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), наложить арест на вышеупомянутое имущество (ст. 115 УПК РФ), дав тем самым возможность суду при вынесении приговора обратить такое имущество в доход государства (ст. 104.1 УК РФ);

3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. При формулировании пункта 3 законодатель употребил неисчерпывающее широкое толкование вещественного доказательства, позволив от-

нести к данной категории любые предметы и документы. Здесь нет четкого определения, о каких именно предметах идет речь, но вместе с тем присутствует общий признак «если предметы могут служить установлению истины по делу». С одной стороны, это можно объяснить многогранностью материальных объектов внешнего мира, которые при определенных условиях могут стать вещественными доказательствами. С другой стороны, употребление данной формулировки не позволяет строго разграничить вещественные доказательства – документы и иные документы как самостоятельный вид доказательств.

Отнесение к вещественным доказательствам не только предметов, но и документов, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, стало существенным новшеством. Указанное породило множество дискуссий, поскольку закон не наделил особыми свойствами (критериями) документы – вещественные доказательства и иные документы как самостоятельный вид доказательств. Вместе с тем разграничение данных видов доказательств имеет важное практическое значение, так как процессуальная трансформация документов в любой из указанных видов доказательств осуществляется при проведении разных процедур. А ведь нарушение порядка фиксации доказательств может привести к негативным последствиям, вплоть до признания доказательств недопустимыми.

По нашему мнению, из неразрывной связи вещественных доказательств с обстоятельствами прошлого вытекает практический критерий их отграничения от иных, смежных доказательств. Этим критерием является незаменимость вещественных доказательств. Утрата или необратимое повреждение, включая нарушение необходимой процессуальной формы, означает невозможность воспроизведения вещественного доказательства. Напротив, утрата иного документа может быть восполнена получением из того же источника нового документа, имеющего точно такую же доказательственную силу [6].

Под иными документами в статье 84 УПК РФ законодатель определил документы, не обладающие признаками вещественных доказательств, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, но содержащие сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ «иные документы» могут содержать сведения, зафиксированные любым способом (в письменном, ином виде, к ним могут относиться материалы фото-, киносъемки, аудио-, видеозаписи и иные носители информации, полученные в процессе собирания доказательств). Весьма очевидно, что именно к иным документам можно отнести информацию о соединениях между абонентами (получившую среди практических работников условное название «детализация»), поскольку такие данные обладают критерием восполнимости (в случае их утраты могут быть истребованы в компании сотовой связи вновь). Однако в соответствии с

требованиями частей 5-6 ст. 186.1 УПК РФ сведения, содержащиеся в «детализации», должны быть осмотрены и приобщены в качестве вещественного доказательства. Указанной нормой, на наш взгляд, законодатель подтверждает неясность в разграничении вещественных доказательств – документов и самостоятельного вида доказательств – иных документов.

Думается, что решением проблемы отграничения документов – вещественных доказательств от иных документов как самостоятельного вида доказательств и более удобным в практическом и теоретическом аспектах являлось бы выделение в самостоятельный вид вещественных доказательств – документов, имеющих прямую связь с преступлением. В то время как иные документы, получаемые вне рамок уголовного процесса, продолжали бы существовать как самостоятельный вид доказательств.

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержден ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР, 1960, № 40, ст. 592.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета, № 249, 22.12.2001.

3. Федеральный закон от 31.12.2014 № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» // СПС КонсультантПлюс.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // СПС КонсультантПлюс.

5. Кудрявцева А. В., Худякова Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск, 2006. 176 с.

6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова // СПС КонсультантПлюс. 2012. 848 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Абрамова Любовь Леонидовна. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса.

Сибирский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20.

Ключевые слова: *вещественные доказательства, преступление, документы, иные документы.*

Авдеев В. Н., Белоусова С. В.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются различные основания классификации судебно-психиатрической экспертизы в уголовном судопроизводстве России (по субъекту исследования, по условиям проведения, по объекту исследования и т. д.).

Судебно-психиатрическая экспертиза представляет собой самостоятельный вид судебной экспертизы, в рамках которой используются специальные знания в области психиатрии [1, с. 63], то есть ее понятие происходит, с одной стороны, от общеродового понятия судебной экспертизы, а с другой, конкретизируется через специфику психиатрического исследования.

В рамках уголовного судопроизводства **судебно-психиатрическая экспертиза** представляет собой осуществляемое на основании постановления следователя, дознавателя, судьи или определения суда процессуальное действие, заключающее в проведении исследования и дачи заключения лицами, обладающими специальными знаниями в области психиатрии, в целях определения психического состояния подозреваемого, обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, свидетеля, а также лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, очевидца и заявителя о преступлении [2, с. 16].

Рассматривая вопросы классификации судебно-психиатрической экспертизы (далее – СПЭ), необходимо в первую очередь обратить внимание на то, что ни в нормативных правовых актах, ни в научной и учебной литературе не дается развернутой классификации таковой. Так, например, некоторыми авторами выделяются следующие виды СПЭ: амбулаторная, стационарная, в судебном заседании, в кабинете следователя или дознавателя, заочная, посмертная [3; 4; 5; 6].

В отраслевой учетной форме № 100/у-03 «Заключение судебно-психиатрического эксперта (комиссии экспертов)» от 12 августа 2003 г. в качестве видов таковой определены: первичная, дополнительная, повторная, стационарная, амбулаторная, заочная, посмертная, комплексная [7].

Проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что СПЭ возможно классифицировать по следующим основаниям:

1. По субъекту исследования (числу экспертов): *единоличная и комиссионная.*

Исходя из положений главы 27 УПК РФ, статей 21-22 Закона о государственной судебно-экспертной деятельности [8], указанной выше учет-

ной формы № 100/у-03 и п. 3 Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы от 12 января 2017 г. [9], производство СПЭ может быть поручено конкретному эксперту или комиссии экспертов, которые обладают специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы.

Единоличный или комиссионный характер экспертизы определяется следователем, дознавателем, судом (судьей) либо руководителем экспертного учреждения, которому поручено производство таковой. Но при этом в юридической литературе отмечается, что СПЭ единолично врачом-психиатром может быть проведена лишь в кабинете следователя и в суде [6, с. 454]. Во всех остальных случаях в связи со сложностью решаемых задач производство таковых осуществляется комиссией экспертов.

Каждый эксперт, включенный в состав комиссии, самостоятельно и независимо проводит исследования, оценивает результаты, полученные им лично и другими экспертами, и формулирует выводы по поставленным вопросам в пределах имеющихся знаний. Один из экспертов в составе комиссии может выполнять обязанности эксперта-организатора. При этом его процессуальные функции не отличаются от функций остальных экспертов [10, с. 21].

Если мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, ими составляется единое заключение. При наличии разногласий каждый эксперт дает отдельное заключение по вопросам, вызвавшим таковые.

2. По условиям проведения: амбулаторная; стационарная; в судебном заседании; в кабинете следователя (дознавателя).

Амбулаторная СПЭ производится на основании постановления следователя, дознавателя, судьи или определения суда конкретным экспертом или комиссией экспертов в отделении амбулаторной СПЭ как государственного судебно-психиатрического экспертного учреждения, так и специализированного судебно-психиатрического экспертного подразделения, имеющего лицензию на осуществление медицинской деятельности по соответствующим работам (услугам).

Если в ходе данной экспертизы эксперт (комиссия экспертов) не может ответить на поставленные вопросы, то дается заключение о необходимости помещения лица на стационарное обследование.

Стационарная СПЭ. Если при назначении или производстве экспертизы появляется необходимость в стационарном обследовании подозреваемого или обвиняемого, то он может быть помещен в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ч. 1 ст. 203 УПК РФ).

Данная экспертиза проводится в отделении стационарной СПЭ для лиц, не содержащихся под стражей, и отделении стационарной СПЭ для лиц, содержащихся под стражей, медицинской организации комиссией, со-

стоящей не менее чем их трех врачей-психиатров: председателя, члена комиссии, докладчика, проводящего наблюдение за испытуемым.

Срок такового испытания не должен превышать 30 дней. В случае невозможности вынести окончательное заключение о психическом состоянии и вменяемости в указанный срок, экспертная комиссия выносит заключение о необходимости продления срока испытания до 60 дней, копия которого направляется лицу, назначившему экспертизу. В исключительных случаях возможно повторное продление срока пребывания лица в стационаре. При этом общий срок при производстве одной экспертизы не может превышать 90 дней (ст. 30 Закона о государственной судебно-экспертной деятельности).

В юридической литературе также выделяется и обосновывается наличие судебно-психиатрической экспертизы *в судебном заседании, кабинете следователя (дознателя)*.

В то же время, как отмечалось нами в более ранних публикациях, указанную деятельность врача-психиатра правильнее именовать не производством экспертизы, а психиатрическим освидетельствованием, которое заключается в осмотре лица, а так же беседе с ним, поскольку таковая в большей мере носит консультативный характер и ограничивается решением вопроса о назначении амбулаторной или стационарной СПЭ [2, с. 32-35].

3. По объекту исследования: *экспертиза живых лиц; экспертиза по материалам дела.*

Экспертиза по материалам дела бывает *заочная или посмертная*.

Соответствующие виды экспертиз являются наиболее сложными для экспертов-психиатров, поскольку их заключение основывается лишь на изучении материалов уголовного дела, медицинской документации. При этом неполнота сведений может привести к предположительному заключению о психическом состоянии.

Если имеющиеся в распоряжении экспертов материалы являются недостаточными для решения поставленных перед ними вопросов, комиссия должна в письменной форме сообщить следователю, дознавателю, суду о невозможности дать заключение.

4. По предмету исследования: *однородная* (по одной специальности – психиатрия) и *комплексная* (по разным специальностям).

Комплексная экспертиза представляет собой исследование, проводимое специалистами разных областей знания для решения «пограничных вопросов, смежных для различных родов (видов) судебной экспертизы» [11, с. 177]. Данный вид экспертизы предусмотрен ст. 23 Закона о государственной судебно-экспертной деятельности, а также ч. 1 ст. 201 УПК РФ.

В настоящее время в ходе производства по уголовным делам, в частности, имеют место следующие *комплексные СПЭ*: комплексная психолого-психиатрическая; комплексная сексолого-психиатрическая; комплекс-

ная нарколого-психиатрическая; комплексная медицинско-психиатрическая; комплексная психолого-сексолого-психиатрическая;

В заключении экспертов по комплексной экспертизе указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность (ч. 2 ст. 201 УПК РФ).

5. По объему исследования: *основная и дополнительная.*

Основной СПЭ является первое исследование объекта, то есть самого лица и (или) материалов дела.

Дополнительная СПЭ назначается в случае недостаточной ясности или полноты заключения экспертов, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств (ч. 1 ст. 207 УПК РФ). Ее производство может быть поручено тому же или другому эксперту (комиссии экспертов).

6. По последовательности проведения исследования: *первоначальная и повторная.*

Повторная СПЭ назначается при возникновении сомнений в обоснованности заключения экспертов или наличии противоречий в выводах экспертов по тем же вопросам (ч. 2 ст. 207 УПК РФ). Производство таковой поручается другой комиссии экспертов, а в особо сложных случаях – ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии», возглавляющему систему судебно-психиатрических экспертных учреждений Минздрава России.

7. В зависимости от процессуального положения подэкспертного: *СПЭ подозреваемого; СПЭ обвиняемого; СПЭ подсудимого; СПЭ осужденного; СПЭ лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ; СПЭ потерпевшего; СПЭ свидетеля; СПЭ лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении; СПЭ очевидца; СПЭ заявителя о преступлении.*

В настоящее время имеется возможность назначения и производства в ходе проверки сообщения о преступлении экспертизы, в том числе СПЭ, в отношении *заявителя, очевидца, а также лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.*

При этом, как справедливо отмечается в Указании Генерального прокурора РФ от 1 февраля 2016 г. № 67/36 [12] до возбуждения уголовного дела соответствующая экспертиза может быть назначена и проведена только с согласия лица либо его законного представителя.

8. В зависимости от возраста подэкспертного: *СПЭ несовершеннолетних лиц; СПЭ совершеннолетних лиц.*

1. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин и др.; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016.
2. Авдеев В. Н., Белоусова С. В. Судебно-психиатрическая экспертиза в ходе производства по уголовным делам (теоретико-правовые и прикладные аспекты): монография. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017.
3. Георгадзе З. О., Датий А. В. Судебная психиатрия. М.: ЮНИТИ, 2006.
4. Жариков Н. М. Судебная психиатрия. М.: НОРМА, 2003.
5. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, административном и уголовном процессе. М.: НОРМА, 2006.
6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2011.
7. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 августа 2003 г. № 401 «Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
8. Федеральный закон от 31 мая 2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
9. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
10. Плесовский Ю. Г. Судебно-экспертное исследование: правовые, теоретические, методологические и информационные основы производства. Монография. М.: Юрист, 2008.
11. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. Е. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М.: Юристь. 1999.
12. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 1 февраля 2016 года № 67/36 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законов при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Виктор Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

Российская Федерация, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30.

Белоусова Светлана Владимировна. Юрисконсульт.
Психиатрическая больница Калининградской области № 2.
Российская Федерация, 236020, г. Калининград, пгт Прибрежный,
ул. Заводская, д.13.

***Ключевые слова:** судебно-психиатрическая экспертиза, классификация, единоличная, комиссиянная, амбулаторная, стационарная, однородная, комплексная, основная, дополнительная, первоначальная, повторная.*

УДК 343.148.32

Агаева А. В.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Статья раскрывает эволюцию механизма защиты несовершеннолетних обвиняемых в российском уголовном процессе на протяжении XX в. Автор акцентирует внимание читателей на особенностях обеспечения прав несовершеннолетних в советский период в уголовном процессе.

Обращение к истории уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних в нашей стране оправданно с точки зрения понимания устойчивости и жизнеспособности определенных процессуальных институтов и в плане поиска дальнейших путей совершенствования механизма защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, вовлеченного в уголовный процесс.

В последние годы в отечественной юридической науке все чаще звучит критика в отношении советской государственно-правовой политики. Не отрицая допустимости подобной критики, отметим, что она должна носить конструктивный характер и предполагает как минимум пристальное изучение правовой жизни страны в этот исторический период.

Сказанное в полном объеме относится к правовой политике государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей и делинквентов. Нередко исследователи переносят акценты на необходимость восприятия позитивного зарубежного опыта. При этом опускается тот факт, что для нормального «вживления» в российскую действительность, так называе-

мых ювенальных технологий, должны быть созданы соответствующие условия, одним из которых является отсутствие противоречий между новациями и правовыми традициями государства. В этой связи изучение советского опыта позволяет осмыслить возможность модернизации различных правовых институтов.

В целом историю правовой политики Советского государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей можно условно разделить на три периода: а) 1918-1935 гг.; б) 1935-1960 гг.; в) 1960-1991 гг.

Несомненно, что 1917 год стал, действительно, переломным в отечественной истории XX века, а революционные преобразования в значительной степени трансформировали все сферы жизни общества, в том числе и сферу борьбы с преступностью. Особенностью государственной политики данного периода стало формирование новых приоритетов в отношении государства к проблеме детей, вступивших в конфликт с законом. Следует отметить, что к 20-м годам прошлого столетия молодое государство столкнулось с огромным количеством беспризорных детей, многие из которых совершали преступления. В 1918 г. прекратили свое существование специализированные суды по делам несовершеннолетних, которые существовали с 1910 г. и внесли существенный вклад в борьбу с детской безнадзорностью и преступностью [1, с. 18].

Упразднение специализированных судов происходило в контексте изменения государственной политики. Концепция борьбы с преступностью несовершеннолетних фактически сменилась концепцией их реабилитации. Общество признавало необходимость ресоциализации подростка, его возвращения к жизни в соответствии с новыми социальными нормами.

Результатом такой политики стало создание специализированных комиссий по делам несовершеннолетних. Уголовное преследование несовершеннолетних, совершивших преступления, на долгие годы практически прекращалось. Приоритет отдавался различным воспитательным мерам. Не случайно юристу, входящему в состав комиссии, отводилась второстепенная роль, а решение оставалось за врачами и педагогами [2]. Несовершеннолетний стал субъектом медико-педагогической реабилитации. Такое отношение к несовершеннолетним правонарушителям не было уникальным и отмечается в политике многих государств в данный исторический период.

Революционные преобразования привели к упразднению детских судов. Изменилась и государственная политика в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Подростки-преступники перестали рассматриваться как объекты уголовной репрессии, а стали пониматься как субъекты комплексной медико-педагогической реабилитации. Комиссии привлекали работников социальных служб для сбора информации о несовершеннолетнем. Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних была достаточно активной вплоть до середины тридцатых годов. Нередко комиссии

заменяли суды, которым отводилась роль органов предварительного расследования по делам несовершеннолетних. Сложившаяся ситуация, к сожалению, не принесла значимых результатов, а деятельность комиссий критиковалась уже современниками, поскольку предложенный государством подход привел к увеличению числа несовершеннолетних правонарушителей [3, с. 27]. Таким образом, в этот период государство закрепило административную модель реагирования на преступность несовершеннолетних.

Следующий этап ознаменовался радикальным изменением ювенальной правовой политики в советском государстве. Это произошло в середине тридцатых годов XX века. Общая репрессивная направленность государственной политики привела к тому, что деятельность комиссий по делам несовершеннолетних была прекращена. Несовершеннолетние правонарушители оказались под юрисдикцией органов НКВД. Произошло и усиление уголовной ответственности несовершеннолетних, поскольку последние стали подвергаться уголовным наказаниям наравне со взрослыми преступниками. К несовершеннолетним стали активно применять меру пресечения в виде ареста. Арест мог быть достаточно длительным и нередко длился до шести месяцев.

В годы войны государство сохранило данный подход к несовершеннолетним преступникам, поскольку преступность среди подростков, как и их беспризорность, значительно выросли [4, с. 85].

Изменение ювенальной государственной политики произошло в начале 60-х годов, когда существенно изменились уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В целом нормативная база стала носить охранительный характер. Государство признало возрастные особенности несовершеннолетнего, ввело дополнительные гарантии в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел, а также закрепило возможность прекращения уголовного преследования несовершеннолетних и освобождения их от уголовной ответственности. Государством ставилась не только задача борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, но и защиты их прав [5, с. 111]. Это выразилось в усложнении процедуры расследования преступлений, в передаче дел в отношении несовершеннолетних наиболее опытным следователям, в воспитательной направленности судебных процессов.

Таким образом, правовая политика советского государства исторически носила противоречивый характер. Однако следует признать, что в XX веке были созданы реальные механизмы охраны прав несовершеннолетних правонарушителей, разработана модель учета их возрастных особенностей и предусмотрена возможность замены уголовного наказания мерами воспитательного воздействия. Совершенствование современной ювенальной политики невозможно без учета этих особенностей, требует их разумного

использования в сочетании с новыми механизмами защиты прав несовершеннолетних.

1. Марковичева Е. В. Правосудие по делам несовершеннолетних в России начала XX века // История государства и права. 2007. № 17. С. 18-20.

2. Инструкция комиссиям по делам о несовершеннолетних: Постановление Наркомпроса, Наркомздрава, НКЮ от 19 июня 1920 г // СУ РСФСР. 1920. № 1-100. 30 июля 1920 г. № 68.

3. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки. М., 1923. С. 27.

4. Коновалова И. А. Тенденции развития корыстной преступности несовершеннолетних и меры борьбы с ней: ретроспективный обзор // Адвокат. 2008. № 4. С. 85.

5. Марковичева Е. В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики: монография. Орел, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Агаева Альбина Владимировна. Кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории государства и права.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.

Российская Федерация, 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39а.

***Ключевые слова:** несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, ювенальный суд, ювенальная юстиция, обвиняемый, защитник, законный представитель.*

УДК 343.1

Александров А. Н., Котарев С. Н., Столбина Л. В.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ – ПОТРЕБНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Говорить о том, что ни одно уголовное дело не может обойтись без производства такого следственного действия, как допрос, все равно что доказывать вновь, что Земля круглая. Пожалуй, на современном этапе развития уголовного судопроизводства отсутствуют уголовные дела, где бы не допрашивался такой участник уголовного процесса, как свидетель.

В разное время проводились исследования, направленные на установление средней продолжительности допроса лица в качестве свидетеля, акцентировалось внимание на судебных издержках, сопряженных с прибытием свидетеля к месту производства следственного действия и обратно, которые порой превышали причиненный материальный ущерб потерпевшему, и т. д. [1] Обосновывалась необходимость внесения в УПК РФ изменений, связанных с процессуальным порядком допроса свидетелей, находящихся не в месте проведения предварительного расследования. Особо остро такой вопрос встает, когда речь заходит о служебной деятельности должностных лиц органов предварительного расследования в линейных отделах (отделениях) МВД России на транспорте, где участники уголовного процесса (за исключением должностных лиц, в чьем производстве находится уголовное дело или осуществляют ведомственный контроль, прокурорский надзор и т. п.) могут проживать не в месте производства предварительного расследования.

Несомненно, вышеобозначенные проблемные вопросы заслуживают самого пристального внимания и обсуждения в юридическом сообществе, особенно в период оптимизации финансирования в органах внутренних дел Российской Федерации.

Общеизвестно, что одним из распространённых видов получения информации является вербальный способ. В этой связи совершенно обоснованно считается, что допрос – самое распространенное следственное и судебное действие [2] при производстве по уголовному делу.

Проблемы уголовно-процессуального регулирования допроса, в том числе и некоторые из указанных сторон его правовой сущности, неоднократно также подвергались научному исследованию и довольно обстоятельно освещались в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе. Им уделяли внимание А. К. Гаврилов, С. П. Ефимичев, Л. М. Карнеева, Р. Д. Рахунов, Н. И. Порубов, А. Б. Соловьев и многие другие.

Помимо указанных выше авторов, в юридической литературе со стороны теоретиков и правоприменителей уделено внимание вопросам, связанным с: процессуальным порядком допроса того или иного участника уголовного судопроизводства и на различных его стадиях [2; 3; 4]; тактикой допроса (место, время, круг лиц и т. п.) [5; 6; 7; 8; 9]; особенностях проведения данного следственного действия [10; 11]. А вот вопросы применения технических средств в рамках допроса, к сожалению, если и исследовались, то лишь фрагментарно.

В чем нам видится проблема, которая предлагается к обсуждению в юридическом сообществе, поясним ниже.

Итак, мы говорили о том, что сложно себе представить уголовное дело, в котором бы отсутствовал такой процессуальный документ, как протокол допроса свидетеля. Согласно исследованиям, проведенным

А. В. Чуркиным, следует, что «... 90 % всей доказательственной информации по уголовным делам следователи получают в процессе допроса; число свидетелей, проходящих по одному среднестатистическому делу, составляет 6-7 человек; при расследовании уголовных дел 52-54 % рабочего времени следователя уходит на допросы» [1]. Но дело в том, что на практике могут складываться ситуации, когда тот или иной участник уголовного процесса, и в частности свидетель, не проживает в месте производства предварительного расследования. При этом сразу отметим, что по уголовным делам, которые находятся в производстве следователей или дознавателей, осуществляющих свою служебную деятельность в органах предварительного расследования, входящих в состав линейных отделов (отделений) МВД России на транспорте, такие ситуации складываются в большинстве случаев. В соответствии с ч. 1 ст. 187 УПК РФ допрос проводится по месту производства предварительного следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого.

В свою очередь положения, закрепленные в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, гласят о том, что в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или органу дознания, дознавателю вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий дознавателю или органу дознания. Поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

Проведенное нами интервьюирование следователей территориальных органов МВД России на транспорте, а также анализ уголовных дел, находящихся ранее в их производстве (изучено 50 уголовных дел), убедительно свидетельствует о том, что отдельные поручения зачастую носят формальный характер исполнения по причине того, что конкретный исполнитель опосредован и руководствуется фабулой, изложенной в описательно-мотивировочной части постановления о возбуждении уголовного дела. Наличие в материалах уголовного дела отдельных поручений, направленных для производства допроса, связано зачастую и с конкретным видом преступления. То есть при расследовании преступлений экономической направленности практически отсутствуют случаи направления аналогичных поручений. Это вполне обосновано правоприменителями тем, что у исполнителя слишком мало объективных и необъективных (того, что следователь не отражает в поручении) данных, он не может «импровизировать» в период допроса, а ограничен лишь теми вопросами, которые были отражены в отдельном поручении.

Законодатель устанавливает срок исполнения поручения - не позднее 10 суток, но с какого момента он начинает истекать? Явно не с момента его составления следователем (дознавателем), а с момента его поступления к адресату – в территориальный орган МВД России на транспорте (и даже

не к исполнителю!). Результаты интервьюирования следователей территориальных органов МВД России на транспорте указывают на то, что даже если отдельное поручение направлялось посредством СЭД, то ответ на него был получен через 20-25 суток, а в некоторых случаях такой срок был равен одному месяцу.

Предвосхищая контрдоводы наших оппонентов, отметим, что в настоящее время оформление служебных командировок (даже для производства следственных действий) крайне затруднительно в условиях оптимизации и тотальной экономии бюджетных средств.

В сложившейся сложной финансовой ситуации нельзя не принимать во внимание и тот факт, что расходы по явке хотя бы одного свидетеля могут превышать стоимость причиненного материального ущерба [1]. А при его неявке из другого города вряд ли можно будет применить иную меру уголовно-процессуального принуждения – принудительный привод.

В. А. Чуркин предлагает нам задуматься о том, что, например, свидетель был очевидцем хулиганства или кражи в аэропорту (на вокзале, в метро, ином общественном месте) и через несколько минут убыл соответствующим видом транспорта в другую местность. Учитывая сокращенные сроки дознания, новое законодательство о разумных сроках уголовного судопроизводства, другие обстоятельства, следователи и дознаватели по многим таким делам нередко приходят к выводу о том, что направление отдельного поручения в порядке положений, предусмотренных п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 41 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ, является нецелесообразным. В этой ситуации правоохранительные органы нередко стоят перед дилеммой о целесообразности возбуждения уголовного дела и вызове таких свидетелей [1].

Несомненно, заслуживают самого пристального внимания и предложение, высказанное вышеуказанным автором, об урегулировании в отечественном законодательстве порядка самодопроса и самоопроса граждан с применением новых информационных технологий.

При всем уважении к данной позиции все же хочется воспользоваться уже имеющимися новеллами действующего уголовно-процессуального законодательства.

Так, в соответствии со ст. 278.1. УПК РФ суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи. Суд, рассматривающий уголовное дело, поручает суду по месту нахождения свидетеля организовать проведение допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи. В таких случаях допрос свидетеля проводится по общим правилам, установленным статьей 278 УПК РФ.

А что же мешает законодателю предоставить аналогичную возможность для производства допроса на стадии предварительного расследования? Полагаем, что по аналогии с обозначенной выше нормой следователь

(дознатель) может вынести отдельное поручение не на производство допроса, а на его организацию, что в целом согласуется с положениями п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в которой указано, что следователь уполномочен «давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении».

Полагаем, что при урегулировании на законодательном уровне порядка организации и проведения допроса путем использования систем видеоконференц-связи было бы целесообразно предусмотреть фиксацию хода и результатов данного следствия посредством видеосъемки.

Сразу отметим, что наши предложения нежелательно распространять на случаи допроса участников уголовного процесса, урегулированных ст. 191 УПК РФ, поскольку существуют особенности при определении участников (кандидатуры педагога или психолога) данного следственного действия.

В заключение хотелось бы сформулировать еще одно предложение по усовершенствованию норм действующего уголовно-процессуального законодательства. Учитывая, что с 2011 года действуют положения ст. 278.1. УПК РФ «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи», то совершенно непонятна позиция законодателя, который в ч. 1 ст. 79 УПК РФ к показаниям свидетеля относит лишь те сведения, которые сообщены им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу, или в суде в соответствии с требованиями статей 187-191 и 278 УПК РФ, не принимая во внимание сведения полученные, в порядке ст. 278.1. УПК РФ.

1. Чуркин А. В. Не пора ли урегулировать в законодательстве самодопрос и самоопрос граждан с применением новых информационных технологий? // Российский следователь. 2012. № 11. С. 10-12.

2. Кольченко В. П. Допрос как способ доказывания и средство обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов 2003. <http://www.dissercat.com>.

3. Конева С. И. Судебные допросы в уголовном процессе: доказательственное значение и порядок проведения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2013. <http://www.dissercat.com>.

4. Осодоева Н. В. Производство допроса на судебном следствии в Российском уголовном судопроизводстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2014.

5. Зайцева И. А. Тактика допроса подозреваемого и обвиняемого, проводимого при участии защитника. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2002. <http://www.dissercat.com>.

6. Манцурова Л. А. Тактика допроса, предшествующего предъявлению для опознания. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2017.

7. Михайльчук Ю. П. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2005. <http://www.dissercat.com>.

8. Рзаев Т. Ю. Современные проблемы теории и практики допроса. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2002. <http://www.dissercat.com>.

9. Червяков М. А. Тактика допроса обвиняемого (подозреваемого) при расследовании краж личного имущества, грабежей и разбойных нападений. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2001. <http://www.dissercat.com>.

10. Сильнов М. А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 1998. <http://www.dissercat.com>.

11. Тетюев С. В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования: Процессуальный аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2006. <http://www.dissercat.com>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Алексей Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры обеспечения безопасности на объектах транспорта.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

Российская Федерация, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Столбина Любовь Викторовна. Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры обеспечения безопасности на объектах транспорта.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

Российская Федерация, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Котарев Сергей Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры обеспечения безопасности на объектах транспорта.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

Российская Федерация, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Ключевые слова: допрос, свидетель, территориальные органы МВД России на транспорте.

УДК 347. 943. 1

Алехин Д. В.

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ НА ЭТАПЕ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О БЕЗВЕСТНОМ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ЛЮДЕЙ

Необходимость изучения вопросов, касающихся нарушений на этапе рассмотрения сообщений о преступлениях, связанных с безвестным исчезновением граждан, определяется их типичностью и распространенностью. Приведенные в статье данные ориентирует следователей на правильную организацию и планирование работы по рассмотрению указанных сообщений.

Значительное количество преступлений, совершенных в отношении граждан в условиях неочевидности, расследование которых было начато по заявлениям о фактах безвестного исчезновения, не удалось и не удастся раскрыть не только в силу их тщательной подготовки преступником, сокрытия следов преступления, сокрытия трупа, но и из-за имеющихся недостатков и просчетов в организации работы по заявлениям о пропаже лиц, прежде всего, на этапе проведения предварительных проверок, это выражается в несогласованной работе дежурных частей отделов полиции, уголовного розыска и следственных подразделений.

Исследование организации на данном направлении позволяет отнести к числу наиболее распространенных недостатков следующие:

1. Проведение наиболее важных мероприятий возлагается на сотрудников органов внутренних дел.

Так, по ряду проверочных материалов, осмотры мест происшествия проводили сотрудники территориальных подразделений полиции, в ходе которых никаких объектов не изымалось, при получении материалов повторные опросы следователями не производились.

Например, из детского дома ушел воспитанник. Заявление о его исчезновении поступило спустя 5 дней. Причин ухода указано не было. Еще через 4 дня он задержан сотрудниками полиции. Установлено, что он ушел из учреждения в связи с тем, что взял чужой сотовый телефон и не возвратил, а затем ушел к своей бабушке, где телефон и оставил. Впоследствии в территориальном подразделении вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту кражи телефона, т. к. воспитанник не достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, а в след-

ственном отделе вынесено постановление от отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием события преступления по факту безвестного исчезновения малолетнего. Однако никаких данных о том, что телефон возвращен владельцу, в материалах не содержалось, объяснения бабушки не получены.

2. В некоторых материалах проверки имеются факты, свидетельствующие о ненадлежащем исполнении своих обязанностей со стороны сотрудников администрации специализированных учреждений для несовершеннолетних, которые фактически устранились от воспитания и контроля за поведением детей, однако мер профилактического характера к ним не применяются.

Так, в материалах проверки по факту исчезновения одной из воспитанниц школы-интерната, воспитатель в своих объяснениях никаких сведений характеризующих девочку, ее родственников, знакомых и причинах ухода назвать не смогла. Затруднилась описать и одежду девочки. Впоследствии, было установлено, что девочка проживает у бабушки на садовом участке. Следователь ограничился телефонным разговором с бабушкой и вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

В другом случае, в материалах проверки имелись сведения о том, что воспитанницы неоднократно сбегали из образовательного учреждения, называя причиной своего ухода намерение администрации школы направить их в психиатрическую лечебницу. Однако никаких мер профилактического характера следователем не предпринято. Равно как и не предприняты меры в другой ситуации, когда остались не выясненными причины, по которым дети покинули летний лагерь, не дана оценка действиям педагогов, сообщивших об исчезновении лишь спустя 2 дня.

Следует отметить, что в основном рассмотрение тем или иным следственным отделом большого количества сообщений о безвестном исчезновении граждан связано с нахождением на подведомственной территории детского воспитательного учреждения (детского дома, интерната). Подавляющее большинство обращений связано с самовольным уходом воспитанников таких учреждений, иногда уходы происходят через непродолжительное время после установления местонахождения несовершеннолетнего после его предыдущего ухода. В ряде случаев имеется информация о местонахождении ушедшего, но нет возможности получить у него объяснения, вернуть в воспитательное учреждение.

3. Далее, в отдельных случаях, следователи выносят постановления об отказе в возбуждении уголовных дел, делая безапелляционный вывод о том, что «... никаких противоправных действий в отношении лица не совершалось», хотя на момент вынесения постановления местонахождение несовершеннолетних установлено не было.

4. Также зачастую допускается формализм при планировании первоначальных мероприятий. Так, в материале проверки по факту безвестного

исчезновения воспитанника школы-интерната, следователь запланировал два мероприятия: опрос самого исчезнувшего подростка и иные мероприятия. План никем не утверждался. Никаких проверочных действий не проведено. Поскольку несовершеннолетний так и не был найден, то план остался не реализованным.

5. Другим основанием для отмены принятых решений становятся просчеты при составлении процессуальных документов. В рапорте, составленном следователем в порядке ст. 143 УПК РФ, указано, что об обнаружении признаков преступлений, предусмотренных ст. 105, 126 УК РФ. Однако в решении об отказе следователем не усмотрены не только признаки указанных составов, но и предусмотренных другими нормами УК РФ, например, ч. 4 ст. 111, 110 и даже 109 УК РФ.

6. Некоторые руководители при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела не контролируют приобщение следователями к материалам доследственных проверок информации о заведении в ОВД розыскного дела, а также сведений соответствующих учетов для выявления случаев безвестного исчезновения.

Так, по одному из материалов решение об отказе в возбуждении уголовного дела было принято преждевременно т. к. не выполнены все мероприятия направленные на установление местонахождения несовершеннолетнего. В частности, не проверялась административная практика в отношении него, а также информация о его возможном выезде за пределы субъекта РФ по базе «Магистраль-Розыск». Не установлено, получал ли ребенок новый паспорт взамен утраченного, кто проживает и кто является владельцем квартиры, в которой зарегистрирован несовершеннолетний, с какого телефона он звонил своей матери в последний раз, не истребованы сведения из ГУЗ «БСМЭ» по неопознанным трупам схожим по описанию с пропавшим без вести.

7. К сожалению, имеются проблемы в качестве проведения сотрудниками полиции поисковых мероприятий по сообщениям указанной категории. Так, следственным отделом было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, по факту обнаружения на открытом участке местности в районе спортивной базы «Динамо», трупа неизвестного мужчины с явными признаками насильственной смерти. Труп указанного неустановленного мужчины был обнаружен следователем при проведении совместно с сотрудниками полиции поисковых мероприятий по находящемуся в его производстве материалу проверки по факту безвестного исчезновения мужчины. В рамках материала проверки поисковые мероприятия проводились сотрудниками полиции по поручению следователя, в том числе проверялись и осматривались места, которые ранее часто посещались пропавшим. При этом поиск проводился неэффективно. Так, несмотря на установленный участок местности, где пропал потерпевший, поисковые мероприятия сотрудниками полиции

проводились не тщательно, все необходимые мероприятия проведены не были, вся подлежащая поиску территория осмотрена не была. По инициативе следователя к участию в указанных поисковых мероприятиях был привлечен кинолог со служебной собакой, в ходе работы которой и был обнаружен труп.

Таким образом, в современных условиях необходимо предъявлять повышенные требования к организации и планированию работы по рассмотрению заявлений и иных сообщений о безвестном исчезновении граждан.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алехин Дмитрий Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики.

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12.

Ключевые слова: сообщение о преступлении, нарушения, преступления, преступник, без вести пропавший.

УДК 343.1

Алимамедов Э. Н.

ФУНКЦИИ И ЗАДАЧИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с проблемами правового регулирования и правоприменительной практики на этапе окончания предварительного следствия. Раскрываются полномочия руководителя следственного органа с целью выявления их влияния на деятельность следователя в ходе предварительного расследования.

В новой редакции УПК РФ руководитель следственного органа наделен достаточными процессуальными полномочиями для осуществления ведомственного контроля и направления деятельности следователей. Они позволяют ему эффективно проверять законность и обоснованность принятых подчиненными ему следователями процессуальных действий (решений).

Принятым Федеральным законом № 87 от 05.06.2007 г. [7] был определен новый участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения – руководитель следственного органа. Ему предоставили широкий круг полномочий по контролю над проведением предварительного следствия. С исторической и практической точки зрения эти полномочия вполне оправданы и позволяют значительно повысить эффективность работы органов предварительного расследования и его должностных лиц [6, с. 333; 7, с. 273]. Вместе с тем поднялся уровень личной ответственности руководителей следственных органов за качество проведенного, вверенными им следователями, расследования. Так, например в 2015 году по итогам служебных проверок, по факту возвращения уголовных дел прокурорами для производства дополнительного расследования и судами в порядке ст. 237 УПК РФ, к дисциплинарной ответственности было привлечено 31 руководитель и 62 следователя следственных подразделений ГУ МВД России по г. Москве [8].

Рассматривая полномочия руководителя следственного органа при окончании следователем расследования по уголовному делу с обвинительным заключением, следует отметить, что именно на него ложится огромная ответственность по определению достаточности доказательств для направления уголовного дела прокурору, проверке проведенных в ходе расследования процессуальных действий на соблюдение требований законности и обоснованности.

В настоящее время на руководителя следственного органа возложены не только уголовно-процессуальные, но и организационные задачи. Он должен создать условия для работы следователя, а именно: обеспечить методическое сопровождение расследования; обеспечить научно-техническую и материальную базу; постоянно заниматься кадровыми вопросами (повышение квалификации, подбор новых сотрудников и проч.), организовать взаимодействие с другими службами. Эти мероприятия отнимают немалую долю времени, которая могла бы быть использована для контроля деятельности следователя по расследованию преступлений. Например, согласно анкетированию, проведенному С. А. Минаевой, руководители следственных органов изучают уголовные дела только в связи с принятием следователем важного процессуального решения [3, с. 176]. Это говорит о том, что руководитель следственного органа максимально использует предоставленные ему полномочия, именно на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения.

В настоящее время можно выделить следующие основные права, которыми наделен руководитель следственного органа при окончании следователем предварительного следствия составлением обвинительного заключения: возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования (п. 11 ч. 3 ст. 39 УПК РФ); давать согласие на направление уголовного дела с обвинительным заклю-

чением прокурору (ч. 6 ст. 220 УПК РФ); давать согласие следователю, производившему предварительное следствие по уголовному делу, на обжалование в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, решения прокурора, вынесенного в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ (п. 11 ч. 3 ст. 39 УПК РФ).

Возвращение уголовного дела следователю на дополнительное расследования, это одна из процессуальных функций прокурора, которая была предоставлена и руководителю следственного органа. Так некоторые авторы [4; с. 85] полагают, что по отношению к руководителю следственного органа, это частично надзорная функция. Однако представляется, что надзорной данная функция остается, при возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ. Аналогичное же решение руководителя следственного органа в порядке ст. 39 УПК РФ носит характер ведомственного контроля. Эта функция была передана органам предварительного следствия в целях дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальных отношений в целом, и этапа окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения в частности.

А.М. Багмет совершенно обоснованно предлагает передать полномочия по утверждению обвинительного заключения руководителю следственного органа в целях укрепления процессуальной самостоятельности органов предварительного расследования и увеличения ответственности за расследование преступлений на следователя и руководителя следственного органа [1, с. 202]. Результаты опроса следователей проведенного в ходе исследования показали следующие результаты. На вопрос сколько раз руководитель следственного органа возвращал вам уголовное дело со своими указаниями о производстве дополнительного расследования – 100 % опрошенных следователей ответили, что никогда. Когда же после полученных данных им было предложено разъяснить, с чем это связано, следователи пояснили, что возвращение уголовного дела по любому основанию считается негативным фактором, за которым следует проведение служебной проверки в отношении следователя и в отношении руководителя следственного органа. Именно поэтому руководители следственных органов, получив уголовное дело, по которому необходимо проведение дополнительного расследования, дают следователю указания о направлении расследования или производстве отдельных следственных действий, не оформляя это как возвращение уголовного дела. Несомненно, эта процессуальная функция необходима для повышения качества расследования, и в будущем будет более эффективно использоваться руководителями следственных органов.

Одно из наиболее эффективных полномочий, предоставленных руководителю следственного органа, является дача согласия на направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору. Это полномо-

чие предоставило не только определенное право, но и возложила обязанность на руководителя следственного органа по проверке всех материалов уголовного дела на доказанность преступления и достаточность доказательств для формулировки окончательного обвинительного тезиса. Это полномочие так же увеличило личную ответственность руководителя следственного органа, за качество проведенного следователем расследования, что является одним из факторов повышения качества предварительного следствия. В настоящее время, согласие руководителя следственного органа должно в обязательном порядке найти свое отражение в обвинительном заключении, что гарантирует проверку им уголовного дела. Отсутствие такой отметки является основанием для возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. Так, например в один из следственных отделов было возвращено уголовное дело в связи с отсутствием в обвинительном заключении подписи руководителя следственного органа, согласовавшим данный процессуальный документ [9].

Следующее полномочие, которым наделен руководитель следственного органа, на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения, является предоставление согласия следователю, производившему предварительное следствие по уголовному делу, на обжалование в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, решения прокурора, вынесенного в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Данное полномочие направлено на повышение качества расследования, путем принятия совместного решения следователя и руководителя следственного органа. Для того что бы принять решение об обжаловании решения прокурора, следователь должен будет достоверно убедить в этом руководителя следственного органа, и только после этого получить согласие на обжалование. Это позволит следователю и руководителю следственного органа повторно проверить и оценить всю совокупность доказательственной базы, а так же ее достаточность для обжалования решений прокурора. В данном случае необходимо говорить о том, что здесь потребуются совместная работа следователя и руководителя для принятия решения.

Проведенный анализ функций и задач руководителя следственного органа на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения показывает, что предоставленные ему полномочия позволяют эффективно контролировать деятельность следователя не лишая его процессуальной самостоятельности.

1. Багмет А. М. Следователь и руководитель следственного органа как основные участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения

профессора Николая Сергеевича Алексеева. Санкт-Петербургский государственный университет; Под редакцией Н. Г. Стойко. 2015. С. 196-204.

2. Гаврилов Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурорами и руководителями следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве // Вестник МВД России. 2010. № 1

3. Минаева С. А. Актуальные направления процессуальной деятельности руководителя следственного органа по обеспечению законности при производстве предварительного следствия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 173-179.

4. Минаева С. А. О роли руководителя следственного органа на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения // Закон и право. 2013. № 7. С. 84-86.

5. Пушкарёв В. В. Принцип процессуальной независимости и самостоятельности в соотношении с уголовно-процессуальными функциями следователя и должностных лиц прокурорского надзора // Третьи Академические чтения по актуальным вопросам юриспруденции: сборник материалов Общероссийской научно-практической конференции. 20 апреля 2016 года / Отв. ред. М. В. Торопов. Тамбов, 2016. С. 332-335.

6. Пушкарёв В. В. Реализация принципа процессуальной самостоятельности в деятельности судебных и современных следователей // Актуальные проблемы предварительного расследования [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 28–29 октября 2015 г. / отв. ред. В. И. Третьяков. Электрон. дан. (4,50 Мб). Волгоград: ООО «Бланк», 2015. С. 269-273.

7. Федеральный закон от 05.06.2007 N 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс.

8. Аналитическая справка о состоянии качества следствия по итогам работы за 12 месяцев 2015 году следственными подразделениями ГУ МВД России по г. Москве.

9. Аналитическая справка о состоянии качества следствия по итогам работы за 9 месяцев 2015 году следственными подразделениями ГУ МВД России по г. Москве.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимамедов Эльмир Низамиевич. Преподаватель кафедры предварительного расследования.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.

Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, следователь, прокурор, окончание предварительного следствия, обвинительное заключение.

УДК 343.13

Бадиков Д. А.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы генезиса, развития и понятийного аппарата психологического воздействия, осуществляемого в рамках производства расследования по уголовному делу.

На современном этапе развития большинство ученых выступает за обоснованность в необходимости применения мер психологического воздействия, дискуссионным остается лишь вопрос о допустимости применения отдельных методов в той или иной ситуации, которая возникает в процессе расследования. Сейчасобществу известны многочисленные приемы и методы оказания воздействия одних людей на других. Одной из целей законодательства и правоприменительной деятельности выступает умение регулировать поведение людей.

Основываясь на том, что все люди находятся в непосредственном взаимодействии друг с другом, большинство способов оказания воздействия изучает социология, однако наука организации и управления труда также напрямую затрагивает проблемы воздействия. Центральное место в изучении занимают меры оказания психологического воздействия, которые могут изменять состояние личности человека, что в дальнейшем может создать предпосылки для применения других мер – юридических, экономических, моральных.

Люди не просто взаимодействуют, общаются, выстраивают свои отношения, но и оказывают воздействие друг на друга. Последнее известно столько времени, сколько существует сам человек. Однако в далеком своем историческом прошлом люди умели влиять друг на друга только посредством слов, интонации, жестов, мимики. Сегодня способы воздействия на человеческое сознание стали намного более разнообразными и эффективными благодаря накопленному за тысячелетия практическому опыту, а также за счет создания специальных технологий.

Начиная с древних времен, проблема воздействия на людей является актуальной. Аристотель в своей работе «Политика» указывает на то, что по своей природе человек является политическим существом, которое не может существовать вне социума, и для того чтобы достичь счастливой жизни и высшего счастья, необходимо осуществлять совместную, взаимодополняющую деятельность, которая невозможна без коммуникации и взаимного влияния.

С развитием общества и государственности внимание к оказанию воздействия на людей постоянно повышалось. Начиная с XVIII века, ученые связывали общение с непосредственным взаимодействием личности и общества, а также поднимали вопрос об изучении и выделении воспитательного воздействия личности. Одним из видных деятелей этого времени был Ж. Ж. Руссо. В своей работе «Эмиль, или о Воспитании» (1762) он писал о том, что задачей воспитания является защита нравственных чувств от влияния общества.

На рубеже XIX-XX в.в., в научных кругах наиболее активно изучается проблема психологического воздействия. Западные ученые исследуют названную проблему с позиции теории героя и толпы. Народные массы признаются легко поддающимися воздействиям.

Дж. Уотсон в своей книге «Психологический уход за ребенком» (1929 г.) приводил высказывания о том, что возможно сформировать человека любого склада и образа поведения, оказывая на него психологическое воздействие.

В настоящее время исследование вопросов психологического воздействия продолжается. Одной из значимых книг в данной области на современном этапе является «Социальная психология» Владимира Гавриловича Крысько.

На современном этапе развития психологической науки не существует единого понимания психологического воздействия.

Сам термин «воздействие» в буквальном смысле чаще всего понимается как психологическое влияние. В психологии влияние выступает как процесс и результат изменения индивидуумом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и т.п. в ходе взаимодействия с ним». В свою очередь, влияние в процессе психологического воздействия – результат оказания воздействия субъектом, приводящим к изменению некоторых особенностей личности объекта, его сознания, подсознания и поведения.

В свою очередь, Г. А. Ковалев выступает за отождествление понятий «влияние» и «психологическое воздействие». Под влиянием или оказанием психологического воздействия он понимает процесс, который регулирует активность взаимодействующих систем определенного психологического содержания, результатом которого является поддержание функционального состояния этих систем или изменения состояния хотя бы в одной из них.

Другими словами, психологического воздействие — это оказание влияния на мысли, чувства, действия другого человека посредством психологических средств, с предоставлением ему права и времени отвечать на это воздействие.

В своих работах А. М. Столяренко затрагивает такие понятия, как «психическое воздействие» и «психологическое воздействие». При их сопоставлении он выделяет различия в семантике, однако указывает, что в научной практике данные понятия часто используются как взаимозаменяемые [1]. В подтверждение своих слов автор приводит сравнительные анализ практики употребления данных понятий на примере комментария к УК РФ, изданных в конце XX века.

Н. П. Хайдуков считает, что «воздействие одного человека на другого — это осуществляемый в личных или общественных интересах процесс передачи информации путем использования различных методов и средств с целью вызвать необходимую реакцию со стороны лица, на которое оказывается воздействие, и тем самым обусловить желательную позицию и поведение этого лица в нужном направлении» [2].

Применительно к профессии следователя ученые определяют психологическое воздействие следующим образом: «Это воздействие на противодействующее следователю лицо путем создания такой ситуации, в которой обнаруживается скрываемая им информация вопреки его желанию» [3]. Важным в данном случае является соответствие воздействия конкретной профессиональной задаче. Многообразие приемов воздействия, описанных в научной и учебной литературе, облегчает формирование у молодого специалиста соответствующих компетенций в области их применения.

Обобщая приведенные определения, можно отметить, что большинство авторов рассматривают психологическое воздействие как процесс и как результат этого процесса. Актуальными и дискуссионными выступают вопросы различий психологического и психического воздействия, а также целенаправленности как обязательной характеристики психологического воздействия.

Субъектом психологического воздействия выступает непосредственно то лицо, которое сознательно осуществляет воздействие. В качестве субъекта может выступать как один человек, так и группа лиц.

Объектом психологического воздействия выступает один человек или группа лиц, на которых направлен процесс воздействия со стороны субъекта, и, как правило, объект редко понимает, что является участником процесса воздействия.

Если говорить о сущности психологического воздействия непосредственно в деятельности сотрудников полиции по расследованию преступлений, можно отметить, в первую очередь, важность установления истины по уголовному делу. Процесс восстановления фактов и действия, которые

можно выявить в большинстве случаев, получая показания лиц, бывших участниками или очевидцами совершения преступления, является непосредственно деятельностью по установлению истины в ходе расследования уголовного дела.

Даже при совпадении целей участников уголовного процесса с целями лиц, расследующих преступления, установление истины через их субъективное восприятие и отношение к преступлению является сложным процессом. На этом этапе необходимо оказание определенного психологического воздействия в виде приемов активизации психической деятельности этих лиц для восстановления образа, воспринятого во всех его взаимоотношениях и причинно-следственных связях.

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что психологическое воздействие в рамках процесса расследования уголовного дела представляет собой деятельность, осуществляемую уполномоченными на то лицами, которая направлена на изменение состояния поведения, психики противодействующих лиц с целью установления истины, всестороннего и полного расследования преступлений.

1. Прикладная юридическая психология / Под ред. А. М. Столяренко. М., 2000.

2. Хайдуков Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. Саратов, 1984.

3. Антоян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бадиков Дмитрий Алексеевич. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *расследование уголовного дела, уголовное судопроизводство, воздействие, психологическое воздействие.*

УДК 343.1

Безруков С. С.

**ПРОТОКОЛИРОВАНИЕ ИЛИ ВИДЕОЗАПИСЬ:
О ДОПУСТИМОСТИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ
СПОСОБОВ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Видеозапись давно стала привычным и широко распространенным атрибутом нашей повседневной жизни. Уголовно-процессуальное законодательство, тем не менее, допускает ее применение лишь в качестве дополнительного способа фиксации хода и результатов следственных действий. В юридической литературе все чаще высказываются предложения об отказе от составления протоколов следственных и иных процессуальных действий, переходе к фиксации их на видео. Автор статьи анализирует существующие проблемы, влекущие относительно нечастое использование следователями видеозаписи при производстве следственных действий, рассуждает о позитивных и негативных последствиях замены протокола на видеозапись.

Среди множества недостатков российского уголовного судопроизводства в последнее время нередко называют его излишнюю консервативность, существенное отставание от современных реалий, сохранение порядков, основы которых были заложены еще Уголовно-процессуальными кодексами РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг. [1]. Справедливость подобных суждений легко продемонстрировать на примере ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, наряду с правовой регламентацией использования электронных носителей информации (ч. 4 ст. 81, ч.ч. 1 и 4 ст. 81, п. 5 ч. 2 и ч. 21 ст. 82, ч. 8 ст. 166, ч. 91 ст. 182, ч. 31 ст. 183 УПК РФ), его нормы вплоть до сегодняшнего дня допускают применение стенографирования при производстве следственных действий и в ходе судебного заседания (ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 259 УПК РФ), разрешают напечатать протокол судебного заседания на машинке (ч. 2 ст. 259 УПК РФ).

С учетом нынешнего уровня развития техники, в юридической литературе высказывается все больше предложений о целесообразности замены протоколов следственных действий на их видеозапись, перевода уголовных дел в электронный формат, использования современных коммуникационных технологий для направления участникам уголовного судопроизводства уведомлений и копий процессуальных документов. П. С. Пастухов, к примеру, оптимальным средством документирования считает видеозапись следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, полагая, что на смену протоколу должен прийти электронный документ в виде видеозаписи. Но «единое доказательство факта» видеозапись, в его

понимании, образует лишь в совокупности с представляемыми непосредственно суду показаниями участников следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия [2]. О насущной необходимости использования системы электронного протоколирования не только на судебных, но и на досудебных стадиях уголовного процесса пишет и Н. П. Фролкин, перечисляя ряд позитивных последствий от перехода на электронный документооборот [3]. В качестве одного из направлений развития технологичности уголовного судопроизводства А. Ю. Смолин называет автоматизацию деятельности правоприменителя. С целью минимизации дискреционных полномочий должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, им предлагается, в частности, тотальное применение аудио- и видеонаблюдения [4].

В целом поддерживая внедрение видеонаблюдения за ходом предварительного расследования, обязательной видеозаписи каждого следственного действия, Ю. С. Жариков заостряет внимание на сложности процедуры видеозаписи, особенно при производстве следственных действий вне кабинета следователя, возникновении в этом случае потребности в специальной аппаратуре, привлечении специалиста-оператора, что повлечет за собой существенные материальные затраты. В связи с этим данный автор призывает «не глобализировать видеозапись производства по уголовному делу на досудебных стадиях уголовного процесса, а упрощать процедуры видеофиксации следственных действий», поддерживая идею М. Р. Глушкова о допустимости фрагментарной записи следственного действия, фиксации лишь моментов, наиболее значимых для доказывания [5; 6].

Изучение практики показывает, что следователи, дознаватели чаще всего применяют фотографирование, крайне редко прибегая к видеосъемке своих действий [7]: даже в тех случаях, когда уголовно-процессуальное законодательство обязывает осуществлять видеозапись следственных действий, правоприменители далеко не всегда руководствуются требованиями закона. Среди наиболее острых причин подобного игнорирования прямых законодательных предписаний называются недостаточное оснащение техническими средствами; низкий уровень знаний и навыков по применению технических средств и др. Оптимальным способом нейтрализации отдельных из указанных причин, обеспечивающим соблюдение указания законодателя о применении видеозаписи при допросе несовершеннолетнего, по мнению А. Б. Соколова, является использование следователем, дознавателем web-камеры [8].

С. Б. Россинский, нисколько не отрицая гораздо большую информативность фотосъемки, аудио- или видеозаписи, а равно других дополнительных средств фиксации хода и результатов следственных действий, полагает неправильным противопоставление протокола и видеозаписи, называет «весьма неконструктивными точки зрения некоторых современных ученых, обесценивающих доказательственное значение протоколов след-

ственных действий и ратующих за отказ законодателя от подобной удостоверительной технологии» [9].

Как представляется, переход к фиксации следственных и иных процессуальных действий исключительно с помощью технических средств повлечет за собой не только позитивные последствия, о которых говорят сторонники подобных нововведений. Информация на электронных (цифровых) носителях уязвима не меньше [7, с. 74], чем на привычных бумажных. Данная информация может быть легко изменена, а для опровержения сомнений в ее неизменности и достоверности, высказанных, к примеру, стороной защиты, потребуется производство сложных технических экспертиз. Помимо того, ознакомление с ходом и результатами следственных действий, зафиксированных исключительно при помощи видеозаписи, займет у судьи (суда), а равно у других участников уголовного процесса, гораздо больше времени, нежели с письменным протоколом. Не следует забывать и о таких предписаниях уголовно-процессуального законодательства, как предъявление протокола для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии, с одновременным разъяснением им права делать замечания о его дополнении и уточнении (ч. 6 ст. 166 УПК РФ), подписание протокола следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии (ч. 7 ст. 166 УПК РФ), вручение копии протокола обыска, выемки лицу, в помещении которого произведены данные следственные действия (ч. 15 ст. 182, ч. 2 ст. 183 УПК РФ) и т. д. Сложно согласиться и с возможностью применения видеозаписи какой-либо части следственного действия. Такой подход лишь сократит время, в течение которого будет задействован специалист, осуществляющий видеосъемку, но вряд ли снизит издержки организационного характера, поспособствует исключению сомнений в допустимости и достоверности полученных результатов, соблюдении требований закона на протяжении всего следственного действия. Серьезные сомнения вызывает и указание на оптимальность самостоятельного использования следователем, дознавателем, производящим допрос несовершеннолетнего, web-камеры. Если допустить аналогию со съемочной площадкой, то роль следователя, дознавателя не может быть сведена к выполнению функции оператора, он, по меньшей мере, должен выполнять обязанности режиссера (совмещение названных функций нежелательно).

В связи с этим полагаем, что полностью отказываться от протоколов не стоит. В случае применения видеозаписи при производстве невербальных следственных действий в протоколе достаточно отразить основное их содержание и результаты [10]. Эти сведения могут использоваться в итоговых документах предварительного расследования (обвинительном заключении, обвинительном акте (постановлении) или в постановлении о прекращении уголовного дела). В случае оспаривания стороной защиты допустимости полученных доказательств, заявления ею о допущенных нару-

шениях порядка производства следственного действия, видеозапись может быть исследована в судебном заседании. Уместно также напомнить, что уже много лет существуют специальные компьютерные программы, позволяющие переводить речь человека в текст. Их внедрение в деятельность органов предварительного расследования значительно облегчит труд следователей и дознавателей.

1. Гаврилов Б. Я. Новый УПК РФ или дорожная карта совершенствования досудебного производства: мнение ученого и практика // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 145.

2. Пастухов П. С. К вопросу о создании процедуры использования «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 5-8.

3. Фролкин Н. П. Возможности протоколирования процессуальных действий в уголовном судопроизводстве с использованием электронных (цифровых) средств // Российский следователь. 2014. № 11. С. 5-8.

4. Смолин А. Ю. Технология как стратегия развития уголовного судопроизводства // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 724-725.

5. Жариков Ю. С. Современная стратегия развития уголовного судопроизводства в России // Современное право. 2018. № 7-8 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

6. Глушков М. Р. Обязательна ли непрерывная видеофиксация следственного действия? // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 85-89.

7. Кустов А. М., Кокорев Р. А. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 74-76.

8. Соколов А. Б. Организация и процедура применения видеосъемки в ходе допроса несовершеннолетнего // Уголовное право. 2016. № 2. С. 125-129.

9. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М., 2018. С. 126, 140-141.

10. Семенцов В. А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Безруков Сергей Сергеевич. Доктор юридических наук, доцент, начальник 3 отдела НИЦ № 5 (по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания).

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

Ключевые слова: следственные действия; протоколирование следственных действий; видеозапись хода и результатов следственных действий.

УДК 343.1

Белевский Р. А.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Автором рассмотрены проблемы соотношения уголовного судопроизводства и оперативно-разыскной деятельности.

ОРД неразрывно связана с уголовным процессом (досудебным и судебным производством по уголовному делу), причем такая связь прослеживается применительно к ОРД и уголовному судопроизводству как деятельности, отрасли законодательства и науки.

Следует отметить, что именно с ОРД чаще всего начинается активная работа по раскрытию преступления. ОРД по времени ближе к моменту обнаружения преступления, в идеале ведется по горячим следам и имеет своей задачей не только обнаружение, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, но также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Иначе говоря, по результатам ОРД становится возможным выявление как самого факта общественно опасного деяния, так и установление лица (лиц), к нему причастного. Именно поэтому результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а соответственно и для начала самого уголовного судопроизводства. Вместе с тем не исключается, а, наоборот, предполагается сочетание ОРМ и следственных действий в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности органа дознания, прокурора, следователя или суда. В ходе расследования следственные действия и ОРМ тесно связаны между собой организационными мероприятиями, управленческими и процессуальными решениями. В частности, при организации расследования преступлений могут создаваться оперативно-следственные группы, в обязательном порядке учитываются возможности ОРД, рассматриваются вопросы сопровождения следственных действий ОРМ, ведется планирование их проведения, на их сочетании строится так-

тика расследования. В свою очередь, при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, оперативно-розыском сопровождении уголовного процесса рассматриваются пути и методы использования в ОРД фактических данных, полученных при производстве следственных действий, например в качестве оснований для проведения ОРМ, определения круга их объектов, обеспечения ОРМ безопасности участников процесса, и др. На основе результатов ОРД и данных, полученных процессуальным порядком, выдвигаются и проверяются версии с использованием как ОРМ, так и следственных действий, причем их сочетание может быть взаимообусловленным и составлять единый процесс, при котором оперативные данные служат основой для производства следственных действий и процессуального закрепления доказательственной информации. ОРМ, будучи органически связанными с процессуальными, следственными действиями, выполняют по отношению к ним вспомогательную, обеспечивающую роль. Имея разведывательную направленность на получение и реализацию информации, ОРД ориентирована прежде всего на юридически значимые данные и последствия, наступающие при их использовании, в том числе и в уголовном процессе. Например, представляется значимой ориентация ОРД на получение информации, характеризующей обстоятельства, подлежащие доказыванию, результаты этой деятельности могут быть использованы в доказывании по уголовным делам, служить фактическим основанием для задержания подозреваемого лица, принятия процессуальных решений и др. Без оперативно-розыскной составляющей невозможно проведение отдельных следственных действий. В частности, такое следственное действие, как контроль и запись переговоров, осуществляется соответствующими ОРО.

Следует отметить, что ОРД может выходить за рамки расследования конкретных преступлений даже при оперативно-розыском сопровождении расследования, поскольку при его осуществлении могут выявляться сопутствующие преступления, а также новые эпизоды преступной деятельности, требующие самостоятельной оценки либо применения дополнительных норм уголовного закона, что соответствует назначению уголовного судопроизводства и направлено на его обеспечение.

УПК предусматривает возможность приостановления предварительного следствия. После принятия такого решения принимаются меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, установлению его места нахождения, по его розыску и не допускается производство следственных действий (ст. 209 УПК). В этой связи представляется, что такие меры могут быть реализованы только в рамках ОРД и соответствуют задачам этой деятельности.

Взаимосвязь уголовного процесса и ОРД не заканчивается прекращением уголовного преследования или вступлением в силу приговора суда. В частности, производство по уголовному делу может быть возобнов-

лено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Такие обстоятельства могут быть выявлены и установлены при осуществлении ОРД.

Имеет место и взаимосвязь нормативно-правового регулирования ОРД и уголовного процесса. Это проявляется в том, что и ФЗ об ОРД, и УПК имеют взаимообусловленные бланкетные нормы.

Так, в ст. 5 ФЗ об ОРД закреплено, что лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, т.е. в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления, и которое располагает фактами проведения в отношении его ОРМ и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от ОРО сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. Как видим, данная норма ориентирована прежде всего на проведение предварительных уголовно-процессуальных процедур и решений, по завершении которых представляется возможной реализация прав объекта ОРМ.

Наличие возбужденного уголовного дела является одним из оснований для проведения ОРМ. К числу оснований для проведения ОРМ, связанных с уголовным процессом, относятся и поручения следователя, органа дознания, указания прокурора или определения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве; постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации (ст. 7 ФЗ об ОРД).

С нормами УПК связаны и условия проведения ОРМ. В частности, проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные, права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается только при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния или о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.

Обязательность же производства предварительного следствия определяется УПК (см. ст. 150). На возможность использования результатов ОРД для подготовки и осуществления следственных и судебных действий прямо ориентирует ст. 11 ФЗ об ОРД. Данная норма корреспондируется со ст. 89 УПК, в которой отмечается недопустимость использования в доказывании результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым УПК к доказательствам.

Сведения об используемых или использованных при проведении негласных ОРМ силах, средствах, источниках, методах, планах, о результатах ОРД, лицах, внедренных в ОПГ, ШНС, и о конфидентах, а также об организации и о тактике проведения ОРМ составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя ОРО.

Предание гласности сведений о лицах, внедренных в ОПГ, о ШНС, а также о конфидентах, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Поэтому, если разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны, то на основании определения или постановления суда допускается закрытое судебное разбирательство. В свою очередь, уголовно-процессуальные нормы содержат положения об ОРМ, перечень, основания и условия проведения которых регламентированы ФЗ об ОРД. Так, нормы УПК, определяющие полномочия прокурора, следователя, дознавателя, закрепляют их право давать письменные поручения и указания о проведении ОРМ (ст. 37, 38, 41), а также содержат ограничения относительно их проведения. Например, после направления уголовного дела прокурору орган дознания может проводить по нему ОРМ только по поручению следователя. Если же не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать для его установления розыскные и оперативно-розыскные меры, уведомляя следователя об их результатах (ст. 157). Порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного процесса. Данным положением закрепляется общность правового регулирования всех участников уголовного судопроизводства, в том числе субъектов ОРД.

Должностные лица ОРО могут привлекаться к участию в следственных действиях (ст. 164 УПК), но не могут быть понятыми (ст. 60 УПК). В то же время в соответствии со ст. 41 УПК полномочия по проведению дознания не могут быть возложены на то лицо, которое проводило или проводит ОРМ по данному уголовному делу. Наряду с этим при необходимости проведения ОРМ допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего ОРД, с подозреваемым с письменного разрешения дознавателя, следователя, прокурора или суда, в производстве которых находится уголовное дело (ст. 95 УПК).

Таким образом, УПК содержит положения, имеющие прямое или косвенное отношение к ОРД, в ст. 21 («Обязанность осуществления уголовного преследования»), 37 («Прокурор»), 40 («Орган дознания»), 41 («Дознаватель»), 60 («Понятый»), 89 («Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности»), 95 («Порядок содержа-

ния подозреваемых под стражей»), 157 («Производство неотложных следственных действий»), 164 («Общие правила производства следственных действий»). В кодексе также содержатся иные нормы и положения, обуславливающие взаимосвязь ОРД и уголовного судопроизводства. Все эти положения имеют уголовно-процессуальное содержание и в целом коррелируют с нормами ФЗ об ОРД. Следует отметить, что ОРД и уголовный процесс, находясь в объективной взаимосвязи, имеют смежные либо общие проблемы научного характера. В частности, исследование проблем использования результатов ОРД в уголовном процессе не может быть проведено в одностороннем порядке, а предполагает учет как оперативно-розыскных, так и процессуальных аспектов. Оперативно-розыскное сопровождение уголовного судопроизводства обуславливает его ориентацию на уголовный процесс, но оперативно-розыскные процедуры здесь выступают инструментальным средством его обеспечения. Не только оперативно-розыскной, но и уголовно-процессуальный характер имеет проблема освобождения от уголовной ответственности лиц из числа членов преступной группы, совершивших противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченных к сотрудничеству с ОРО, активно способствовавших раскрытию преступлений, возместивших нанесенный ущерб или иным образом загладивших причиненный вред.

Таким образом, взаимосвязь ОРД и уголовного судопроизводства определяется: общностью задач ОРД и уголовного судопроизводства; прямым указанием в процессуальном законодательстве на обязанности органов дознания принимать необходимые розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление; направленностью ОРМ на информационное обеспечение уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, предварительного расследования и органов судебной власти; уголовно-процессуальным характером некоторых оснований для проведения ОРМ; направленностью ОРД на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, защиты их прав и законных интересов; установлением в оперативно-розыском законодательстве порядка использования результатов ОРД для подготовки и осуществления следственных действий и проведения ОРМ; некоторой общностью правового регулирования деятельности субъектов ОРД и уголовного судопроизводства; корреляцией норм ФЗ об ОРД и УПК. Приведенные данные, иные нормы и положения законодательных актов, фактическая взаимная обусловленность ОРД и уголовного судопроизводства являются отправными для исследования взаимосвязей между ОРД и уголовным процессом, в частности при оперативно-розыском документировании и процессуальном доказывании, обеспечивают научно обоснованное сочетание процессуальных действий и ОРМ в решении задач уголовного судопроизводства (Содержание данного параграфа отражает лишь некоторые взаимосвязи ОРД и уголовного судопроизводства, включает в содержательной части

только краткие общие положения ОРД и уголовно-процессуальной деятельности.

1. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова, А. Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2004. 848 с.

2. Федеральный закон РФ от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с измен, и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

3. Ремизов М. В., Ласточкина Р. Н. Оперативно-розыскная деятельность: правовое регулирование и использование результатов в уголовном судопроизводстве: учебное пособие; Яросл. гос. ун-т., Ярославль, 2017.

4. Сысалов М. П. Основы оперативно-розыскной деятельности. Учебник. Алматы: Юридическая литература, 2016. 338 с.

5. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / Под ред. А. Е. Чечетина. 3-е изд., доп. и перераб. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. 236 с.

6. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов / А. Ю. Шумилов. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2018. 391 с. (Библиотечка студента, курсанта и слушателя.)

7. Лапин Е. С., Михайлова Ю. Н. Краткий курс теоретических основ оперативно-розыскной деятельности: Учеб. пособ. для студ. Саратов, изд-во «Научная книга», 2016. 148 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белевский Роман Александрович. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры ОРД ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: ОРД, уголовный процесс, ФЗ об ОРД, УПК РФ.

УДК 343.1

Беляев М. В.

ВЛИЯНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ НА ВЫНЕСЕНИЕ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается влияние различных субъективных факторов на принятие решений в уголовном судопроизводстве. Делается вывод о том, что неперенным условием вынесения законных, обоснованных и справедливых решений в уголовном судопроизводстве является нравственная зрелость принимающих их должностных лиц, их конъюнктурная независимость, высокий уровень их правовой культуры и правосознания, отсутствие профессиональной деформации, надлежащее толкование применяемых норм права.

Вся система уголовного судопроизводства представляет собой совокупность последовательно осуществляемых действий и принимаемых решений, определяющих ход, направление и результаты уголовно-процессуальной деятельности. Ограничение прав свобод человека в уголовном судопроизводстве осуществляется только на основании решений, принимаемых должностными лицами в уголовном судопроизводстве; решения, принимаемые по жалобам участников уголовного судопроизводства, разрешают возникающие конфликты уголовно-процессуального характера, итоговые судебные решения разрешают социальные конфликты уголовно-правового характера. Значимость решений в уголовном судопроизводстве детерминирована также отражением в них основных этапов и результатов уголовно-процессуальной деятельности.

Оценка фактических обстоятельств дела, выбор норм права, подлежащих применению, их толкование норм права при принятии решений всегда осуществляется конкретным лицом, обладающим индивидуальной совокупностью характеристик субъективного свойства, оказывающих существенное влияние на процесс принятия решения, важнейшими среди которых являются уровень правосознания и правовой культуры судьи, прокурора, следователя, дознавателя, его нравственность, ценностные ориентиры, жизненный и профессиональный опыт, психологические особенности его труда и отношений в коллективе и с вышестоящими инстанциями, личностные особенности: специфика темперамента, характера, степень ответственности и т. д.

Значение субъективных факторов при принятии решения обусловлено совокупностью следующих обстоятельств. В законе отсутствуют правила, заранее определяющие силу доказательств, а оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению. Влияние субъективных факторов на формирование внутреннего убеждения весьма велико. Выбор нормы права, подлежащей применению, и ее толкование также осуществ-

ляется посредством преломления произошедших событий через восприятие конкретного судьи, прокурора, следователя, дознавателя и его оценки фактических обстоятельств дела. Важное значение имеет психологическое отношение к рассматриваемым событиям и субъектам, вовлеченным в уголовно-процессуальную деятельность, степень его эмоциональности.

В. О. Белоносов совершенно справедливо отмечает, что толкование норм уголовно-процессуального права не может быть полностью ... нейтральным, право с точки зрения субъективного воздействия не существует «в отрыве от идеологического ценностного выбора толкователем того или иного смысла и тех субъектов, кому адресуется разъяснение нормативных предписаний» [1, с. 10]. П. С. Элькинд еще в середине XX в. отмечала особое значение правосознания лиц, толкующих правовые нормы в связи с их непосредственным применением, указывая, что несоответствие субъективного восприятия правовой нормы ее действительному смыслу – путь к произвольному применению норм права, к подмене толкования нормотворчеством, а недооценка значения субъективного восприятия правовой нормы ведет к ее формально догматическому толкованию и применению [2]. Г. И. Бушуев подчеркивал, что принятие решения – это всегда «результат практического взаимодействия знаний, умения, способностей, опыта судей, реального проявления их личных качеств, убеждений, жизненной позиции» [3, с. 104].

Н. С. Чертова и И. С. Юринская выделяют интуитивные, логические и рациональные решения [4, с. 123], очевидно, что принятие каждого из этих видов решений обусловлено, в том числе и субъективными факторами. Н. В. Радутная подчеркивала, что при наличии трудностей в принятии конкретного решения судья использует свой субъективный потенциал – личный опыт и мировоззрение [5, с. 51]. Нельзя не согласиться с П. А. Лупинской, которая писала, что правовые установки и ценностные ориентации проявляются в правильном понимании своих функций, точном исполнении предписаний закона, обеспечении прав и законных интересов всех участников процесса, оценке с позиций в том числе нравственных начал правоприменительной деятельности [6, с. 59].

Анализируя влияние субъективных факторов на принятие решений, следует отметить важность профессиональных качеств судьи, прокурора, следователя, дознавателя – ответственности за принимаемые решения, квалифицированности, внутренней независимости, умения не допустить подмены фактических обстоятельств эмоциями и т. д. П. А. Лупинская предостерегала правоприменителей от ошибок, когда вместо обоснования своего решения достоверно установленными обстоятельствами они «ссылаются на «глубокое убеждение», «чувство уверенности», имеющее в своем основании интуицию, прежний опыт», что чревато появлением профессиональной деформации, когда «лицо, принимающее решение, действует

привычно, не замечая отличительных особенностей, характерных черт конкретного случая» [6, с. 64-65].

К числу субъективных факторов, влияющих на принятие решений, также относятся психологический настрой в коллективе, особенности правового сознания в данной социальной группе, ее реальные ценностные ориентиры и критерии, независимость от общественного мнения, позиции коллег, руководителя, вышестоящих инстанций. Т. Г. Морщакова отмечает, что судьи нередко ориентированы не только на закон и свое убеждение по делу, но и на позицию вышестоящего суда, что совершенно недопустимо. Автор разделяет взгляды Г. Ф. Шершеневича о том, что ориентация при рассмотрении конкретного дела на возможную или уже выраженную позицию вышестоящего суда уничтожает существо правосудия [7, с. 8]. С данной позицией можно согласиться лишь отчасти. Если речь идет о позиции Верховного Суда РФ, а также вышестоящих судов, которые вслед за высшей судебной инстанцией обеспечивают единство судебной практики по конкретному вопросу, то ориентация на их позицию представляется не только возможной, но и необходимой.

Сказанное означает, что непременным условием вынесения законных, обоснованных и справедливых решений в уголовном судопроизводстве является нравственная зрелость принимающих их должностных лиц, их конъюнктурная независимость, высокий уровень их правовой культуры и правосознания, отсутствие профессиональной деформации, надлежащее толкование применяемых норм права.

1. Белоносов В. О. Толкование норм права в системе теоретической и практической деятельности в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2009. 471 с.

2. Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. М.: Юридическая литература, 1967. 192 с.

3. Бушуев Г. И. Судья в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1984. 112 с.

4. Чертова Н. А. Юринская И. С. Механизм принятия судебного решения: теоретические аспекты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 118-125.

5. Этика судьи: пособие для судей. Под ред. Н. В. Радутной М.: Российская Академия Правосудия, 2002. 211 с.

6. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М.: Юрид. лит. 1976. 168 с.

7. Морщакова Т. Г. Об актуальности теории решений в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2011, № 2. С. 5-8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляев Максим Владимирович. Кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия.

Российская Федерация, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7а.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное решение, должностные лица, ответственные за производство по делу, субъективные факторы, правосознание, внутреннее убеждение.

УДК 343.1

Вахмянина Н. Б., Надоненко О. Н.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования деятельности судебных экспертов в соответствии с действующими федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами.

Отсутствие в законодательстве легальной дефиниции понятия «иное экспертное учреждение» породило правовую полемику о допустимости производства судебных экспертиз коммерческими организациями.

Формально п. 60 ст. 5 УПК РФ допускает производство экспертизы в учреждении любой организационно-правовой формы. Однако некоторые ученые считают, что коммерческие организации, целью которых является получение максимальной прибыли не могут служить общественному благу. Их цели не совместимы с публично-правовым характером, задачами, целями и принципами экспертной деятельности [1].

Такое суждение вполне обосновано, учитывая реалии современной жизни, в условиях которой у некоторых специалистов над морально-этическими нормами превалирует желание обогатиться независимо от способа достижения этой цели. Однако, в настоящее время экономическая нестабильность, социальная несправедливость и иные негативные тенденции, проявляющиеся в обществе в такой сложный период, могут привести людей к духовному опустошению, моральной деградации независимо от вида их профессиональной деятельности и организационно-правовой формы структуры, в которой он работает. Подтверждением это-

го являются многочисленные коррупционные скандалы в России и иных государствах.

Вместе с тем, отсутствие дефиниции термина «иное экспертное учреждение» допускает неопределенность в его понимании, что создает возможность различного толкования при принятии юридически значимых решений. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 2 своего Постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [2] указал, что под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации.

Таким образом, Верховный Суд фактически исключил возможность назначения и производства экспертиз в рамках уголовного судопроизводства в коммерческих экспертных организациях. Вместе с тем, в п. 5 он допускает возможность производства экспертиз лицами, обладающими специальными знаниями и имеющими в распоряжении необходимое экспертное оборудование, не работающими в судебно-экспертном учреждении, т. е. частными экспертами, которые так же, как и эксперты коммерческих организаций, зачастую, проводят исследования на коммерческой основе.

Сложно предположить мотивы и основания, которыми руководствовался Верховный Суд при ограничении круга субъектов производства судебных экспертиз путем исключения коммерческих организаций из негосударственных судебно-экспертных учреждений.

Иной позиции придерживался Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, который не отделяет от негосударственных экспертных организаций коммерческие организации, признавая тем самым единство их организационно-правовых форм [3].

Подобные разночтения свидетельствуют о том, что назрела необходимость в закреплении на законодательном уровне дефиниции «иные экспертные учреждения». Как верно отмечает Ш. Н. Хазиев, «УПК РФ, говоря об экспертных учреждениях, относит к ним как учреждения, так и организации» [4].

Представляется, что наиболее полно термин экспертная организация раскрыт в Федеральном законе № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5]. В п. 15 ст. 3 данного закона указано, что таковой является юридическое лицо (работники юридического лица должны обладать специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла), которые осуществляют на основе договора деятельность по изучению и оценке предмета экспертизы, а также по подготовке экспертных заключений по поставленным заказчиком вопросам. Именно это определение, по нашему мнению, может быть положено в ос-

нову дефиниции «иное экспертное учреждение», которое вероятно следует закрепить в УПК РФ, а также в ФЗ «Об экспертной деятельности».

Наличие в ФЗ «Об экспертной деятельности» определенных пробелов, является причиной возникновения не только этих противоречий и разночтений. Другим спорным моментам является позиция, отраженная в п. 5 указанного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21.10.2010 г., в соответствии с которой производство экспертизы может быть поручено негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении лишь в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы и все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве.

Выполнение этих требований Пленума Верховного Суда, делает практически невозможным проведение судебных экспертиз экспертами подразделений Следственного комитета Российской Федерации, которые не относятся к категории государственных экспертных учреждений. По логике Пленума, следователь СК России первоначально должен обратиться в государственные судебно-экспертные подразделения МВД, Минюста, Минздравсоцразвития, ФСБ и МЧС, обслуживающие территорию его дислокации, получить у них письменные отказы в проведении судебной экспертизы, и только после этого назначить ее экспертам, работающим в Следственном комитете.

Таким образом, данный Пленум устанавливает за государственными судебно-экспертными учреждениями приоритет перед иными экспертами, нарушая как право следователя самостоятельно определять эксперта для производства экспертизы, так и равноправие всех экспертов перед законом, предусмотренное УПК Российской Федерации, в котором отсутствуют нормы, закрепляющие преимущества одних экспертов перед другими. Согласно действующему законодательству единственным критерием оценки экспертов, являются их специальные познания, а не место работы.

Отсутствие Федерального законодательства, регламентирующего судебно-экспертную систему в Российской Федерации, приводит к возникновению взаимоисключающих юридически значимых документов. Порождает противоречия в законодательстве и, как следствие, множество проблем у правоприменителей, что негативно сказывается на качестве их работы и результатах следствия.

Представляется, что в этой связи заслуживает особого внимания находящийся в настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации подготовленный Минюстом России законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором предполагается упорядочить систему мер, направленных

на создание организационно-правой основы качественного экспертного производства, его специализации и интеграции, а также совершенствования правового регулирования судебно-экспертной деятельности.

1. Каштанова Н. С., Кондратьев А. Е. О необходимости определения организационно-правовых форм негосударственных судебно-экспертных учреждений при назначении судебной экспертизы по уголовному делу: теоретико-практические аспекты. Российский следователь. № 2. 2017; Россинская Е., Галяшина Е. Негосударственные экспертные учреждения, их правовой статус и организационные формы // Законность, 2009. № 2. С. 28 и др.

2. Постановление от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «ГАРАНТ».

3. Постановление Пленума № 23 от 4 апреля 2014 г. «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СПС Гарант.

4. Хазиев Ш. Н. Об уголовно-процессуальном понятии судебно-экспертного учреждения // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 11 (1). С. 37.

5. Федеральный законот 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС Гарант.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вахмянина Наталья Борисовна. Заведующий кафедрой криминалистики Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбурге).

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18.

Надоненко Ольга Николаевна. Доцент кафедры криминалистики Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбурге).

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18.

Ключевые слова: государственные судебно-экспертные учреждения, негосударственные судебно-экспертные учреждения, иные эксперты, коммерческие организации, некоммерческие организации.

Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТ. 281 УПК РФ

В статье рассматриваются вопросы реализации в ходе предварительного следствия подозреваемым, обвиняемым права допрашивать показывающих против него свидетелей.

В статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, посвященную оглашению показаний потерпевшего и свидетеля, Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ внесены изменения. Так, часть вторая указанной статьи дополнена пунктом 5, позволяющим оглашать в суде показания указанных лиц, если в результате принятых мер установить их место нахождения для вызова в судебное заседание не представлялось возможным.

Российский законодатель таким образом принял во внимание пожелания ученых-юристов, предлагавших изменить требования, содержащиеся в ст. ст. 75, 235, 276, 281 УПК РФ. Дело в том, что последние блокируют в некоторых случаях исследование в суде и, стало быть, использование в доказывании доказательств, полученных органами предварительного расследования без нарушений уголовно-процессуального закона.

Одновременно необходимо отметить, что реализация п. 5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ должна отвечать требованиям непосредственности судебного разбирательства и отдельным положениям международного права. Подтверждением тому служит позиция Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления не могут быть основаны исключительно или главным образом (в решающей степени) на фактических данных, содержащихся в оглашенных показаниях потерпевшего или свидетеля, если обвиняемый (подсудимый) в стадии предварительного расследования либо предыдущих судебных заседаниях не имел возможности оспорить эти показания (например, допросить показывающего против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке, задавать ему вопросы, высказать свои возражения в случае несогласия с показаниями) [2].

Кроме того, тем же Федеральным законом № 40-ФЗ статья 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнена частью 2.1, согласно которой в случаях, предусмотренных пунктами 2-5 части 2 настоящей статьи, решение об оглашении показаний потерпевшего и свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Очевидно, как правильно отмечается

в юридической литературе, что и в этом случае законодатель воспринял рекомендации международного сообщества [4]. Так, в соответствии с подпунктом «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) обвиняемый вправе допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него. В связи с этим в юридической литературе встречались предложения о дополнении уголовно-процессуального закона нормами, прямо обязывающими следователя обеспечивать подозреваемому или обвиняемому возможность участвовать в следственных действиях, производимых со свидетелем обвинения, в том числе с сохранением в тайне данных о личности последнего, в случаях, если обвинение основано на свидетельских показаниях [5]. Сомневаясь в необходимости таких законодательных изменений, следует отметить, что и в настоящее время обвиняемому может быть предоставлена возможность задать вопросы потерпевшим, свидетелям и без проведения очной ставки. Альтернатива очной ставке видится в том, что возможность допросить потерпевшего, а равно свидетеля обеспечивается предоставлением обвиняемому (его защитнику) права задавать вопросы названным участникам уголовного судопроизводства через следователя. Соответственно, стороне защиты необходимо предоставлять протокол допроса потерпевшего (свидетеля), показывающего против обвиняемого. И если у стороны защиты возникают вопросы к названному потерпевшему (свидетелю), то она формулирует их в ходатайстве о проведении дополнительного допроса этого участника. Протокол дополнительного допроса предъявляется стороне защиты. Ознакомившись с ним, сторона защиты в случае появления у нее новых вопросов (обусловленных показаниями соответствующего участника, полученными в ходе его дополнительного допроса) может ходатайствовать о проведении нового допроса. Признав ходатайство обоснованным, следователь снова допрашивает названного участника. В то же время представляется, что такое ходатайство не подлежит удовлетворению, например, в случаях, когда вопросы обвиняемого (его защитника) дублируют те, которые были прояснены следователем в ходе производства следственных действий с участием свидетелей (потерпевших) либо касаются обстоятельств, не имеющих значения для расследования и разрешения уголовного дела. Также в удовлетворении ходатайства следует отказать, если показания свидетелей (потерпевших) не являются решающими и при этом подтверждаются другими доказательствами. Об этом неоднократно в своих решениях писал Европейский суд по правам человека [6]. Реализация подобных положений, на наш взгляд, позволит минимизировать возможность злоупотребления стороной защиты соответствующим процессуальным правом.

Законность подобной альтернативы очной ставке признает и Европейский суд по правам человека. Он обращает внимание на неотъемлемое право обвиняемого в соответствии с подпунктом «d» п. 3 ст. 6 Конвенции задавать вопросы тем, кто свидетельствует против него. При этом совсем необязательно, чтобы вопросы этим лицам во всех случаях задавались обвиняемым или его адвокатом непосредственно [1]. Отметим также, что без очной ставки можно обойтись в тех случаях, когда в показаниях «изобличающего свидетеля (потерпевшего)», обвиняемого нет существенных противоречий.

Итак, указанное конвенциональное право должно быть разъяснено обвиняемому. Возникает вопрос о том, в какой момент производства по делу следователь должен разъяснить, предоставить обвиняемому данное право? Видится, два варианта ответа на этот вопрос. Первый вариант: разъяснение должно состояться при выполнении требований ч. 1 ст. 217 УПК РФ наряду с разъяснением права ознакомиться с уголовным делом. Вторым вариантом: данное право может быть предоставлено непосредственно после получения изобличающих обвиняемого показаний. Этот вариант особенно актуален в ситуации, когда имеются основания полагать, что «изобличающий свидетель (потерпевший)» может внезапно изменить место нахождения (к примеру, он является лицом без определенного места жительства, гражданином иностранного государства; его профессиональная деятельность связана с неопределенно длительным пребыванием вне места постоянного нахождения; существует вероятность внепроцессуального воздействия на данного участника, которое приведет к тому, что он скроется) и установить его в последующем будет крайне проблематично, а то и невозможно.

1. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «С. Н. (S. N.) против Швеции» от 02.07.2002 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 1.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.1996 № 1 «О судебном приговоре» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.04.2013 № 11) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Собчук М. В. Реализация права обвиняемого на допрос свидетелей обвинения // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кириченко Ю. Н., Семенов Е. А. Правовая дефиниция участников уголовного процесса при производстве осмотра трупа: пути совершенствования законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 3. С. 92.

5. Семенов Е. А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных

условиях. Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах. 2015. С. 228-231.

6. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Шатшашвили против Германии» от 15.12.2015 // СПС «Консультант-Плюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вдовцев Павел Викторович. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург).

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18.

Каркошко Юрий Сергеевич. Доцент кафедры уголовного процесса Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург).

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18.

***Ключевые слова:** следователь, потерпевший, свидетель, оглашение показаний, международное право.*

УДК 343.98

Ветрова О. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА, ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Статья посвящена проблемным вопросам оценки достаточности оснований проведения оперативного эксперимента при документировании преступлений коррупционной направленности.

В последние годы коррупция рассматривается как одна из основных угроз стабильности и жизнеспособности государства. Она приобрела размах, реально угрожающий безопасности государства, нормальному функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии, правам человека и социальной справедливости. Как тенденцию следует отме-

тить определенную девальвацию уровня тяжести коррупционных правонарушений, вызывающих осуждение в обществе и уголовное преследование в правоприменительной деятельности [1].

Выступая с ежегодным Посланием Федеральному Собранию РФ Президент В. В. Путин неоднократно называл коррупцию одним из главных барьеров на пути нашего развития. Борьба с ней должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым, проявлениям этого социального зла.

В документировании преступлений коррупционной направленности особое место занимает такое оперативно-розыскное мероприятие, как оперативный эксперимент. В последнее время как в научной сфере, так и между практическими сотрудниками органов внутренних дел, прокуратуры, Следственного комитета РФ возникают споры по вопросам проведения и возможных путей легализации результатов оперативного эксперимента, а также дальнейшего их использования при доказывании по уголовным делам коррупционной направленности. В связи с этим обозначим некоторые проблемные вопросы, касающиеся оценки сотрудниками прокуратуры и следственных органов достаточности оснований для проведения оперативного эксперимента и самих результатов ОРД на стадии возбуждения уголовных дел, связанных с коррупцией, и в первую очередь по ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Безусловно, существующая в настоящее время в России коррупция стала национальной угрозой – это понимают и рядовые граждане, и высшие должностные лица государства. С принятием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» законность его проведения напрямую зависит от того, придет ли в орган внутренних дел с заявлением гражданин, готовый выступить по ходу оперативного эксперимента в роли взяткодателя или нет, так как только в случае, если оперативный эксперимент проводится в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки, мы имеем дело именно с оперативно-розыскным мероприятием, а не с провокацией взятки.

В этой связи достаточно привести примеры сложившейся ситуации в сфере строительства, государственных закупок, в сфере внешнеэкономической деятельности, в сфере лицензирования, получения всевозможных разрешений и согласований. В подобной ситуации не приходится надеяться на поток сознательных граждан, обращающихся в правоохранительные органы с заявлениями о вымогательстве у них взяток, об иных коррупционных проявлениях в сфере экономики. Необходимо понимать, что коррупция в настоящее время обрела организованные, системные формы, вы-

строены вертикали коррумпированных должностных лиц, которыми налажена функционирующая без сбоев система посредников. Исходя из этого лицу, стоящему на вершине «коррупционной пирамиды» с четким распределением ролей, совершенно необязательно самому получать взятки и даже знать о том, за решение какого вопроса и от кого поступило то или иное вознаграждение.

Однако органы предварительного следствия, прокуратуры и суда требуют от оперативных подразделений точной информации, подтвержденной документально проведением иных оперативно-розыскных мероприятий (наведением справок, опросами, наблюдениями, ТМ и т. д.) о том, что должностное лицо уже совершает или ранее совершало коррупционные преступления, в частности брало взятки [2]. Вот здесь и встает вопрос законности самого проведения данного ОРМ, а также оценки достаточности основания для проведения оперативного эксперимента, так как это довольно субъективное понятие и нигде законодательно не закреплено. На практике некоторые правоприменители считают недопустимым проведение оперативного эксперимента без заявления гражданина, то есть по инициативе оперативных сотрудников. Однако п. 34 вышеназванного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 указывает на недопустимость нарушения требований ст. 5 Закона «Об ОРД» выражающегося в «...передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено».

Таким образом, для признания проведения оперативного эксперимента по инициативе оперативного подразделения законным и допустимым необходима некая совокупность доказательств того, что лицо, в отношении которого проводится данное ОРМ, занималось коррупционной деятельностью еще до начала его осуществления.

Данное ОРМ, особенно проводимое оперативными сотрудниками инициативно, бывает достаточно длительным. При этом они до начала рассмотрения дела по существу в суде первой инстанции, как верно отмечают Семенов Е. А., Кузьменко Е. С., не могут быть уверены в том, что его проведение будет признано законным [3]. Данная проблема имеет место практически во всех субъектах.

Так, может быть, в настоящее время как возможный путь решения этой проблемы, внесение изменений в ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в части обязательности получения субъектами оперативно-розыскной деятельно-

сти судебного решения на проведение оперативного эксперимента в случаях, когда указанные мероприятия проводятся по инициативе оперативных сотрудников. В результате изменится трактование п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» о том, что любые инициативные действия сотрудников правоохранительных органов при проведении оперативного эксперимента являются подстрекательскими и исключают уголовное преследование лица, получившего незаконное вознаграждение [4].

Учитывая тот факт, что на момент принятия решения о проведении оперативного эксперимента этих доказательств недостаточно для принятия решения о возбуждении уголовного дела, необходима их оценка независимым и полномочным на то органом, которым является суд. В противном случае у стороны защиты всегда будут иметься основания, чтобы подвергнуть сомнению законность и обоснованность проведения данного мероприятия в отношении их подзащитного, а позиция суда, рассматривающего дело по существу, будет непредсказуемой. Если сотрудниками полиции будет получено судебное разрешение на проведение оперативного эксперимента, сразу снимутся вопросы адвокатов к оперативным сотрудникам: Не провоцировал ли взяточдатель подзащитного? Не знакомы ли Вы были ранее с взяточдателем до момента дачи им согласия на участие в оперативном эксперименте? Откуда у взяточдателя денежные средства на взятку и т. д.

1. Ветрова О. А. Особенности выявления, расследования коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами (на примере Орловской области // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 2015. С. 80-84.

2. Гришина Е. Б. К вопросу о соотношении показаний с иными документами и вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве // Научный вестник МВД России имени В. В. Лукьянова. 2014. № 3 (60). С. 30-33.

3. Семенов Е. А., Кузьменко Е. С. Понятие и система стадий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. № 1. С. 77.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. № 154. 17.07.2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ветрова Оксана Александровна. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, преступления коррупционной направленности.

УДК 343.1

Воробей С. Н.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются проблемные вопросы юридического статуса информации, полученной в результате использования полиграфа и намечаются перспективы развития данного метода.

Вопрос о допустимости использования результатов полиграфа до настоящего времени является достаточно актуальным. Законодательно данный вопрос не регламентирован, а в науке нет единого мнения относительно возможности и порядка использования полиграфа в уголовном процессе. В то же время решение данного вопроса имеет широкое практическое значение, так как уже на сегодняшний день полиграф используется в уголовном судопроизводстве.

По мнению Р. С. Белкина [2, с. 44] и А. Ф. Волынского [1, с. 112], решение проблемы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве состоит из технического, тактического, этического и процессуального аспектов. Учитывая объем и разноплановость, остановимся только на одной из указанных проблем – процессуальном аспекте использования полиграфа. В частности, возможности признания их результатов в качестве доказательств при раскрытии преступлений.

Наиболее спорными вопросами по использованию полиграфа можно выделить следующие аспекты.

Во-первых, УПК РФ и Конституция РФ, утверждая принцип презумпции невиновности, устанавливают, что обвиняемый не обязан свидетельствовать против себя самого, что на нем не лежит бремя доказывания

своей невиновности, а УПК РФ вообще не предъявляет к показаниям обвиняемого такие процессуальные требования как предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний. Представляется, процессуальный закон позволяет ему лгать. И тот факт, который установит полиграф – лжет он или нет, с точки зрения процессуального закона, безразличен. Далее, в соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами являются сведения, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Ч. 2 ст. 77 УПК РФ устанавливает, что признание вины обвиняемым может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по делу доказательств. В соответствии со ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится судом путем сопоставления их с другими доказательствами, а также установления их источников, получения иных доказательств. Ст. 88 УПК РФ предусматривает, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а доказательства в совокупности – достаточности. Заметим, что одни результаты использования полиграфа не могут ложиться в основу приговора суда.

Во-вторых, проблемы подготовки специалистов-полиграфологов. Подготовка полиграфологов в органах внутренних дел осуществляется с 2000 года. Обучение включает в себя теоретическую подготовку и практику. Несмотря на имеющийся опыт подготовки полиграфологов все-таки есть некоторые проблемы:

- плохое знание слушателями программного обеспечения полиграфных устройств, а иногда отсутствие навыка работы на компьютере;
- отсутствие собственных преподавателей, обучение осуществляют приглашенные специалисты, которые не всегда придерживаются учебной программы;
- отсутствие централизованной закупки полиграфных устройств приводит к тому, что в региональных подразделениях специалисты работают на полиграфах разных производителей. Преподаватели знакомят слушателей с тем программным обеспечением и полиграфным устройством, на котором работают сами. Возникает проблема обучения слушателей работе только на той аппаратуре, которая имеется у них в наличии;
- большая нагрузка для полиграфологов, когда тестирование на полиграфе осуществляется не за 2-2,5 часа, а за 1 час, когда вместо 2-3 тестирований в день полиграфолог делает 9 и более [5, с. 317].

Все это приводит к существенному снижению достоверности, объективности и полноты подобных исследований, что в итоге ведет в дискредитации самого метода.

И, в-третьих, проблемы сертификации полиграфного устройства и программного обеспечения. Следует отметить, что в научных исследованиях данная проблема затрагивается крайне редко, пожалуй, только в ра-

ботах Галяшиной Е. И., Исаевой Л. М. и Федюнина А. Е. По мнению Федюнина А. Е. «в качестве объектов экспертного исследования должны выступать объекты, полученные с применением оборудования, инструментов, приспособлений и методик, подлежащих обязательной государственной сертификации. Кроме того, экспертные методики и техника (оборудование) должны соответствовать требованиям государственных стандартов в области измерений» [4, с. 32]. При этом вряд ли можно согласиться с этим мнением, так как в настоящее время практически невозможно проводить тестирование на одинаковом оборудовании.

Полиграф не обязательно в меньшей или большей степени надежен, чем традиционные средства при раскрытии преступлений. Как и любое технологическое новшество, полиграф создает новые возможности так и новые риски.

В целях повышения эффективности применения полиграфа необходимо обратить внимание на США, как страны, имеющий длительный опыт работы с полиграфическими исследованиями. На законодательном уровне закрепить нормы, регламентирующие применение полиграфа, а также гарантии прав лиц, обеспечивающих добровольность прохождения исследования на полиграфе.

Подводя итог изложенному, заметим, что примеров эффективного использования полиграфа в целях установления всех обстоятельств по уголовному делу в российской процессуальной практике немало, причем, она постоянно расширяется [3]. Но по нашему мнению, пока не будут решены вышесказанные проблемы, нельзя допустить использование полиграфа в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. Ведь применение полиграфа существенно затрагивают права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ (ст. 49, 50, 51) и УПК РФ.

1. Аверьянова Т. В., Александров И. Л., Волынский А. Ф. Криминалистика: учебник для вузов. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 605 с.

2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристь, 1997. 408 с.

3. Обобщение практики использования возможностей полиграфа при расследовании преступлений: приложение к Письму Генеральной прокуратуры РФ № 28-15-05 от 14.02.2006 // Доступ СПС «КонсультантПлюс».

4. Федюнин А. Е. Актуальные проблемы использования в доказывании материалов, полученных с использованием технических средств. Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сб. научных трудов. Часть 2. М.: Академия управления МВД России. 2005.

5. Чаплыгина В. Н. Особенности применения полиграфа при расследовании коррупционных преступлений // Материалы ежегодной междуна-

родной научно-практической конференции «Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее». Санкт-Петербургский университет МВД России. 2017. С. 316-319.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Воробей Светлана Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.

Дальневосточный юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.

Ключевые слова: использование полиграфа, полиграфолог, полиграфические устройства, полиграфические исследования, раскрытие преступлений.

УДК 343.13

Волеводз А. Г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена проблеме отказа органов предварительного следствия от международного сотрудничества с компетентными органами зарубежных стран при расследовании в Российской Федерации уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием нового механизма расчетов – криптовалюты. Автором приводятся аргументы и рекомендации о необходимости организации такого сотрудничества при расследовании преступлений с использованием криптовалюты во всех случаях, когда имеются достаточные данные, свидетельствующие о транснациональном (международном) характере способа их совершения и других обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В последние годы арсенал преступников пополнился новым средством, которое, с одной стороны, позволило существенным образом повысить анонимность и безопасность организаторов совершения преступлений, а с другой – осложняет правоохранительную деятельность, направленную на их выявление, раскрытие и расследование. Речь идет об исполь-

зовании в криптовалютах¹, в частности, наиболее известной из них – Биткойн (Bitcoin)².

Выявленные факты совершения преступлений позволяют специалистам прогнозировать потенциальный рост криминального использования криптовалют. С одной стороны, в качестве орудия преступления, а с другой – предмета преступного посягательства. В частности, исследователи отмечают использование криптовалюты в незаконном обороте наркотиков, вымогательствах, ее хищения и даже при совершении коррупционных преступлений, а именно в качестве предмета взятки [10].

Правовая неурегулированность статуса криптовалют в отечественном законодательстве и в праве значительного числа стран осложняет не только оценку ее использования при квалификации содеянного, но и существенно затрудняет раскрытие и расследование преступлений при совершении которых используется криптовалюта.

И хотя на внутригосударственном уровне постепенно накапливается следственно-судебная практика расследования и разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, имеющиеся эмпирические данные свидетельствуют о том, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства по таким делам не учитывается, а зачастую просто игнорируется, транснациональный характер совершенных с использованием криптовалюты преступлений.

Так, проведенными исследованиями [3; 8; 20] установлено, что примерно с 2012 года на территории России стали формироваться преступные сообщества (преступные организации) для совершения тяжких и особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств

¹ *Криптовалюта* – это подвид нефтяных (частных) электронных денег, эмиссия (зачастую сопряженная со значительными вычислительными затратами, определяющими внутреннюю стоимость денежных единиц) и учет которых базируются на криптографических методах, а функционирование самой платежной системы происходит децентрализованно в распределенной компьютерной сети. Платежные единицы в таких системах представлены в виде неких электронных монет, курс которых в подавляющем большинстве случаев формируется балансом спроса и предложения.

² *Биткойн* или *Биткойн (Bitcoin)* – это нефтяные электронные средства. Происходит от английского *bit* – единица информации и *coin* – монета и отражает сущность криптовалюты как цифровой монеты. Монеты в системе – это криптографические (математические) хэш-коды. Каждый из них абсолютно уникален и не может использоваться дважды. Одновременно *Bitcoin* – это децентрализованная P2P сеть, обслуживаемая ее пользователями, функционирующая без органов управления и посредников на фоне отсутствия централизованного контроля. В основе этой сети лежит публичный реестр (Blockchain, или «цепочка блоков»), в котором хранится информация обо всех произведенных транзакциях пользователей сети между собой и тем самым подтверждается или опровергается факт проведения той или иной транзакции. В свою очередь, подлинность каждой транзакции защищена электронными подписями в соответствии с использованными в транзакции адресами, что позволяет пользователям иметь полный контроль над процессом передачи Bitcoin со своих Bitcoin-адресов получателям.

и психотропных веществ с использованием возможностей современных телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета, и нового расчетного инструмента – криптовалюты.

В основу функционирования таких преступных сообществ (преступных организаций) положен бесконтактный способ незаконного сбыта наркотических средств путём производства тайников (закладок), с активным использованием сети Интернет (Даркнет) для обмена информацией о совершаемых преступлениях между соучастниками, общения с покупателями наркотических средств, получения электронных платежей в форме криптовалюты за реализованные наркотики в качестве оплаты противоправных действий.

Для современного незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и криптовалюты характерна организация и деятельность преступных сообществ (преступных организаций) не только на региональном уровне (в пределах конкретного субъекта РФ), но и межрегиональном, а также, что особенно важно, на международном, уровнях. В силу этого их преступная деятельность осуществляется, как правило, в формах транснациональных преступных сообществ и межрегиональных преступных организаций. Например, «согласно части проанализированных в ходе исследования приговоров, организаторы, руководители, а также отдельные члены преступных сообществ по ряду дел находились в Украине, США, Голландии, Германии, Чехии, Таиланде. Ряд осужденных лиц являются гражданами Украины, где они прошли предварительную подготовку к совершению преступлений и откуда организовано были направлены в конкретные регионы РФ для совершения преступлений. Согласно 19 приговорам (или 20 % от всех исследованных) посылки с наркотическими средствами поступали к виновным почтовыми отправлениями из США, Голландии, государств СНГ и других стран. Несмотря на такую широкую географию ни в одном из приговоров нет упоминания о доказательствах, свидетельствовавших бы об исследовании этих обстоятельств, равно как и нет каких-либо данных о выделении в отдельное производство дел по этим фактам, а тем более о результатах их расследования или направления для осуществления уголовного преследования компетентным органам зарубежных стран. Игнорируя организующую роль «инострannого элемента» органы следствия, а за ними и суды, не учитывали ее при квалификации содеянного осужденными» [4].

Интервьюирование ряда следователей, расследовавших дела о наркопреступлениях, сопряженных с использованием криптовалюты, показало, что «международная составляющая» таких преступлений не повлекла за собой международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, по их мнению, по причине неурегулированности правового статуса криптовалюты, что ставит под сомнение необходимость отдельной квалификации деяний с ее использованием, и отсутствия в силу этого каких-

либо международно-правовых механизмов, допустимых к использованию в процессе расследования по делам, в которых одним из предметов криминального оборота является криптовалюта.

Распространенность такой точки зрения отчасти подтверждается результатами обобщения судебной практики, согласно которой, к примеру, легализация доходов от наркопреступлений с использованием криптовалюты в значительном числе случаев не получает отдельной квалификации по ст. 174.1 УК РФ [5; 6].

Однако охарактеризована она должна быть как негативная.

Во-первых, судебная практика свидетельствует, что имеется немало приговоров, в которых такая квалификация использована [5; 6].

Во-вторых, юридической наукой уже предложено несколько возможных моделей уголовно-правовой оценки хищений и других преступлений с использованием виртуальной валюты в условиях правового вакуума вызванного отсутствием легального юридического статуса криптовалюты [7; 15; 16; 19].

В-третьих, распространенность такого негативного подхода становится еще одним фактором, способствующим и без того постоянно ширящимся криминологическим рискам использования криптовалюты [11; 12].

В-четвертых, такой подход противоречит потребностям противодействия ширящемуся распространению использования криптовалюты при совершении преступлений, как в мире, так и в России [1; 2; 14].

В-пятых, отказ от международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, представляется, по крайней мере, странным в условиях, когда другие государства активно используют возможности этого направления международного сотрудничества для обеспечения привлечения к ответственности лиц, совершивших подобные преступления. Начиная с получившего широкую известность расследования компетентными органами США деятельности организатора сайта Silk Road, через который в сети Даркнет за криптовалюту реализовывались наркотики и другие предметы, изъятые из свободного оборота, международное сотрудничество при расследовании преступлений с использованием криптовалюты постоянно расширяется:

- в 2014 году завершено совместное расследование деятельности виртуальной сети распространения наркотиков, в котором приняли участие компетентные органы 14 стран («Onimys») [22];

- в 2016 году на территории государств Евросоюза завершено расследование совершенных международной ОПГ преступлений, связанных с реализацией крупных партий фальшивых Евро с использованием криптовалют (обеспечивалось сотрудничество 8 стран) [23];

- в июле 2017 года в результате проведенного ФБР США расследования («Байонет»), в ходе которого осуществлялось сотрудничество с право-

охранительными органами Литвы, Канады, Великобритании, Франции, Голландии, Таиланда и Европолем, была пресечена преступная деятельность, осуществлявшаяся через даркнетовские сайты AlphaBay и Hansa, специализировавшиеся на наркоторговле [24; 25].

Отметим, что в большинстве участвовавших в указанных расследованиях стран, как и в России, отсутствует нормативное регулирование правового статуса и оборота криптовалюты.

В-шестых, компетентные органы Российской Федерации, не являясь инициаторами запросов о взаимной правовой помощи по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, к настоящему времени уже стали запрашиваемой стороной, исполняющей отдельные запросы о правовой помощи от иностранных коллег. Так, к примеру, на протяжении 2017-2018 годов в производстве компетентных органами европейских стран имелись уголовные дела о вымогательствах криптовалюты, совершенных с применением компьютерных вирус-вымогателей, блокирующих информацию на компьютерах потерпевших. По имеющимся в распоряжении автора данным, российские компетентные органы по одному из таких дел исполняли запрос о правовой помощи, поступивший из Республики Кипр, чему не воспрепятствовало отсутствие правового регулирования оборота криптовалюты в РФ.

В-седьмых, несмотря на отсутствие упоминания криптовалюты и преступлений с ее использованием в международных договорах, в которых участвует Россия, существующая международно-правовая база не препятствует международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства по рассматриваемой категории дел. На сегодняшний день специалистами признано, что одной из наиболее востребованных сфер криминального использования криптовалюты считается легализация преступных доходов от незаконного оборота наркотиков, деятельность преступных организаций и финансирование терроризма. Независимо от способов использования при совершении таких преступлений криптовалюты, международно-правовая основа для противодействия им уже создана и включает хорошо известные правоохранителям антинаркотические конвенции (Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. и другие), антитеррористические международные договоры (48 «антитеррористических» международных договоров - 19 универсальных (14 документов и 5 поправок к ним) и 29 региональных), Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и многие другие, в том числе многосторонние и двусторонние договоры о выдаче и взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Более того, особое значение для перспектив сотрудничества правоохранительных органов РФ и европейских стран в обозримом будущем будет иметь признание в Европейском союзе криптовалюты одним из видов контролируемых активов в целях противодействия легализации (отмыва-

нию) доходов от преступлений. Это объясняется тем, что 30 мая 2018 года после длительной подготовительно работы принята Директива (ЕС) 2018/843 Европейского парламента и Совета об изменении Директивы ЕС 2015/849 о предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма и изменении Директив 2009/138/ЕС и 2013/36/ЕС [21]. Новая директива во взаимосвязи с иными нормативными предписаниями другого «антиотмывочного» законодательства Евросоюза, как минимум (детальный анализ Директивы не является целью настоящей статьи):

- требуют от платформ, обеспечивающих трансфер криптовалют и провайдеров электронных кошельков, принимать исчерпывающие меры по идентификации своих клиентов;
- обязывает государства-члены ЕС обеспечить, чтобы провайдеры ресурсов, осуществляющих обмен виртуальных валют на фиатные деньги и поставщики кошельков виртуальной валюты регистрировались, с тем чтобы должным образом обеспечивался контроль такого обмена валюты и проверки кассовых офисов таких поставщиков;
- усиливают требования к прозрачности операций с криптовалютой, в значительной мере предопределяя их деанонимизацию;
- открывают национальным правоохранительным службам широкий доступ к информации об операциях с криптовалютой, в том числе к регистрационным данным участвующих в этом физических и юридических лиц.

В силу этого Директива создала правовую основу для поступательного развития сотрудничества государств-членов Евросоюза в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием криптовалюты, которые, как показывает практика, сопровождаются ее использованием для отмывания доходов, полученных преступным путем. И соответственно формирует механизмы для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с третьими странами, не являющимися членами ЕС, в том числе и с Российской Федерацией.

И если до недавнего времени отдельными специалистами вполне обоснованно высказывалось мнение о неготовности международного сообщества к разработке единых критериев противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в сфере регулирования оборота криптовалюты [13], то ныне, с принятием названной Директивы, даже в отсутствие единых подходов к проблеме в праве других государств, следует констатировать, что 28 европейских государств в сфере предупреждения и борьбы с преступностью будут исходить из признания криптовалюты одним из широкого круга контролируемых активов в целях противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. При этом и другие государства будут вынуждены присоединиться к этой оценке, поскольку в рамках экономического сотрудничества с ЕС и его госу-

дарствами-членами создают совместные предприятия, банковские учреждения, осуществляют расчеты, в рамках чего действуя на территории Евросоюза будут обязаны учитывать право этого интеграционного образования.

В сфере расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, основной проблемой для российских правоохранителей стал фактический отказ от установления всей транснациональной цепочки этой криминальной деятельности. По этой причине ныне 100% рассмотренных судами дел этой категории (по данным нашего исследования) характеризуются непринятием должных мер по собиранию и исследованию доказательств преступной деятельности, находящихся за рубежом, что предопределяет искажение информации о конкретных преступлениях. Это не может не влиять негативно на организацию расследования уголовных дел о таких преступлениях, результаты аналитической, методической и статистической работы в сфере борьбы с транснациональной преступностью.

Фактический отказ органов предварительного следствия от принятия мер по организации и участию в международном сотрудничестве при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, обусловливаемый отсутствием норм о ее статусе в праве Российской Федерации, противоречит интересам полного раскрытия и расследования таких преступлений, выявления всего круга лиц, виновных в их совершении, предупреждения таких преступлений как на внутригосударственном, так и международном уровнях.

Как известно, в сфере транснациональной криминальной деятельности Россия выступает: 1) как территория, на которую направлена криминальная деятельность с территории иностранного государства, 2) как государство, с территории которого криминальная деятельность направлена на территорию под юрисдикцией другого государства, 3) как страна транзита для совершения транснациональных преступлений [17; 18].

В силу этого, отказ от международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства создает благоприятные условия для бесконтрольной транснационализации преступности с использованием криптовалюты.

Данная проблема в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства и международных договоров должна разрешаться на судебных стадиях процесса путем реализации институтов взаимной правовой помощи по уголовным делам, выдачи и направления уголовных дел для осуществления уголовного преследования компетентным органам иностранных государств (в случаях невыдачи лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности) по всем уголовным делам при расследовании которых имеются основания – достаточные данные, свидетельствующие о транснациональном (международном) характере способа совершения преступлений и других обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Кроме того, в рамках более активного предупреждения транснационализации преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, представляется необходимым более активно использовать возможности информирования компетентных органов иностранных государств о таких преступлениях используя для этого возможности, предоставляемые широким кругом международных договоров. В частности, согласно п. 4 ст. 18 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности «без ущерба для внутреннего законодательства компетентные органы Государства-участника могут без предварительной просьбы передавать информацию, касающуюся уголовно-правовых вопросов, компетентному органу в другом Государстве-участнике в тех случаях, когда они считают, что такая информация может оказать помощь этому органу в осуществлении или успешном завершении расследования и уголовного преследования или может привести к просьбе, составленной этим Государством-участником в соответствии с настоящей Конвенцией» [9].

Представляется, что практическая реализация предложенных рекомендаций позволит накопить положительный опыт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, выработать на этой основе соответствующие методические рекомендации, что будет способствовать усилению борьбы с такими преступлениями как на внутригосударственном, так и международном уровнях.

1. Ализаде В. А. Оборот криптовалюты в Европейском союзе: на пороге правового регулирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 316-327.

2. Ализаде В. А. О формировании правового регулирования оборота криптовалюты в антикриминальных целях (на примере Европейского союза) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 19-22.

3. Ализаде В. А., Волеводз А. Г. Судебная практика по делам о преступлениях преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и криптовалюты // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6 (35). С. 281-299.

4. Ализаде В. А., Волеводз А. Г. Судебная практика по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием криптовалюты: от разных подходов к предложению единого понимания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36). С. 306-333.

5. Ализаде В. А., Волеводз А. Г. Судебная практика применения ст. 174.1 УК РФ по делам о наркопреступлениях, совершенных с использованием криптовалюты // Наркоконтроль. 2017. № 4 (22). С. 8-14.

6. Ализаде В. А., Волеводз А. Г. Неприменение ст. 174.1 УК РФ по делам о наркопреступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, как следствие непонимания сущности легализации (отмывания) нового вида преступных активов // Наркоконтроль. 2018. № 1 (50). С. 5-13.

7. Волеводз А. Г. Оценка криптовалюты как предмета преступления, предусмотренного статьей 174¹ УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2018. С. 597-603.

8. Дашковская Г. М., Капашина Э. А. Проблемы выявления, расследования и квалификации деятельности преступных сообществ в сфере незаконного оборота наркотиков // Наркоконтроль. 2006. № 1. С. 21-23.

9. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4894.

10. Перов В. А. Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты: учебно-методическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2017. 200 с.

11. Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты и проблемы ее правовой идентификации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (32). С. 148-154.

12. Сидоренко Э. Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8–10.

13. Сидоренко Э. Л. К вопросу о статусе криптовалюты в российском и зарубежном праве // Государственная служба. 2018. Том 20. № 1. С. 53-59.

14. Сидоренко Э. Л. Криптопреступность как новое криминологическое явление // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 15-21.

15. Сидоренко Э. Л. Особенности квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалют // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 3 (27). С. 149-155.

16. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта и преступления: проблемы правовой оценки // Банковское дело. 2018. № 7. С. 80-85.

17. Хижняк Д. С. Борьба с транснациональными преступлениями и их расследование: стратегические аспекты: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук А. Г. Волеводза. М.: Юрлитинформ, 2015. 184 с.

18. Хижняк Д. С. Информационные модели транснациональной криминальной деятельности: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук А. Г. Волеводза. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.

19. Хилюта В. В. Криптовалюта как предмет хищения (или к вопросу о реформатировании предмета преступлений против собственности) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2 (26). С. 58-68.

20. Чистанов Т. О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11 (53). Часть 1. С. 86-88.

21. DIRECTIVE (EU) 2018/843 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU. Official Journal of the European Union. 19.6.2018. L156/43-74.

22. Internet Organised Crime Threat Assessment (iOCTA), 2014 [Electronic resource] // EUROPOL. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2014> (дата обращения: 25.02.2018).

23. Internet Organised Crime Threat Assessment (iOCTA), 2015 [Electronic resource] // EUROPOL. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2015> (дата обращения: 25.09.2018).

24. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Bayonet_\(darknet\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Bayonet_(darknet)).

25. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/technology-40670010>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Волеводз Александр Григорьевич. Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, заместитель декана Международно-правового факультета по научной работе.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

***Ключевые слова:** криптовалюта; судебная практика; международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства; транснациональные преступления.*

УДК 343.1

Волынский А. Ф.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА – СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ, А НЕ РОЗЫСКА

Научная статья посвящена современным проблемам уголовного процесса. Автор аргументирует тезис о том, что судебная экспертиза – средство доказывания, а не розыска.

1. Судебная реформа 1864 г. положила начало формированию в Российской империи следственно-уголовного судопроизводства, вместо розыскного, со всеми присущими ему требованиями и условностями. Основопологающим принципом организации деятельности суда провозглашалась их независимость, что обуславливало соответствующие требования к средствам судебного доказывания и к лицам, их реализующим в целях получения судебных доказательств. Особое место и роль в их числе занимали «сведущие лица» (позже «судебные эксперты»), процессуальная независимость которых изначально обозначалась как принцип их участия в судопроизводстве.

Однако утверждение этого принципа в реалии судебной и следственной практики, по исторически обусловленным причинам, приобрело в нашей стране противоречивую, до сих пор продолжающуюся дискуссию. Особенно наглядно, порой крайне негативно, это проявлялось в советское время. До начала 60-х годов прошлого века в СССР фактически действовал розыскной процесс, который порой, в условиях культа личности, приобретал форму идеологизированного государственного террора, механизм осуществления которого вообще не нуждался в возможностях науки и техники, в том числе и судебной экспертизы.

2. Критика культа личности и борьба с его последствиями (конец 50-х-60-е годы прошлого века), казалось бы, создавали благоприятные условия для исправления ошибок прошлого. Но идеологически обусловленные ошибки «исправлялись» идеологическими определяемыми мерами. Так было ликвидировано МВД СССР (1961 г.), под предлогом реализации принципа процессуальной независимости судебного эксперта, запрещается назначать экспертизы сотрудникам НТО милиции, если они по тому же уголовному делу участвовали в осмотре места происшествия (п. 3 «а» ст. 67 УПК РСФСР, 1966 г.). Как позитивный факт отметим, что в УПК РСФСР 1961 г. утверждается по существу следственный уголовный процесс, соответственно, определялись задачи и функции следственных органов и органов дознания.

Впервые в уголовный процесс нашей страны вводится, наряду с судебным экспертом, и такая процессуальная фигура, как специалист, основной задачей которого является оказание технической и консультативной

помощи следователю в собирании, исследовании и использовании доказательств.

Кто-то заметит, что это история и зачем ее вспоминать. Однако это та история, которая не только отразилась на настоящем, но и предопределяет будущее. Формально в ее основе принцип процессуальной независимости судебного эксперта, а фактически противопоставление узковедомственных подходов к его реализации общегосударственному. Этим, по нашему мнению, можно объяснить «оригинальные» правовые решения а) проблемы специалиста, дающего заключение и показания, без исследования доказательств, но признанных доказательством (ст. 74, ч. 2, п. 31 УПК РФ), причем специалиста, который по своим правам и обязанностям ничего общего не имеет со «специалистом 1961 г.»;

б) проблемы производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела (Федеральный закон № 23 от 04.03.2013 г.), когда, строго говоря, еще нет не только оснований для такого процессуального решения, но и условий для ее его выполнения.

3. Между тем судебная экспертиза в условиях современных рыночных социально-экономических отношений и глобализации международных, межгосударственных связей приобрела уже не только организационно-правовой, но и политико-правовой характер. В этой связи основные требования, предъявляемые к организации судебно-экспертной деятельности (СЭД) отражены в документах ООН, закреплены в соответствующем стандарте стран Евросоюза. В их числе процессуальная независимость судебных экспертов, исключая их службу в системе правоохранительных органов. В этой связи ЭКЦ МВД России в 2010 году был исключен из системы СЭУ стран Евросоюза. Попытка имплементировать международные требования к организации СЭД в отечественное законодательство была предпринята в 2013 г., но как известно, неудачная - принятый в первом чтении государственной Думой России Федеральный закон о СЭД, по причине упоминавшегося межведомственного «недомыслия» и разногласия до сих пор остается проектом.

Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, Генеральная прокуратура России в апреле 2017 г. обратилась в Совет Безопасности Российской Федерации с предложением рассмотреть вопрос о состоянии СЭД в нашей стране и определить меры по доработке проекта упомянутого Федерального закона. При этом в перечне проблем, требующих своего законодательного решения, особое внимание уделялось принципу процессуальной независимости судебного эксперта.

4. Вопрос о судебной экспертизе был рассмотрен на заседании Межведомственной комиссии по общественной безопасности Совета Безопасности Российской Федерации 30 марта 2018 г. В выступлениях его участников, представлявших как правоохранительные (МВД, СК, МЧС и др.), так и правоприменительные (Генеральная прокуратура, Минюст, Верхов-

ный суд и др.) министерства и ведомства страны, выражали в основе своей узковедомственные позиции.

«Правоохранители» утверждают, и не без оснований, что их деятельность, связанная с раскрытием и расследованием преступлений, объективно предполагает использование специальных знаний, во всех определенных законом формах, соответствующей техники и технологий, реализуемых при собирании, исследовании и использовании розыскной и доказательственной информации. Значимо и то, что осуществляемая в этих целях деятельность, в том числе и предварительные исследования следов преступлений и иных доказательств, характеризуется требованиями неотложности, оперативности, срочности действий, осуществляемых зачастую в режиме текущего времени. Именно так раскрываются преступления «по горячим следам», осуществляются неотложные следственные действия, обеспечивается в целом успех расследования.

К этому следует добавить исследования по материалам ОРД, обеспечение функционирования АИПС криминалистического назначения и т.д. Очевидно, что судебная экспертиза, как средство доказывания, с ее законом заформализованным, организационно зарежимленным порядком назначения и производства в эту систему действий, направленных на раскрытие и расследование преступлений, не вписывается.

«Правоприменители», в свою очередь, не менее убедительно обосновывают необходимость упорядочения организации СЭД в нашей стране, справедливо обращая внимание на возрастающее значение судебной экспертизы не только в уголовном, но и гражданском, арбитражном судопроизводстве, на необходимость упорядочения деятельности частных СЭУ и законодательного закрепления принципа процессуальной независимости судебного эксперта в его международном понимании.

При этом обращается внимание на то, что Россия остается единственной страной из бывших советских республик, которая пока не реформировала свою систему СЭУ, что уже сделали Республика Беларусь и Казахстан - союзные государства.

5. Однако, при этом не та, не другая сторона не проявила попытки понять позицию своих «оппонентов» и предложить варианты компромиссного подхода к решению обозначаемых ими проблем. В определенной мере это объясняется тем, что предметом обсуждения была обозначена СЭД, а не в целом научно-техническое обеспечение (НТО) уголовно судопроизводства, в том числе деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. В этой связи позволю себе обратить внимание на два принципиально важных обстоятельства.

Во-первых, отдавая должное судебной экспертизе как средству доказывания в судопроизводстве, все-таки следовало бы понять и признать обусловленность ее эффективности результатами участия специалистов (в понимании УПК РСФСР 1961 г.) в деятельности по собиранию и предва-

рительному исследованию следов преступлений - объектов последующих судебно-экспертных исследований. Иначе говоря, судебная экспертиза важная, но «вторичная» заключительная часть НТО раскрытия и расследования преступлений.

Во-вторых, проблема процессуальной независимости экспертов ЭКП правоохранительных органов, начиная с 60-х годов прошлого века во многом мифологизированна, а ее значение определяется с некоторым предубеждением и с данью международным стандартам. Представляется, что присяга сотрудников полиции, в том числе ЭКП, добросовестно исполнять свой служебный долг, за нарушение которой они несут ответственность вплоть до уголовной, имеет для них не меньшее значение, чем для судебного эксперта расписка о том, что он предупрежден о такой ответственности за дачу ложного заключения. К тому же деятельность сотрудников ЭКП в значительной ее части осуществляется по фактам преступления, когда еще нет не только обвиняемых, но и подозреваемых, и не проявляют своей активности лица, заинтересованные в результатах расследования и противодействующие следователю, а тем более специалисту или эксперту.

6. В конечном итоге на заседании указанной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросу о процессуальной независимости судебного эксперта было принято единственно правильное решение – оставить все без изменения, более того разрешить производство судебных экспертиз в других, кроме МВД РФ, правоохранительных министерствах и ведомствах (СК РФ, МЧС РФ и т. п.). Решение, по нашему мнению, несколько запоздалое, но с перспективой на формирование в нашей стране системы действенного научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Любое иное решение, как показывает опыт прошлого, было бы ущербно или ошибочно. Нельзя разрушать «старое», не определившись, а что и как должно быть создано взамен. Эта проблема оказалась вне предмета научных исследований и теории судебной экспертизы (экспертологии) и криминалистики. И что удивительно, необходимость такого исследования пока не видят в ЭКЦ МВД РФ, настойчиво отстаивая свое право на производство именно судебных экспертиз, а не на каких-то иных, например, следственных или криминалистических.

Итак, есть все основания сформулировать в заключении следующие выводы:

1) в обсуждении современных проблем СЭД и попытках их решения все еще доминирует не государственный, а узковедомственный подход, исторически сформировавшийся под влиянием негативных факторов развития нашего государства и общества;

2) необходимость совершенствования (реформирования) системы СЭУ и ЭКП, обусловленная коренными изменениями в жизни нашего общества и государства, проявляется как одна из мер реагирования на явно

возрастающие угрозы преступности, на современные достижения науки и техники, используемые в судопроизводстве, в раскрытии и расследовании преступлений;

3) цель реформирования СЭУ и ЭКП, как и средства ее достижения, могут и должны быть конкретизированы только на основе результатов комплексного, межнаучного исследования соответствующих проблем, включая изучение опыта других стран и экономический анализ предлагаемых решений;

4) принципиально важно научное исследование реформирования СЭУ и ЭКП изначально ориентировать на решение таких концептуально значимых проблем, как дальнейшая дифференциация форм использования специальных знаний в уголовном процессе; законодательное признание доказательственного значения результатов научно-технического исследования специалиста; а в перспективе организационное разграничение в ЭКП функции экспертов и специалистов, с учетом необходимости более основательной специализации последних;

5) опыт реформирования СЭУ и ЭКП в республике Беларусь и в Казахстане нам следует рассматривать как масштабный организационно-правовой эксперимент, но не пример для формального подражания.

1. Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

2. Волынский А. Ф. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист, № 2, 2013. С.18-20.

3. Волынский А. Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная проблема // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. №10, 2015. С. 10-14.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Волынский Александр Фомич. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.

Российская Федерация, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: средство доказывания, уголовный процесс, судебная экспертиза.

УДК 343.1

Гаврилин Ю. В.

ТЕХНОЛОГИИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ КАК СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье рассматриваются практические возможности использования технологии Больших данных для получения доказательственной информации в процессе расследования преступлений. Приводится перечень криминалистически значимой информации, содержащейся в социальных сетях, системах переводов денежных средств, у операторов связи и Интернет-провайдеров.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р, относит технологию Больших данных к числу основных сквозных цифровых технологий, которые входят в ее рамки. При этом легальной дефиниции понятия Большие данные в российском законодательстве не содержится.

А. И. Савельев, проанализировав значительный объем иностранных источников, приводит следующее определение Больших данных: это динамически изменяющийся массив информации, который представляет собой ценность в силу своих больших объемов и возможности эффективной и быстрой обработки автоматизированными средствами, что, в свою очередь, обеспечивает возможность его использования для аналитики, прогнозирования и автоматизации бизнес-процессов [1].

В настоящее время к Большим данным традиционно относится контент страниц пользователей социальных сетей, сведения о поисковых запросах пользователей сети Интернет, данные, образующиеся в процессе работы отдельных программ: навигационных приложений, платежных систем, систем видеорегистрации и пр. Кроме того, отдельно следует отметить данные, образующиеся в процессе функционирования систем так называемого «промышленного Интернета» и «Интернета вещей».

Несомненно, подобные информационные массивы представляют собой исключительно ценный ресурс получения доказательственной информации, поскольку содержат в себе цифровые следы преступлений. Последние в самом общем виде можно определить как изменения в информации, хранящейся на электронных носителях, причинно связанные с событием преступления.

Заметим, что возникновение цифровых следов характерно далеко не только для преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. Сегодня все большее число действий в материальном мире сопровождается возникновением цифровых следов. Данному обстоятельству способствуют активное внедрение систем видео-

наблюдения в рамках региональных программ «Безопасный город», развитие систем безналичных расчетов, рост числа пользователей смартфонов (мобильных абонентских устройств с функцией выхода в сеть Интернет), популярность сервисов мгновенных сообщений (мессенжеров), навигационных приложений и пр. В этой связи, даже преступления общеуголовной (против личности, против собственности и др.), а также экономической направленности влекут возникновение криминалистически значимой информации в электронной форме (специфической следовой картины), исследование которых требует применения особых криминалистических технологий, разработка и совершенствование которых на протяжении уже ряда лет представляет актуальное направление развития науки криминалистики [2]. Такие технологии позволяют осуществлять поиск, фиксацию и сбор электронных следов преступлений, а также их хранение и исследование.

На данное обстоятельство обращалось внимание большинством участников состоявшейся 18 мая 2018 года в Академии управления МВД России научно-практической конференции «59-е криминалистические чтения. Криминалистика в условиях информационного общества» [3].

Проведенные нами криминалистические исследования позволяют утверждать, что знание закономерностей образования криминалистически значимой информации в электронной форме (следовой картины) позволяет эффективно решать тактические задачи, возникающие в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений, включая установление события преступления, совершившего его лица (лиц), содержания действий при совершении преступления и т. п.

Следует отметить, что использованию информации из сети Интернет в расследовании преступлений предшествует кропотливая работа следователей с участием иных уполномоченных лиц (специалистов, экспертов и т. п.) по ее поиску, фиксации, сбору и хранению при помощи аппаратных и (или) программных средств. В настоящее время разработаны и применяются специализированные программные комплексы, позволяющие осуществлять поиск и систематизацию информации из общедоступных он-лайн источников (включая и социальные сети, форумы, блоги и т. п.) с использованием семантических фильтров, позволяющих четко систематизировать информацию и избавиться ее от «информационного шума».

Примером подобного программного комплекса является программа «ЛКС Аналитика», разработанная ООО «Компьютерные системы ЛКС». Также для автоматизации процесса сбора информации о пользователях и сообществах социальных сетей в 2014 году на базе УМВД России по Мурманской области началась разработка программного комплекса «СПРУТ», способного устанавливать активных участников той или иной группы, выявлять их связи, определять потенциальных носителей информационных угроз, а также отношение пользователей к какой-либо теме, обсуждаемой в сети [4]. При этом отметим, что действие программного комплекса основа-

но на получении информации, находящейся в открытом доступе, при этом не нарушаются и не ограничиваются права граждан.

Важно отметить, что с 1 июля 2018 года вступил в силу подпункт 2 пункта 3 статьи 10.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому организатор распространения информации в сети «Интернет» обязан хранить на территории Российской Федерации: 1) информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и информацию об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий; 2) текстовые сообщения пользователей сети «Интернет», голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения пользователей сети «Интернет» до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки [5].

Большое количество ценной криминалистически значимой информации содержат социальные сети. Речь при этом идет не только о самом контенте, который выкладывают пользователи на свои страницы, анализ которого позволяет определить и круг общения пользователя, и его образ жизни, увлечения, способы проведения досуга, род занятий, уровень доходов, географию перемещений, семейное положение и состав семьи, используемый автотранспорт а также иные данные.

Каждый пользователь социальной сети имеет персональный идентификатор (указывается в адресной строке браузера, после доменного имени сайта социальной сети), для получения которого пользователю необходимо пройти процедуру регистрации. Соответственно, в организации, владеющей соответствующей социальной сетью, можно получить данные учетной записи пользователя: указанные им при регистрации анкетные данные, дату и время регистрации, IP-адрес доступа к сети Интернет при регистрации, адрес электронной почты, абонентский номер сотовой связи (для СМС-подтверждения), а также продолжительность использования учетной записи и иные сведения. Заметим, что если указываемый при регистрации адрес электронной почты может быть вымышленным, то номер мобильного телефона, вероятнее всего, будет реальным (хотя, возможно, и зарегистрированным на подставное лицо), поскольку для регистрации в социальной сети требуется СМС-подтверждение, путем введения специального кода, направляемого на телефонный номер, указанный при регистрации.

Таким образом, установление лица, фактически использующего SIM-карту, соответствующую номеру мобильного телефона, указанного при регистрации в социальной сети, возможно посредством анализа полученной в порядке ст. 186.1 УПК РФ у оператора сотовой связи детализации звонков, а также данных о способах пополнении финансового баланса SIM-карты. При этом, если для пополнения баланса используемой SIM-

карты использовались электронные кошельки или банковские карты, то информацию о лицах, на которые они открыты можно получить в соответствующей кредитно-финансовой организации на основании ст. 26 Закона РФ «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает самостоятельной правовой процедуры (отдельного следственного действия), направленного на изъятие информации, содержащейся в информационно-коммуникационных сетях. Обобщение правоприменительной практики свидетельствует, что основное средство фиксации и изъятия доказательственной информации в сетях общего пользования (включая сеть Интернет) представляет собой следственный осмотр (осмотр места происшествия).

В общем виде алгоритм его проведения можно представить следующим образом:

На подготовительном этапе приглашаются специалист и понятые, способные понимать характер и содержание действий следователя и специалиста по обнаружению, фиксации и изъятию следов преступления. Несмотря на то, что следственный осмотр не относится к числу следственных действий, при проведении которых участие понятых является обязательным, их приглашение все же целесообразно, поскольку в случае вероятного последующего удаления информации (сайта, страницы, сообщения в социальной сети) заинтересованными лицами, именно допрос понятых может факт нахождения в определенное время конкретной информации на определенном сетевом ресурсе.

На рабочем этапе, после инструктажа участников осмотра и разъяснения им их процессуальных прав и обязанностей, необходимо зафиксировать, с помощью какой компьютерной техники осуществляется доступ в сеть. Затем производится фиксация адреса подлежащего осмотру сайта в сети Интернет, (в адресной строке браузера), фиксация в протоколе информации, отображенной на экране, делается копия изображения (скриншот) экрана (нажатие клавиш Ctrl+Prt Scr с последующей вставкой скопированного таким образом изображения в файл, созданный в офисном приложении, и его распечатка). Далее, специалист производит сохранение страницы на перезаписываемый носитель информации (например, CD-R диск), после чего производится словесное описание осматриваемой Интернет-страницы в протоколе осмотра с приведением дословного содержания отображаемой информации.

На заключительном этапе производится опечатывание диска с скопированной информацией и скриншотами, подписание понятыми распечаток и протокола осмотра.

В настоящее время широкое распространение получили системы перевода электронных денежных средств. Электронные денежные средства – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом

(лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа [6]. Наиболее распространёнными сервисами перевода электронных денежных средств нестоящее время являются: «Яндекс.Деньги», «QIWI-кошелек», «WebMoney» и др.

Функциональные возможности данных систем зависят от того, согласен ли клиент пройти процедуру идентификации в соответствии с требованиями Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

В зависимости от того, в каком объеме прошел клиент процедуру идентификации, зависит и объем информации, содержащейся в его учетной записи в системе. Положения Банка России от 12.12.2014 № 444-П «Об идентификации некредитными финансовыми организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и от 15.10.2015 № 499-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» содержат во многом схожий перечень сведений, получаемых при идентификации (упрощенной идентификации). К таким сведениям относятся: фамилия, имя и отчество (при наличии последнего); дата и место рождения; гражданство; реквизиты документа, удостоверяющего личность; адрес места жительства (регистрации) или места пребывания; идентификационный номер налогоплательщика (при наличии); номера телефонов и факсов (при наличии); иная контактная информация (при наличии); место работы и должность клиента, адрес его работодателя; сведения о целях установления и предполагаемом характере деловых отношений с некредитной финансовой организацией, сведения о целях финансово-хозяйственной деятельности; сведения о финансовом положении; сведения о деловой репутации; сведения об источниках происхождения денежных средств и (или) иного имущества клиента и др. Указанные сведения на основании п. 4 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции» и п. 2 ч. 1 ст. 6 и ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» могут быть запрошены в организации оказывающей услуги по осуществлению перевода электронных денежных средств. В ходе расследования по уголовному делу данные сведения можно получить в ходе выемки.

Кроме того, в организациях, оказывающих услуги по переводу электронных денежных средств по приведенным выше основаниям возможно получение информации о сеансах доступа к учетной записи (электронному кошельку) за определенный период времени. Значительной ценностью обладают также данные систем видео регистрации терминалов оплаты.

В соответствии со ст. 26 Закона РФ «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 справки по счетам и вкладам физических лиц, а также справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, при наличии согласия руководителя следственного органа.

Операторы связи, оказывающие услуги подвижной радиотелефонной (сотовой) связи, на основании ст. 64 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», Правил оказания услуг телефонной связи, располагают следующей криминалистически значимой информацией:

- сведения о лице, на которое зарегистрирована сим-карта;
- сведения о входящих и исходящих соединениях;
- информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи - в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий;
- сведения о движении денежных средств по счету;
- индивидуальный номер устройства (IMEI);
- точное местонахождение устройства в момент соединения (привязка к базовым станциям);
- сведения о других сим-картах, которые использовались в этом же устройстве;
- текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи - до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки.

Таким образом, эффективное использование технологий обработки Больших данных позволяет существенно повысить качество расследования преступлений, вооружает органы расследования преступлений дополнительным инструментарием, обеспечивающим формирование достаточной доказательственной базы при осуществлении уголовного преследования лиц, совершивших преступление.

1. Савельев А. И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122.

2. Гаврилин Ю. В., Лыткин Н. Н. Использование компьютерно-технических следов при установлении события преступления // Известия Тульского государственного университета. Серия: актуальные проблемы юридических наук. Вып. 15. Тула, 2006. С. 44-50; Мещеряков В. А., Трухачев В. В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник ВИ МВД России. 2012. № 2. С. 108-110; Шмонин А. В., Баранов В. В. Организация выявления, раскрытия и расследования хищений денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания: учебно-практическое пособие / под науч. ред. доктора юридических наук, профессора А. В. Шмолина. М.: Академия управления МВД России, 2014. 312 с. и др.

3. <https://a.mvd.pf/Press-sluzhba/Novosti/item/13251896/> [Электронный ресурс, дата обращения 01.10.2018].

4. Опальский А. П., Смирнов А. И., Привалов А. В. О разработке специального программного обеспечения по анализу информации в социальных сетях для нужд органов внутренних дел // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России – 2016. Тематический сборник. М.: ДИТСиЗИ МВД России, 2016. С. 100.

5. Постановление Правительства РФ от 31 июля 2014 № 759 определен состав информации, подлежащей хранению в соответствии названными требованиями, место и правила ее хранения, порядок ее предоставления уполномоченным государственным органам.

6. П. 18 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилин Юрий Викторович. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.

Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

***Ключевые слова:** большие данные, цифровые следы, расследование преступлений.*

УДК 343.1

Гаврилов Б. Я.

ДОКТРИНА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В XXI ВЕКЕ: ВИДЕНИЕ УЧЕНОГО И ПРАКТИКА

В статье излагаются основные результаты применения норм УПК РФ, причины низкой эффективности действия отдельных процессуальных институтов, возникающие в досудебном производстве проблемы, а также законодательные предложения по их разрешению.

Исследуя проблемы формирования современной доктрины досудебного производства, автор отмечает, что внесение в УПК РФ с момента его принятия более, чем 200-ми федеральными законами изменений, не всегда носящих системный характер, а в ряде случаев и противоречащих действующим нормам УПК РФ, было обусловлено, в определенной степени, компромиссными решениями законодателя при принятии УПК РФ, а также отказом при его подготовке ко второму чтению от реформирования отдельных процессуальных институтов, что пришлось реализовывать после принятия УПК РФ путем внесения в него многочисленных поправок [1].

Приведенные выше и другие факторы поставили перед законодателем, представителями юридической науки и правоприменителями задачу выработки концепции развития уголовно-процессуального законодательства, элементы которой обсуждались на Парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ 18 ноября 2013 года [2]. О необходимости разработки непосредственно концепции развития досудебного производства научная дискуссия имела место 24 июня 2014 г. на заседании круглого стола в Совете Федерации; в мае 2015 г. на Бабаевских чтениях, организованных Нижегородской академией МВД и Нижегородской правовой академией [3], на Кутафинских чтениях в апреле 2016 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) [4], 20 декабря 2016 г. и 29 июня 2017 г. на Парламентских слушаниях в Совете Федерации, а также 5 апреля 2017 г. там же при обсуждении представленной А. Л. Кудриным Дорожной карты (2017-2025 гг.) совершенствования уголовной политики, и ряде других научных форумов.

При этом автор считает возможным выделить ряд факторов, обуславливающих необходимость формирования современной доктрины досудебного производства:

- во-первых, уголовно-процессуальное законодательство сегодня и особенно его досудебная часть, несмотря на произошедшие весьма существенные преобразования, содержит в себе немало положений УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., в настоящее время являющихся крайне бюрократизированными и чрезвычайно затратными при их низкой эффективности, поскольку, во-первых, за последнее десятилетие почти в два раза (с 3,3 млн

дел в 2006 г. до 1,78 млн дел в 2017 г.) сократилось количество возбужденных уголовных дел и, во-вторых, в суд из числа возбужденных ежегодно направляется менее трети уголовных дел, а порядка 70-80 % дел приостанавливается производством [5];

- во-вторых, 70 % внесенных в УПК РФ изменений обусловлены введением вновь или совершенствованием ряда институтов УПК РФ. Так, с 1 января 2013 г. действует принципиально измененное апелляционное, кассационное и надзорное производство. С 1 июня 2018 г. суды присяжных введены в районных судах. В УПК РФ введена норма-принцип ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства». Существенные шаги законодателем предприняты и по совершенствованию досудебного производства, включая: 1) вывод следователей из состава органов прокуратуры и разграничение функций между руководителем следственного органа и прокурором по процессуальному руководству следователем и надзору за его деятельностью; исключение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, как и в целом его права на это; 2) введение в УПК в качестве участника уголовного процесса начальника подразделения дознания, а в последующем – и начальника органа дознания 3) принятие нового для России института досудебного соглашения о сотрудничестве; 4) возвращение в досудебное производство сокращенной формы дознания и ряд других нововведений, на необходимости принятия которых автор настаивал, начиная с конца 90-х гг. XX века при подготовке УПК РФ ко второму чтению;

- суть третьего фактора в том, что, отвечая на явно чрезмерную критику представителей научного сообщества о низком качестве УПК РФ, обосновывающих свой вывод количеством внесенных в УПК РФ изменений, автор еще раз обращает внимание на то обстоятельство, что УПК РФ принимался в условиях компромисса. Так, при введении его в действие законодатель установил переходные положения, предусматривающие сохранение до 1 января 2004 г. за прокурором санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, что послужило основанием для принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 14.03.2002 № 6-П о признании не соответствующей Конституции РФ ст. 96 УПК РСФСР в части, предусматривающей заключение подозреваемого, обвиняемого под стражу с санкции прокурора. Это, в свою очередь, подвигло законодателя на внесение в УПК РФ Федеральным законом от 29.05.2002 № 58-ФЗ [6] (до его вступления в действие) изменений, предусматривающих реализацию установленного Конституцией РФ судебного порядка ограничения прав и свобод участников уголовного процесса. Компромиссом законодателя явилась и редакция ст. 146 УПК РФ о необходимости получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, против чего возражало все юридическое сообщество. Для пересмотра данного положения УПК РФ потребовалось 5 лет.

Однако развитие научной мысли, складывающаяся следственная и судебная практика, признание Конституционным Судом РФ отдельных положений УПК РФ несоответствующими Конституции РФ, а также происходящие в уголовно-процессуальном законодательстве государств бывшего СССР значительные изменения и, в целом, затратность и забюрократизированность уголовного процесса потребовали научного обоснования необходимости совершенствования УПК РФ, в том числе формирования современной доктрины досудебного производства.

Говоря о необходимости дальнейшего совершенствования, но ни каким образом не о создании нового УПК РФ, автор вносит следующие предложения:

- о пересмотре процессуальной нормы о 2-месячном сроке предварительного следствия (ч. 1 ст. 162 УПК РФ), которая воспроизводит аналогичное положение ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., поскольку уровень сложности уголовных дел сегодня многократно возрос. Сегодня правовое содержание ч. 1 ст. 162 УПК РФ не соответствует и введенной в УПК РФ норме-принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 29.03.2016 № 11-П по уголовным делам не должен превышать 4 лет. С учетом изложенного предлагается предусмотреть продление срока расследования по истечении 6 месяцев предварительного следствия по уголовным делам, по которым совершившее преступное деяние лицо подвергается уголовному преследованию;

- об увеличении первоначального срока (2 месяца) содержания обвиняемого под стражей, в который входят: от 10 до 30 суток (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ соответствующего решения. Прямым следствием этого является то, что под стражей содержатся с продленным сроком свыше двух месяцев более 10 тыс. обвиняемых или 15 % из 75 тыс. в целом находившихся под стражей обвиняемых. В государствах Европы первоначальный срок содержания под стражей по судебному решению составляет от 100 до 120 суток;

- подлежит пересмотру процессуальный институт предъявления обвинения, где в качестве основных аргументов за его отмену выступают те обстоятельства, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал данного института; в уголовном процессе он появился на основании особого наказа Санкт-Петербургского окружного суда 1887 г., а затем и определения Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23.03.1898 г. [7]; предъявление обвинения многие десятилетия являлось правовым основанием допуска к участию в уголовном деле защитника, который сегодня допускается для участия в расследовании как с момента

возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, так и с момента проверки в отношении этого лица сообщения о преступлении. Сегодня также нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). Среди других аргументов за отмену института предъявления обвинения следует указать, что за 16 лет действия УПК РФ без «классического» предъявления обвинения направлено в суд порядка 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания и ни по одному из них ни в Конституционный Суд РФ, ни в Европейский Суд по правам человека не поступило ни одного обращения о нарушении права обвиняемого на защиту.

Особое внимание нами уделено исследованию эффективности реализации Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ, на что обращено внимание в ряде публикаций [8]. Автор на основе приведенных ниже статистических данных в многократном (почти в 3 раза по делам следователей органов внутренних дел, в 5 раз по делам следователей Следственного комитета РФ) снижении числа оправданных судами лиц, что наглядно свидетельствует о положительных тенденциях реализации данного закона.

Статистические данные о состоянии законности в деятельности следственного аппарата [9]

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2010	878 – 1,8	639	801 – 8,0	534
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2016	324 – 0,84	208	422 – 3,6	193
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219
6 мес. 2018	174 – 1,1	33	260 – 5,4	90

Приведенные ниже в таблице статистические данные свидетельствуют, с одной стороны, о значительном увеличении количества возвращенных прокурорами уголовных дел для дополнительного расследования, а с другой стороны, о значительном снижении (в 8 раз) возвращения судом уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, что позволяет утвер-

ждать и о повышении уровня надзорной деятельности прокурора за качеством расследования.

Статистические данные о качестве расследования уголовных дел [10]

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом прокурору в порядке ст. 237 УПК (судом для доследования)	
	След-м МВД	Удельный вес (в %)	След. прокурат. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м / уд. вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0 %
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2011	18560	4,8	3118	3,5	7689	5962 – 1,3 %
2014	14412	4,3	3559	3,4	5979	4582 – 1,06 %
2016	15 195	4,4	3727	3,4	6479	4443 – 1,0 %
2017	16753	5,0	3420	3,3	6448	4655 – 1,1 %
6 мес. 2018	8627	5,1	1597	2,9	2760	1963 – 0,9 %

Предлагается также ввести в УПК РФ протокольную форму расследования, близкую по своей сущности к протокольной форме досудебной подготовки материалов. Ее основными элементами могут стать: расследование в отношении конкретного лица, признавшего факт совершения преступления, при условии, что его расследование не требует производства всего комплекса следственных действий; производство по уголовному делу должно начинаться незамедлительно с момента регистрации сообщения о преступлении (без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела). Эффективность данной формы расследования доказана широкой практикой применения протокольной формы досудебной подготовки материалов, о чем свидетельствуют статистические данные о направлении в суд в 1995-1996 гг. ежегодно 250-300 тыс. таких материалов.

Среди прикладных проблем совершенствования УПК – избрание меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск, число которых достигает 150 тыс. в год. Действующий сегодня порядок допускает возможность заочного ареста, но исключительно при объявлении обвиняемого в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). Для реализации нашего предложения предлагается представить суду по месту расследования уголовного дела право на заочное заключение под стражу объявленных. В случае задержания такого лица вне места производства предварительного расследования у него должна быть возможность для реализации своего конституционного права

предстать в течение 48 час. перед судом по месту фактического задержания, где в ходе судебного заседания устанавливается личность задержанного и проверяется не отменено ли решение суда о заключении данного лица под стражу. После доставления задержанного к месту производства предварительного расследования в течение 48 часов он подлежит доставлению в суд, избравший меру пресечения, для решения вопроса об оставлении ее в силе либо изменении. Данный порядок предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством Германии, Франции и др. государств.

Однако первоочередной проблемой, требующей, своего незамедлительного разрешения, является изменение процессуальных правил начала производства по уголовному делу, в том числе по причине того, что прямым негативным последствием института возбуждения уголовного дела является двукратное снижение (на 1,45 млн.) на протяжении последних 10-ти лет количества возбужденных уголовных дел при неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях при одновременном увеличении на 2,3 млн. за этот период количества «отказных» материалов.

Статистические данные о разрешении сообщений о преступлениях за 2006-2018 гг. [11]

	2006	2013	2014	2015	2016	2017	8 мес. 2018
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	11,7	11,8	12,2	11,6	10,3	6,5
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,78	1,73	1,89	1,85	1,78	1,09
В т. ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8 %	15,2 %	14,6 %	15,5 %	15,9 %	16,8 %	16,8 %
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,7	6,7	6,8	6,8	6,3	4,0

Прямое негативное последствие действия института «отказных» материалов заключается в том, что ежегодно до 10 млн. потерпевших от совершенных в отношении них противоправных деяний не получают юридической помощи от государства в лице правоохранительных органов и судов, чем прямо нарушаются положения ст. 2 Конституции РФ, а также в искусственном изменении «тренда» преступности, уровень которой к 2010 г. должен был достигнуть 4,4 млн преступлений в год, однако в 2007-2016 гг. он сократился на 1,7 млн преступлений или на 44 %, при одновременном увеличении на 2,3 млн или на 51 % количества «отказных» материалов.

Статистические данные о состоянии преступности за 1980-2018 гг. [12]

Временной период	1980	1991	1999	2006	2010	2014	2015	2016	2017
Количество зарегистр. преступл. (млн)	1,028	2,168	3,002	3,853	4,4 прогноз	2,166	2,388 (без КФО)	2,160	2,058

Наше предположение об исключении из УПК процессуальных норм – ст. 146, 148 УПК РФ и изменении тем самым процессуальных правил начала производства по уголовному делу обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда РФ [13] и, соответственно, Верховного Суда РФ [14], судебно-следственной практики, которая, по их требованию, должна исходить из необходимости возбуждения самостоятельного уголовного дела, например, в случае установления нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено основное дело, или при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого уголовное дело было возбуждено ранее, что противоречит как непосредственно многолетней практике расследования, так и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении дела и ч. 1 ст. 448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении уголовного дела, если оно возбуждено в отношении другого лица.

Изложенное неоднократно озвучивались учеными и практикующими юристами, мнения многих из них созвучны с высказанными выше предложениями. Дело за формированием с участием законодателя, юридической общественности и правоприменителей современной доктрины досудебного производства, чему препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости ряда названных выше процессуальных институтов.

1. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России, 2016. № 1 (37). С. 18-25.

2. Парламентские слушания в Совете Федерации 18 ноября 2013 г. // [электронный ресурс]: <http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/37092>.

3. Новая теория уголовно-процессуальных доказательств: в рамках шестых «Бабаевских чтений» // Вестник Нижегородской правовой академии. Научный журнал. 2015. № 5. С. 7-134.

4. Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы международной научно-практической конференции, посвященной

95-летию профессора Полины Абрамовны Лупинской: М.: Проспект. 2016. С. 11-583.

5. Статистические данные о результатах следственной работы за 2012-2016 гг. // Следственный департамент МВД России, М.: 2013-2017 гг.

6. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

7. Макаринский П. В. Практическое руководство для судебных следователей. С.-Петербург, 1907. С. 386.

8. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18-25; Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / Б. Я. Гаврилов, В. П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74-82; Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. № 2. 2017. С. 19-26.

9. Статистические данные о результатах следственной работы по форме I-E за 2006-2018 гг. М.: Следственный департамент МВД России, 2018 г.

10. Статистические данные о результатах следственной работы по форме I-E за 1999-2018 гг. М.: Следственный департамент МВД России, 2018 г.

11. Сведения о результатах разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях в органах внутренних дел // Статистические данные ГИАЦ МВД России по форме 4-Е за 1992-2018 гг. (две таблицы).

12. Статистические данные ГИАЦ МВД России по форме I-A за 1980-2018 гг.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О // [электронный ресурс]: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

14. Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20-22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Борис Яковлевич. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.
Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: доктрина, уголовно-процессуальная политика, досудебное производство, предварительное расследование, прокурор, следователь, дознаватель.

УДК 343.1

Гирько С. И.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ – ПЕРВЫЕ ШАГИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ: УРОКИ НЕДАЛЕКОЙ ИСТОРИИ

В статье на основе научных исследований, проведенных автором, делается вывод о необходимости восстановления уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы, отдельных ее субъектов, предлагаются выработанные предложения по изменению действующего УПК РФ и констатируется, что при решении проблем реформирования уголовно-процессуального законодательства необходимо опираться на историю, используя зарекомендовавшие себя в предыдущие годы правовые конструкции.

Немногим менее года прошло с момента проведения Международной научно-практической конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства» и участия автора настоящих строк в ней с докладом о проблемах, существующих в вопросах правовой регламентации уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и ее отдельных субъектов [1].

Прошедшее время позволило исследовать многие проблемные вопросы, касающиеся ретроспективного восприятия тех изменений, которые произошли в 2000-е годы с уголовно-процессуальной компетенцией начальников исправительных учреждений (далее – ИУ) – основными носителями процессуальных полномочий в системе учреждений и органов УИС. Удалось окончательно убедиться в том, что на этапе принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 году (далее – УПК РФ), сузив полномочия пенитенциарной системы и ее органов, законодатель допустил досадную ошибку.

Проведенные исследования позволили сделать обоснованный вывод о том, что, утратив уголовно-процессуальные полномочия, субъекты УИС

резко ослабили свой вклад в противодействие пенитенциарной преступности и растеряли весь арсенал процессуальных средств для целей обеспечения безопасности широкого круга лиц, находящихся в расположении ИУ. К этой категории относятся не только осужденные к лишению свободы и персонал ИУ, но и граждане, случайно оказавшиеся на территории ИУ.

С учетом научных разработок, проведенных специалистами в вопросах, связанных с изучением различных аспектов пенитенциарной преступности, нами выработан авторский подход к проблемам распределения уголовно-процессуальных полномочий между отдельными субъектами УИС, а также правовой регламентации ее предметной подследственности.

Однако разберемся во всем по порядку.

Проведенные в последнее время исследования привели автора к выводу о том, что в процессе своей эволюции уголовно-процессуальные полномочия УИС до принятия нового УПК РФ и ввода его в действие с 1 июля 2002 года были адекватны задачам, стоящим перед Федеральной службой исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России), и позволяли начальникам исправительных учреждений, в которых содержались, прежде всего, осужденные к лишению свободы, с использованием уголовно-процессуальных полномочий противодействовать рецидивной пенитенциарной преступности, обеспечивать безопасность лиц, находящихся в расположении ИУ. В специально посвященном изложенной проблеме исследовании [2] мы указываем, что до изменения уголовно-процессуального законодательства начальники исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых и воспитательно-трудовых профилакториев по делам о пенитенциарных преступлениях в соответствии с п. 4 ст. 117 УПК РСФСР обладали полномочиями органов дознания в полном объеме и, соответственно, были вправе для решения задач службы использовать весь без исключения арсенал процессуальных средств и процедур.

Это означает, что полномочия органов дознания позволяли руководителям ИУ того времени выявлять и безотлагательно реагировать на любые факты криминальных проявлений, совершенных в расположении учреждений и организаций УИС, проверять их, процессуально закреплять и оформлять результаты такой работы, возбуждать уголовные дела, в том числе относящиеся к подследственности других органов расследования, и проводить по ним неотложные следственные действия, расследовать уголовные дела своей компетенции в форме дознания, самостоятельно выявлять причины и условия преступлений, совершенных на территории ИУ и организаций, оперативно реагировать на них мерами профилактического воздействия без привлечения к этой работе сотрудников иных правоохранительных и надзирающих органов, осуществлять в установленном порядке любые процессуальные и следственные действия.

Согласно действующему УПК РФ в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 157 за начальниками исправительных учреждений сохранено лишь право на производство по той же категории пенитенциарных преступлений и неотложных следственных действий. Однако и этими полномочиями в полном объеме названные субъекты воспользоваться не могут, поскольку неотложные следственные действия, согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ, проводятся после возбуждения уголовного дела, а такое право у начальников ИУ изъято в октябре 2013 года соответствующим указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Исходя из вышеизложенного, нами сделан вывод о том, что декларируемые уголовно-процессуальные полномочия УИС и ее субъектов являются достаточно аморфными и по существу размыты. Это обстоятельство, с одной стороны, и востребованность уголовно-процессуальных полномочий на практике, с другой, требуют восстановления таковых, как минимум в объеме УПК РСФСР.

Развитие в УИС двух функций, которые сложно отнести к числу основных для пенитенциарной системы: оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной, по существу, происходило параллельно. Однако на этапе передачи УИС из ведения МВД России в состав Минюста России в сентябре 1998 года развитие оперативно-розыскного направления получило значение приоритетного в силу востребованности его результатов в среде органов, обладающих оперативно-розыскными полномочиями. Дальнейшая эволюция сложилась, к сожалению, не в пользу уголовно-процессуальной составляющей, ее роль была принижена и недооценена. В итоге все эти обстоятельства в совокупности и привели к деградации уголовно-процессуальной компетенции УИС и ее отдельных субъектов [3].

Между тем, как представляется, развитие уголовно-процессуальных полномочий УИС по аналогии с уголовно-процессуальной компетенцией милиции (полиции) вполне обоснованно могло и способно было объективно рассчитывать на эволюционное развитие. Сравнительное исследование, проведенное нами, в достаточной степени эти выводы подтвердило [4]. А по его итогам сделан вывод о том, что в основе решения о резком сужении уголовно-процессуальной компетенции УИС, лишении ее субъектов полномочий органов дознания какая-либо существенная идеологическая основа отсутствует. Шаги, предпринятые законодателем в этом направлении, нелогичны и являются результатом допущенной ошибки. Нами проведено и еще одно сравнительно-правовое исследование, поставившее перед собой целью проследить этапность и последовательность образования и укрепления в структуре МВД России специализированных подразделений дознания как самостоятельной службы органов внутренних дел, обеспечивающей в полном объеме реализацию уголовно-процессуальных полномочий полиции. Указанный анализ ставил перед собой еще одну задачу – показать, каким образом и через какие этапы могло бы состояться

возрождение уголовно-процессуального направления в деятельности УИС [5].

Гипотеза о том, что в основе принятого законодателем решения может лежать потребность в приближении к международным пенитенциарным стандартам нами также проверена в рамках специального исследования, проведенного с учетом самых актуальных международных правовых актов [6].

К примеру, Европейские тюремные правила [7] (далее ЕТП) в ст. 71 очень четко указали на то, что «за пенитенциарные учреждения должны отвечать органы государственного управления, не подчиненные военному ведомству, полиции или ведомству уголовного расследования (осуществляющему уголовное преследование)». Очевидно, что именно этот императивный по своей сути постулат, перенесенный в ЕТП из других международных актов, и стал в свое время основой для безапелляционного требования Евросоюза о передаче пенитенциарной системы в Российской Федерации из МВД России в Минюст России.

Анализ ЕТП показал, что вопросам осуществления расследований силами органов УИС как уголовно-процессуальному направлению деятельности пенитенциарных учреждений предметного внимания не уделено, но в то же время Правила и не свободны от этого.

В частности, в ст. 55 говорится, что «предполагаемое преступное деяние, совершенное в пенитенциарном заведении, расследуется таким же образом, что и национальным законодательством».

Более того, правовая норма, содержащаяся в ст. 67 и имевшая определенное отношение к теме проведенного нами исследования, гласит, что «сотрудники других правоохранительных ведомств могут непосредственно работать с заключенными в пределах пенитенциарных учреждений только в исключительных обстоятельствах».

Напрашивается закономерный вопрос: а кто может работать с заключенными в пределах исправительных учреждений в обычной ситуации? Ответ очевиден – сами сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Как нам представляется, преимущество выполнения процессуальных действий и проверок силами самих сотрудников исправительного учреждения определяется еще и тем, что именно они, в сравнении со многими другими возможными субъектами, владеют информацией об особенностях той субкультуры, которая складывается в конкретном пенитенциарном учреждении, способны адекватно восприниматься осужденными и обладают знаниями морального и психологического состояния в конкретном коллективе лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, приобрели навыки правильного поведения в криминальной и агрессивной среде, имеют непосредственный доступ к оперативно значимой информации применительно к конкретной ситуации.

Рассматривая оба этих международных стандарта через призму уголовно-процессуальных полномочий по производству дознания в ИУ, несложно прийти к выводу о том, что расследование преступлений, совершенных в условиях пенитенциарных учреждений осужденными или иными лицами, должно осуществляться самими сотрудниками УИС по правилам, определяемым законодательством Российской Федерации, то есть УПК РФ. И, соответственно, такие процессуальные полномочия по производству дознания должны быть делегированы УИС в лице ее соответствующих органов и должностных лиц.

Исходя из результатов всего комплекса проведенных научных изысканий, нами сделан однозначный вывод о необходимости восстановления в ближайшем будущем уголовно-процессуального статуса УИС и полномочий ее отдельных субъектов [8]. Каждый из них должен обладать собственными уголовно-процессуальными полномочиями.

Кроме того, определен и поэтапный алгоритм проведения мероприятий, направленных на закрепление процессуальной компетенции за уголовно-исполнительной системой, воссоздание уголовно-процессуальных полномочий субъектов УИС, которые нами разделены на три уровня: оперативный, тактический и стратегический. Полагаем, что уголовно-процессуальными полномочиями на первом, оперативном, уровне должны быть наделены ИУ в лице начальников ИУ, исполняющих наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов, колоний-поселений. На втором, тактическом, уровне субъектами уголовно-процессуальных правоотношений должны являться территориальные органы УИС и на стратегическом – ФСИН России [9].

С учетом вышеизложенного нами выработаны предложения по внесению соответствующих изменений в УПК РФ:

Во-первых, в целях предоставления уголовно-исполнительной системе и ее органам реальных уголовно-процессуальных полномочий предлагаем дополнить часть 1 статьи 40 УПК РФ пунктом 5 следующего содержания: «п. 5) уголовно-исполнительная система Российской Федерации, входящие в ее состав органы, в том числе территориальные, и учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы;».

Во-вторых, изложить пункт 5 части 2 статьи 157 УПК РФ в следующей редакции: «учреждения и органы уголовно-исполнительной системы – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами».

Несомненно, важнейшим в плане формирования уголовно-процессуальной компетенции органов дознания УИС станет определение для них предметной подследственности.

Предлагаемые уточнения УПК РФ, кроме того, могли бы выглядеть следующим образом: изложить пункт 5 части 2 статьи 157 УПК РФ в следующей редакции: «учреждения и органы уголовно-исполнительной системы – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами».

Полагаем, что помимо уголовных дел о преступлениях, указанных в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, к подсудности УИС могли бы быть отнесены такие преступления, как действия, дезорганизующие работу ИУ, побег, преступления небольшой тяжести среди осужденных, побои, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, и другие преступления, наиболее часто совершаемые в учреждениях УИС, по которым должно производиться дознание в полном объеме или сокращенной форме, а также в объеме неотложных следственных действий с последующей передачей возбужденных уголовных дел профильному органу расследования для производства предварительного следствия.

Соответственно, в целях закрепления в законе индивидуальной подсудности УИС и ее субъектов, изменения в УПК РФ могли бы быть следующими – дополнить часть 3 статьи 151 УПК РФ пунктом 5 следующего содержания: « п. 5) дознавателями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы – по уголовным делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов, предусмотренных статьями 112, 115, 116, 117 частью первой, 118, 119, 158 частью первой, 213 частью первой, 228 частью первой, 313 частью первой, 314, об иных преступлениях небольшой и средней тяжести – по письменному указанию прокурора».

Очевидно, что в приведенный перечень преступлений включены, прежде всего, те, которые могли бы без особых проблем расследоваться в форме дознания и не представляли бы сложности для должностных лиц ИУ, которым такое производство поручается. В то же время в условиях исправительных учреждений нередки случаи, когда в их расположении совершаются преступления, относящиеся к компетенции следственных подразделений различной подчиненности. Полагаем, что для таких случаев закон должен сохранить режим производства неотложных следственных действий с возбуждением уголовного дела и последующей его передачей в профильный орган для производства предварительного следствия или по подсудности, о чем сказано выше.

Как видно из вышеизложенного, практика реализации реформированного уголовно-процессуального законодательства показала, что отдельные изменения, внесенные в него и затрагивающие уголовно-процессуальную компетенцию УИС, явились ошибочными и нуждаются в корректировке. Предлагаемые изменения учитывают, прежде всего, нара-

ботанные в предыдущие годы практику применения и опыт УПК РСФСР. Отсюда – предложение восстановить как минимум утраченные полномочия УИС в формате регламентированных дореформенным кодексом. Однако этого будет явно недостаточно, поскольку уголовно-процессуальной компетенцией, по нашему мнению, необходимо наделить саму уголовно-исполнительную систему, а вместе с ней и ее органы, территориальные и федеральный, а также и реализующие оперативные полномочия – исправительные учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы. Таким образом, уроки истории необходимо в обязательном порядке учитывать в процессе дальнейшего реформирования любого, но, прежде всего, уголовно-процессуального законодательства.

1. Гирько С. И., Ширванов А. А. «Подследственность уголовно-исполнительной системы как органа дознания – проблема, которую необходимо решить в первоочередном порядке». Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства». Т. 2. 2017. С. 29-36.

2. Гирько С. И., Зеленов Ю. Н., Белоконь А. В. «Эволюция процессуальной компетенции уголовно-исполнительной системы России в свете формирующих ее основополагающих документов» // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 20-25.

3. Гирько С. И. Синхронизм и адекватность правовой регламентации уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление». № 2. 2018. С. 4-8.

4. Гирько С. И. Отнесение уголовно-исполнительной системы России к категории федеральных органов исполнительной власти, наделенных в уголовно-процессуальном законодательстве России полномочиями органов дознания, и исключение из нее: идеология проблемы. Труды Академии управления МВД России. 2018. №1 (45). Март. С. 68-73.

5. Гирько С. И. Правовая регламентация и этапность закрепления за органами и учреждениями пенитенциарной системы России уголовно-процессуальных полномочий как аналог опыта формирования службы дознания органов внутренних дел. Научный портал МВД России. №1 (41). 2018. С. 48-53.

6. Гирько С. И. Международные стандарты и изменение статуса уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, как органа дознания. Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (41). 2018. С. 121-126.

7. Гирько С. И. Почему необходимо восстановление уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Российский следователь. № 4. 2018. С. 25-29.

8. Комитет министров Совета Европы рекомендация № рес (2006) 2 комитета министров Совета Европы государствам-членам европейские пенитенциарные (тюремные) правила.

9. Гирько С. И., Белоконь А. В. Стратегический алгоритм воссоздания уголовно-процессуальных полномочий субъектов уголовно-исполнительной системы. Труды Академии управления МВД России. № 2 (46). Июнь. 2018. С. 148-153.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гирько Сергей Иванович. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник.

Научно-исследовательский институт ФСИН России.

Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации, уголовно-процессуальные полномочия, уголовно-процессуальная компетенция, статус органа дознания, реформирование уголовно-процессуального законодательства.*

УДК 343.13

Гладышева О. В.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Внедрение цифровых технологий и соответствующих технических средств в уголовное судопроизводство приобретает все большие масштабы. Их использование становится насущной потребностью для судов и особенно органов предварительного расследования. Однако до настоящего времени отсутствуют общие подходы к обеспечению прав участников следственных действий в случае применения цифровых технологий и технических средств. Предложения, выдвинутые автором, направлены на совершенствование процедуры допроса с применением видео-конференц-связи и технологии Skype.

25 мая 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин во время дискуссии «Бизнес-диалог Россия–Франция» на Петербургском международном экономическом форуме заявил: «глобальная экономика

«беременна цифровизацией», что не является «болезнью», это нормальное состояние». При этом было подчеркнута, что без развития цифровой экономики у России нет будущего [1].

Тенденции глобального перехода многих сфер жизни общества в электронный формат не обошли стороной правоохранительную и судебную системы. Уже сейчас в мире активно идут процессы, связанные с развитием автоматизации, роботизации, искусственного интеллекта, обмена «большими данными». Здесь важно не остаться в стороне от прогресса. В современном обществе совершенствование любой сферы невозможно без применения новых технологий. Век информатизации заставляет все отрасли отказываться от устаревших механизмов в работе.

Отечественное уголовное судопроизводство не является исключением. Процессуальные методы, применявшиеся до этого многие годы, в настоящее время становятся не эффективными и могут затруднять производство по уголовным делам, не отвечают ожиданиям общества и граждан. В этом отношении важно внедрение в практику уголовного судопроизводства цифровизации, как нового направления, преследующего цель повышения его эффективности, средство оптимизации процессуальной формы.

Современные результаты технического прогресса позволяют существенно изменить облик уголовного судопроизводства. Уже в настоящее время весьма заметным является влияние технических средств и цифровых технологий на процесс доказывания и формирования доказательств, процедуру судебного разбирательства, применение мер процессуального принуждения и др. И это, полагаем, только начало цифровизации уголовного судопроизводства.

В связи с этими процессами в науке уголовного процесса предлагаются три основных направления реализации идеи электронного сопровождения уголовного судопроизводства: 1) утверждение приоритетности электронной информационно-сигнальной модели уголовно-процессуального доказывания; 2) разработка законодательных правил по работе с электронным уголовным делом; 3) внедрение в судебную практику программного обеспечения вынесения приговора с использованием математического моделирования и алгоритмизации принятия решений в виде «электронного помощника» [2, с. 587–595].

Учеными также отмечается: «Модернизация уголовного судопроизводства, по нашему мнению, должна вестись одновременно в двух направлениях: во-первых, в направлении внедрения новых информационных технологий, способствующих повышению открытости, доступности и оперативности правосудия, а во-вторых, в направлении усовершенствования самого процесса посредством снижения его избыточного формализма. Одним из универсальных инструментов модернизации уголовного судопроизводства, способствующих одновременному достижению обеих целей,

может стать переход от бумажного к электронному уголовному делу» [3, с. 95-101].

Полагаем, что внедрение новейших цифровых технологий и современных технических средств в уголовно-процессуальную деятельность, обуславливает необходимость изменения системы обеспечения прав участников.

Процесс цифровизации прочно вошел в жизнь общества, в систему его управления, экономику, образование и др. Во многих сферах получены уже существенные результаты и ряд областей (финансовые, частично-производственные) уже не в состоянии нормально функционировать без ставших привычными цифровых технологий.

Иная ситуация складывается в уголовном судопроизводстве. Процесс цифровизации только начинает свой путь в этой сфере: сформирован ряд Интернет-ресурсов, например, содержащих судебные решения [4], на портале «Госуслуги» сформирован ресурс «Безопасность и охрана правопорядка», через который граждане могут обратиться к правоохранительным органам, включая направление заявления о преступлении. Существуют интернет-приемные, позволяющие получить удаленный доступ.

В то же время все эти изменения касаются внешней организации деятельности правоохранительных органов и судов. И только отчасти цифровизация затронула содержание уголовного судопроизводства. В качестве примера можно назвать применение видео-конференц-связи в судебном разбирательстве. С 2001 г. в Российской Федерации действует постановление Совета судей «Об информатизации и автоматизации судов» [5], в котором есть приложение «Технические требования к аппаратно-программным комплексам видеоконференцсвязи для дистанционного проведения кассационных судебных заседаний». В 2011 г. в ст. 240 УПК РФ введены изменения о возможности допроса потерпевшего и свидетелей с использованием видео-конференц-связи.

В соответствии с ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционных жалобы, представления, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видео-конференц-связи.

Использование технических средств в досудебных стадиях в настоящее время определяется исключительно на основании ст. 164 и 166 УПК РФ, содержание которых учеными подвергается справедливой критике [6, с. 162–172].

Однако имеющиеся результаты цифровизации видятся достаточно скромными и, более того, вряд ли можно сказать, что они удовлетворяют современные потребности. Полагаем, что темпы ее должны наращиваться, а сама цифровизация уголовного судопроизводства – качественно углубляться и расширяться.

Именно поэтому считаем, что наука уголовного процесса в этом направлении должна работать на «опережение», предоставляя правоприменительной практике свои результаты, полезные для прогрессивного и своевременного ее развития, предвосхищая возможное внедрение в уголовно-процессуальную деятельность передовых технических средств и цифровых технологий.

Такого рода опережающее развитие науки возможно только с учетом основных приоритетов уголовного судопроизводства, одним из которых выступает обеспечение прав участников.

Совет Европы в Рекомендации по электронной демократии отмечает, что электронное правосудие должно обеспечить удобный доступ к правовой и судебной информации для общественности, в том числе, представителей бизнеса, практикующих юристов, судебной власти, при этом обеспечивая соблюдение и уважение прав и свобод граждан [7]. Отметим признаваемые международным сообществом необходимость сохранения приоритета прав и свобод граждан в условиях цифровизации правосудия.

Применительно к цифровизации уголовного судопроизводства, конечно, нельзя в одной работе охватить все проблемные аспекты правообеспечения. Поэтому попытаемся на примере допроса в стадии предварительного расследования проанализировать существующие потенциально возможные проблемы, связанные с внедрением в его процедуру современных технических средств.

Проведенным эмпирическим исследованием установлено, что 100 % практических работников выступают за расширение цифровых ресурсов при проведении следственных действий. Более того, выяснились отдельные факты применения в досудебном производстве при допросе свидетелей технологии Skype. Для следователя этот опыт стал отрицательным, так как суд не принял составленный при этом следственном действии протокол, обосновав свою позицию отсутствием надлежащего уровня обеспечения прав участников этого следственного действия (суд поставил под сомнение разъяснение прав допрашиваемому, подписание протокола и др. обстоятельства).

Как представляется, этот факт «высветил» сразу несколько проблемных мест действующего порядка уголовного судопроизводства.

1. В качестве общего замечания можно констатировать «неприспособленность» действующего уголовно-процессуального законодательства для внедрения отдельных цифровых технологий. Соответственно их применение в таких условиях является невозможным, а необходимость использования передовых технических средств и цифровых технологий обуславливает целенаправленную разработку и внесение соответствующих изменений в УПК РФ.

2. Производство допроса в стадии предварительного расследования с применением цифровых технологий требует разрешения следующих проблем:

- определить допустимые технические характеристики применяемой техники и цифровой технологии;
- установить перечень лиц, подлежащих допросу с применением технических средств (такой подход демонстрирует законодатель при установлении лиц, в отношении которых допускается применение видео-конференц-связи в судебном заседании);
- уточнить совокупность прав допрашиваемых лиц;
- применить средства правообеспечения, включая способы уведомления и вызова на допрос, время и продолжительность допроса, сокращение продолжительности допроса для несовершеннолетних и малолетних, участие в допросе лиц, защищающих (представляющих) интересы допрашиваемых, с определением совокупности их прав и средств обеспечения, процессуальные средства фиксации и др.);
- определить условия и порядок использования технических средств.

В качестве предложения выдвинем модель правообеспечения при допросе с использованием видео-конференц-связи и Skype.

1. Инициатива в применении технических средств и цифровых технологий может принадлежать как участникам, так и следователю, дознавателю. Поэтому в совокупность прав участников уголовного судопроизводства следует включить право на заявление ходатайств о применении технических средств и цифровых технологий, соответственно – право возражать против их применения. Отказ должен быть мотивирован и обоснован. В случае возникновения конфликта интересов (один участник за применение технических средств, другой – против), следователь должен принять решение, отвечающее требованиям ст. 7 УПК РФ.

2. Технические средства должны, как минимум:

- а) обеспечивать бесперебойную связь;
- б) надлежащую четкость звука и изображения;
- в) позволять видеть всех участников допроса.

3. При проведении допроса допрашиваемое лицо должно находиться в помещении следственного органа или органа дознания, которое должно быть надлежащим образом оборудовано и подготовлено к использованию технических средств (например, уровень освещенности, размещение технических средств связи и записи, включая аудиотехнику).

4. Обязательно ведение и последующее архивирование видеозаписи. При этом необходимо определить единые требования к сохранности (неизменяемости), месту хранения и последующему воспроизведению видеозаписи. Обязательно приобщение видеозаписи к материалам уголовного дела.

5. Составление протокола может быть необязательным. Однако, полагаем, что любой из участников должен иметь право заявить ходатайство о составлении письменного протокола и получении его копии.

Как представляется, в режиме видео-конференц-связи возможно проведение не только допросов, но и очных ставок. При этом, если при допросе применяется только двухсторонняя конференция, то при очной ставке – это может быть многосторонняя, с установлением режима «постоянного присутствия».

Что касается технологии Skype, то ее использование, как представляется, осложняется отсутствием ряда необходимых качеств, в частности, режима видеозаписи и возможности последующего архивирования и хранения полученной информации. Ее применение возможно при выполнении дополнительных (к ранее перечисленным) атрибутивных правилах к процедуре, в частности, обязательная сторонняя видеозапись, включающая изображение лица, дающего показания и допрашивающего, приобщение ее к материалам уголовного дела, составление протокола допроса, с указанием лиц, присутствовавших при допросе и специалиста, осуществлявшего видеозапись.

В качестве основных выводов, отметим главное.

1. Процесс цифровизации объективен, имеет прогрессивный характер и, без сомнения, будет только наращивать темпы. Для уголовного судопроизводства в этом вопросе главное – не отставать. Поэтому задача ученых – своевременно разрабатывать конкретные рекомендации законодателю и практикам по внедрению появляющихся или существующих цифровых технологий, учитывая все необходимые аспекты.

2. Внедрение цифровых технологий должно происходить с учетом главного приоритета уголовного судопроизводства – обеспечения прав, свобод и законных интересов личности, и основываться на механизмах правообеспечения.

1. Путин отказался считать цифровизацию экономики «болезнью» // Ведомости. 2018. 25 мая.

2. Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 587–595.

3. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

4. Постановления Президиума Совета судей РФ от 27 января 2011 г. № 253 «Об утверждении Регламента организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте суда общей юрисдикции» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Совета судей РФ от 16 ноября 2001 г. № 65 «Об информатизации и автоматизации судов» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Семенцов В. А. О допустимости применения технического средства – полиграфа – в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 1 (18). С.162-172.

7. Recommendation CM/Rec (2009). 1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) [Electronic resource] (Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec (2009) государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии: приняты Комитетом министров 18 февраля 2009 г. на 1049-м собрании заместителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладышева Ольга Владимировна. Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса.

Кубанский государственный университет.

Российская Федерация, 350063, г. Краснодар, ул. Кирова, 2, 63 ОПС, а/я 4851.

Ключевые слова: цифровизация, уголовное судопроизводство, обеспечение, права, участники, допрос, видео-конференц-связь, skype.

УДК 343.13

Грибунов О. П.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В статье на основе исследования ряда криминалистических категорий аргументирована позиция о признании в качестве самостоятельного объекта криминалистического изучения преступлений, совершаемых в сфере реализации государственных программ развития отраслей экономики.

В последние годы особое внимание уделяется развитию таких сфер деятельности, как агропромышленный комплекс, здравоохранение, образование, жилищная сфера и др. Реализация мероприятий по финансовому обеспечению данных отраслей осуществляется как в рамках приоритетных национальных проектов, так и государственных программ.

Государственная программа представляет собой систему мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности. В настоящее время функционирует 43 госпрограммы, утвержденные соответствующими документами стратегического планирования [1].

Соответственно, данная система мероприятий требует тщательного контроля за их точным и неукоснительным исполнением, а учитывая масштабность финансового вливания в аграрный сектор экономики только со стороны государства, неэффективное и недолжное их использование без всяких преувеличений может оказать влияние на экономическую безопасность государства.

В современных условиях санкционного периода экономическая безопасность страны приобретает первостепенное значение, так как она дает ориентиры для принятия основных социально-экономических решений. С учётом международной ситуации, происходят колоссальные экономические преобразования в различных секторах экономики, и здесь вдвойне ощущается необходимость направить все усилия на принятие радикальных мер по защите и обеспечению экономической безопасности России при реализации приоритетных направлений развития отраслей экономики.

Начиная с 2005 г. в российский внутривластный оборот было введено новое понятие – «национальный проект», который представляет собой по сути разновидность федеральной целевой программы, поскольку утверждается правительством в форме таких документов.

В продолжение государственной деятельности по стимулированию развития отраслей экономики в 2008 году на смену приоритетных национальных проектов были приняты Государственные программы развития, которые начали действовать с 2013 года, и в большинстве своем рассчитаны до 2020 или 2025 годов.

Такие меры государственного финансового стимулирования обособленно приносят свои плоды, однако преступность в данной сфере остается насущной проблемой, которая при отсутствии должного внимания к ней и принятия своевременных мер противодействия на опережение может парализовать реализацию таких проектов [2, с. 48].

Полагаем, что каждая из госпрограмм, с точки зрения криминалистического предупреждения, заслуживает отдельного научного осмысления. Не станем подробно останавливаться на экономических и социальных результатах каждой из госпрограмм, а также на оправданности таких вливаний в экономику, так как в контексте криминалистического исследования нас больше интересуют сами эти вливания и размеры финансирования из средств Федерального бюджета. Эта информация позволит оценить

масштабы и объем финансовых средств, подвергающихся угрозе со стороны преступности.

Например, только лишь на финансирование государственной поддержки развития сельского хозяйства с 2013 до 2020 года предусмотрено выделение из федерального бюджета 2,13 триллиона рублей [3, с. 168].

Это колоссальные средства, объем которых в совокупности с государственным характером их принадлежности сказывается на характеристике преступных посягательств на них. Особенно это влияет на характер способа совершения преступлений и личность преступников.

Одна из проблем, которая неизбежно возникает в условиях экономического кризиса, это процесс криминализации отраслей народного хозяйства и экономики, в том числе такому процессу подвержен и агропромышленный комплекс [4, с. 168]. Некоторые исследования показали, что данная сфера производства имеет одни из самых высоких показателей криминализованности. Это принято связывать со значительной финансовой поддержкой этого направления экономической деятельности [5, с. 178]. При изучении вопросов, связанных с процессами криминализации экономической сферы жизни общества и государства, А. А. Крылов, В. М. Есипов, Р. Н. Марченко, являясь специалистами в сфере экономической теории, предлагают рассматривать криминализацию экономики, прежде всего, как подчинение корыстными групповыми или корпоративными интересами общественных целей. Подчиняемые общественные цели обязательно при этом носят экономический характер. При этом должны присутствовать последующее изменение, преобразование экономических отношений, внедрение в них некоторых элементов распределения и присвоения результатов общественного производства, осуществляемого незаконно, а также ущемление интересов предпринимателей, потребителей или государства [6, с. 8].

Разумеется, термин «криминализация экономики» следует рассматривать как обобщенный, собирательный образ явлений, влекущих за собой противоположные, непредвиденные и непредсказуемые последствия.

Напротив, профессор В. Ф. Гапоненко, исследуя проблему экономической безопасности предприятий, приходит к выводу, что «криминализация деятельности предприятий – это явление, которое в целом оказывает отрицательное воздействие на экономическую безопасность как государства так и отдельных взятых предприятий» [7, с. 84].

Экономическая безопасность в целом и отдельные аспекты ее состояния достаточно сильно подвержены негативному влиянию криминализации. Это обусловлено тем, что при достижении достаточно высокого уровня состояния криминализации отраслей народного хозяйства и при оказании на ее состояние влияния системного характера организованной преступности и коррумпированных структур, эти преступные проявления получают в распоряжение разнообразные механизмы и инструменты для

воздействия на процесс и результат принятий государственных решений. Это приводит к тому, что растет число преступлений экономического характера и должностных коррупционных преступлений среди государственных служащих и сотрудников органов местного самоуправления. Соответственно, речь идет как о должностных преступлениях в сфере экономики, так и преступлениях, совершенных лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, которые на должном уровне исследованы А. В. Варданяном [8, с. 130-134]. При этом каждое направление имеет потребность в «...формировании комплексной методики расследования экономических преступлений в сфере служебной деятельности как частной криминалистической методики расследования преступлений высокой степени общности» [9, с. 72].

Криминальная опасность становится серьезной угрозой национальной безопасности, что было вызвано масштабами преступности и характера ее организованности как на региональном, так и на федеральном уровне. Угроза, создаваемая экономической преступностью, создает серьезные препятствия на пути проведения реформ в социально-экономической сфере.

Темпы и способы экономической преступности, которые представляют существенную угрозу экономической безопасности государства, требуют разрабатывать и принимать меры по совершенствованию разного рода мер в сфере обеспечения экономической безопасности, разработки стратегических решений, направленных на существенное улучшение в этой сфере [10, с. 20-21].

Общая концепция борьбы с преступностью в экономической сфере должна находить свое отражение в стратегии такого рода. И борьба с коррупцией при этом закрепляет направления узлового характера в деятельности государственных органов по направлению обеспечения экономической безопасности на пути таких масштабных реформ в экономике государства. В стратегии должна предусматриваться реализация программ, направленных на крупные цели базового долгосрочного характера, достижение которых должно привести на новый более высокий уровень состояние экономической безопасности.

Безусловно, каждая государственная программа заслуживает самостоятельного изучения как с точки зрения изучения предмета правового регулирования, так и криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступных посягательств в отношении финансовых средств, выделяемых на их реализацию.

1. <http://programs.gov.ru/Portal>.

2. Петров А. Реализация инвестиционных проектов // Законность. 2009. № 9. С. 48.

3. Янин С. А. К вопросу об организации расследования преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 168.

4. Янин С. А. К вопросу об организации расследования преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 168.

5. Репин М. Е. Характеристика преступлений мошеннического характера, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 178.

6. Крылов А. А. Предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности и экономическая безопасность: учеб. пособие. М.: «Зерцало-М», 2001. С. 8.

7. Гапоненко В. Ф. Взаимосвязь экономической безопасности государства и предприятий, их взаимодействие с органами внутренних дел // Тр. Акад. управления МВД России. 2007. № 3. С. 84.

8. Варданян А. В., Гончаров К. В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 130–134; Варданян А. В., Гончаров К. В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Юрист–Правоведъ. 2015. № 2 (69). С. 49–52; Варданян А. В., Гончаров К. В. Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4–2. С. 3–9.

9. Варданян А. В., Айвазова О. В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 72.

10. Коротков А. П. Преступления в сфере экономической деятельности / А. П. Коротков, Б. Д. Завидов, О. Б. Гусев // Рос. следователь. 1999. № 4. С. 20–21.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Грибунов Олег Павлович. Доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе).

Восточно-Сибирский институт МВД России.

Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Ключевые слова: госпрограммы, преступления в сфере экономики, социально-экономическое развитие.

УДК 343.1

Григорьев В. Н., Савенков А. В.

ОБ АДЕКВАТНОСТИ ВЫБОРА ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ НАГЛЯДНОСТИ ФИКСАЦИИ ЗНАЧИМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

В статье дается вывод об обоснованности стремления следователей обеспечить наглядность фиксации доказательственной информации. Во избежание выявленных на практике ошибок рекомендуется учитывать при выборе средства фиксации его предназначенность для отображения статической либо динамической информации. Предлагается уточнить редакцию ч. 8 ст. 166 УПК РФ, допустив возможность приложения к протоколу следственного действия электронных носителей информации, не только «полученной или скопированной», но и сделанной, произведенной в ходе следственного действия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект №16-03-00413.

Многим моим уважаемым коллегам приходилось видеть в материалах уголовного дела весьма забавные фото, на которых участники уголовного судопроизводства в меру талантливо изображали жесты и позы, предназначенные свидетельствовать о каких-то значимых обстоятельствах расследуемого события: вытянутые руки, указующий перст, обнимание, приседание, протягивание предметов и документов и т. д. Сами по себе эти жесты могут говорить о чем угодно, так как весьма отдаленно напоминают существующие формы невербального общения [4, с. 144-145], в частности, язык жестов [3, с. 8-9]. Их информативность и адекватность больше диктуется элементарным здравым смыслом. А реальное содержание раскрывается в словесной подписи под фотографией, выполненной изготовившим фото-таблицу специалистом. К формулированию подписи следователь обычно не привлекается. Тем более в этом не участвует свидетель или подозреваемый (обвиняемый), изображенный на фото. Они могут увидеть ее лишь при ознакомлении с материалами дела на этапе окончания расследования, так как фототаблица обычно изготавливается после окончания следственного действия, когда его протокол уже подписан и участники отпущены следователем. Поэтому у них нет возможности повлиять на точность словесной фиксации того, что они демонстрируют на фотографии.

Приведем для примера несколько наглядных фрагментов из материалов реальных уголовных дел.

Так, на рисунке 1 представлена фототаблица, приложенная к протоколу следственного эксперимента по уголовному делу, находившемуся в 2017 году в производстве следователя СО по городу Тобольску СУ по Тюменской области СК РФ, на которой представлен свидетель, весьма артистично пожимающий плечами. И лишь из подписи под фотографией становится ясно, что это значит – «ему не известно место, которое было указано подозреваемым (обвиняемым) Шинкоренко П. И. в протоколе об административном правонарушении, составленном в отношении Самолова В. А.». Весьма содержательный комментарий, который, однако, никак напрямую не вытекает из молчаливой фотографии.

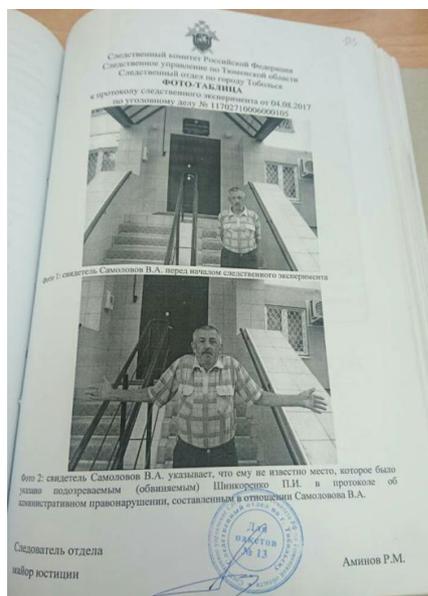


Рис. 1.

Аналогичные претензии можно сформулировать и к другим динамическим обстоятельствам, которые были зафиксированы с помощью фотографии – предназначенного для отображения статических обстоятельств средства: отображенном на рисунке 2 страстном поцелуе, должном свидетельствовать о примирении сторон, или же изображенном на рисунке 3 молодом человеке со сберкнижками в руках в знак того, что он их добровольно выдал при выемке.



Рис. 2.

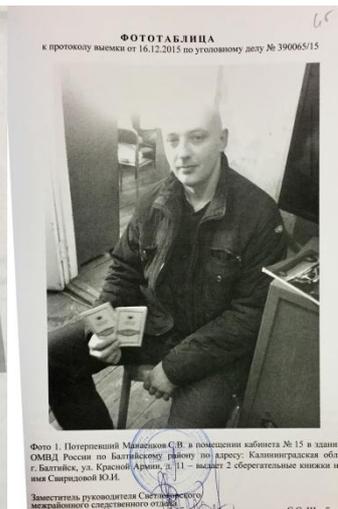


Рис. 3.

Случаев, когда такие результаты фиксации были бы оспорены кем-то из участников следственного действия, в ходе проведенных исследований не выявлено. Тем не менее признать такую практику безупречной нельзя. И дело не в том, что она вызывает улыбку. Дело в изначальной, сущностной ее порочности, проистекающей из неадекватности определения цифровых средств фиксации, в данном случае – предназначенных для отображения статических или динамических обстоятельств.

Стремление следователей обеспечить наглядность фиксации доказательственной информации следует при этом признать обоснованным. Это важно как для уяснения ее содержания, так и для проверки и оценки в случае попыток ее исказить, представить в ином свете, обвинив при этом следователя в злоупотреблении.

Вместе с тем, выбирая средство фиксации, необходимо учитывать его особенности, в частности, предназначенность для фиксации статической или динамической информации. Для первой предпочтительнее фото-съемка, которая для динамической информации менее подходит, так как при этом значительная ее часть будет утрачиваться. Здесь более приемлема видеозапись, включающая синхронную звукозапись.

Однако при реализации данной рекомендации на практике могут возникнуть нормативные препятствия. Дело в том, что видеозапись обычно производится на съемную карту памяти [2], информация с которой в последующем копируется на магнитный диск, который и приобщается в конверте к материалам уголовного дела. Между тем, такой порядок не вполне соответствует требованиям закона. В соответствии со ст. 166 УПК РФ к протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информа-

ции в ходе производства следственного действия (ч. 8). Информация, содержащаяся на съемной карте памяти, не была получена при производстве следственного действия и тем более – не скопирована. Она была создана. Это обстоятельство формально выводит ее из круга объектов, которые закон допускает прилагать к протоколу следственного действия.

В публикациях встречаются иные суждения на этот счет. Например, А. П. Рыжаков в комментарии, подготовленном для системы Консультант-Плюс, пишет: «Исходя из содержания ч. 8 ст. 166 УПК РФ к протоколу задержания могут быть приложены фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы объяснений, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов» [1]. Автор в своем высказывании незаметно переставил слова «выполненные при производстве следственного действия», в результате чего они стали относиться и к носителям компьютерной информации. Однако такой литературный прием представляется не совсем допустимым: он решает обозначенную проблему, но при этом противоречит действующему законодательству и возможен лишь *de lege ferenda*.

На основании изложенного сформулируем некоторые предложения и рекомендации:

1. Следует признать обоснованным стремление следователей обеспечить наглядность фиксации доказательственной информации, важной как для уяснения содержания, так и для ее проверки и оценки.

2. Выбирая средство фиксации, необходимо учитывать его предназначенность для фиксации статической или динамической информации, избегая тем самым утраты значительной части отображаемых сведений.

3. Необходимо уточнить редакцию ч. 8 ст. 166 УПК РФ, чтобы допустить возможность приложения к протоколу следственного действия электронных носителей информации, не только *«полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия»*, но и *сделанной, произведенной* в ходе этого действия. С этой целью предлагается изложить текст закона в следующей редакции: «8. К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, *сгенерированной*, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия.»

1. Задержание по подозрению в совершении преступления (Рыжаков А. П.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2010) // КонсультантПлюс.

2. Карта памяти для видеокамеры // <http://www.dv-pro.ru/1-VIDEO/KARTA.html>.

3. Крым И. А. Жестовые компоненты речевой коммуникации: Теоретико-экспериментальное исследование. Дисс. ... канд. филолог. наук, 10.02.19. Кемерово, 2004. 153 с.

4. Нэпп Н., Холл Д. Невербальное общение. Учебник. СПб.: «ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК», 2004. 256 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьев Виктор Николаевич. Доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры.

Научно-исследовательский институт ФСИН России.

Российская Федерация, 125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15 а.

Савенков Алексей Витальевич. Начальник школы.

Ростовская школа служебно-розыскного собаководства МВД России.

Российская Федерация, 344025, г. Ростов-на-Дону, ул. Герцена, 4.

Ключевые слова: фиксация сведений, способы фиксации сведений, цифровые технологии фиксации сведений, фотографирование, видеосъемка, приложения к протоколу следственного действия.

УДК 343.1

Гриненко А. В.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Статья посвящена совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся избрания и реализации мер процессуального принуждения. Особое внимание уделено обеспечению прав лиц, в отношении которых такие меры применяются. Обоснованы конкретные предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и практики применения мер процессуального принуждения.

Согласно статье 22 Конституции РФ каждое лицо имеет право на свободу и личную неприкосновенность, а любое ограничение этих прав допускается только при наличии оснований и в строгом соответствии с за-

коном. Данное правило в полной мере соответствует содержанию статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., в которой закреплено общее право лица на свободу и личную неприкосновенность, а также конкретные случаи и порядок, когда свобода лица может быть ограничена государством.

Несомненно, уголовное судопроизводство является одним из наиболее важных видов государственной деятельности. От того, насколько эффективно она осуществляется, во многом зависит стабильность общества, государства, гармоничное развитие каждой личности. Специфика уголовно-процессуальной деятельности проявляется двояко. С одной стороны, для достижения целей уголовного судопроизводства государство наделено значительным числом мер принудительного воздействия на личность, вовлеченную в соответствующие правоотношения. С другой же стороны, применение мер принуждения носит исключительно обеспечительный характер, это не должно превращаться в средство собирания доказательств по уголовному делу.

В течение последних лет в российское уголовно-процессуальное законодательство было внесено значительное число изменений, которые направлены на приведение порядка применения мер процессуального принуждения в соответствие Конституции Российской Федерации и международным стандартам. Вместе с тем и в нынешнее время в Уголовно-процессуальном кодексе содержится целый ряд недостатков, которые порождают неутраченные научные дискуссии и обуславливают наличие правоприменительного негатива.

Весьма распространенной мерой принуждения является задержание подозреваемого. В УПК РФ данной процедуре посвящена целая глава 12, где указаны основания задержания, его порядок, а также основания последующего освобождения подозреваемого. Что касается международно-правовых стандартов, то в российском законодательстве, на первый взгляд, этим требованиям все соответствует. Однако отметим, что еще до принятия ныне действующего законодательства возникла существенная проблема соотношения процессуального (официального) задержания и задержания фактического, которое зачастую происходит еще до начала уголовного процесса.

Согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание представляет собой меру процессуального принуждения, которая применяется на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Заметим, что данное определение включает в себя еще одно понятие, требующее дополнительной расшифровки, а именно: момент фактического задержания. Законодатель раскрыл и данное понятие, указав в п. 11 этой же статьи, что момент фактического задержания – это момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Вместе с тем «фактическое задержание» и «фактическое лишение свободы» – это по сути синонимические понятия, одно не может быть выводимо из другого и тем более разъяснять его. Исходя из положений международных стандартов, отраженных прежде всего в статье 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., лицо должно считаться задержанным и получать соответствующие права сразу же с того момента, когда оно лишилось свободы передвижения, независимо от процессуального оформления данного факта. В этой связи требуется более детально отразить в российском законе тот момент, когда лицо фактически лишается возможности передвигаться и становится задержанным со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В ст. 91 УПК РФ отражены основания задержания лица. Ими являются конкретные сведения, подтверждающие, что лицо совершило социально негативные действия. При этом в протоколе задержания должен быть отражен не только сам факт совершения таких действий, но и конкретные доказательства, которыми это основание подтверждается.

Статья 94 УПК РФ содержит основания освобождения подозреваемого (не подтвердилось подозрение в совершении преступления, отсутствуют основания применения к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу и т. п.). Такие основания, действительно, имеют место, однако уголовно-процессуальный закон – это документ, который содержит ограничения права личности на свободу передвижения. Вне прямо закрепленных в законе запретов и ограничений либо обладает полной свободой передвижения, поэтому при отсутствии оснований для задержания дополнительных оснований для его освобождения не требуется.

Разновидностью и наиболее значительной частью мер процессуального принуждения являются меры пресечения. В отличие от многих других мер принуждения, они избираются в отношении обвиняемых, и только в исключительных случаях – подозреваемых. По своей сути мера пресечения – это закрепленный в законе способ воздействия на лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, с целью обеспечить его явку по вызовам. Сразу же следует отметить, что любая мера пресечения, а тем более угроза замены одной, относительно более мягкой меры пресечения на более строгую, не может быть использована в качестве средства собирания доказательств, подтверждающих совершение преступления этим определенным лицом.

Статья 97 УПК РФ содержит основания для избрания мер пресечения. К ним относятся доказательства, которые позволяют обосновать вывод о том, что в случае отказа от избрания следователем той либо иной меры пресечения лицо совершит одно из социально негативных действий (скроется от расследования и суда, может продолжить преступную деятельность, может препятствовать производству по уголовному делу и т. п.). Сведения должны быть отражены в материалах уголовного дела в

виде официальных документов (протоколов следственных действий, справок и др.). Даже полная убежденность должностного лица в необходимости избрания меры пресечения, не будучи подкреплена доказательствами, не служит основанием для применения процессуального принуждения этого вида.

В ст. 97 УПК РФ закреплён универсальный перечень оснований для избрания той либо иной меры пресечения из числа содержащихся в законе. Этим гарантируется, с одной стороны, законность и обоснованность избрания любой меры пресечения, с другой – возможность гибкого подхода к избранию конкретной меры из их общего арсенала. Вместе с тем недопустимы ситуации, когда в постановлении об избрании какой-либо достаточно мягкой меры пресечения (например, подписка о невыезде) указывается, что лицо имеет постоянное место жительства, постоянное место работы, ранее не судимо, на иждивении находятся дети, ввиду чего целесообразно избрать именно данную меру пресечения или иную меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Если обвиняемый характеризуется столь положительно, то основания для избрания любой меры пресечения вообще отсутствуют.

При наличии оснований фактором, который помогает определить, какую конкретную меру пресечения целесообразно выбрать из их общего перечня, являются обстоятельства, которые дополнительно учитываются в соответствии со ст. 99 УПК РФ. К ним относятся: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и др. Вместе с тем в законе не в полной мере выражен постулат о том, что такие дополнительные условия не должны полностью подменять собой собственно основания для избрания той либо иной меры пресечения, а лишь выделять меру пресечения, которая в данном конкретном случае наиболее целесообразна. Например, тяжесть совершенного преступления при избрании конкретной меры пресечения учитывается, однако сама по себе она не может быть единственным основанием для ее избрания, в отсутствие других оснований из числа указанных в ст. 97 Кодекса.

Вместе с тем изучение правоприменительной практики подтверждает обратное. Были обнаружены многочисленные случаи, когда лицо заключается под стражу без достаточных оснований, а лишь ввиду того что оно обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Поэтому требуется более четкая дифференциация оснований и условий как на правоприменительном, так и на законодательном уровнях.

Самой строгой из закрепленных в законе мер пресечения, несомненно, является заключение под стражу. Данная мера представляет собой полную изоляцию от общества, отсутствие свободы передвижения и еще ряд ограничений, что создает надлежащие условия для эффективного рассмотрения и разрешения уголовного дела. Вместе с тем сама по себе ее суро-

вость не означает, что лицо, в отношении которого она применена, утрачивает какие-либо процессуальные права. Поскольку эта мера пресечения избирается на основании ходатайства стороны обвинения судом, заключенный под стражу и его защитник вправе обращаться с жалобой в вышестоящий суд, причем даже в случаях, когда решение вступило в законную силу.

В ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ имеется одно весьма важное исключение, на которое следует обратить внимание. Указано, что данная мера ни при каких обстоятельствах не применяется, если, например, было совершено мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Этот запрет был специально установлен на уровне федерального закона, чтобы на предпринимателей не оказывалось излишнее давление со стороны государственных органов.

Вместе с тем на практике этот запрет сторона обвинения легко обходит. Так, общественно опасные деяния, содержащие признаки преступлений, несмотря на явное наличие двусторонних предпринимательских отношений, квалифицируются как общеуголовные преступления, после чего в отношении обвиняемых мера пресечения избирается в общем порядке. Даже в случаях последующего изменения квалификации в суде должностные лица, представляющие сторону обвинения, юридической ответственности не несут. Представляется, что в случае переквалификации деяния в сторону смягчения ответственности, в том числе в связи с тем, что преступление признано совершенным в сфере предпринимательской деятельности, должна наступать частичная реабилитация обвиняемого, а на должностное лицо со стороны обвинения налагаться юридическая ответственность (дисциплинарная, имущественная, а в установленных законом случаях – уголовная).

Достаточно эффективной мерой пресечения является подписка о невыезде. Она заключается в том, что обвиняемый или подозреваемый дает письменное обязательство не покидать постоянного или временного места жительства и являться по вызовам. Широкое использование данной меры обусловлено тем, что лицо остается в условиях свободы передвижения, не исключается из своих обычных занятий, может осуществлять трудовую деятельность и т. п. Наряду с этим за невыполнение требований подписки о невыезде обвиняемый (подозреваемый) подвергается иным мерам принудительного воздействия (например приводу), а мера пресечения может быть заменена на более строгую, в том числе на заключение под стражу.

Фактическим основанием для избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде также являются доказательства того, что лицо может совершить одно из социально негативных действий, указанных в ст. 97 УПК РФ. Однако уровень опасности совершения подобных действий должен быть таков, что подписки о невыезде для предотвращения последствий следует признать достаточным для их предотвращения.

Юридическим основанием является постановление следователя. Наряду с этим подписка о невыезде является действующей, если были составлены не один, а два документа. Второй документ – это собственно письменное обязательство, которое оформляется на отдельном бланке собственноручно обвиняемым (подозреваемым). Этот документ не может быть заменен тем, что лицо ставит подпись на постановлении об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде, ведь в данном случае лицо лишь ознакомилось с текстом постановления, но обязательств по явке это не порождает.

В ст. 102 УПК РФ данная мера пресечения названа чрезмерно широко, как «подписка о невыезде и надлежащем поведении». Следователь, избирая данную меру пресечения, может неправомерно разъяснить обвиняемому (подозреваемому), что при применении данной меры обязан содействовать предварительному расследованию преступления, в том числе путем дачи показаний. Однако это не соответствует действительности и может повлечь нарушение права лица не свидетельствовать против себя лично, а также против своего супруга и своих близких родственников, предусмотренного ч. 1 ст. 51 Конституции РФ. Поэтому, наоборот, требуется прямо закрепить в законе, что само по себе нахождение лица под действием подписки о невыезде, а равно иной меры пресечения, не порождает у него обязанности давать показания и иным образом содействовать осуществлению в отношении него уголовного преследования.

В отношении военнослужащих, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, при наличии оснований может быть избрана специфическая мера пресечения – наблюдение командования воинской части. Лицо, к которому применена данная мера пресечения, находится под постоянным наблюдением, не отпускается в увольнение, а также не может назначаться в наряд, связанный с ношением оружия. Вместе с тем, помимо наблюдения, военнослужащий не должен испытывать существенных ограничений в своей обычной службе, в том числе в части выбора круга общения. Категорически запрещено фактически заключать военнослужащего под стражу, запирая в непригодных для этого местах, заставляя постоянно сидеть на виду у военнослужащих, находящихся в суточном наряде, подвергая иным мерам воздействия, не входящим в содержание воинской службы. Если такие действия совершаются, то лицо должно иметь право обращаться с жалобами не только к руководителю следственного органа, но и к прокурору, а также непосредственно в суд.

Весьма значительной спецификой характеризуется такая мера пресечения, как личное поручительство. Она состоит в том, что лицо, которое заслуживает доверия, дает письменное обязательство о том, что обвиняемый (подозреваемый) будет являться по вызовам и участвовать в производстве по уголовному делу. Избирая данную меру пресечения, следователь должен оценивать широкий объем доказательств, характеризующих

не только обвиняемого (подозреваемого), но и того лица, которое дает поручительство. Иногда на практике за одного и того же человека сразу ручается значительное число людей, что, по их мнению, должно уж наверняка подтвердить явку обвиняемого (подозреваемого). Однако в таком случае ответственность поручителя за поведение лица размывается, деперсонализируется, что, наоборот, приводит к снижению эффективности данной меры пресечения. С другой стороны, нескольким лицам должна быть предоставлена возможность поручиться за обвиняемого (подозреваемого), но это требуется оформлять с каждым поручителем отдельным документом.

Меры пресечения применяются достаточно гибко. Если какая-либо мера не достигла своей цели, то она изменяется на другую. Хотя в законе не указано, что мера пресечения в обязательном порядке должна быть ужесточена, все-таки реалии уголовного процесса таковы, что для обеспечения явки по вызовам требуется именно это. Но существует и обратный порядок. Если при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд придет к выводу о нецелесообразности применения самой строго из мер, то согласно ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ может быть избрана мера пресечения в виде залога или домашнего ареста. Вместе с тем неясно, почему суд ограничен лишь этими двумя мерами пресечения, ведь у суда должна быть возможность избрать и иные меры пресечения из числа предусмотренных законом, например подписку о невыезде. Выбирая меры пресечения, суд в любом случае не становится на позицию стороны обвинения, и если он вправе избирать по собственной инициативе залог и домашний арест (а в ходе судебного разбирательства – и иные меры), то требуется распространить данную возможность суда и на иные меры пресечения.

В заключение можно отметить, что требуется усовершенствовать законодательство, конкретизировать доказательственную основу применения мер процессуального принуждения, установить необходимость отражения доказательств не только в материалах уголовного дела, но и непосредственно в документе о применении той либо иной меры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гриненко Александр Викторович. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Ключевые слова: уголовное дело, предварительное расследование, следователь, прокурор, суд, принуждение, задержание, меры пресечения, постановление.

УДК 343.13

Гришин А. В., Гришина М. В.

**КРИТЕРИИ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛНОТЫ
ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
РЕШЕНИЙ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

В статье рассматриваются критерии достаточности доказательств, полноты проведения проверок и предварительного расследования для принятия процессуальных решений на досудебной стадии уголовного судопроизводства, приводится мнение авторов по ряду проблемных вопросов.

«Базовые правовые идеи в полной мере проявляют себя и в процессе формирования правовых установок как интегральных образований правового сознания, интегрирующих другие элементы и формирующих на данной основе мотив (стремление) действовать в той или иной конкретной ситуации определенным образом. Их спецификой определяется наличие в российском правовом сознании установки на необязательность безусловного следования требованиям позитивных правовых норм, необходимость предварительной оценки их с точки зрения справедливости и целесообразности. Отсюда – широкая распространенность убеждений о необходимости следовать предписаниям только лишь правовых законов, в концентрированном виде находящая свое выражение в идее правовой законности. Также специфика базовых правовых идей российского правосознания определяет установку на терпимость к нарушениям предписаний правовых норм со стороны государства и его представителей вне зависимости от того, является одобряемым или нет сам образец поведения, предписываемый правовой нормой. Также специфической чертой российского правового сознания выступает отсутствие в нем установок на усвоение формально закрепленных правовых требований, на активное действие в правовой сфере, на защиту собственных интересов правовыми средствами и т. д.» [1].

Ввиду сказанного выше, попробуем осветить обозначенную проблему, «акцентируя внимание на тех моментах, которые приобретают прин-

ципиальное значение для правильного определения места и роли правосознания в правоприменительной деятельности» [2].

По действующему УПК РФ законодатель не перекладывает «бремени доказывания с государственных органов на конкретного гражданина, что являлось бы игнорированием общих положений о презумпции невиновности и основах состязательности судебного процесса» [3].

На протяжении досудебной стадии уголовного судопроизводства вопросы доказывания тесно связаны с установлением истины и всех обстоятельств произошедшего: имело ли место событие преступления, по поводу которого проводится проверка или возбуждено уголовное дело; кто совершил противоправное деяние; виновность лица и мотивы совершения преступления, а также другие обстоятельства, характеризующие совершенное преступление и личность обвиняемого.

Статьей 144 УПК РФ определен порядок рассмотрения сообщения о преступлении и проведения процессуальной проверки, по результатам которой следователем принимается законное и обоснованное процессуальное решение, в том числе об отказе в возбуждении уголовного дела.

Соответственно, после расследования уголовного дела следователем также может быть вынесено решение о прекращении уголовного преследования, а в некоторых установленных уголовно-процессуальным законом случаях – о приостановлении предварительного следствия.

Право обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц в досудебном производстве как гарантии судебной защиты прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве установлено статьей 46 Конституции Российской Федерации, причем приоритетное значение конституционных прав неоспоримо.

В то же время на руководителя следственного органа возложена обязанность по осуществлению процессуального контроля, а на прокурора – надзора за законностью принятого следователем решения, то есть при наличии оснований руководитель следственного органа и прокурор имеют право отменить решение следователя.

Как показывает следственная практика, в основном решения об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела и приостановлении предварительного следствия отменяются в связи с неполнотой проведенных проверочных мероприятий или расследования уголовного дела, например, невыяснение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию и предусмотренных ст. 73 УПК РФ, неустранение имеющихся в деле противоречий, неназначение дополнительных и иных судебных экспертиз, производство которых требуется в связи с получением дополнительных доказательств по уголовным делам, непринятие мер к проверке показаний подозреваемых, свидетелей и др.

В то же время единые критерии полноты проведенной следственной проверки или расследования уголовного дела отсутствуют, то есть от-

менить, в принципе, можно любое вынесенное следователем решение, причем неоднократно и в течение неопределенного промежутка времени.

Однако в этом случае приобретает актуальность вопрос соблюдения конституционных прав граждан, которые отстаивают его в судебном порядке.

Например, в 2014 году судом отменено решение прокуратуры об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по материалу проверки, которая проводилась в отношении следователя органов внутренних дел на протяжении 5 лет, начиная с в 2009 года.

Судом указано, что часть шестая ст. 148 УПК РФ с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации не предполагает произвольную и неоднократную отмену решения следователя по одному и тому же основанию, в том числе по причине неполноты проведенной проверки, так как в отношении лица на протяжении многих лет сохраняется угроза уголовного преследования.

С другой стороны, если после окончания проверки вновь неоднократно принимается процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то есть факты укрытия преступления отсутствуют и уголовное дело не возбуждается, то целесообразно ли его бесконечно дорабатывать материал?

Вместе с тем согласно требованиям п. 1 ст. 6 Конвенции Европейского суда «О защите прав и основных свобод» от 04.11.1950 и ст. 6.1 УПК РФ уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумные сроки.

Анализ показал, что, например, в 2014 году наиболее часто отменялись решения следователей по материалам проверок следующих категорий: – 42 %, или 267 проверок о совершении должностных преступлений (ст. 285, 286, 292, 293 УК РФ), в том числе совершенных сотрудниками правоохранительных органов.

Основаниями для отмены таких решений послужили: неприобщение к материалам проверок должностных инструкций сотрудников правоохранительных или иных органов; отсутствие процессуальной оценки действий должностных лиц; неприобщение материалов служебных проверок; отсутствие опросов медицинских работников при проведении процессуальных проверок по фактам причинения телесных повреждений гражданам со стороны сотрудников полиции; неистребование копий административных материалов; непроведение почерковедческих исследований; отсутствие объяснений участников событий.

Изучение решений об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела прокурорами показало, что следователи не в полной мере владеют методикой проведения проверок данной категории, в связи с чем имеется необходимость в проведении обучающего семинара со следователями в данной сфере.

При вынесении решения об отмене постановления о прекращении уголовного преследования, в свою очередь, приобретает актуальность вопрос о достаточности доказательств для принятия процессуального решения о прекращении уголовного дела.

Согласно положениям ст. 88 УПК РФ все собранные в ходе расследования уголовного дела доказательства в совокупности подлежат оценке на предмет определения их достаточности для его разрешения.

Критерии достаточности доказательств для принятия процессуальных решений также в законе не определены. Решение данного вопроса при проведении предварительного расследования оставлено на усмотрение следователя, при проверке законности принятых следователем решений по уголовному делу – на усмотрение руководителя следственного органа и прокурора, при рассмотрении уголовного дела в суде – на усмотрение судьи.

Изучение уголовных дел, прекращенных производством, показывает, что в большинстве случаев односторонность проведенного следователем расследования сочетается с его неполнотой и проявляется в недоказанности или непроверке того или иного обстоятельства. Вызвано это тем, что следователь либо неправильно определяет предмет доказывания, либо не собирает доказательства, совокупность которых может быть определена как достаточная, что приводит к отмене принятого решения о прекращении уголовного дела либо руководителем следственного органа, либо прокурором.

При формировании комплекса доказательств по конкретному уголовному делу необходимо в совокупности использовать количественный и качественный критерии. Чем больше получено в ходе расследования доказательств с совпадающим или частично подтверждающим содержанием, тем более увеличивается и их достоверность, а следовательно, и вероятность установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания. При этом необходимо учитывать значение совокупности доказательств не только для выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания, но и для проверки уже собранных данных, для восполнения и устранения имеющихся пробелов. Полученные в процессе доказывания сведения об одних и тех же обстоятельствах из разных источников повышают надежность информации, собранной в целом.

Так, по результатам расследования уголовного дела, возбужденного по факту обнаружения в подъезде жилого дома трупов К. М. С. и К. Е. Г. с признаками насильственной смерти, вынесено постановление о его прекращении в связи со смертью обвиняемого. Расследование вышеуказанного уголовного дела проведено полно и объективно. С целью установления всех обстоятельств произошедшего, а также выяснения мотива совершения преступления допрошены родственники погибших, их знакомые и друзья, а также свидетели преступления, проведены медицинские, биологические и криминалистические судебные экспертизы. Комплекс соб-

ранних доказательств позволил следователю сделать однозначный вывод о том, что убийство К. Е. Г. совершил ее муж К. М. С., после чего покончил жизнь самоубийством. При этом, когда прокурор района по формальным основаниям отменил постановление следователя о прекращении уголовного дела, при его обжаловании следственным управлением вышестоящий прокурор отменил постановление прокурора района и признал законность принятого решения о прекращении уголовного дела.

Конечно, в некоторых случаях неполнота проведенного расследования, выражающаяся в поверхностном исследовании и сборе доказательств порождает принятие необоснованных, немотивированных процессуальных решений о прекращении уголовного дела, которые в дальнейшем отменяются. Следователь, как правильно отмечают Е. А. Семенов, К. А. Нечушкина, ограничивается сбором очевидных доказательств, не устраняя имеющиеся в доказательствах противоречия и односторонне оценивает доказательства [4].

Например, уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного частью первой ст. 105 УК РФ, по факту обнаружения в квартире Ж. трупа Т. с колото-резаным ранением. По результатам расследования уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления. Данное решение мотивировано тем, что Т. покончил жизнь самоубийством, причинив себе колото-резаное ранение грудной клетки. Следствие пришло к такому выводу исходя из показаний свидетелей. Ж., Т. 1., Т. 2., из которых следовало, что Т. высказывал мысли о самоубийстве, а также в связи с тем, что при обнаружении трупа Т., Ж-ой дверь в квартиру была закрыта изнутри, что следовало из показаний самой Ж-ой. При расследовании уголовного дела следователем проверялась только одна версия – самоубийство. Полученные доказательства анализировались поверхностно, без учета заключений экспертов, без проверки показаний Ж-ой, которая проживала совместно с Т. и в день смерти последнего между ними произошла ссора. Обстоятельства причинения телесных повреждений также не выяснялись. Все это явилось основанием для отмены принятого решения о прекращении уголовного дела.

Кроме того, не стоит забывать, что каждое полученное доказательство подлежит оценке следователем с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

Относимость доказательства – это его свойство, связанное с содержанием, с информационной ориентированностью фактической информации в доказательстве. Оно означает связь содержания доказательства с обстоятельствами и фактами, имеющими значение для уголовного дела. Требование относимости в общем виде сформулировано в ч. 1 ст. 74 УПК и представляют собой любые сведения, на основе которых следователь в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию и имеющих значение для уголов-

ного дела. При этом также необходимо учитывать диспозицию статей Уголовного кодекса РФ, по которым возбуждено уголовное дело.

Допустимость доказательства – это правовое требование, предъявляемое законом к форме доказательства – источнику фактических данных и способу его собирания. Необходимо соблюдать законность условий получения и использования доказательства. Частью второй ст. 50 Конституции РФ установлено, что при осуществлении правосудия не допускается применение доказательств, полученных с нарушением закона. Доказательствами являются только те фактические данные, которые содержатся в законном источнике. Отступление от требований, предъявляемых законом к источнику фактических данных, лишает сведения, содержащиеся в нем, доказательственного значения, даже если они имеют значимость для дела.

Достоверность доказательств характеризуется как обоснованное знание, соответствие которого в действительности не вызывает сомнения [5].

Таким образом, решение о прекращении уголовного дела следовательно вправе принимать лишь тогда, когда он приходит к выводу о том, что обстоятельства, входящие в предмет доказывания, установлены полно и достоверно, собранная совокупность доказательств даёт однозначный ответ на вопрос о виновности либо невиновности лица, подозреваемого в совершении преступления, все необходимые по делу процессуальные действия проведены в точном соответствии с уголовно-процессуальным законом.

Постановление о прекращении уголовного дела должно быть мотивированным, то есть в нем должна быть изложена система доводов, аргументов, обосновывающая решение о прекращении.

Таким образом, анализ складывающейся следственной практики показал, что до настоящего времени не устранены пробелы уголовно-процессуального законодательства, связанные с отсутствием у следственных органов полномочий по обжалованию отмен решений следователей об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовных дел и приостановлении предварительного следствия.

С целью снижения количества необоснованно вынесенных решений следователя необходимо выработать единые критерии оценки собранных доказательств и итогового процессуального решения, а также разработать совместный с прокуратурой организационно-распорядительный документ, регулирующий межведомственные отношения в данной сфере деятельности.

1. Ветрова О. А. Содержательные свойства современного российского правосознания // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова № 2 (67). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016. С. 25.

2. Ветрова О. А. Роль правосознания сотрудников ОВД в правоприменительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2014. №. 12. С. 196.

3. Гришин А. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: основные тенденции формирования ювенальной юстиции в России и пути альтернативного реформирования законодательства в отношении несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова № 4 (69). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016. С. 28.

4. Семёнов Е. А., Нечушкина К. А. Участники проверки сообщения о преступлении: проблемы правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 32.

5. Гришина Е. Б. Особенности формирования показаний потерпевшего и свидетеля // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5 (40). С. 24-28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришин Андрей Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришина Марина Викторовна. Ведущий специалист по контролю контрактования и соблюдения процедур.

АО «Орёлнефтепродукт».

Российская Федерация, 302001, г. Орел, ул. Маяковского, 40.

***Ключевые слова:** доказательство, УПК РФ, достаточность доказательств, полноты проведения предварительного расследования, принятие процессуальных решений, суд, уголовное судопроизводство.*

УДК 343.1

Гришина Е. Б.

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УПК РФ

Статья посвящена мере пресечения в виде запрета определенных действий. С появлением новой статьи трансформировалась и мера пресечения в виде залога.

Гуманизация уголовного законодательства является приоритетным направлением развития правоприменительной практики в Российской Федерации на современном этапе. Исключением не стала и практика применения мер пресечения, поскольку Конституционным судом РФ и Верховным судом РФ принято достаточное количество судебных актов с целью привести данную практику к международным стандартам, провести диверсификацию системы мер пресечения с возможностью более гибкого использования мер пресечения, с учетом индивидуальных особенностей подозреваемых и обвиняемых, конкретных обстоятельств дела.

Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» была введена новая мера пресечения в виде запрета определенных действий, которая предусмотрена новой статьей 105.1 УПК РФ.

В пояснительной записке к законопроекту о введении в УПК запрета определенных действий авторы указали на необходимость создания условий для избрания в отношении обвиняемых (подозреваемых) альтернативных заключению под стражу мер пресечения. Кроме того, в обосновании была приведена статистика применения мер пресечения в виде залога и домашнего ареста по состоянию на 2014 год [1]. Согласно этим данным доля залога и домашнего ареста в общей массе ходатайств об избрании мер пресечения, которые удовлетворили суды, не превысила 0,42 и 2,43 % [2].

Вместе с тем следует отметить рост случаев применения домашнего ареста за 2015-2017 годы. В 2015 году было удовлетворено 140 457 ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в 2016 году – 123 296, в 2017 году – 113 318. Ходатайства об избрании мер пресечения в виде залога и домашнего ареста удовлетворялись судами в 2015 году 189 и 4676 раз соответственно, в 2016 году – 164 и 6101, в 2017 году – 130 и 6453. Таким образом, доля залога и домашнего ареста от общего числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании этих мер пресечения за 2015–2017 годы составила 0,12 % и 4,3 % соответственно [3].

Безусловно, внесение в УПК РФ изменений в части введения запрета определенных действий будет способствовать расширению практики применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Суд рассматривает и принимает решение о запрете определенных действий в соответствии с ч. 2-4 ст. 105.1 УПК по процедуре, аналогичной правилам избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК). Это значит, что для применения этой меры пресечения с ходатайством должен обратиться следователь или дознаватель. Вместе с тем при избрании запрета определенных действий, в отличие от заключения под стражу, суд освобожден от того, чтобы брать в расчет: вид и размер

наказания, которое грозит подозреваемому (обвиняемому), квалификацию преступления, возраст подозреваемого (обвиняемого). По результатам рассмотрения ходатайства следователя или дознавателя судья должен принять одно из трех решений:

- об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий;
- о возложении дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий;
- об отказе в удовлетворении ходатайства.

Второе из указанных возможных решений представляется спорным. Фактически такое решение позволяет суду избрать более строгие условия меры пресечения, нежели заявлены в ходатайстве стороны обвинения. Соответственно, защита может апеллировать к этому и обжаловать решение суда со ссылкой на необоснованность такого решения.

При избрании запрета определенных действий суд может запретить подозреваемому (обвиняемому):

- 1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- 2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- 3) общаться с определенными лицами;
- 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- 5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;
- 6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [4].

При разработке поправок в УПК законодатели предлагали оставить перечень запретительных мер открытым и предусмотреть право суда запретить «совершать иные действия, не связанные с изоляцией в жилище, которые могут повлечь последствия, указанные в части первой статьи 97 УПК РФ». Думается, если законодатель действительно хотел повлиять на ситуацию и существенно сократить случаи заключения под стражу и расширить применение иных мер пресечения, то перечень запретов следовало оставить открытым. Однако видно, что указанные в ст. 105.1 запретительные меры практически полностью дублируют ограничения, предусмотренные ч. 7 ст. 107 УПК, которые могут быть установлены подозреваемому (обвиняемому) в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста. Новыми запретами являются только запреты:

- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов;

- посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

- управлять автомобилем или иным транспортным средством.

Таким образом, можно прийти к выводу, что мера пресечения в виде запрета определенных действий представляет собой усовершенствованный вариант домашнего ареста, что выражено в возможности установления подозреваемому (обвиняемому) дополнительных запретительных мер, нежели было предусмотрено ч. 7 ст. 107 УПК.

Однако положительным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что с введением запрета определенных действий трансформировалась и мера пресечения в виде залога. В ст. 106 УПК появилась часть 8.1, которая предусматривает возможность установить вместе с залогом перечень запретительных мер. При этом при избрании запрета в виде выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения залог применяется на определенный срок по правилам, относящимся к мере пресечения в виде запрета определенных действий, и может быть продлен в порядке ст. 109 УПК. Это означает, что в практике появились две формы залога. Первая – залог без дополнительных запретов, устанавливаемый на весь период предварительного расследования, без необходимости продления срока его действия. Вторая – залог с запретом выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, устанавливаемый на срок по правилам ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ и продлеваемый по правилам ст. 109 УПК РФ. Данное обстоятельство может увеличить количество случаев применения залога, так как сделает его более гибким [5].

Безусловно, до появления обобщенной практики у судов будут возникать определенные проблемы с назначением новой меры пресечения, поскольку потребуется время для адаптации. Применение меры пресечения в виде запрета определенных действий также потребует формирования новых стандартов доказывания, подходов к оценке ходатайств дознавателей и следователей. Но вместе с тем, полагаем, что новая мера пресечения найдет свое широкое применение на практике, поскольку она позволяет более гибко и адекватно ограничивать в правах и свободах подозреваемых и обвиняемых.

1. Гришина Е. Б. Запрет определенных действий в УПК РФ: новеллы перспективы // Сборник научных статей: Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства, ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения. 2018 С. 45-49.

2. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета

определенных действий и домашнего ареста)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asozd.duma.gov.ru>, свободный.

3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2015, 2016 и 2017 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru>, свободный.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.06.2018)// СПС Консультант Плюс.

5. Квык А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процес, № 7 июль 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=649579>, статья доступна в гостевом доступе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Елена Борисовна. Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: определенные действия, залог, мера пресечения.

УДК 343.1

Гуляев А. П., **Николюк В. В.**

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ГРАЖДАНАМ И ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ ВЕДЕНИЕМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Научная статья посвящена теоретико-методологическим основам формирования организационно-правового механизма возмещения вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам ведением уголовного судопроизводства.

В 2007 г. на страницах одного из авторитетных российских академических изданий автором совместно с А. П. Гуляевым была опубликована статья, посвященная проблемам возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер принуждения лицам, вовлеченным в уголовный

процесс [1]. Работа над статьей и естественное в этой связи человеческое общение с соавтором доставили мне огромное творческое удовлетворение, еще раз показали незаурядность, масштабность и системность научного мышления А. П. Гуляева, его последовательность и настойчивость в отстаивании своих доктринальных представлений.

В знак памяти и уважения к Анатолию Петровичу Гуляеву, ученому, другу, учителю, считаю целесообразным остановиться на основных тезисах нашей совместной статьи, которые, как представляется, еще больше актуализировались на фоне современных уголовно-процессуальных реалий.

Право граждан и юридических лиц на возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, – принципиальное нововведение УПК РФ 2001 г.

В главе 18 УПК РФ (далее – УПК) «Реабилитация» закреплено правило (ч. 3 ст. 133), в соответствии с которым право на возмещение вреда **имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.** Введение в уголовно-процессуальное законодательство данной нормы объективно обусловлено, поскольку ограничение прав и свобод личности в сфере уголовного процесса в первую очередь связано с применением мер процессуального принуждения.

Норма, предусмотренная ч. 3 ст. 133 УПК, вызвала комплекс проблем теоретического, законодательного и практического свойства.

Во-первых, как с формально-юридических позиций, так и по своему содержанию она не охватывается институтом реабилитации, традиционно понимаемым как восстановление государством прав и положения в обществе гражданина, подвергавшегося уголовному преследованию без вины. Что же касается процессуального феномена возмещения вреда, причиненного в ходе производства по уголовному делу незаконным применением мер процессуального принуждения, то он имеет, в сравнении с институтом реабилитации, другие юридические и фактические основания. Он не связан напрямую с уголовным преследованием граждан, с принятием по уголовному делу итогового реабилитирующего решения, он распространяется на любых участвующих в уголовном процессе лиц, а также предполагает дополнительные процедуры для того, чтобы причиненный незаконным процессуальным принуждением вред был реально возмещен.

Во-вторых, в контексте ч. 3 ст. 133 УПК актуализировались вопросы о круге лиц, подпадающих под ее действие, распространении данной нормы на процессуальные принудительные меры, предусмотренные не только разделом 4 «Меры процессуального принуждения», но и другими предписаниями УПК, допускающими и регулирующими использование принуждения при производстве следственных действий.

В-третьих, обращает на себя внимание то обстоятельство, что глава 18 УПК не содержит норм, специально предназначенных для проверки законности применения при производстве по уголовному делу меры процессуального принуждения, что является существенным пробелом и препятствует своевременному признанию за гражданами и юридическими лицами права на возмещение вреда.

Обсуждение поставленных вопросов и ответы на них позволяют в полной мере осознать социальную и юридическую значимость процессуального феномена возмещения вреда, причиненного в сфере уголовного судопроизводства незаконным применением мер принуждения, стимулирует обобщение следственной, прокурорской и судебной практики в этой части и совершенствование главы 18 УПК.

Соотношение реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения.

В главе 18 УПК (если учесть содержание ч. 3 ст. 133 этой главы) фактически предусматриваются два взаимосвязанных, но все же относительно самостоятельных правовых образования – реабилитация и возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения при производстве по уголовным делам.

При реабилитации обвиняемого (подозреваемого), т. е. принятии компетентным органом и должностным лицом решения о его невиновности либо непричастности к преступлению, в полном объеме реализуется предусмотренный правилами главы 18 УПК порядок восстановления прав и свобод лиц, подвергавшихся уголовному преследованию.

Правило о возмещении вреда, причиненного в ходе производства по уголовному делу незаконным применением мер процессуального принуждения, оригинально, самостоятельно и не имеет к реабилитации прямого отношения: основанием возмещения вреда является здесь не реабилитация, а незаконное применение мер процессуального принуждения, причем не только в ходе уголовного преследования, с чем связана реабилитация, а и в ходе производства по уголовному делу. Последнее, как известно, значительно шире по содержанию, нежели уголовное преследование.

На данное обстоятельство в свое время правильно обратила внимание В. С. Раменская, отметившая, что главой 18 УПК «Реабилитация» фактически предусматриваются два самостоятельных института в рамках института реабилитации – «классической» реабилитации и восстановления прав и законных интересов, нарушенных в процессе привлечения к уголовной ответственности. Одновременно ею предложено новое название главы 18: «Защита прав и законных интересов лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности или незаконно подвергнутых мерам уголовно-процессуального принуждения» [2], с чем в принципе нельзя не согласиться.

Круг лиц, имеющих право на возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения. Используемое в ч. 3 ст. 133 УПК выражение «любое лицо» не позволяет без комплексного анализа ряда норм уголовно-процессуального законодательства достаточно четко определить круг лиц, которые вправе рассчитывать на возмещение вреда, вызванного применением к ним мер процессуального принуждения. Едва ли законодатель смог бы привести исчерпывающий перечень таких лиц, поскольку применение мер процессуального принуждения законом разрешено в отношении как участников уголовного судопроизводства, так и иных лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность или косвенно прикосновенных к ней. Например, арест может быть наложен на имущество не только подозреваемого или обвиняемого, но и «других лиц» (ч. 1 ст. 115 УПК). За нарушение порядка в судебном заседании денежному взысканию могут быть подвергнуты (ч. 1 ст. 258 УПК) лица из числа присутствующих в зале суда помимо самих участников процесса.

Для того чтобы признать за гражданином право на возмещение причиненного ему в ходе применения меры процессуального принуждения вреда, необходимо подтвердить факт и незаконность ее применения, а также установить, в чем конкретно выразился реально причиненный вред. Требование о возмещении вреда, причиненного лицу при применении к нему меры процессуального принуждения, может исходить от граждан, которые не подвергались и не могли быть подвергнуты уголовному преследованию. Например, лицо, у которого арестовано и изъято имущество, предположительно полученное в результате преступных действий обвиняемого (подозреваемого), вправе потребовать возмещения наступившего в связи с этим вреда. Требование о возмещении вреда может исходить от свидетелей, потерпевших, которым в результате незаконных действий в рамках исполнения постановления о приводе был нанесен вред.

Таким образом, ч. 3 ст. 133 УПК распространяется на случаи причинения вреда в результате незаконного применения мер процессуального принуждения не только обвиняемому (подозреваемому), но и другим участвующим в уголовном судопроизводстве лицам, причем безотносительно к тому, окончено производство по делу или нет.

С учетом внесенных в ст. 144 УПК изменений и дополнений Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, в соответствии с которыми органы предварительного расследования при проверке сообщения о преступлении получили право не только истребовать, но и изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК[3], положения ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК должны быть распространены и на стадию возбуждения уголовного дела. При реализации указанного права дознавателем, следователем лицу может быть причинен вред, на возмещении которого со ссылкой на ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК вправе настаивать гражданин или юридическое

лицо. Поэтому фразу «в ходе производства по уголовному делу», содержащуюся в ч. 3 ст. 133 УПК, надлежит трактовать расширительно. В перспективе ч. 1 ст. 144 и ч. 3 ст. 133 УПК должны быть согласованы [4].

Понятие мер процессуального принуждения в контексте ч. 3 ст. 133 УПК. В действующем УПК реализован оригинальный вариант классификации мер процессуального принуждения. Принудительные средства, образующие основной объем процессуального принуждения, объединены в самостоятельном разделе «Меры процессуального принуждения».

В случаях, когда принудительная мера является условием или элементом следственного действия, она регламентируется в рамках процедуры проведения такого действия.

В связи с производством по уголовному делу гражданину может быть причинен вред как собственно мерами процессуального принуждения, установленным в главе 14 УПК, так и другими принудительными процессуальными мерами, сопровождающими следственные действия. По мнению авторов, право на возмещение вреда (при причинении такового) у лица возникает независимо от того, в каком разделе (главе) УПК расположены нормы, предусматривающие возможность использования в отношении него принудительных действий. Основное заключается в том, что мера принуждения должна быть предусмотрена уголовно-процессуальным законом, т. е. быть процессуальной. Именно правовой регламент допустимости и порядка применения меры принуждения позволяет определить законность или незаконность ее применения в конкретной ситуации. Подобное толкование процессуальной меры принуждения поддерживают и другие исследователи [5].

Для того чтобы анализируемые вопросы получили соответствующую правовую основу, норму, изложенную в ч. 3 ст. 133 УПК, целесообразно изложить в следующей редакции: *«Право на возмещение вреда в порядке, установленном настоящей главой, имеет также любое лицо, которому вред причинен в ходе уголовного судопроизводства незаконным применением меры процессуального принуждения или (и) проведением следственного действия».*

Установление незаконности применения мер процессуального принуждения. В части 3 ст. 133 УПК записано, что право на возмещение вреда в регулируемых данной нормой случаях у граждан возникает только при условии, если они подвергались мерам процессуального принуждения незаконно. Из этого следует, что применение ч. 3 ст. 133 УПК должно сопровождаться обязательным установлением незаконности применения меры процессуального принуждения.

Однако в главе 18 УПК нет норм, которые устанавливали бы порядок проверки законности применения меры процессуального принуждения при производстве по уголовному делу. Это является существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства и способно в какой-то степе-

ни нейтрализовать заложенные в ч. 3 ст. 133 УПК возможности возмещения вреда от незаконных действий.

Для закрепления в законе процедуры признания незаконности мер процессуального принуждения, которым подвергалось лицо в связи с уголовным судопроизводством, следует ввести в УПК самостоятельную статью, поместив ее в главу 18 и изложив в следующей редакции:

«Статья 134¹. Проверка законности применения мер процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства

1. Законность проведенных без судебного разрешения осмотра, обыска и выемки в жилище граждан проверяется в порядке, предусмотренном частью пятой статьи 165 настоящего Кодекса.

2. Законность мер процессуального принуждения и следственных действий, применение и осуществление которых законом допускается без судебного разрешения, проверяется судьей в порядке, предусмотренном статьей 125 настоящего Кодекса.

3. Законность мер процессуального принуждения и следственных действий, применяемых и осуществляемых по постановлению судьи, проверяется вышестоящим судом путем рассмотрения жалоб граждан.

4. Законность мер процессуального принуждения и следственных действий, применяемых и осуществляемых без согласования с прокурором и разрешения суда, может также проверяться прокурором в порядке, предусмотренном статьей 124 настоящего Кодекса, а если они применены и осуществлены по указанию прокурора – вышестоящим прокурором.

5. После получения копии определения суда, постановления судьи или прокурора о незаконном применении меры процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства лицо вправе обратиться с требованием о возмещении вреда в орган, по постановлению которого к нему применена эта мера принуждения. Заявленное требование подлежит рассмотрению и разрешению по правилам и в сроки, установленные статьей 135 настоящего Кодекса».

Завершая анализ содержания ч. 3 ст. 133 УПК, отметим, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве по существу следует сформировать новый институт возмещения вреда гражданам и юридическим лицам, причиненного им незаконным применением мер процессуального принуждения. В перспективе он мог бы стать эффективным инструментом возмещения имущественного вреда (компенсация заработной платы, сумм, выплаченных за оказание юридической помощи, потраченных на проезд к постоянному месту жительства, иных расходов, возврат изъятых предметов, вещей, ценностей) в данных случаях. В настоящее время нормы о возмещении вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, фактически не применяются в правоприменительной практике из-за отсутствия четкого законодательного ре-

гулирования их реализации, недостаточной разработанности в научной и учебной юридической литературе [6].

Предпосылки к развитию нормативной основы возмещения вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения.

Будучи насыщенным широким арсеналом принудительных мер, уголовный процесс неизбежно причиняет неудобства, порой весьма серьезные, лицам, соприкасающимся с данным специфическим видом государственной деятельности. Сам факт производства обыска, выемки в жилище, служебном помещении, наложение ареста на имущество, недвижимость, денежные средства уже ограничивает гарантированные Конституцией РФ права и свободы человека, интересы организаций. Если указанные принудительные меры применяются с нарушением установленных УПК правил, вопреки их целям, без наличия на то оснований [7], ограничительный потенциал уголовно-процессуального принуждения умножается. В таких случаях гражданам и юридическим лицам причиняется вред неоправданно, незаконно, в связи с чем он подлежит возмещению.

Если обратиться к данным официальной статистики, то в интересующем нас аспекте можно выделить следующее. В 2017 г. судами «выдано» 39,8 тыс. разрешений о наложении ареста на имущество, включая денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях; принято 77 тыс. судебных решений о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; вынесено 117,6 тыс. постановлений об удовлетворении ходатайств органов расследования о производстве обыска или выемки в жилище [8]. Таким образом, только в истекшем году в отношении 234,4 тыс. лиц применялись меры принуждения, затрагивающие право граждан на неприкосновенность жилища и собственности. Законность многих из них оспаривается в судебном порядке, в том числе в связи с причинением участникам соответствующих уголовно-процессуальных правоотношений имущественного вреда.

Так, например, арест имущества, находящегося у лиц, которые не выступают подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу, из временной меры часто превращается в неустановленное по срокам ограничение права собственности, сохраняя свое действие на весь период приостановления предварительного расследования, а в ряде случаев – до истечения сроков давности уголовного преследования.

Практика обращения заинтересованных лиц с ходатайством к руководителю следственного органа или в суд для ослабления режима хранения имущества или освобождения его от ареста признана органом конституционного контроля неэффективной. В таких условиях распространяемый фактически на неопределенно длительный срок запрет пользоваться и распоряжаться имуществом, преступное содержание которого лишь предпола-

гается, сопоставим по своему характеру с конфискацией по приговору суда. Нет в законе и специального механизма возмещения собственнику арестованного имущества убытков, вызванных такого рода ограничениями [9].

В ежегодных докладах Генерального прокурора РФ в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии законности и правопорядка и о проделанной работе по их укреплению» фиксируется удручающая ситуация в части соблюдения органами расследования законодательства, регламентирующего возбуждение и расследование уголовных дел.

Так, в докладе, представленном Совету Федерации ФС РФ 29 апреля 2015 г., отмечается, что результаты надзора за следствием и дознанием свидетельствуют об увеличении в истекшем году на 22 % выявленных нарушений законов в деятельности всех правоохранительных органов (всего почти 6 млн). Большинство нарушений (4 млн 100 тыс.) допущено органами дознания. 80 % из них зафиксировано на начальной стадии уголовного судопроизводства. В докладе также обращено внимание, что соблюдение законности не улучшилось и в работе следователей. Причем нарушения множатся не только на стадии регистрации и разрешения сообщений о преступлениях (+15 %), но и в ходе всего дальнейшего расследования (+12 %).

Характеризуя качество следствия по результатам прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в 2016 г., Генеральный прокурор РФ в докладе от 26 апреля 2017 г. дал следующую ему оценку: «повсеместно следствие “проседает”. Количество выявленных прокурорами нарушений в деятельности всех органов предварительного расследования за год вновь возросло, превысив 5 млн» [10].

В аналогичном документе от 18 апреля 2018 г., отражающем состояние законности и правопорядка в стране в 2017 г., Генеральный прокурор РФ, в очередной раз констатировав рост нарушений закона в досудебном уголовном производстве, с некоторой степенью безысходности посетовал: «Только полноценный прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов следствия и право прокурора возбуждать и расследовать уголовные дела, в частности в отношении следователей, может сдержать распухший вал допускаемых ими нарушений закона» [11].

Примечательно и тревожно, что по разным причинам лишь мизерная часть уголовно-процессуальных правонарушений становится предметом отдельной оценки судов, рассматривающих уголовное дело по существу: в 2017 г. судами первой инстанции вынесено всего 5830 частных определений и постановлений по вопросам нарушений закона в стадии дознания и следствия [12].

Можно предположить, что большинство допускаемых в стадиях возбуждения и расследования уголовного дела нарушений закона являются предметом обжалования в порядке ст. 125 УПК и признаются таковыми (что важно для начала производства по возмещению вреда) в рамках дан-

ной процедуры. Однако этот вид судебного контроля, некогда считавшийся эффективным инструментом восстановления законности в сфере уголовного процесса, утратил свое предназначение. Есть предпосылки к констатации существования своеобразного феномена автоматического отказа в удовлетворении жалоб на нарушения правил УПК [13].

В последние годы стабильно фиксируется низкий удельный вес удовлетворенных судами жалоб, рассмотренных в соответствии с требованиями ст. 125 УПК: в 2015 г. – 6,2 %; в 2016 г. – 5,0 %; в 2017 г. – 4,8 %. В 2014 г. этот показатель был в несколько раз выше – 18,8 %, в настоящее время он стремится к нулю.

Парадоксально также, что около трети жалоб, рассмотренных в порядке ст. 125 УПК, остаются без разрешения по существу: возвращены заявителю в связи с неподсудностью материалов либо производство по ним прекращено. В 2017 г. доля таких жалоб в общем числе рассмотренных в порядке ст. 125 УПК жалоб достигла 75,7 %. В ч. 5 ст. 125 УПК, что принципиально важно, подобные судебные решения не предусмотрены для процедуры рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органов расследования, прокурора.

Конечно, не все нарушения закона, допускаемые дознавателями и следователями, а также должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в связи с их привлечением для оказания содействия расследованию уголовных дел, причиняют вред участникам уголовного процесса, однако с учетом массовости таких правонарушений проблема компенсации вреда, нанесенного физическим и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения, остается, без преувеличения, первоочередной задачей российской правовой системы.

1. Гуляев А. П., Николук В. В. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения // Гос-во и право. 2007. № 6. С. 59–67.

2. Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 8. Позднее на это указала и А. А. Орлова (Орлова А. А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе. М., 2013. С. 4).

3. Рос. газета. 2013. 6 марта.

4. В статье 139 УПК возможность возмещения вреда, причиненного юридическим лицам незаконными действиями и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, не связывается с производством по возбужденному уголовному делу.

5. См., напр.: Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 42–43; Капинус Н. И. Процессу-

альные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 37. По мнению С. И. Вершининой, уголовно-процессуальное принуждение при производстве следственных действий образует самостоятельное правовое явление, не является их частью (Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017. С. 74).

6. В теории уголовного процесса разработка указанных проблем в настоящий момент ограничивается кандидатской диссертацией Н. Ф. Сосновик (Сосновик Н. Ф. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 177 с.), рекомендациями по толкованию и применению норм УПК, регулирующих возмещение вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам принуждения при производстве по уголовному делу, а также доктринальным проектом главы 181 «Возмещение гражданам и юридическим лицам вреда, причиненного незаконным и необоснованным применением по уголовному делу мер процессуального принуждения и производством следственных действий», включающим четыре самостоятельные статьи (Николюк В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения. Омск, 2012. С. 142–149).

7. По наблюдениям И. Б. Тутьнина, одними из самых значимых и распространенных нарушений в применении наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве являются несоблюдение правоприменителями требований закона о наличии юридических и фактических оснований (Тутьнин И. Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера: монография. М., 2017. С. 172).

8. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел в 2017 г. Раздел 4. Строки 25–26, 31.

9. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями, связанными с наложением ареста на имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) // Рос. следователь. 2011. № 17. С. 6–10.

10. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1186517> (дата обращения: 04.09.2018).

11. Там же. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1366820> (дата обращения: 04.09.2018).

12. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел в 2017 г., Справка к разделу 1. Строка 42.

13. Применительно к сложившейся практике избрания мер пресечения В. В. Рудич указывает на другой феномен — автоматического удовлетворения соответствующих ходатайств органов расследования (Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 371).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гуляев Анатолий Петрович. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, член докторского диссертационного совета, член Ученого совета.

Московская академия экономики и права.

Российская Федерация, 117105, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 23.

Николюк Вячеслав Владимирович. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, УК РФ, УПК РФ, основы формирования организационно-правового механизма возмещения вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам.*

УДК 343.1

Дзабиев У. К.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

По мнению автора, вовлечение результатов оперативно-розыскной деятельности в сферу уголовного судопроизводства – настоящая необходимость, а подчас единственная возможность успешного раскрытия преступлений и изобличения виновных. Подчеркивается, что сочетание уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной видов деятельности позволяет эффективно и в кратчайшие сроки решать самые сложные и актуальные задачи, но при имеющихся проблемах понимания результатов ОРД. Предлагается собственное видение сущности результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, позволяющее расширить их процессуальный потенциал.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовном судопроизводстве являются достаточно привычной правовой категорией. Их изучение выступает традиционным направлением как науки уголовного процесса, так и науки оперативно-розыскной деятельности. Во главу угла в современных научных исследованиях ставятся вопросы

использования результатов ОРД в доказывании, в меньшей степени ученых интересуют вопросы их использования по другим направлениям.

Поводом к рассмотрению вынесенного в заголовок настоящей работы вопроса стала правовая неопределенность процессуальной значимости и сущности результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, обусловленная отдельными формулировками законодательного закрепления дефиниций результатов ОРД, а также регулированием иных, относящихся к их сути, вопросов.

Действующее российское законодательство содержит несколько положений, относящихся к раскрытию сущности результатов ОРД:

- п. 36.1 ст. 5 УПК РФ;
- ст. 5, 7, 8, 11 ФЗ «Об ОРД».

Обобщение содержания законодательного материала дает основание для следующего вывода: результатами ОРД выступают сведения, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, т. е. это некие фактические данные, информация. Именно в таком контексте пишут о результатах ОРД ученые-процессуалисты. Например, Ю. В. Астафьев отмечает: «Благодаря использованию возможностей ОРД определяется перспектива предстоящего уголовно-процессуального доказывания, конструируются прогностические предположения о его развитии, оптимизируются модели доказывания» [1].

Н. И. Кузнецов считает, что результаты оперативно-розыскной деятельности – это фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном федеральным законом об ОРД порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, дополняя традиционное определение указанием на их процессуальную значимость, а также возможность использования для проведения ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших» [2].

Однако такой взгляд на сущность результатов ОРД применительно к уголовному судопроизводству, на наш взгляд, выступает односторонним и не полным.

В процессуальном отношении результаты ОРД следует трактовать исходя из совокупности законодательных положений, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ. Так, в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ закреплено, что результаты оперативно-розыскной деятельности – «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

Считаем, что указанная законодательная формулировка существенно ограничивает понимание результатов ОРД, указывая лишь на категории сведений, которые могут быть получены: о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В то же время, очевидно, что информационное содержание результатов ОРД может иметь процессуальную ценность и в ряде других случаев. Например, полагаем правильным, когда в литературе указывается на возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий для получения следующей информации:

- о лицах, замышляющих, подготавливающих, совершивших и совершающих преступления, а также о лицах, способствующих этой деятельности;

- о наличии материальных следов противоправной деятельности, в том числе орудий преступлений, предметов, добытых преступным путем, и о возможности их использования в качестве источников доказательств при раскрытии преступления;

- о существовании и местонахождении лиц, обладающих информацией об интересующем оперативного сотрудника событии;

- о местонахождении лиц, скрывающихся от следствия и суда;

- о лицах, без вести пропавших [3].

Об этих же возможностях оперативно-розыскной деятельности упоминается и в законе об ОРД.

Поэтому можно подчеркнуть, что дефиниция п. 36.1 ст. 5 УПК РФ излишне минимизирует процессуальный потенциал направлений использования результатов ОРД, устанавливая категории сведений, которые могут быть заключены в этих результатах.

Еще один аспект, который необходимо отметить, заключается в наличии, помимо информационной ценности, такого направления использования результатов ОРД, как повод к возбуждению уголовного дела. Об этом свидетельствует содержание ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Отметим, что в УПК РФ о таком значении результатов ОРД ничего не сказано. В ст. 144 УПК РФ имеется лишь указание на возможность следователя, дознавателя давать поручения органу дознания при проверке сообщений о преступлениях. Однако повод к возбуждению уголовного дела – категория значимая.

Указанное обстоятельство нам представляется пробелом уголовно-процессуального закона. Дело в том, что в соответствии со ст. 157 УПК РФ орган дознания имеет право возбудить уголовное дело по преступлению, по которому обязательно производство предварительного следствия в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ. В свою очередь, ст. 146 УПК РФ содержит отсылочную норму, указывая, что возбуждение уголовного дела

происходит при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ. В ч. 1 ст. 140 УПК РФ имеется перечень поводов к возбуждению уголовного дела, в котором *отсутствует такой пункт, как результаты ОРД.*

В силу чего реализация органом дознания (который является процессуальным субъектом и способен выявить признаки преступления исключительно оперативно-розыскным путем) полномочия по возбуждению уголовного дела, основывается исключительно на истолковании содержания п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, где сказано, что одним из поводов выступает сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, *полученное из иных источников, в качестве которого могут выступать результаты ОРД.*

Думается, есть необходимость решить эту проблему, установив прямое законодательное регулирование такого повода как результаты ОРД, соответственно дополнив перечень ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

А теперь об указании в ст. 89 УПК РФ на результаты ОРД как на источник доказательств, что, на наш взгляд, лишено процессуального смысла.

Как отмечал Р. С. Белкин, «проблема использования оперативной информации в доказывании сводится к проблеме придания процессуального статуса источникам информации» [4]. Эта мысль, как представляется, может быть продолжена следующим образом: решение проблемы использования результатов ОРД в доказывании возможно путем проведения уголовно-процессуальной деятельности по адаптации результатов ОРД.

Однако, если адаптационная деятельность имеет уголовно-процессуальный характер, то и результаты-доказательства имеют уголовно-процессуальную правовую природу. Следовательно, использование результатов ОРД в доказывании возможно только с уточнением о том, что эти результаты выполняют роль исходных данных, а формирование доказательств происходит исключительно уголовно-процессуальным, как и положено, путем.

Учитывая высказанные соображения можно дать следующее определение: *результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве – любые сведения, полученные в установленном федеральным законодательством об оперативно-розыскной деятельности, порядке, которые могут быть использованы для формирования доказательств, а также как повод и основание к возбуждению уголовного дела, либо как ориентирующая информация.*

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Уголовно-процессуальное значение результатов ОРД заключается в их информационной ценности, в связи с чем в УПК РФ необходимо:

– расширить информационную составляющую результатов ОРД;

– дополнить систему поводов к возбуждению уголовного указанием на результаты ОРД.

2. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться не только в доказывании (опосредовано) и как повод к возбуждению уголовного дела (непосредственно), но также как основание для возбуждения уголовного дела, принятия решений о производстве отдельных следственных действий и применения мер безопасности, что требует самостоятельного исследования.

1. Астафьев Ю. В. Значение оперативно-розыскной информации в установлении оснований уголовно-процессуального доказывания // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия Право. 2008. № 1. С. 270. С. 270-275.

2. Кузнецова Н. И. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и требования, предъявляемые к ним // Вестник Российской правовой академии. 2014. № 4. С. 57-61. С. 61.

3. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе: учебно-методическое пособие / Т. В. Астишина, Г. П. Афонькин, А. В. Кузьмин, Е. В. Маркелова. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. С. 12.

4. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Бородулин А. И., Григорьев В. Н., и др.; под ред.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С. М.: Новый Юрист, 1997. С. 156.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дзэбиев Урузмаг Казбекович. Следователь-криминалист 1-го отдела криминалистики ККУ.

Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу (с дислокацией в г. Ессентуки Ставропольского края).

Российская Федерация, 357601, г. Ессентуки, Садовый пер, д. 19.

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, оперативно-розыскная деятельность, информация, поводы к возбуждению уголовного дела.*

УДК 343.132

Джелали Т. И., Тарнакоп О. Г.

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ И БЕЗОПАСНОСТИ
СВИДЕТЕЛЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

В научной статье предпринята попытка раскрытия сути процессуальных мер государственной защиты и безопасности свидетелей и иных участников уголовного процесса в современных условиях противоправного давления на последних, приобретающего подчас изощренные формы, и процессуальная эффективность уголовного судопроизводства, и достижение им соответствия высшим аксиологическим критериям отправления уголовного правосудия, которое немислимо без выполнения государством обязательств по обеспечению безопасности его граждан в связи с участием их в уголовном судопроизводстве с тенденцией увеличения, как количества защищаемых лиц, так и применяемых по отношению к ним мер безопасности социальной поддержки.

Задачи, которые связаны с уголовным судопроизводством, невозможно решить без участия определенных лиц (потерпевших, свидетелей и иных лиц), которые содействуют правосудию. В России действует Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [1], в п. 1 ст. 4 которого сказано, что государственная политика в сфере обеспечения безопасности, является частью внешней и внутренней политики Российской Федерации. Она представляет собой совокупность скоординированных и связанных единым замыслом политических, социально-экономических, организационных, правовых, военных, информационных, специальных и иных мер.

В уголовном судопроизводстве понятие «безопасность» трактуется так: безопасность – это такое состояние, при котором защита прав и законных интересов лиц, которые способствуют правосудию, обеспечена государством и гарантирована законом в лице уполномоченных органов, а также реализует права и обязанности лиц, заинтересованных в уголовном процессе. Так, обеспечение безопасности представляет деятельность уполномоченных лиц, которая обращена на защиту жизненно важных интересов участников уголовного судопроизводства, связанных с содействием правосудию.

Исследование условий применения защитных мер требует определения самого понятия «применение мер защиты». Под применением мер защиты следует понимать деятельность, включающую два основополагающих аспекта: первый – это принятие решения о реализации мер безопасности; второй – именно реализация этих мер. В некоторых случаях оба ас-

пекта будут реализовываться одним лицом, например, следователем при предъявлении видеозаписи свидетельств защищаемого лица остальным участникам уголовного процесса; в других случаях данные аспекты объективно могут быть обеспечены только разными субъектами, например, решение суда об охране защищаемого лица и осуществление ее.

Под мерами государственной защиты, обеспечиваемой безопасностью свидетелю, понимается система различных действий, которые обусловлены действующим законодательством, а также осуществляемые уполномоченными должностными лицами для предупреждения угрозы безопасности участников уголовного судопроизводства и ее пресечения, и восстановления нарушенного состояния защищенности указанных лиц. К таким мерам относятся:

1. Закрытое судебное разбирательство (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ).
2. Прослушивание телефонных и других переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ).
3. Участие в уголовном процессе под псевдонимом потерпевших и свидетелей (ч. 9 ст. 166, ст. 278 УПК РФ).
4. Опознание опознаваемым опознающего в условиях, которые исключают наблюдение (ст. 193 УПК РФ).

Существуют стадии, которые образуют процесс обеспечения государственной защиты свидетелей:

1. Стадия, которая направлена на нахождение допускаемых источников опасности, внутренних и внешних, при помощи получения информации от заинтересованных лиц.
2. Стадия, разрабатывающая систему действий в границах оперативно-розыскной деятельности, а также выбор и применение мер государственной защиты, которые предусмотрены уголовным законодательством и иными правовыми источниками.
3. Последняя, третья стадия, предусматривающая процедуру осуществления мер защиты лиц, оказывающих содействие правосудию после вступления вердикта в законную силу, а также возмещение ущерба пострадавшему лицу, от незаконных действий при разрешении и расследовании уголовного дела [2].

Различные угрозы и насильственные действия со стороны преступников в отношении свидетелей и пострадавших способствуют включению в уголовно-процессуальное законодательство мер, обеспечивающих государственную безопасность. Данные меры обеспечат безопасность участникам уголовного судопроизводства, принимаемых со стороны прокурора, следователя, суда, органа дознания, дознавателя в пределах их обозначенной компетенции при определенных основаниях, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам противоправными деяниями (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Так, Ростовский областной суд в апелляционном постановлении от 23 июля 2015 г. по делу № 10-10117/2015 оставил постановление Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону без изменения.

В рамках возбужденного 13 мая 2015 года по признакам преступления, предусмотренного ст. 111 ч. 1 УК РФ следователь СО ОМВД России по Первомайскому району г. Ростова-на-Дону, с согласия руководителя следственного органа, обратилась в суд с ходатайством об избрании Е., обвиняемому в совершении указанного преступления, меры пресечения в виде заключения под стражу.

Признав данное ходатайство обоснованным и законным, Первомайский районный суд г. Ростова-на-Дону постановлением от 4 июля 2015 года удовлетворил ходатайство следователя и избрал обвиняемому Е., задержанному в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, меру пресечения в виде заключения под стражу.

В апелляционной жалобе обвиняемый Е., выражая несогласие с избранной ему мерой пресечения, указывает на отсутствие у него намерений скрываться от следствия, на согласие давать показания по делу, наличие регистрации и постоянного места жительства на территории РФ, двух несовершеннолетних детей на иждивении и постоянного источника дохода.

Проверив материалы дела, заслушав выступления обвиняемого Е. и его защитника, поддержавших апелляционные жалобы и просивших об отмене состоявшегося судебного решения и избрании иной меры пресечения, оставить без изменения, суд апелляционной инстанции не находит оснований для отмены постановления Первомайского районного суда в отношении Е. или его изменения по доводам жалоб обвиняемого и его защитника.

Согласно ст. 97 УПК РФ, мера пресечения избирается при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый либо обвиняемый скроется от предварительного следствия или суда, может продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям или иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Установив обстоятельства дела и применив надлежащие нормы права, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о необходимости применения к Е. А. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Удовлетворяя ходатайство следователя, заявленное в рамках возбужденного, при наличии достаточных оснований, уголовного дела, по которому Е. 3 июля 2015 года задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, суд указал, что он обвиняется в совершении тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание исключительно в виде лишения свободы на срок свыше трех лет и в материалах дела имеется заявление от свидетеля А. о поступивших в ее адрес и в адрес ее несовершеннолетней дочери, также являющейся свидетелем по делу, угрозах со стороны обвиняемого, и эти

обстоятельства, в совокупности, дают суду основания полагать, что, находясь на свободе, при условии избрания иной меры пресечения, Е. может воспрепятствовать производству по делу [3].

Так, выделяют три важнейших линии деятельности государства по обеспечению соответствующих прав:

1. Меры правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных покушений на их жизнь, здоровье и имущество;
2. Меры социальной поддержки лиц, в отношении которых обеспечиваются нормы этого института;
3. Полноценное применение самих мер, реализующих безопасность участников уголовного судопроизводства.

Обеспечительными мерами охраны безопасности, а также защиты приведенных выше лиц является целенаправленная работа уполномоченных органов по формированию дополнительных гарантий безопасности вышеприведенных лиц через нормативное закрепление повышенной ответственности за совершение преступлений либо иных противоправных деяний.

1. Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. ст. 2.

2. Мищенко И. А. Личная охрана и охрана жилища и имущества участников уголовного судопроизводства // Общество и право. 2014. № 1. С. 44.

3. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 23 июля 2015 г. по делу № 10-10117/2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Джелали Татьяна Ивановна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.

Ростовский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, д. 83.

Тарнакоп Ольга Геннадьевна. Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса.

Ростовский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, д. 83.

***Ключевые слова:** меры государственной защиты, безопасность, свидетель, иные участники уголовного процесса, меры пресечения, уголовное судопроизводство.*

Егоров Н. Н.

ОБ ИНТЕГРАЦИИ МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИИ И ВИДЕОЗАПИСИ

В статье рассматриваются возможности интеграции таких методов и приемов криминалистических фотографии и видеозаписи, как измерительная, опознавательная съемки, макросъемка, ориентирующая, обзорная, узловая, детальная фотосъемки, общий, средний, крупный и детальный планы видеозаписи.

Развитие современной науки во многом обусловлено интеграцией научного знания, связанного с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов [5]. Процессы интеграции могут привести к возникновению новой системы из ранее несвязанных элементов как внешней интеграции, что предполагает создание новых отраслей знания, входящих в целостную систему науки. Так, например, возникла сама криминалистика, которую недаром называют интегративной наукой, позволяющей адаптировать методы, приемы и средства естественных, технических и других гуманитарных наук к задачам уголовного судопроизводства. В настоящее время интеграцию современных достижений науки и техники в криминалистику, а через нее в практику борьбы с преступностью рассматривают как одну из функций криминалистики [2]. При этом, как образно было отмечено А. Ф. Волынским, этот факт «научного сепаратизма» благотворно отразился на развитии как уголовного процесса, избавившегося от несвойственных его предмету задач, так и криминалистики, приобретшей «свободу творчества» в своем самоопределении [3].

Возможна и внутренняя интеграция – взаимопроникновение направлений, которое происходит в каждой отдельно взятой науке, что ведет к повышению уровня её целостности и организованности. Это можно проиллюстрировать на примере интеграции приемов криминалистических фотографии и видеозаписи. К приемам криминалистической фотографии относят ориентирующую, обзорную, узловую и детальную съемки. Среди приемов видеозаписи (которые иногда называют масштабное построение кадра, перспективное построение кадра, операторские приемы) выделяют общий, средний, крупный и детальный планы [7; 8]. Приемы криминалистической фотографии фактически полностью интегрированы с приемами криминалистической видеозаписи, поскольку отмечено, что общий и средний планы при видеозаписи носят ориентирующий и обзорный характер, а узловая и детальная съемки аналогичны крупному и детальному планам [1].

А вот интеграции методов криминалистических фотографии и видеозаписи фактически не произошло, хотя потребности следственной и экс-

пертной практики требуют включения правил производства таких методов фотографии, как измерительная, опознавательная и макросъемка в видеозапись. Естественно, они должны быть адаптированы с учетом технических различий фото- и видеоаппаратуры.

Измерительная фотосъемка (фотограмметрия) предназначена для получения снимков, по которым можно определить размеры сфотографированных объектов и расстояний между ними. Измерительная фотосъемка может быть осуществлена способом стереофотограмметрии (с использованием стереопар) и монофотограмметрии (с использованием одного фотоаппарата). К монофотограмметрии относятся фотосъемка с глубинным масштабом, фотосъемка с квадратным масштабом и фотосъемка с линейным масштабом.

Применение правил измерительной фотосъемки с глубинным и линейным масштабами обеспечит возможность измерения объектов и расстояний между ними, зафиксированных на видеозаписи, поскольку, например, фотограмметрическое программное обеспечение «PhotoModeler Scanner» позволяет установить на таких видеозаписях размеры объектов, применяя ориентиры (опорные точки) с известными координатами путем непосредственного измерения [6].

Правила опознавательной фотосъемки, как унифицированный стандарт при осуществлении видеозаписи, дают возможность в дальнейшем при назначении портретной экспертизы по видеоизображениям добиться их сопоставимости по ракурсу съемки, а в дальнейшем использовать видеозаписи известных лиц в качестве свободных образцов для сравнительного исследования. При этом должны быть учтены: факторы видеосъемки (условия видеозаписи); факторы, характеризующие состояние внешности лица человека в момент видеосъемки; факторы, изменяющие признаки внешности безвозвратно (необратимые факторы); факторы, обусловленные способом получения видеоизображений; факторы, обусловленные условиями использования видеоизображений [4].

Макрофотосъемка – это фотосъемка небольших предметов в увеличенном масштабе без использования микроскопа. Она может быть осуществлена как фотоаппаратом с несъемным объективом, так и фотоаппаратом со съемным объективом. Фотоаппаратом с несъемным объективом данная съемка возможна с использованием режима «макросъемка» или с использованием насадочной линзы (макролинзы). Фотоаппаратом со съемным объективом также возможно использование макролинзы, а также макрообъектива, макроприставки (мехов) или удлинительных колец.

Использование правил макрофотосъемки в видеозаписи преследует те же цели – получение изображения небольших предметов в увеличенном масштабе без использования микроскопа для изучения их рельефа и деталей. Макросъемка может быть осуществлена путем установки объектива видеокамеры на максимально возможное фокусное расстояние и наведени-

ем на резкость по видеоискателю (монитору) с приближением или удалением камеры. Возможно использование насадочной линзы (макролинзы) – дополнительного приспособления к объективу, изменяющего величину его фокусного расстояния. Макролинзы работают подобно лупе, приближая изображение к основному объективу [9].

Потребности следственной и экспертной практики делают возможным при осуществлении видеозаписи применение правил таких методов фотосъемки, как измерительная, опознавательная съемки и макросъемка.

1. Вагурина М. В., Волобуев Е. А., Егоров Н. Н. Криминалистическая фотография, киносъемка и видеозапись: Учебное пособие. М.: ВНИИ МВД России 2005. С. 30-31.

2. Волынский А. Ф. К вопросу о социальных функциях криминалистики и формах их реализации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 2. С. 91.

3. Волынский А. Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 176.

4. Давыдов Е. В., Шкоропат Е. А., Финогенов В. Ф. Факторы, влияющие на полноту и достоверность отображения признаков внешности человека, запечатленного на цифровых видеоизображениях // Судебная экспертиза. 2015. № 4 (44). С. 79-88.

5. Интеграция (от лат. Integratio) — восстановление, восполнение. Электронный ресурс: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2360/ ИНТЕГРАЦИЯ (дата обращения 28.08.2018).

6. Кривошеков С. А. Способы определения размеров объектов и расстояний между ними по изображению, зафиксированному фото- или видеокамерой с неизвестными параметрами, при помощи фотограмметрического программного обеспечения // Теория и практика судебной экспертизы. № 3 (31). 2013. С. 46-52.

7. Осмотр места происшествия: Практическое пособие / Под ред. А. И. Дворкина. М.: Юрист, 2000. С. 29.

8. Справочная книга криминалиста. Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации Н. А. Селиванов. М.: Издательство НОРМА, 2000. С. 20.

9. Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Насадочная_линза (дата обращения 28.08.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Николай Николаевич. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 13.

Ключевые слова: интеграция, методы и приемы криминалистической фотографии, методы и приемы криминалистической видеозаписи, измерительная, опознавательная фотосъемки, макросъемка, ориентирующая, обзорная, узловая, детальная фотосъемки, обций, средний, крупный и детальный планы видеозаписи.

УДК 343.98

Екимцев С. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Коррупция представляет существенную опасность обществу и государству. Антикоррупционная борьба протекает с разным результатом и согласно разным тенденциям. В течение длительного периода, общество и антикоррупционные компании стараются уменьшить степень коррупционных операций, однако преуспевания в данном процессе никак не получается достигнуть.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» определение коррупции складывается из таких понятий, как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; либо совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [1].

Коррупция является одним из опаснейших факторов общественной жизни, который деструктивно влияет на состояние национальной безопасности государства в целом. Коррупция оказывает разрушительное воздействие на основы государственного устройства и конституционные основы правового регулирования жизни общества, что определяет ее в современное время как угрозу национальной безопасности в Российской Федерации.

Последствиями коррупции могут стать глобальные негативные явления в политической, экономической, международной и иных сферах общественной жизни.

Российская Федерация по состоянию на 2018 год в рейтинге стран мира по уровню восприятия коррупции занимает 38 место из 180, что делает рассматриваемую тему одну из наиболее актуальных для российской политики. Данный показатель говорит о предельно широкой распространенности данного явления в нашей стране, обо всей серьезности складывающейся ситуации. Именно поэтому сейчас необходимо всеми возможными способами осуществлять меры, предотвращающие и пресекающие коррупцию, дабы устранять все ее возможные последствия на первоначальных этапах их проявления.

ГУЭБиПК МВД РФ, является подразделением МВД РФ, компетенция которого заключается в обеспечении экономической безопасности, а также в противодействии преступным деяниям экономического и коррупционного характера.

В целях разработки государственной политики, ее осуществления, а также нормативно-правового регулирования в части выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений по уголовным делам рассматриваемой категории деятельность Главного управления направлена на реализацию определенного перечня задач.

Для более детального рассмотрения целей деятельности государственных органов и направлений совершенствования их политики 27 июня 2013 г. был утвержден План деятельности МВД России № 1/6020 по реализации указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года на 2013 год и плановый период 2014-2018 годов. В качестве одной из целей деятельности рассматривается защита населения от организованной преступности и проявлений экстремизма. А в рамках нее, как одно из направлений, был выделен эффективный заслон коррупции и экономической преступности.

Рассматривая указанное направление, стоит перечислить комплекс проведенных мероприятий, принятых решений и мер, а также привести описание достигнутых результатов.

Во-первых, были приняты меры по пресечению коррупционных преступлений, совершенных должностными лицами, осуществляющими контрольно-надзорные и разрешительные функции. Результатом осуществленных мер стал факт возбуждения уголовных дел в период с 2014 года до 1 квартала 2016 года включительно, в отношении ряда должностных лиц.

Во-вторых, были внедрены формы и методы, повышающие оперативно-служебную деятельность по защите бюджетных средств, выделенных на крупные инвестиционные проекты с государственным участием. Здесь стоит указать на то, что был проведен анализ законодательства, регулирующего именно данную сферу, а также форм и методов противодей-

ствия преступности данного рода; внедрены в практическую деятельность предложения по их оптимизации; разработан и реализован комплекс мер, направленных на выявление хищений бюджетных денежных средств, выделенных на крупные инвестиционные проекты с государственным участием на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта. При проведении указанных мероприятий основные усилия были направлены на пресечение преступлений посягающих на бюджетные средства, выделенные на подготовку и проведение XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи. В результате в январе-июне 2014 года возбуждено 19 уголовных дел, совокупный выявленный ущерб по которым составил более 1,5 млрд рублей, задержано 14 лиц, причастных к совершению указанных преступлений. Разработан и реализуется комплекс мер, направленных на защиту бюджетных средств, выделенных на организацию и проведение чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года. Организовано взаимодействие со Счетной палатой Российской Федерации, Минспортом России, Минтрансом России, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам, связанным с осуществлением анализа расходования выделенных средств и выявлением возможных условий для осуществления их хищения. Также организовано взаимодействие с автономной некоммерческой организацией «Организационный комитет «Россия-2018» в части получения сведений о запланированных и проведенных мероприятиях по подготовке к Чемпионату мира по футболу.

Помимо вышеперечисленных мероприятий, был осуществлен комплекс мер по повышению эффективности работы по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений, совершаемых с использованием офшорных компаний и фирм-однодневок. В 2014 году подготовлены методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьями 173.1 и 173.2 УК РФ, которые направлены в территориальные органы МВД России для практического использования. Правоохранительными органами Российской Федерации выявлено 227 преступлений, предусмотренных указанными статьями УК РФ, из них 206 – статьей 173.1 УК РФ и 21 – статьей 173.2 УК РФ. В 2015 году правоохранительными органами Российской Федерации выявлено 280 преступлений данной категории, из них 254 преступления, предусмотренных статьей 173.1 УК РФ, и 26 – статьей 173.2 УК РФ. Кроме того, изучена практика применения Федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям», которым в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения и дополнения. В 2014 году правоохранительными органами выявлено 774 факта легализации денежных средств, полученных преступным путем (из них органами внутренних дел Российской Федерации – 349). Установлено

530 лиц, их совершивших. К уголовной ответственности привлечено 448 лиц. В 2015 году выявлено 863 факта легализации денежных средств, полученных преступным путем (из них органами внутренних дел Российской Федерации – 413). Установлено 657 лиц, совершивших преступления указанного вида. К уголовной ответственности привлечено 592 лица [2].

Говоря об антикоррупционной политике на современном этапе, стоит упомянуть о нововведениях. Касаясь представления декларации о доходах чиновников, – в бланки справок добавился новый пункт о ценностях, отчужденных в отчетном периоде. Так, при подарке квартиры кому-либо, государственный служащий должен будет сообщить о данном факте письменно в справке. То же касается и продажи автомобиля. В 2018 году расширились права и обязанности сотрудников правоохранительной системы. При подозрении государственного служащего во взяточничестве они самостоятельно, без разрешения суда, теперь имеют доступ к информации о счетах и вкладах лица, через Росфинмониторинг. Это обстоятельство способствует быстрому реагированию на факты коррупции и по возможности их профилактике. Национальный план на 2018 – 2019 годы содержит указания в сфере борьбы с коррупцией для всех ветвей власти. На основе Национального плана каждый государственный орган, ведомство, суд и учреждение, разрабатывает и соблюдает свой внутренний план.

Главная задача Национального плана борьбы с коррупцией заключается в сокращении количества преступлений коррупционной направленности.

Анализ международного опыта противодействия коррупции показывает, что полностью уничтожить коррупцию не удастся ни одному государству, но снизить ее уровень вполне возможно.

Борьба с преступностью коррупционной направленности – это общее дело органов государственной власти и общественности. Только благодаря совместным усилиям общественности и государственных органов можно достичь положительного результата в этом государственно важном деле.

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) "О противодействии коррупции"// [Электронный ресурс].

2. Отчет о ходе выполнения мероприятий Плана деятельности МВД России по реализации указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года на 2013 год и плановый период 2014-2018 годов, утвержденного 27 июня 2013 г. № 1/6020 (на 31 марта 2016 года).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Екимцев Сергей Валерьевич. Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции.

УДК 351.745.7

Жиеншенова Ш. С.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с проведением судебной экспертизы холодного оружия по законодательству Республики Казахстан.

В данной статье даётся определение, классификация, типы, виды холодного оружия, а так же приведена структура криминалистического учения о холодном оружии. Автором предложены методы улучшения способов проведения судебной экспертизы холодного оружия. Результаты данного исследования направлены на дальнейшее развитие научных и методических рекомендаций экспертного исследования холодного оружия и могут быть использованы в совершенствовании практики производства криминалистических экспертиз холодного оружия.

Социально-экономические и политические реформы, происходящие в Казахстане, повлекли перемену характеров социальных отношений. В данных жизненных обстоятельствах случилось смещение в худшую сторону криминогенной ситуации, которая связана с подъемом преступности. При этом нужно принимать во внимание, что официальная статистика демонстрирует лишь только зарегистрированные нарушения закона, не беря во внимание скрытую преступность. Почти все научные работники в области криминалистики считают, что на любое зарегистрированное преступление приходится 2 незарегистрированных.

В то же время с подъемом отмечается и качественная перемена преступности. Все больше в ее структуре занимает деятельность ОПГ, которые на техническом уровне отлично обустроены и вооружены. Подъем агрессии преступников выражается в увеличении значения таких наиболее небезопасных преступлений, как бандитизм, убийства, разбойные нападения и иные правонарушения против личности. Властям и обществу противоборствует сильная и колоссальная преступная мощь, противостоять которой возможно только решительными ответными правовыми мерами.

Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, провозглашает иерархию ценностей: личность – семья – общество – государство, в отличие от прошлых Конституций, в которых провозглашалось преобладание интересов страны [1]. Главным объектом защиты органами правопорядка и законности стал человек, его жизнь, самочувствие, права и интересы вышли на первый план. Этот принцип стал базовым в новом Уголовном кодексе Республики Казахстан, принятом 3 июля 2014 года № 226-V и введенным в действие с 1 января 2015 года. Ориентир на борьбу с организованной преступностью, злодеяниями против личности, на социальную защищенность получил законодательное оформление в УК РК, что выражается в усилении ответственности за совершение данной категории преступлений против личности [2].

Особенный смысл приобретают общепризнанные меры уголовного права, нацеленные на профилактику наиболее небезопасных преступлений. Так, в соответствии со ст. 287 и 288 УК РК за нелегальную покупку, сбыт, ношение и производство холодного оружия предусмотрена уголовная ответственность. Наказания, содержащиеся в данных статьях, возможно рассматривать как меры подавления более тяжких преступлений, совершаемых с использованием холодного оружия, потому что в ряде составов преступлений его использование является составляющими квалифицирующим критерием. Прослеживается связующая нить данных видов преступлений, что подтверждается данными, отмеченными в спецлитературе.

Предотвращение преступлений, связанных с холодным оружием, стало актуальным в наше время, в связи с тем, что холодное оружие стало быстро распространяться в связи со свободной продажей в торговых точках, а иногда его продают без разрешения компетентных органов. Не так давно ассортимент холодного оружия, предлагаемый клиентам Запада, можно было увидеть лишь только в зарубежных каталогах. Ныне же обстановка кардинально поменялась. В российских оружейных магазинах представлено большое количество разного холодного оружия, доставленного из европейских и азиатских государств. В особенности массовый ввоз ножей производится из Кореи, Китая и Гонконга. Эти колюще-режущие предметы поступают без соответственного сертификата и при перепродаже в спецмагазинах не отвечают критериям, предъявляемым к холодному оружию. Есть прецеденты, когда ножи, являющиеся холодным оружием, продаются без разрешения и сертификата. При этом они привлекательны и для торговца, и для клиента. Вместе с тем, подобное деяние подпадает под действие ст. 287 УК РК. В качестве оправдания и торговцы, и клиенты говорят о том, что не знали о том, что ножи относятся к холодному оружию. Впрочем, это не освобождает их от уголовного преследования. Квалифицировать, считается или же нет та или иная вещь или же прибор холодным оружием может только квалифицированный профессионал, имеющий воз-

возможность проводить экспертизу холодного оружия, то есть владеющий особыми практическими и теоретическими знаниями.

Потребность в особых знаниях профессионала по холодному оружию не ограничивается лишь только сферой уголовного расследования.

Важной мерой использования экспертных познаний считаются и сертификационные проверки. Но во всех случаях криминалистического изучения холодного оружия на первое место выходит решение вопросов диагностики для того, чтобы квалифицировать – к какому объекту относится холодное оружие, его вид и марка.

Экспертиза холодного орудия считается одним из ведущих экспертных направлений, производящихся в криминалистической сфере.

Использование экспертизы холодного оружия в раскрытии и предупреждении преступлений считается гарантией увеличения производительности работы правоохранительных органов. В этой связи необходимо внедрение на неизменной базе в экспертную практику всех передовых достижений ноу-хау. Успешное осуществление криминалистического изучения, его высококачественность во многом находится в зависимости и от его теоретической, методологической основы, являющейся основанием для практического использования. Как раз вследствие этого большую роль играет изучение сегодняшних задач, способов и организации экспертизы холодного оружия.

Экспертному изучению холодного оружия приурочен ряд трудов многих ученых-специалистов. Особенного внимания заслуживают работы Н. И. Емельянова, М. Г. Любарского, А. Н. Самончика, Д. П. Рассейкина, Ю. П. Голдованского, Х. М. Тахо-Годи, А. И. Устинова, Е. Н. Тихонова, В. М. Плескачевского, А. С. Подшибякина и иных авторов, внесших значимый вклад в развитие, становление и улучшение представленного вида экспертизы.

В то же время тест спецлитературы и экспертной практики демонстрирует, что в криминалистической экспертизе присутствует много научных задач, которые все ещё не решены. Почти все задачи далеки от результативности или вообще не освещены, кое-какие значимые вопросы остаются на уровне обсуждения, недостаточно исследованы направления, связанные с упорядочением экспертной работы. Это объясняется тем, что экспертному изучению холодного оружия уделялось не так много внимания, потому что криминалисты не один раз выражали сожаление о том, что представленная отрасль обязана быть выведена в самостоятельную сферу. Длительное время не был конкретизирован этот вид изучения. Его относили и к судебной баллистике, и к трасологии. Это подход проявился в построении теоретической основы криминалистической экспертизы холодного оружия, которая определялась как идентификационное изучение (групповая идентификация). Важным дефектом считается и то, что с развитием криминалистической диагностики абстрактные основы предоставленной

экспертизы не были пересмотрены. Вместе с тем, за пределами видимости научных работников осталось содержание систематизации исследовательских признаков холодного оружия, выработка единых критериев их оценки.

Исследование экспертной практики выявило, что систематизацию холодного оружия нужно дополнить новыми видами холодного оружия, которые стали в последние годы встречаться в криминалистической практике.

Запросы по экспертизе холодного оружия на современном уровне, высочайшее становление науки на основе эксплуатации оснащения по последнему слову техники, позволили обнаружить, что кое-какие разработки и советы по способу проведения экспертизы холодного оружия стали неактуальными и нуждаются в обновлении. Назрела надобность в программном подходе к криминалистическому изучению холодного оружия, алгоритмизации процесса изучения его изготовления. Внедрение в экспертную практику электронно-вычислительной техники стало началом реализации предназначенных автоматических информационно-справочных систем. Для способности их использования в экспертизе холодного оружия потребуется разработка основ ее информационного обеспечения, проведение классификации информационных источников и составление справочно-информационного фонда.

Значимость обозначенных задач, надобность рассмотрения взаимосвязанных неоднозначных вопросов, вероятность уничтожения имеющихся пробелов, препятствующих развитию криминалистической экспертизы холодного орудия, обозначили актуальность исследуемой проблематики.

Цели и задачи изучения. Целью изучения считается разработка теоретических основ криминалистического учения о холодном оружии и проведения экспертизы холодного оружия.

Установленная задача обозначила определенные направления:

- анализ теоретических основ диагностики холодного оружия;
- разработка и улучшение способов экспертного изучения холодного оружия;
- классификация холодного оружия;
- оценка и внедрение в доказательство решений профессионалов по изучению холодного оружия.
- разработка собственного взгляда на структуру криминалистического учения о холодном оружии.

Предметом изучения считаются раскрытые закономерности, знание которых разрешает улучшать и использовать криминалистическое учение о холодном оружии, и базирующиеся на данных закономерностях как понятие, конструкция и систематизацию данного учения.

Одной из приоритетных задач по уголовным делам, связанным с холодным оружием, считается определение качества предмета, фигурирую-

щего в деле, его принадлежность к холодному оружию. Эта задача решается в ходе расследования уголовных дел экспертом-криминалистом. Экспертному изучению подлежат вещественные подтверждения, в отношении которых есть причины думать, что они относятся к холодному оружию, но для определения этого потребуются особые знания. Специалист проводит изучение представленного предмета, уточняет следующий спектр причин, который охарактеризовывал бы его как какую-нибудь разновидность холодного оружия, разграничивает их по диагностической роли и отвечает на ключевой вопрос экспертизы – соответствует ли он во всем определению холодного оружия.

Задачам определения холодного оружия в криминалистической литературе специалисты уделяли большое внимание в разные годы. Как верно фиксировал А. И. Устинов, «...понятие холодного оружия собирательное, теоретическое, отражающее лишь только его целевое назначение» [3, с. 35]. В данном выражении заключается определенный смысл определения мнения холодного оружия. В доктрине и экспертной практике оно считается более обсуждаемым. Внимание к данному вопросу разъясняется его абсолютной значимостью, потому что понятие холодного оружия плотно связано с его критериями и систематизацией. Почти все криминалисты, специализирующиеся на изучении холодного оружия в научном, методическом или же практическом качестве, предлагали собственные определения холодного оружия. В ходе исследования и анализа спецлитературы нами была выяснена условная многочисленность и вариационность мнений по поводу холодного оружия, приведенных в работах разных авторов (М. Г. Любарский, В. М. Плескачевский, А. С. Подшибякин, А. Н. Самончик, Е. Н. Тихонов, А. И. Устинов и др.).

Их можно считать активными участниками многолетних работ по этому вопросу.

Старт к определению холодного оружия, определению критериев относимости объектов к данному облику оружия в криминалистике был положен ещё Н. В. Терзиевым [4, с. 25]. Он не преследовал задачу предоставить определение, а только в качестве примера массовой идентификации привел подобные критерии холодного оружия: «...1) вероятность нанесения им телесного повреждения; 2) назначение работать для нападения или же интенсивной самозащиты и 3) аксессуар к острым режущим, рубящим, колющим или же тупым орудиям...» [4, с. 26].

Перечисленные качества не имели возможность быть приняты за формулировку мнения холодного оружия, им требовались дополнения и уточнения. Но эти критерии показывали на весомый смысл, как метод воздействия, общецелое и особое предназначение. Этим образом, родовые категории холодного оружия, приведенные Н. В. Терзиевым, имели возможность рассматриваться как основа для последующего формирования определения холодного оружия.

Впервые формулировки определения холодного оружия были предложены позже Н. И. Емельяновым [5, с. 56], М. Г. Любарским [6, с. 64], А. Н. Самончиком [7, с. 51].

Проведенное изучение разрешает сконструировать надлежащие выводы, предложения и советы.

Итоги анализа определений холодного оружия, имеющих в криминалистической и особой литературе и в Законе Республики Казахстан от 30 декабря 1998 года № 339 «О контроле за оборотом отдельных видов оружия» позволили уточнить причины отнесения предметов (устройств) к холодному оружию и сконструировать его понятие.

Считаем важным дополнить список холодного оружия новым типом – «универсальные ножи для выживания», которые не относятся ни к одному из типов холодного оружия, входящие в ранее выставленные классификации.

Предлагается криминалистическая классификация исследования холодного оружия, построенная в согласовании с их ступенчатостью на действующие и недействующие, и следующим комплексом конструктивных критериев на ключевые, которые образуют определяющие описание холодного оружия, и вспомогательные, представляющие особенности структуры и не имеющие решающего смысла для диагностики предметов (устройств).

Необходимым условием отнесения объекта к холодному оружию при проведении экспертизы, считается внедрение важной справочной информации. Данная информация обязана содержать сведения о популярных образцах, типах, видах холодного оружия. Ведущей массив данных применяется для удачного проведения сравнительного изучения, когда обнаруженный комплекс диагностически важных критериев объекта сопоставляется с надлежащими критериями образцов. При данном эталоны холодного оружия выступают в качестве сравнительного материала. Обеспечение более абсолютной информацией по различному холодному оружию содействует увеличению достоверности приобретенных в ходе изучения итогов и воздействует на экспертные выводы. Интенсивное внедрение информационных ресурсов содействует большей объективности диагностической экспертизы холодного оружия.

Составление систематизированного справочно-информационного фонда по холодному оружию считается необходимой научной и практической задачей. Использование компьютерной техники для облегчения и ускорения поиска информации – одно из своевременных направлений увеличения значения информационного обеспечения криминалистической экспертизы холодного оружия.

Нужно создание единого справочно-информационного фонда для исследовательских изучений холодного оружия.

Представлена конфигурация справочного-информационного обеспечения экспертного изучения холодного оружия и схема его организации с поддержкой компьютерной техники.

Для увеличения объективности и достоверности выводов криминалистической экспертизы холодного оружия рекомендован модернизированный способ изучения, предусматривающий неотъемлемое использование комплекса способов проведения экспертного опыта (определение упругости клинка, жесткости, поражающих возможностей, удобства удержания в руке при нанесении ударов и защищенности от самоповреждения) с внедрением особых устройств.

При определении достаточности жесткости (твердости) клинка холодного оружия нужно принимать во внимание взаимосвязь показателя твердости металла клинка и толщины его обуха.

Методы заключения экспертных подзадач обеспечивают программный подход к изучению холодного оружия, а их внедрение специалистом в практическую работу содействует уменьшению сроков изготовления экспертизы по холодному оружию.

Предусматривая важность такового конструктивного признака, как длина клинка, предлагается установить малое значение длины клинка холодного оружия.

1. Конституция Республики Казахстан, принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // Электронная база законодательства «Параграф», 2017.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V // Электронная база законодательства «Параграф», 2017 // Электронная база законодательства «Параграф», 2017.

3. Устинов А. И. Криминалистическое исследование холодного оружия. Проблемы судебной экспертизы. М., 1961.

4. Терзиев Н. В. Идентификация и криминалистика // Советское государство и право. № 12. М., 1948.

5. Емельянов Н. И. Краткие сведения о холодном оружии. Л., 1957.

6. Любарский М. Г. Понятие – «холодное оружие» // Бюллетень Ленинградской НИЛСЭ. Л., 1959.

7. Самончик А.Н. Криминалистическое исследование холодного оружия. М., 1959.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жиеншенова Шахнада Сакеновна. Преподаватель цикла криминалистики и специальной техники.

Учебный центр Министерства внутренних дел Республики Казахстан.

Республика Казахстан, 110000, город Костанай, ул. М. Хакимжановой, д. 58.

Ключевые слова: холодное оружие, экспертиза, криминалистическое изучение.

УДК 340.1

Журавлева Н. М., Ретюнских И. А.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

В статье на основе анализа научной литературы исследуется механизм обеспечения прав подозреваемого при производстве дознания в сокращенной форме, выделяются структурные элементы механизма обеспечения прав личности, выявляются проблемы в связи с реализацией подозреваемым своих прав при производстве сокращенного дознания.

Уголовное судопроизводство, как и любая деятельность, связанная с применением права, имеет свои цели и задачи. Учитывая, что основным законом государства человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита является обязанностью нашей страны (ст. 2 Конституции РФ), в том числе в лице суда, прокурора, органов предварительного расследования, то одним из приоритетных направлений отечественного уголовного судопроизводства является обеспечение и защита прав и свобод его участников.

Следует отметить, что отсутствие в государстве и обществе определенного механизма гарантий реализации соответствующих прав придает правовому статусу личности декларативный характер. В связи с этим в настоящее время уделяется повышенное внимание способам и средствам, при помощи которых обеспечиваются права участников уголовного судопроизводства [1].

Справедливой в определенной мере следует признать позицию О. Н. Андреевой, которая пишет, что отсутствие в действующем уголовно-процессуальном законе четко определенного механизма обеспечения прав участников уголовного судопроизводства может привести к своеволию и незаконию со стороны уполномоченных должностных лиц [2].

Впервые термин «механизм обеспечения прав в уголовном процессе» был употреблен в научном труде коллектива авторов Е. Г. Мартынчика, Е. П. Радькова и В. Е. Юрченко [3].

Так, В. Ю. Мельников, исследуя названный механизм, определяет его как «совокупность процессуально-правовых элементов, средств и спо-

собов, при осуществлении в определенной последовательности обеспечивают функционирование всего уголовного судопроизводства в соответствии с его назначением», закрепленным в положениях ст. 6 УПК РФ.

Мы полагаем, что механизм обеспечения прав участников, в том числе подозреваемого, при производстве дознания в сокращенной форме функционирует путем прохождения трех последовательных этапов.

Первый этап – это предоставление прав, путем их законодательного закрепления в нормах уголовно-процессуального закона, регулирующих отношения, складывающиеся в определенных условиях в ходе уголовного судопроизводства. Следует обратить внимание на то, что права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, саккумулированы не только в соответствующих статьях УПК РФ, определяющих их процессуальный статус (ст. 37-60 УПК РФ). Ряд прав субъектов уголовно-процессуальных отношений, закреплен в положениях, регламентирующих: 1) процессуальный порядок проведения следственных действий (часть пятая 179, часть пятая ст. 182, части третья и пятая ст. 189, часть вторая 192, часть четвертая ст. 193, часть четвертая ст. 195, ст. 198, ст. 206 УПК РФ); 2) применение по делу упрощенного порядка предварительного расследования (ст. 226.3, части вторая и пятая ст. 226.4, часть третья ст. 226.5 УПК РФ); 3) иные аспекты уголовно-процессуальной деятельности.

Второй этап – это непосредственная реализация своих прав участниками уголовного процесса. Важную и основную роль на данном этапе играет разъяснение уполномоченным должностным лицом соответствующих прав участнику уголовного судопроизводства, который впоследствии самостоятельно принимает решение о том, какими положениями уголовно-процессуального закона следует воспользоваться в целях защиты своих прав и законных интересов.

Третий этап – соблюдение прав личности в ходе уголовного судопроизводства, гарантируемое мерами государственного воздействия.

На первом этапе функционирования механизма обеспечения прав участников законодатель уделил особое внимание вопросу обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Об этом свидетельствует предусмотренная положениями главы 32.1 УПК РФ отдельная ст. 226.3 указанного уголовно-процессуального закона «Права и обязанности участников уголовного судопроизводства по уголовному делу, дознание по которому производится в сокращенной форме», определяющая права и обязанности, лиц, вовлеченных в уголовное дело. Более того, анализ действующего законодательства позволил нам определить, что в условиях применения упрощенного порядка производства потерпевший и (или) его представитель, подозреваемый, обвиняемый, защитник наделены дополнительными правами. Кроме того, в целях обеспечения прав и законных интересов указанных участников уголовного процесса в законе предусмотрены обязанности дознавателя, не характерные для других форм

предварительного расследования. Речь идет об обязательности: получения согласия потерпевшего на применение по уголовному делу порядка сокращенного дознания (п. 6 части первой ст. 226.2 и часть пятая ст. 226.4 УПК РФ); удовлетворения ходатайств, заявленных на основании п. 6 части первой ст. 226.2, п.п. 1-3 части третьей ст. 226.5, части шестой ст. 226.7 УПК РФ. Более того, законодатель в ранее указанных целях предусмотрел дополнительное правомочие, предусмотренное частью второй ст. 226.8 УПК РФ.

Второй этап работы указанного механизма касается непосредственной реализации своих прав лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство в условиях применения по делу дознания в упрощенном порядке. Положения главы 32.1 УПК РФ, регламентирующие порядок производства дознания в сокращенной форме, свидетельствуют о том, что законодателем отдельно уделено внимание вопросу обязанности дознавателя разъяснение процессуального статуса (прав и обязанностей) потерпевшему и (или) его представителю, подозреваемому, обвиняемому, защитнику. Данные обстоятельства, указывают на то, что перечисленные участники впоследствии могут самостоятельно определять какими именно правами в целях защиты своих прав они воспользуются. Анализ норм, регламентирующих производство упрощенного дознания по уголовным делам, а также изучение практики применения дознания в сокращенной форме позволяет нам прийти к выводу о том, что ряд реализация ряда прав подозреваемого не обеспечена надлежащим образом. Речь идет о правах, предусмотренных положениями пп. 1-3 части третьей ст. 226.5 УПК РФ, реальное осуществление которых вызывает сомнение. Уточним, что это права, касающиеся оспаривания доказательств, их достоверности и постановления под сомнение достоверности выводов специалиста. Причины, препятствующие реализации указанных правомочий, мы видим в следующем: отсутствии в действующем законодательстве обязанности дознавателя знакомить подозреваемого и его защитника с заключением специалиста; возможность ознакомления с доказательствами у перечисленных участников возникает при ознакомлении с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела по окончании производства дознания в сокращенной форме, а не на протяжении осуществления предварительного расследования.

Третий этап функционирования исследуемого механизма, касающегося соблюдения прав личности в ходе уголовного судопроизводства, гарантируемого мерами государственного воздействия, включает систему гарантий прав и законных интересов. Она представляет собой многоуровневую систему, включающую нормы, регламентирующие уголовно-процессуальную форму, принципы уголовного судопроизводства, процессуальный статус участников, содержание деятельности государственных органов, должностных лиц и других участников процесса; проверку закон-

ности и обоснованности процессуальных действий и решений должностных лиц.

Обобщив изложенные выше измышления относительно структуры, элементов и порядка функционирования исследуемого механизма, полагаем, что механизм обеспечения прав участников уголовного процесса при производстве дознания в сокращенной форме это предоставление государством лицам, вовлекаемым в уголовное судопроизводство, соответствующих прав, закрепленных в действующем законодательстве, в количестве, необходимом и достаточном для осуществления защиты прав, свобод и законных интересов, соблюдение которых гарантируется мерами государственного воздействия.

1. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и дополн. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. 160 с.

2. Андреева О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект). Томск, 2004. С. 101.

3. Мартынчик Е. Г., Радьков В. П., Юрченко В. Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Под ред. Карпова Т. И. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 33-43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлева Наталья Михайловна. Аджункт кафедры уголовного процесса.

Уральский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ретюнских Ирина Алексеевна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.

Уральский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: *подозреваемый, механизм обеспечения прав, сокращенное дознание.*

УДК 343.13

Зубцов Ю. Н., Гришин А. В.

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА
В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ТЯЖКИЕ
И ОСОБО ТЯЖКИЕ ДЕЯНИЯ, ПОДПАДАЮЩИЕ
ПОД ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу эффективности применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие деяния, подпадающих под признаки преступлений, в том числе недостаткам наблюдения за данной категорией граждан в быту после прохождения лечения, влекущие к рецидиву противоправного поведения.

Основой формирования специального компонента профессионального правосознания не всегда становится систематическое юридическое образование, и он зачастую формируется лишь на основе практической юридической деятельности [1].

В настоящее время отмечается актуальность поставленных проблем по вопросам эффективности применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие деяния, подпадающие под признаки преступлений, а также имеющиеся недостатки наблюдения за данной категорией граждан в быту после прохождения лечения, влекущие к рецидиву противоправного поведения.

Зачастую у следствия возникают вопросы, связанные с производством предварительного следствия по уголовным делам данной категории. В своей практической деятельности органам предварительного следствия надлежит учитывать не только требования УПК РФ, но и положения международных правовых актов и практику Европейского суда.

К участию на досудебной стадии уголовного судопроизводства по данной категории дел в обязательном порядке следует привлекать законных представителей лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Ими в соответствии с частью 1 статьи 437 УПК РФ признаются близкие родственники – родители, усыновители или другие указанные в пункте 4 статьи 5 УПК РФ лица. При отсутствии близких родственников либо их отказе от участия в деле законным представителем может быть признан орган опеки и попечительства. Участие законного представителя является обязательным. Если законный представитель действует в ущерб интересам представляемого им лица, он отстраняется от участия в деле, и законным представителем лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, признаются другие

лица, указанные в пункте 4 статьи 5 УПК РФ, а при их отсутствии – орган опеки и попечительства.

Следует учитывать, что в силу пункта 3 части 1 статьи 51 и статьи 438 УПК РФ в производстве о применении принудительных мер медицинского характера участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле. Отказ от защитника по этим делам не может быть принят судом. В случае нарушения указанных требований в ходе предварительного расследования такое уголовное дело подлежит возвращению прокурору в порядке, установленном статьей 237 УПК РФ.

В соответствии с требованиями пункта 3 статьи 196 УПК РФ по каждому уголовному делу в обязательном порядке необходимо назначать судебно-психиатрическую экспертизу, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого или обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

К обстоятельствам, вызывающим такие сомнения, могут быть отнесены, например, наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь (у него диагностировалось врачами психическое расстройство, ему оказывалась амбулаторная психиатрическая помощь, он помещался в психиатрический стационар, признавался невменяемым по другому уголовному делу, негодным к военной службе по состоянию психического здоровья и т. п.), о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, о получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном наличии психического расстройства, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др.

При назначении судебно-психиатрической экспертизы на разрешение экспертов следует ставить вопросы, позволяющие выяснить характер и степень психического расстройства во время совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, в ходе предварительного расследования установить, могло ли лицо в указанные периоды осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Перед экспертами следует ставить также вопросы и о том, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него и других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда, нуждается ли такое лицо в применении принудительной меры медицинского характера и какой именно, а также может ли это лицо с учетом характера и степени психического расстройства лично осуществлять свои процессуальные права.

Ввиду вышеизложенного рекомендуем осуществлять сбор характеризующих данных в полном объеме на первоначальной стадии предварительного расследования с целью назначения при наличии оснований стационарной психолого - психиатрической судебной экспертизы, минуя проведение амбулаторной психолого-психиатрической судебной экспертизы. Кроме того, на законодательном уровне следует разработать и обсудить предложения по повышению эффективности взаимодействия между органами внутренних дел, органами здравоохранения и управлениями Следственного комитета Российской Федерации по субъектам РФ в данной сфере, с участием представителей вышеназванных ведомств.

1. Гришин А. В., Фомина Е. М. Некоторые вопросы недействительных сделок // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 2 (67). С. 148-149.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубцов Юрий Николаевич. Доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *принудительные меры медицинского характера, лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие деяния, признаки преступления, лечение, рецидив противоправного поведения, УК РФ, УПК РФ, ответственность.*

УДК 343.13

Зюзина И. В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ДИАГНОСТИКИ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ВНЕШНОСТИ В ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В данной статье рассмотрены проблемы использования методов диагностики динамических признаков внешности в портретной экспертизе при раскрытии и расследовании преступлений. Проанализированы характерные особенности описательных и измерительных, вероятностно-статистических; аналитических методов диагностики динамических признаков внешности в портретной экспертизе. Выявлена необходимость комплексного использования методов диагностики динамических признаков внешности в портретной экспертизе.

В современном мире суды и следствие в ходе установления истины часто применяют в своей практике возможности портретной экспертизы. Такое положение обусловили два обстоятельства. Прежде всего, сама природа портретной экспертизы как средства идентификации и доказывания. А также то, что методики диагностики портретной экспертизы постоянно совершенствуются с помощью новейших достижений научно-технического прогресса. Это реализуется за счет использования более совершенных новых методов диагностики для извлечения информации большей, чем это было доступно ранее.

Исследование современной практики производства портретных экспертиз выявило тот факт, что правоохранители не всегда обоснованно используют методы исследования динамических признаков внешности человека, а так же приемы их реализации, зафиксированных на разных видах носителей портретной информации. Так же было установлено, что эксперты часто не соблюдают условия, при которых эти методы могут применяться более эффективно [2, с. 19]. Немаловажно отметить, что проблема повышения эффективности применения методов диагностики динамических признаков внешности в целях установления личности является одной из наиболее значимых в практике раскрытия и расследования преступлений. Все это предопределило актуальность и значимость выбранной темы исследования.

Итак, портретная экспертиза, как и прочие виды экспертиз, имеет свою систему методов диагностики. Специфика данной системы предопределена решаемыми задачами и объектами исследования. В ходе проведения портретной экспертизы, прежде всего, решается задача отождествления человека по анатомическим, общефизическим и функциональным (динамическим) признакам его внешности, запечатленным на разнообразных носителях портретной информации [2, с. 21].

Как правило, при идентификации сравнение происходит с комплексным применением методов диагностики динамических признаков внешности в портретной экспертизе, к ним относятся: описательный и измерительный методы (изучение положения, степени выраженности динамических признаков внешности); вероятностно-статистический метод (то есть изучение информативности, частоты встречаемости динамических признаков внешности); аналитический метод и т. д.

При исследовании динамических признаков внешности с помощью описательного метода происходит их соотнесение, то есть поочередное визуальное восприятие и анализ сопоставляемых динамических признаков внешности, мысленное определение характера, степени различий или совпадений динамических признаков. Такое сопоставление предполагает наличие условно принятых характеристик признаков. Метод описания важен во многих ситуациях идентификации, при всех условиях отображения динамических признаков, если принято решение ее применять. Целью метода описания является дать характеристику характера, мимики, жестикуляции, манеры поведения личности с учетом особенностей динамических признаков внешности. Правоохранители при этом, как правило, ориентируются на справочную литературу и собственный опыт отнесения функционального признака к его обусловленной градации. Исследуются положение, количество одноименных динамических признаков и их выраженность [2, с. 23].

Важным условием применения описательного метода диагностики является знание экспертом приемов описания и применение рекомендуемой экспертной литературой терминологии. Тем не менее, при изучении экспертных заключений можно обнаружить наименования признаков, являющиеся лишь умозрительным «творчеством» эксперта. Переменчивость динамических признаков внешности, как правило, такова, что это условие немаловажно учитывать при оценке экспертного исследования.

Вероятностно-статистический метод диагностики включает в себя использование вычисленных заранее вероятностей встречаемости установленных вариантов динамических признаков внешности личности, сведенных в общие перечни. Данный метод предусматривает выделение, сравнение и оценку этих вариантов динамических признаков с учетом их значимости при решении вывода о тождестве. Расчет частоты встречаемости совпадающих вариантов динамических признаков, как правило, применяют в виде предварительного показателя идентификационной значимости комплекса совпавших динамических признаков. Без качественного анализа динамических признаков, самих по себе их недостаточно для выводов о тождестве.

Аналитический метод включает анализ главных индивидуализирующих параметров динамических признаков внешности, которые после математической обработки составляют определенный комплекс идентификационных признаков, применяемых в ходе сравнительного исследования динамических признаков внешности неизвестных и подозреваемых лиц.

На основании комплексного исследования с использованием методов диагностики динамических признаков внешности эксперты получают необходимую для следствия информацию. Тем не менее, важно отметить, что ни один из данных методов диагностики динамических признаков внешности в портретной экспертизе не является предпочтительным перед остальными или универсальным. Все эти методы эффективно применять в совокупности и исходя из требований принципов и правил идентификации.

Значимым и актуальным направлением деятельности оперативных подразделений является совершенствование методов портретной экспертизы, в частности при использовании информации очевидцев о динамических признаках внешности человека, а также по видеозаписям. Говоря о возможностях изучения динамических признаков человека, при установлении личности важное значение приобретают методики профайлинга [1, с. 123]. То есть выявление потенциального преступника по его динамическим признакам и психологическим особенностям. Создание комплекса программного обеспечения для идентификации человека по его динамическим признакам позволило автоматизировать ряд этапов экспертного исследования, и вследствие этого увеличить достоверность выделяемых динамических признаков внешности. В целом благодаря нововведениям значительно уменьшилось время, затрачиваемое экспертами на производство портретных экспертиз [3, с. 29].

В настоящее время повышение эффективности экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений невозможно без развития новых, технически ёмких методов диагностики. Однако интенсивное развитие методов диагностики динамических признаков внешности может быть достигнуто только при выполнении определенных условий. К первому условию относится адресная финансовая поддержка, для укрепления их материально-технической базы, совершенствования соответствующего методического и информационного обеспечения. А второе условие – развитие тесного международного сотрудничества в области методик производства экспертиз.

Таким образом, совершенствование методик диагностики в практике портретной экспертизы позволит успешно решать сложнейшие задачи производства идентификационных и диагностических исследований.

1. Зиберова О. С., Парунов И. М. Криминалистические экспертизы в раскрытии преступлений террористического характера // Право: история, теория, практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). СПб.: Свое издательство, 2017. С. 123-126. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/227/12418> (дата обращения: 05.09.2018).

2. Зинин А. М. Методы в судебной портретной экспертизе и условия их применения // Судебная экспертиза. Выпуск 4 (48) 2016: научно-

практический журнал. Волгоград: ВА МВД России, 2016. 156 с. URL: <http://va-mvd.ru/sudek/archive/48.pdf>.

3. Зинин А. М., Черкашина И. И., Акишин Д. Г. Основы судебно-портретной экспертизы отображений внешнего облика человека, запечатленных на современных носителях информации: учеб. пособие / под общ. ред. А. М. Зинина. М.: ЭКЦ МВД России, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зюзина Ирина Владимировна. Эксперт экспертно-криминалистического отдела.

УМВД России по г. Орлу.

Российская Федерация, 302000, г. Орел, ул. 7 ноября, д. 73а.

Ключевые слова: динамические признаки, диагностика, методы, личность, портретная экспертиза, преступления.

УДК 343.1

Иванов Д. А.

РУКОВОДИТЕЛЬ ОРГАНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ДОЗНАВАТЕЛЯ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ВРЕДА

Статья посвящена изучению процессуального контроля руководителей органов предварительного расследования за деятельностью следователей и дознавателей по возмещению преступно причиненного вреда. В статье предлагается перечень источников информации, рекомендуемый для изучения руководством органов предварительного расследования в целях совершенствования данного направления деятельности.

Процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей по возмещению вреда, причиненного преступлением, как известно, осуществляют их непосредственные руководители, которыми согласно положений уголовно-процессуального закона (ст. 39, 40.1 УПК РФ) являются руководители следственных органов и начальники подразделений дознания.

Рассуждая о понятии контроля в общепринятом его понимании, он подразумевает под собой проверку, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора за определенным видом деятельности.

Комментируя современное понимание предназначения руководителей органов предварительного расследования А. М. Багмет уместно отмечает, что их роль «в организации расследования уголовных дел при соблюдении конституционных прав и свобод граждан закономерно возросла и объективно стала главенствующей...».

Нам видится логичным и обоснованным уточнить, что процессуальный контроль, осуществляемый руководителями органов предварительного расследования является эффективным инструментом для организации надлежащей деятельности должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в том числе и по восстановлению прав лиц, ставших жертвами уголовно наказуемых деяний. Естественно, анализируя сложившуюся объективную действительность в данном направлении деятельности, отметим, что она не лишена определённых изъянов и правовых пробелов. Однако в целом, можно утверждать о ее эффективности и необходимости. Имеющиеся недостатки, по мнению автора, можно устранить путем определения четкого алгоритма действий для руководителей органов предварительного расследования по осуществлению процессуального контроля за деятельностью подчиненных сотрудников.

В то же время В. И. Безрядин указывает, что «процессуальные положения руководителя следственного органа обусловлены необходимостью осуществления ведомственного процессуального контроля за организацией предварительного следствия, его сроками, обеспечением мер к наиболее полному всестороннему и объективному производству предварительного следствия».

При этом В. Д. Дармаева предлагает ограничить возможности процессуального контроля со стороны руководителей органов предварительного расследования, утверждая, что их деятельность «должна быть ограничена административными и организационными полномочиями, направленными на создание условий для качественного расследования преступлений, методическую помощь..., кадровое, научно-техническое и материальное обеспечение». Несмотря на указанные и, естественно, необходимые элементы «менеджмента» со стороны руководителя органа предварительного расследования, следует возразить вышеуказанному автору. В частности, корректируя данную позицию, отметим, что процессуальный контроль обязателен и востребован, так как представляет собой не карательную функцию начальника над подчиненным. Прежде всего, процессуальный контроль повышает степень защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, в том числе за деятельностью следователей и дознавателей по возмещению вреда, причинённого уголовно наказуемым деянием.

Однако следует заметить, что ни один из вышеназванных авторов, ни указанные ими полномочия руководителя органа предварительного расследования не предусматривают отдельно обозначенной его обязанности по даче указаний о принятии процессуальных решений и производстве

процессуальных действий, направленных на обеспечение возмещения вреда, причинённого преступлением.

Нам видится это особенно актуальным в наши дни, когда все острее ставится вопрос об эффективности деятельности органов предварительного расследования, направленной на обеспечение возмещения вреда, причинённого преступлением. Полагаем обоснованным включить в спектр полномочий руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания также и рассматриваемую автором обязанность.

На разработку изменений, касающихся дополнения контрольных функций со стороны руководителей органов предварительного расследования автора натолкнули также проблемы, выявленные в ходе изучения следственной практики, которые затрагивают вопросы обеспечения возмещения вреда, причинённого преступлением в досудебном производстве по уголовным делам.

Так, автором установлено, что наряду с проблемными вопросами, положительных результатов в данной работе не позволяют добиться определенные недостатки в деятельности как следственных органов, так и подразделений дознания.

В частности, как следует из изученной аналитической справки контрольно-методического управления ГСУ ГУ МВД России по г. Москве за 2016 год отдельные руководители самоустраиваются от осуществления контроля за организацией работы по данному направлению, о чем свидетельствуют результаты их работы. Анализ практики возмещения ущерба и результаты выезда сотрудников Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве в следственные подразделения территориальных органов по районам показали, что до возбуждения дела меры по возмещению причиненного преступлением вреда не принимаются, все ограничивается изъятием части похищенного в ходе личного досмотра. Рапорта о проделанной работе носят формальный характер. Имеют место случаи неисполнения качественно подготовленных поручений следователей, от исполнения которых зависит конечный результат. Отмечено неудовлетворительное качество материалов, поступающих из подразделений экономической безопасности, по которым в ходе доследственных проверок мер по возмещению вреда не принимается, все ограничивается ожиданием документов, свидетельствующих о признаках преступления, ход и направление проверок с руководителями следствия не согласовываются, совместные планы не разрабатываются.

Причинами выявленных нарушений, носящих системный характер и негативно влияющих на показатель возмещения причиненного преступлением вреда, обусловлены просчетами в осуществлении надлежащего процессуального контроля со стороны руководителей следственных органов и подразделений дознания МВД ГУ (У, УТ) МВД России за организацией

работы по восстановлению прав лиц, ставших жертвами преступных деяний и возмещению причиненного вреда.

Данная негативная динамика стала возможной ввиду того, что руководство органов предварительного расследования зачастую осуществляет поверхностный ведомственный контроль исходя из устного доклада о ходе расследования и принимаемых решениях. Усилим вышесказанный аргумент и доводами о том, что руководство органов предварительного расследования должно знакомиться не только с материалами уголовных дел, но и с другим массивом документов, которые несут в себе значимую информацию, в том числе непосредственно связанную с обеспечением возмещения вреда, причиняемого уголовно наказуемыми деяниями.

В первую очередь следует выделить материалы проверок сообщений о преступлениях. В качестве положительного примера организации работы с данного вида источниками информации служит опыт Управления МВД России по Еврейской автономной области, где издан приказ от 17 сентября 2014 года № 862 «Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверок в порядке ст. 144-145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности», в котором акцентировано внимание не только на отражение имущественного положения лица, в отношении которого проводится проверка, на начало и окончание проверки, но и на выявление причин изменения материального положения с целью избежать возможного наложения ареста на имущество.

В рамках осуществления процессуального контроля другим не менее значимым источником информации для руководителей органов предварительного расследования о деятельности следователей, дознавателей по установлению характера и размера причиненного преступлением вреда являются материалы проверок уголовных дел, как находящихся в производстве, так и тех, по которым производство предварительного расследования приостановлено либо прекращено.

Здесь же следует указать и вступившие в законную силу приговоры судов по уголовным делам, ранее находившимся в производстве органа предварительного расследования. Данные документы являются значимым источником информации, характеризующим деятельность следователей, дознавателей по возмещению причиненного преступлением вреда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Жалобы и обращения граждан, поступившие в орган внутренних дел в связи с производством предварительного расследования, также имеют огромное значение в качестве источника информации для осуществления надлежащего процессуального контроля, именно, с точки зрения повышения эффективности деятельности по обеспечению возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием.

В заключение автором обоснован вывод о том, что руководители следственных органов и подразделений дознания обязаны в полной мере

использовать предоставленные им уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами полномочия для упорядочения деятельности подчиненных сотрудников по возмещению вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием на всех стадиях досудебного производства.

1. Гриненко А. В. Правоохранительные органы Российской Федерации. Краткий учебный курс для студентов и преподавателей юридических вузов. Москва, 2004. Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. С. 126.

2. Багмет А. М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 57.

3. Безрядин В. И. О некоторых вопросах соотношения полномочий надзора и процессуального контроля руководителя следственного органа в досудебном производстве // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 107.

4. Дармаева В. Д. Проблема соотношения процессуального контроля и процессуальной самостоятельности следователя // Публичное и частное право. 2011. № 1. С. 149.

5. Иванов Д. А. Роль участников уголовного судопроизводства в реализации механизма возмещения вреда, причиненного преступлением в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. № 1 (6). С. 34.

6. Информационно-аналитическая справка Следственного департамента МВД России за 2015 год «Об эффективности использования процессуальных инструментов по установлению имущества обвиняемых (подозреваемых) по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности с целью наложения ареста или применения судом конфискационных санкций».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Дмитрий Александрович. Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры предварительного расследования.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.

Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: процессуальный контроль, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, следователь, дознаватель, вред, причиненный преступлением.

Игнатьев М. Е.

К ВОПРОСУ УСТАНОВЛЕНИЯ ЭКСПЕРТОМ ПРИЧИНЫ ПО ИМЕЮЩЕМУСЯ РЕЗУЛЬТАТУ (СЛЕДСТВИЮ, ОТОБРАЖЕНИЮ)

В настоящей публикации автор рассматривает актуальные вопросы, связанные с установлением криминалистической причинности в процессе расследования преступлений с материальным составом в аспекте решения экспертной задачи установления причины по имеющимся отображениям, оставленным воздействием материальных объектов.

Проблемы классификации экспертных задач, связанных с вопросами криминалистической причинности, достаточно подробно в своих работах исследовали такие отечественные криминалисты, как З. М. Соколовский в своей докторской диссертации [1], Ю. Г. Корухов [2] и Р. С. Белкин [3].

Любой вопрос, касающийся отражения преступного события во вне (так называемая криминалистическая причинность) может быть сформулирован по типу: «Какова причина образования данного следа?» или «По какой причине и при каких условиях могло возникнуть данное отображение?», «Является ли данный след отображением действий (и каких) при совершении данного преступления?» Вариантов формулирования вопросов, связанных с установлением причинно-следственных связей, достаточно много, что подтверждается конкретными родами судебных экспертиз.

В этой связи необходимо определиться с группами решаемых задач.

В нашем представлении таких основных групп задач три:

- 1) известны два события – необходимо установить наличие причинной связи между ними;
- 2) известно следствие – необходимо установить причину;
- 3) известна причина – необходимо установить возможные последствия.

Все остальные группы вопросов о признаках причинной связи, об условиях, о возможности избежать последствий являются сопутствующими, решаемыми в границах приведенных групп. С учетом этого мы в настоящей публикации и рассмотрим некоторые вопросы *методики установления экспертом причины по имеющемуся результату (следствию, отображению).*

Здесь речь идет об установлении причины уже наступившего известного следствия (последствия). В этом случае вопросы эксперту, в зависимости от предмета исследования, могут иметь следующий вид:

«Какова с технической точки зрения причина данного происшествия и не находится ли она в причинной связи с действиями водителя К. в данном происшествии?»

«Каков механизм данного ДТП?»

«Какова непосредственная техническая причина пожара?»

«Могло ли послужить причиной возгорания автомобиля ... (указываются предполагаемый или установленный факт)?»

Рассмотрим сначала решение подобных вопросов на примере судебной автотехнической экспертизы (САТЭ). Здесь можно выделить четыре группы вопросов.

1. Какова с технической точки зрения причина дорожно-транспортного происшествия (ДТП)?

2. Каков механизм данного ДТП?

3. Соответствовали ли действия водителя К. требованиям безопасности движения и если не соответствовали, не явились ли они причиной ДТП?

4. Несоблюдение кем из участников ДТП правил дорожного движения (ПДД) привело к столкновению автомобилей?

На вопрос о технической причине ДТП эксперты часто не могут дать ответа ввиду недостатка исходных данных или многовариантности события. Так, в ответе на данный вопрос в заключении № 4737 [4] эксперты указали: «Установить причину наезда автомобиля ВАЗ 2109 на полосу встречного движения, а также решить вопрос о причинной связи действий водителей автомобиля ВАЗ 2109 и КАМАЗ 5410 с фактом ДТП экспертным путем не представляется возможным в данном конкретном случае».

В исследовательской части эксперты указали на отсутствие осмотра рулевого управления и тормозной системы автомобиля ВАЗ 2109 из-за его существенной деформации; отсутствие данных о причине выезда на встречную полосу движения. Таким образом, причинная цепь оказалась без 1-го звена, а брать в качестве причины выезд на встречную полосу нельзя. В одной из своих ранних публикаций мы уже рассматривали этот вывод, т. к. поставленный эксперту вопрос относится и к первой, и второй группе: спрашивают о причине (2) и сообщают два события, спрашивая, не находятся ли они в причинной связи (1). Ссылка на то, что неизвестно почему автомобиль ВАЗ 2109 выехал на встречную полосу, несостоятельна. Это будет выяснять следователь. Экспертам указаны однозначно определенные события: выезд ВАЗ 2109 на встречную полосу, столкновение с КАМАЗом. Применительно к этим условиям и следовало решать задачу.

Установление механизма ДТП фактически представляет собой определение причины образования следов: отдельных, объединенных в разносторонние группы, следов разнородных групп, изучаемых в совокупности, и, наконец, анализ совокупности всех изменений, которые имеются на месте ДТП. При решении этого вопроса также могут быть отказы – решить вопрос не представляется возможным (НПВ), объясняемые существенной деформацией транспортного средства (ТС) и невозможностью дифференцировать следы первичного соударения от повторного и других причин [5].

При положительном решении вопроса о механизме ДТП эксперты подробно и обоснованно описывают такие элементы ДТП, как: направление и режим движения столкнувшихся ТС, место столкновения ТС, места первичного соударения ТС, угол столкновения, перемещение ТС после столкновения. Все это подкрепляется как анализом собственных наблюдений (осмотров), так и представленными материалами дела, относящимися к предмету экспертизы [6].

Небезынтересно проанализировать рассуждения эксперта, перед которым поставлен вопрос: «О чем свидетельствует отсутствие тормозного пути на дорожном покрытии, какие меры для избежания столкновения приняты водителем автомобиля ВАЗ 21099?» [6].

Остановимся на первой половине вопроса, т.е. на причине отсутствия следов торможения ТС. В исследовательской части заключения эксперт фиксирует отсутствие следов торможения ВАЗ 21099, как это следует из протокола осмотра места ДТП и из схемы, приложенной к протоколу.

В выводах эксперт фиксирует, что поставленный вопрос (об отсутствии тормозного пути) не имеет технического смысла. С подобным утверждением трудно согласиться. Отсутствие тормозного пути, если это было в действительности, а не просто промах того, кто составлял протокол и схему, может свидетельствовать, по крайней мере, о двух равнозначных обстоятельствах: а) ТС не тормозило в процессе движения, б) ТС вообще стояло, не осуществляя движения. Оба эти обстоятельства могли быть проверены при судебном разбирательстве, если бы эксперт дал два альтернативных вывода по вопросу о причине отсутствия следов торможения ТС. Нам представляется, что уход эксперта от ответа на этот вопрос может быть объяснён именно игнорированием скрытого смысла о причинности. Если бы вопрос «о чем свидетельствует отсутствие тормозного следа ТС?» эксперт понимал бы как: «В силу какой причины (по какой причине) отсутствует тормозной след ТС; он, несомненно, указал бы две *логически обоснованные* причины.

Вернемся вновь к решению вопроса о механизме конкретного ДТП. Имеются основания полагать, что решение этого вопроса эксперты-автотехники полагают чисто механическим, как результат взаимодействия физических тел. Причем анализ перемещения физических тел для решения вопроса о механизме ДТП должен иметь полностью законченный вид, не допускающий каких-либо промежуточных выводов (решения подзадач). Обратимся к примеру [7].

Типовой вопрос сформулирован лаконично: «Каков механизм данного дорожно-транспортного происшествия?». С позиции причинности это означает: имеется следствие – изменение взаимодействовавших объектов и обстановки в целом. Требуется установить причины этих изменений. Мы особо подчеркиваем, именно причины, а не одну из них. С технической (механической) точки зрения ДТП – сложный многообразный процесс.

В нем сочетается взаимодействие различных физических тел (ТС, объекты обстановки, люди) и комплекс (система) материальных процессов (движение, соударение, замедление, отбрасывание, перемещение, опрокидывание и т. п.).

С трасологической точки зрения это системное образование самых различных следов на ТС и от ТС, следов людей (следы ходовой части ТС, следы от выступающих частей ТС, отделившиеся детали и части ТС, следы людей, следы на одежде, обуви, теле людей). Все это определяет содержание понятия «механизм ДТП».

Рассмотрим подробно, как решает вопрос о механизме ДТП эксперт-автотехник.

Исходя из правильной посылки, что данный механизм столкновения определяется с учетом данных, зафиксированных в протоколе осмотра места происшествия (ОМП) ДТП, и данных, характеризующих повреждение ТС, эксперт излагает эти данные по материалам дела. Изложив описание ТС (протокольные), эксперт отмечает наличие фототаблицы, содержащей 20 цветных фотографий, выполненных непосредственно на месте ДТП. На этих фотографиях, как отмечает сам эксперт, просматриваются повреждения ТС, изложенные им по протоколу. Вместе с тем он отмечает, что ТС в натуре для осмотра ему не предоставлялись и не могут быть предоставлены по объективным причинам (ТС восстановлено, ТС утилизировано и т. п.). И тем не менее эксперт обстоятельно говорит о контакте ТС между собой, ориентируясь на имевшие место повреждения ТС. Однако, отмечая факт отсутствия на схеме следов ходовой части каждого ТС, эксперт приходит к выводу о том, что установить механизм столкновения экспертным путем в данном ДТП не представляется возможным.

Мы не собираемся ревизовать вывод эксперта. Наша цель иная. Даже установление причины образования отдельного следа, а тем более комплекса следов способно дать представление если не обо всем механизме ДТП в целом, то, по крайней мере, об очень существенных обстоятельствах, составляющих его содержание. Вместо этого, в выводах следует отказ по принципу «не представляется возможным» (НПВ) (определить механизм данного ДТП экспертным путем не представляется возможным).

Мы считаем, что такое положение имеет место в силу того, что эксперты не трактуют вопрос о механизме ДТП в его истинном смысле: «какова причина имеющегося следствия – ДТП, какие условия обеспечили реализацию этой причины, какая цепочка из каких звеньев может быть построена?» Если бы решение вопроса шло в русле причинности, эксперт считал бы необходимым изложить те элементы механизма, которые, по его мнению, могут быть достоверно установленными. Оставшуюся часть элементов ДТП можно было бы установить следственным путем.

1. Соколовский З. М. Процессуальные и криминалистические вопросы использования математических методов в судебном почерковедении. С. 219-234.
2. Корухов Ю. Г. Трасологическая диагностика. Метод пособ. для экспертов. М.: ВНИИСЭ, 1983. С. 17; его же: Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М.: НОРМА-ИНФРА М, 1998. С. 77.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: Закон и право. 2001. С. 520-521.
4. Заключение эксперта № 4737 10 октября 2017 г. Архив Экспертно-криминалистического центра МВД РФ.
5. Заключение эксперта № 8024 от 24 сентября 2015 г Архив Экспертно-криминалистического центра МВД РФ.
6. Заключение эксперта № 8121 от 01 октября 2017 г. Архив Экспертно-криминалистического центра МВД РФ.
7. Заключение эксперта № 5815 от 23 декабря 2017 г. Архив Экспертно-криминалистического центра МВД РФ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Игнатъев Михаил Евгеньевич. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы,
д. 1, стр. 13, 4-й учебный корпус.

***Ключевые слова:** криминалистическая причинность, причинно-следственные связи, расследование преступлений.*

УДК 343.983.2

Кадырова А. С.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с совершенствованием досудебного производства по уголовному делу.

Эффективность реализации государственной функции охраны правопорядка, прав и свобод граждан, всех форм собственности во многом зависит от успешной деятельности на досудебных стадиях процесса.

В связи с этим важнейшей проблемой реформирования уголовно-процессуального законодательства является разработка концептуальной модели досудебного производства. В статье рассматриваются изменения в УПК, включая приказное производство, порядок применения приказного производства по уголовным проступкам и преступлениям небольшой тяжести, введение электронного формата как одна из форм совершенствования досудебного производства по уголовному делу.

За период, прошедший после обретения государственного суверенитета, в нашей стране проделан значительный путь к построению и укреплению светского, демократического, правового, социального государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы.

Особое значение при этом имеет надлежащее осуществление государством правоохранительной функции как системы гарантий реализации прав и свобод личности, так как граждане, пострадавшие от административных уголовных правонарушений, порой оказываются беззащитными, государство принимает на себя обязательство по восстановлению прав граждан.

Эффективность реализации государственной функции охраны правопорядка, прав и свобод граждан, всех форм собственности во многом зависит от успешной деятельности на досудебных стадиях процесса. В связи с этим важнейшей проблемой реформирования уголовно-процессуального законодательства является разработка концептуальной модели досудебного производства, наиболее рационально обеспечивающей выполнение названной функции.

В системе государственного противодействия преступности досудебное производство – производство по делу с начала досудебного расследования до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу либо прекращение производства по делу, имеет приоритетное значение, поскольку признавать лицо виновным в совершении преступления и назначать ему наказание возможно лишь в результате законно проведенного досудебного расследования при строгом соблюдении надлежащей правовой процедуры. Насколько успешным будет выполнение этих задач, во многом зависит от законодательной базы государства.

Президент страны Нурсултан Назарбаев в своем Послании «Стратегия «Казахстан-2050» отметил необходимость разработки новых Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РК. На это нацеливает и Концепция правовой политики Казахстана на период с 2010 до 2020 года, утвержденная Президентом страны, где указано, что эффективная уголовная политика государства невозможна без оптимальной модели уголовного судопроизводства, учитывающей особенности современного состояния общества и мировые правовые тенденции. Так, в реализацию данных норм с

1 января 2015 г. вступил в действие новый УПК Республики Казахстан, который практически отказался от стадии возбуждения уголовного дела. Так, согласно ч. 1 ст. 179 УПК РК началом досудебного расследования являются регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований либо проведение первого неотложного следственного действия. В результате в наше законодательство внедрен целый ряд важных новелл, что позволило сделать серьезный шаг по пути развития нашей правовой системы по общепризнанным стандартам.

В рамках реализации задач по обеспечению верховенства права, обозначенных Главой государства в Плане наций – 100 конкретных шагов в Казахстане проводится последовательная масштабная реформа уголовного производства, главной целью которой является упрощение и повышение экономичности уголовного процесса, приведение его в соответствие с международными стандартами и наиболее полная защита конституционных прав граждан, повышение состязательности сторон, расширение судебного контроля, исключение дублирования и четкое распределение полномочий между органами расследования, прокуратурой и судом, в связи с этими целями Законом РК от 21 декабря 2017 года № 118-VI внесены изменения и дополнения в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности. И это, естественно, предполагает создание действующего законодательства, отвечающего реалиям дня. Причем, как правило, коррекция уголовного законодательства являлась ответом и на возникавшие проблемы в практике его применения, и на новые общественно опасные криминальные угрозы.

В связи с этим целями новеллы в УПК можно разделить на два блока: первый усиливает защиту прав человека, второй направлен на экономию процесса. К новеллам в пользу защиты прав человека можно отнести следующее: изменения были внесены в ст. 131 УПК РК «Сокращение сроков задержания граждан без санкции суда с 72 до 48 часов, а несовершеннолетних – до 24 часов». Срок задержания лица без санкции суда может составить 72 часа. К таким случаям, в частности, отнесены: задержание лица по подозрению в совершении особо тяжкого преступления, террористического или экстремистского преступления, в составе преступной группы, в ходе массовых беспорядков, задержание по подозрению в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов, против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также умышленного преступления, повлекшего смерть человека. Это минимизирует нарушения прав задержанных, так как они часто проявляются именно на этой стадии, так как этот период используется для получения признательных показаний или иных доказательств. Сокращение оснований применения меры пресечения в виде ареста по экономическим преступлениям – обязанность уве-

домления граждан о проведенных в отношении них НСД; расширение полномочий адвокатов по внесению ходатайств и сбору доказательств.

Одним из направлений в реализацию 22 – шага Плана нации «100 конкретных шагов» – поэтапная передача следственному судье полномочий по санкционированию всех следственных действий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина. Так, следственному судье будут переданы полномочия по санкционированию негласных следственных действий, принудительного получения образцов и освидетельствования. В целях исключения дублирования санкционирование залога будет осуществляться только судом. Упрощен и сам порядок производства этих действий. Ходатайство следователя о даче санкции будет идти прямо в суд, а не через прокурора. Его будут только уведомлять, и если он не согласен, то должен направить свою позицию суду. Прокурором может санкционировать: взятие под стражу, домашний и экстрадиционный аресты. В результате, кроме суда, никакой другой орган не сможет ограничивать права человека.

К поправкам, способствующим экономии уголовного процесса, отнесены: внедрение института приказного производства и перевод дел на электронный формат.

Самой важной поправкой в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан является введение новой процедуры – приказное производство.

В действующий УПК РК введен новый раздел 13-1 – «Приказное производство», в котором максимально сокращены процессуальные формы сбора доказательств без ослабления процессуальных гарантий прав участников процесса, досудебное производство с направлением дела в суд завершается в срок до пяти суток, а рассмотрение дела производится единолично судьей в срок до трех суток с момента его поступления в суд без вызова участников процесса и проведения судебного заседания.

Этот простой способ применяется по уголовным проступкам и преступлениям небольшой тяжести, где установлен факт уголовного проступка или преступления небольшой тяжести и совершившее его лицо, имеется согласие подозреваемого, подозреваемый не оспаривает свою вину и согласен с правовой квалификацией его действий, санкция совершенного уголовного правонарушения одним из основных наказаний предусматривается штраф, если подозреваемый заявил ходатайство, а потерпевший, а также гражданский истец и гражданский ответчик (в случае их участия по делу) выразили согласие о рассмотрении уголовного дела в порядке приказного производства без исследования доказательств, их вызова и участия в судебном рассмотрении.

Приказное производство не может применяться в отношении лица, после совершения уголовного правонарушения заболевшего психическим расстройством, в случаях, когда речь идет о правонарушениях, совершен-

ных несовершеннолетними, лицами, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Ограничение по рассмотрению дел в порядке упрощенного производства установлено для лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования, а также для лиц, к которым в качестве обязательного дополнительного наказания могут быть применены конфискация имущества, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград, лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, выдворение за пределы РК. Еще среди исключений – приказное производство не применяется в отношении совокупности уголовных правонарушений, когда хотя бы одно из них не предусматривает основное наказание в виде штрафа.

Постановление о применении приказного производства выносит лицо, осуществляющее досудебное производство.

По итогам рассмотрения судья выносит одно из мотивированных решений: постановление о возвращении уголовного дела об уголовном проступке органу, осуществляющему досудебное производство, если отсутствуют основания применения приказного производства и если суд придет к выводу о необходимости назначения подсудимому иного, чем штраф, уголовного наказания; постановление о прекращении производства по уголовному делу; обвинительный приговор в порядке приказного производства.

Постановление о возвращении уголовного дела лицу, осуществляющему досудебное производство, либо прокурору, обжалованию, пересмотру по ходатайству прокурора не подлежит.

Ходатайство о несогласии подается осужденным в течение семи суток после получения копии обвинительного приговора, если он оспаривает правовую оценку своих действий, суммы, подлежащие к взысканию по приговору суда, доказательства. При этом основанием несогласия не может служить размер штрафа, поскольку в случае несогласия с размером штрафа осужденный подает ходатайство о пересмотре приговора в апелляционном порядке либо в кассационном порядке. Такие ходатайства относительно размера штрафа возврату либо отказу судьей, вынесшим приговор, не подлежат.

В этом случае вышестоящий суд вправе изменить размер штрафа в соответствии с действующим порядком пересмотра судебных актов. Если осужденный выразил несогласие с приговором, то судья отменяет вынесенный им приговор и возвращает дело на досудебное производство для организации дознания либо расследования. Данное постановление не является предметом пересмотра в вышестоящих судебных инстанциях, но копия постановления направляется не только осужденному, но также потерпевшему и прокурору в день вынесения, другим участникам – только в случае поступления от них соответствующего ходатайства. Таким образом,

участники процесса извещаются о возврате дела органу досудебного производства.

Безусловно, все изменения в законах придадут импульс для дальнейшего поступательного правового развития Казахстана, они направлены на защиту конституционных прав граждан, исключение волокиты. Принимаемые меры по дальнейшему реформированию уголовного процесса и совершенствованию правосудия позволят повысить прозрачность и усилить правозащитный механизм в уголовном судопроизводстве.

В первом случае очевидные, несложные дела, где нет сомнений в виновности лица, добыто достаточно доказательств и потерпевший не возражает, будут вестись в порядке приказного производства. Весь процесс от момента регистрации до вердикта суда по таким делам займет в среднем 10 дней.

В целях упрощения и повышения экономичности уголовного процесса, а также минимизации фальсификации материалов досудебного расследования и прозрачности уголовного процесса изменен и формат уголовного производства. Теперь статья 42-1 УПК РК предусматривает ведение уголовного судопроизводства в бумажном и (или) электронном форматах. При этом лицо, ведущее уголовный процесс, по своему усмотрению может вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносится мотивированное постановление. В случае невозможности дальнейшего ведения уголовного судопроизводства в электронном формате лицо, ведущее уголовный процесс, переходит на бумажный формат, о чем также выносится мотивированное постановление. Цифровизация уголовного процесса позволит отбросить бюрократию, т. к. необходимые справки и согласования можно будет получить в электронном виде, кроме того, будут исключены факты утери и фальсификации материалов. Самое главное – цифровизация усилит защиту прав человека. Весь процесс будет как на ладони. Возрастет прокурорский контроль, уменьшится коррупция. IT-система намного облегчит работу и следователя, и прокурора, и судьи.

Также одним из новшеств является и внесенные изменения в статью 179 УПК РК, согласно которой правоохранительные органы не вправе производить регистрацию заявления, сообщения или рапорта об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований, в которых отсутствуют сведения о нарушениях действующего законодательства, об ущербе, существенном вреде либо незаконном доходе, подтвержденные актами проверок, ревизий, аудита и т. д., когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения, а также о нарушениях, основанных на неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правовых сделок, совершенных в письменной форме и не признанных судом недействительными, мнимыми или притворными.

Таким образом, эта норма запрещает начинать расследование, если нет акта налоговой проверки или ревизии либо нет судебного решения о

мнимости или притворности сделки. Имеется ряд иных изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на усиление защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве.

Повышенный интерес общества к проблемам уголовного процесса вообще, и особенно досудебного производства, обусловлен также спецификой этого вида правоохранительной деятельности. В целях защиты от преступности личности, общества и государства должностные лица наделены правом применения принуждения, что существенно затрагивает права и свободы граждан, в каком бы процессуальном статусе они не находились. Безусловно, нормы обновленного УПК РК благотворно повлияли на оптимизацию осуществления предварительного следствия,

Принимая меры по дальнейшему реформированию уголовного процесса и совершенствованию правосудия, законодатель засвидетельствовал, что принятие поправок в УПК РК в полной мере отражает его стремление к развитию правового государства, позволяет повысить прозрачность и усилить правозащитный механизм в уголовном судопроизводстве.

1. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 года (с изменениями и дополнениями). Интернет ресурс: www.pravstat.kz.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями).

3. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия Казахстан-2050: Новый политический курс состоявшегося государства».

4. Назарбаев Н. А. 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ. Казахстанская правда, № 24, 20 мая 2015 года.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кадырова Ардак Сериковна. Преподаватель цикла социальных и общеправовых дисциплин.

Учебный центр МВД Республики Казахстан.

Республика Казахстан, 110000, город Костанай, ул. М. Хакимжановой, д. 58.

***Ключевые слова:** досудебное производство, приказное производство, электронный формат уголовного судопроизводства, Уголовно-процессуальный кодекс, негласные следственные действия, постановления, защита прав человека, единый реестр досудебного расследования, следственный судья, формат уголовного производства.*

УДК 340.1

Калюжный А. Н.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА ПОМЕЩЕНИЙ ПО ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

В статье анализируются тактические особенности производства обыска в помещениях по делам о посягательствах на свободу личности; формулируются задачи его проведения; обосновываются объекты обнаружения и фиксации в местах вербовки, удержания и эксплуатации потерпевших; даются рекомендации по фиксации криминалистически значимой информации внутри и снаружи обыскиваемых помещений; делаются выводы по исследуемой тематике.

Посягательства на свободу личности признаются негативными социальными явлениями, получившими свое распространение не только в России, но и во всем мире. Составной частью системы противодействия посягательствам на свободу личности выступает комплекс мер процессуального принуждения, своевременное и обоснованное применение которых способствует раскрытию каждого преступления и обеспечивает неотвратимость ответственности лиц их совершивших. Повышение эффективности мер процессуального принуждения является наиболее результативным средством интенсификации борьбы с посягательствами на свободу личности [5, с. 354].

Одной из мер уголовно-процессуального принуждения, позволяющей предоставить в распоряжение следователя ценные улики, помогающие изобличению преступников и раскрытию посягательств на свободу личности, выступает обыск, объектами которого наиболее часто являются помещения, в которых происходит вербовка, удержание или эксплуатация потерпевших.

Цели и задачи обыска определяются следователем в зависимости от обстоятельств расследуемого преступления и собранных данных [3, с. 386]. Исходя из поискового характера исследуемого следственного действия, необходимости обнаружения орудий преступления, лиц, предметов и ценностей, как правило, спрятанных, укрытых преступниками, можно сформулировать его основные задачи:

а) Обнаружение и изъятие объектов, которые могут иметь доказательственное значение по делу;

б) Обнаружение и изъятие предметов, документов и веществ, запрещенных в гражданском обороте или изъятых из него (используемые для подавления сопротивления потерпевших наркотические средства или психотропные вещества, незаконно хранящееся оружие и боеприпасы к нему и т. д.);

в) Обнаружение потерпевших и соучастников преступной деятельности, посягающей на свободу личности.

Наиболее часто местами удержания потерпевших выступают жилые и нежилые помещения, при производстве обыска которых необходимо указать на особенности их расположения, принадлежности и назначения, содержание внутреннего устройства, наличие и характер оборудования, предметов обстановки и материалов в нем имеющих.

После описания общей, ориентирующей информации о помещении, необходимо зафиксировать перечень предметов, имеющих доказательственное значение при расследовании преступлений, посягающих на свободу личности, которые могут быть обнаружены и изъяты в ходе их обыска:

- постельное белье, на котором имеются следы крови, следы биологического происхождения;
- пятна крови, оставшиеся на одежде преступников, средства принуждения и удержания потерпевших, а также на предметах бытовой обстановки;
- следы, свидетельствующие о насильственном удержании потерпевших (например, снятые ручки с внутренней стороны двери, замки или щеколды с наружной стороны комнат и т. п.);
- условия проживания и труда потерпевших [4, с. 296].

Так, например, Рубцов О. Ю. применив физическое насилие в виде ударов руками по голове и туловищу потерпевшего, совершил его захват и перемещение, поместив последнего в автомашину, на которой перевез его в принадлежащую ему квартиру, где удерживал, причиняя телесные повреждения. В ходе проведения обыска жилища Рубцова О. Ю. было обнаружено и изъято удостоверение на имя потерпевшего, сотовый телефон марки «Nokia X2» IMEI-код 35242205830685/3, принадлежащий потерпевшему, а также шорты коричневого цвета и майку зеленого цвета, принадлежащие Рубцов О. Ю., на которых имелись пятна бурого цвета похожие на кровь, как впоследствии было установлено молекулярно-генетической судебной экспертизы – кровь потерпевшего [1].

В случаях проведения операций по освобождению незаконно удерживаемых, в протоколе обыска дополнительно к вышеуказанным необходимо описать:

- положение жертвы и наличие на ней средств, ограничивающих свободу передвижения (наручников, ремней, повязок на глазах и т. п.);
- виды узлов на веревках, где они расположены, к чему потерпевший привязан или пристегнут;
- наличие при преступниках вещей с передаваемыми меченными купюрами, их номера, достоинства и общая сумма.

Одной из основных задач обыска и выявления мест удержания потерпевших является фиксация в протоколе признаков и следов, указывающих на невозможность жертв добровольно покинуть данные помещения.

С этой целью необходимо обязательно отразить в протоколе наличие окон и состояние дверей в помещении, указав наличие решеток, соответствующих запирающих устройств (щеколд, засовов, замков) с наружной стороны. Также следует зафиксировать куда выходят окна комнаты, какие помещения являются соседними с осматриваемым, сколько спальных мест в них предусмотрено и другие, имеющие значение для дела обстоятельства.

Тактика обыска помещений, в которых осуществлялась вербовка потерпевших, имеет свои особенности и предполагает обнаружение и изъятие следующих следов преступной деятельности:

- письма, телеграммы, факсы и другие материалы, полученные от будущих «покупателей живого товара» или «работодателей»;

- тексты рекламных объявлений, периодические издания средств массовой информации, в которых размещены соответствующие тексты, а также документы по оформлению заказов на рекламу;

- документация, связанная с переводом денежных средств из-за рубежа и других регионов;

- документы, удостоверяющие личность потерпевших, их ксерокопии, поддельные документы на них, билеты на транспорт, путевки, контракты, договора и другие документы, прямо или косвенно указывающие на фамилии потерпевших;

- настольные календари, записные книжки, рабочие блокноты, телефонные книги, журналы регистрации лиц, желающих выехать, их фотографии, иные документы, содержащих данные завербованных и потенциальных жертв, а также суммы расходов на них;

- документы, содержание адреса, телефоны, иные данные организаторов, посредников, зарубежных «покупателей и эксплуататоров живого товара».

Например, Разгоняева Д. Р. с целью извлечения материальной выгоды от эксплуатации лиц, занимающихся проституцией, организовала и содержала в нелегальную организацию по оказанию возмездных неоднократных сексуальных услуг. В ходе проведения обыска в квартире были обнаружены предметы одежды (согласно пояснениям присутствовавшей при обыске М. – принадлежащие девушкам, приходящим в указанную квартиру), большое количество (более 2200) визитных карточек на сауны, большое количество презервативов в упаковках (свыше 450 пачек), шприцы, значительное количество сотовых телефонов и зарядных устройств, медицинские документы и снимки на имя О. Х., И., Ц., Г. и др. [2].

В ходе проведения обыска обязательно изымаются (при наличии) записи систем видеонаблюдения, как внутри обыскиваемого помещения (его коридорах), так и находящиеся с наружной стороны здания. Кроме того, подлежат изъятию факсимильные аппараты, портативные и стационарные компьютеры, мобильные телефоны, записи автоответчиков, флеш-карты и магнитные диски, имеющиеся в помещениях [6, с. 77].

Для посягательств на свободу личности характерен групповой характер преступной деятельности, что предполагает при производстве обыска отражать в протоколах документацию, указывающую на преступные связи преступников. В связи с чем, необходимо изымать перекидные календари и записные книжки, дисконтные и клубные карты, фотографии и видеозаписи, почтовую корреспонденцию и другие предметы, свидетельствующие об определенной связи (сплоченность, организованность, устойчивость, иерархичность и др.) фигурантов друг с другом.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что преступные посягательства на свободу личности достаточно часто совершаются в совокупности с другими преступлениями, в связи с чем, в ходе обыска помещений необходимо обнаружить и изымать следы преступной деятельности, свидетельствующие об этом.

Подводя итоги изложенному, отметим, что тактика и цели обыска определяются следователем и зависят от складывающейся к моменту его проведения следственной ситуации. Знание лицами проводящими обыск специфики расследования посягательств на свободу личности позволяет эффективно противодействовать рассматриваемым посягательствам и доказывать виновность лиц, к ним причастным.

1. Архив Воронежского областного суда. Уголовное дело № 1-319/2013 по обвинению Рубцова О. Ю. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 116 УК РФ.

2. Архив Кемеровского областного суда. Уголовное дело № 2-14/14 по обвинению Разгоняевой Д. Р. в совершении преступлений предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 241, п. «в» ч. 3 ст. 127.1, п. «в» ч. 3 ст. 127.1, п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ.

3. Белкин Р. С., Винберг А. И. и др. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. испр. и доп. М.: Юрид. литер., 1973. 736 с.

4. Настольная книга следователя. Расследование преступлений против личности (убийство, торговля людьми): науч.-метод. пособие / под ред. А. И. Дворкина, профессора А. Б. Соловьева. М.: Экзамен, 2007. 589 с.

5. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. 416 с.

6. Чаплыгина В. Н. Общие черты и особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей // Современный научный вестник. 2016. Т. 7. № 1. С. 74-78.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Калюжный Александр Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент.

Академия ФСО России.

Российская Федерация, 302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

***Ключевые слова:** свобода личности, расследование, обыск, объекты обнаружения и изъятия; тактика.*

УДК 343.1

Карагодин В. Н.

ПОНЯТИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И ТАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье рассмотрены основные проблемы правоприменительной практики, возникающие из-за недостаточной нормативной регламентации понятия следственных действий в целом и отдельных их разновидностей в частности. Проведен анализ позиций исследователей, затрагивающих указанную проблематику.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве России отсутствуют определения понятий следственных действий вообще и отдельных их видов в частности. Отсутствие в законе указанных дефиниций привело, прежде всего, к различному толкованию сущности следственных действий. Как справедливо отмечается в научно-публицистической литературе, некоторые авторы относят к следственным любые действия, выполняемые следователем в ходе досудебного производства [1]. Другие полагают, что следственными являются только предусмотренные законом действия познавательного характера, направленные на получение доказательств [2].

Преобладающей является концепция, базирующаяся на признании познавательного характера следственных действий и направленности на получение процессуальных доказательств. Основными элементами понятия следственного действия признаются: а) познавательный характер; б) направленность на получение доказательств; в) производство уполномоченным на то субъектом; г) проведение в установленном законом порядке.

Приведенные признаки, по нашему мнению, позволяют составить лишь весьма общее представление о содержании следственных действий. В этой связи привлекает внимание трактовка следственных действий как системы познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению в них информации (сведений) ... [3] При этом отмечается, что гносеологической особенностью следственного действия является то, что производящий его субъект выступает одновременно как непосредственный очевидец и активный участник формирования процессуальных доказательств [4]. Несмотря на некоторую громоздкость и другие редакционные погрешности формулировок, представителям приведенной позиции, на наш взгляд, удалось выделить важные, сущностные признаки анализируемого понятия.

Преобладающая трактовка следственных действий, на наш взгляд, противоречит закреплённой в УПК РФ системе доказывания. Конечным результатом доказывания должно быть установление обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ. Другим элементом системы являются способы доказывания, к которым относятся следственные действия. Однако, целью этих действий признается уже не установление определенных обстоятельств, а получение доказательств. Возможно, что подобная трактовка обусловлена безупречным понятием доказывания, закреплённым в статье 85 УПК РФ. В частности В. С. Балакшин отмечает, что возможны ситуации, в которых, несмотря на полное, всестороннее и объективное исследование доказательств, фактические обстоятельства расследуемого события оказываются неустановленными [5].

Думается, что целью следственных действий является установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Не всегда это могут быть обстоятельства предмета доказывания. Например, по делам о некоторых преступлениях необходимо тщательное изучение личности пострадавшего. Полученные данные могут использоваться для установления некоторых обстоятельств расследуемого преступления, связанных с поведением несовершеннолетнего пострадавшего. Устанавливаются вышеупомянутые обстоятельства с помощью доказательств, полученных при производстве следственных действий. Представляется, что такое понимание целей следственных действий позволяет расширить представление о содержании этих способов доказывания.

Понятия конкретных следственных действий в уголовно-процессуальном законе также не даются. В соответствующих нормах, чаще всего, определяются цели следственного действия. Лишь в некоторых из них перечисляют некоторые элементы содержания регламентируемого следственного действия. Так, например, в статье 181 УПК РФ перечисляются такие элементы содержания следственного эксперимента как воспроизведение действий, обстановки и иных обстоятельств, перечисляются цели и ви-

ды этого следственного действия. Как справедливо отмечают некоторые авторы, в законе отсутствуют указания на сущность этого следственного действия, не регламентируется порядок его проведения [6].

В научной литературе достаточно давно отмечалось, что одним из основных факторов, обуславливающих эффективность следственных действий, является их «оптимальная законодательная регламентация» [7].

О. Я. Баев выдвигал концепцию, в соответствии с которой нормы уголовно-процессуального закона являются не только правовой основой, но и элементом тактики следственных действий, поскольку содержат тактические приемы и рекомендации [8]. Несмотря на дискуссионные положения относительно процессуального характера некоторых тактических приемов и рекомендаций, заметим, что в названной концепции достаточно четко прослеживается связь между нормативной регламентацией следственных действий и тактикой их проведения. Вряд ли вызывает сомнения, что процессуальные нормы устанавливают общие процедурные правила проведения следственных действий, призванных обеспечить получение достоверных фактических данных об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения осуществляемого досудебного производства. Кроме того, нормативные предписания обеспечивают соблюдение прав участников следственного действия, что является условием признания полученных в результате доказательств достоверными и допустимыми.

В процессуальном понятии следственного действия должна отражаться его сущность, которая, как известно, представляет собой основные признаки содержания.

Эта сущность в значительной степени определяется основными особенностями информационной среды, в которой существуют искомые следствием фактические данные. В последние годы в научный оборот введено понятие вербальных и невербальных следственных действий, отражающих специфику содержания выделяемых способов доказывания, обусловленную характером искомой информации (вербальной или невербальной формой ее источников) [9].

Некоторые следственные действия, будучи сходными по содержанию, отличаются по другим существенным признакам. Например, не утихают споры о сходстве и различии осмотра места происшествия и обыска. Неудачное описание признаков осмотра места происшествия в статье 177 УПК РФ повлекло за собой производство этого следственного действия на стадии возбуждения уголовного дела для обнаружения и изъятия документов, скрываемых от следствия. При этом следователи вполне обоснованно исходили из того, что искомые объекты сами по себе могут являться следами преступления или носителями таковых. Судебная практика по рассмотрению жалоб на такие действия оказалась неоднозначной. В одних ситуациях они признавались законными, а в других – нет. Соответственно и полученные доказательства считались допустимыми либо недопустимыми.

Общее содержание этих действий характеризуется термином обследование. Однако, обследование объективной обстановки места происшествия предполагает выявление следов происходившего в данных условиях и установление по ним действительных обстоятельств события. Думается, что настало время более четкой законодательной регламентации понятия места происшествия, чтобы исключить неоднозначное его толкование.

Формулировки понятия следственного действия должны давать четкое представление о времени его начала и окончания. Например, следователь при допросе потерпевшей дошкольного возраста перешла к получению показаний об обстоятельствах преступления сразу после выяснения адреса места жительства. Возникает вопрос: когда разъяснялись права допрашиваемой и присутствующим?

Четкое определение вышеупомянутых параметров позволяет с предельной точностью определить содержание и границы организационно-тактических компонентов, этапов проведения следственного действия.

Наличие определений следственных действий, не позволяющих неоднозначного толкования, дают возможность не только правильно избирать и применять уже имеющиеся тактические приемы, но и разрабатывать новые, более эффективные и продуктивные.

Возможно, после разработки общего понятия следственных действий, а также дефиниций отдельных их видов, часть из них перестанут считаться таковыми. В то же время не исключается, что их арсенал пополнится новыми видами следственных действий. Это в свою очередь потребует разработки новых тактических приемов и рекомендаций.

1. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975, с. 60-72; Он же. Система процессуальных действий следователя // Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты). Свердловск, 1983. С. 5-6.

2. Драпкин Л. Я. Решения следователя и тактические приемы в структуре процессуальных действий // Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты). Свердловск, 1983. С. 7-8; Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 5 и др.

3. Боруленков Ю. П. Юридическое познание. М., 2014. С. 310-320.

4. Там же. С. 321-322.

5. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004. С. 43-48.

6. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия. Учебное пособие. М., 2006. С. 52.

7. Соловьев А. Б. Проблемы эффективности следственных действий. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1984. С. 12

8. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. Воронежский государственный университет, 2012. С. 40-70.

9. Стельмах В. Ю. Визуальные, вербальные и комбинированные следственные действия. М.: Юрлитинформ, 2017.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карагодин Валерий Николаевич. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель директора института – декан второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбурге).

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18.

Ключевые слова: следственные действия, осмотр места происшествия, обыск, доказывание, признаки, понятия.

УДК 343.1

Кириченко Ю. Н., Михайликов В. Л.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ

В настоящей статье мы постараемся более подробно рассмотреть задержание подозреваемого как меру уголовно-процессуального принуждения, то есть предусмотренное уголовно-процессуальным законом и применяемое на основе специального решения субъекта уголовной юрисдикции.

Представляется, что задержание подозреваемого можно рассматривать, по крайней мере, в четырех различных ипостасях: а) как меру уголовно-процессуального принуждения; б) как процессуальную комбинацию; в) как тактическую операцию; г) как совокупность режимных мероприятий.

Вопрос о включении задержания подозреваемого в систему мер уголовно-процессуального принуждения окончательно решен на законодательном уровне ввиду прямого указания на это в п. 11 ст. 5 УПК РФ и включения соответствующих правовых норм в раздел IV Кодекса. В данном контексте задержание может рассматриваться и как процессуальное действие, выраженное в кратковременном нахождении лица под стражей, и

как принятие соответствующего процессуального решения. Для задержания подозреваемого характерны все признаки, определяющие сущность мер государственного принуждения в системе уголовно-процессуального регулирования [3].

Профессиональная деятельность сотрудников полиции протекает в напряженных оперативно-служебных и служебно-боевых условиях и опасных для жизни ситуациях, связанных с применением оружия. Зачастую эти ситуации связаны с задержанием вооруженных преступников и смертельной опасностью для сотрудников полиции. Поэтому все тактические действия при непосредственном задержании преступников должны выполняться с соблюдением мер личной безопасности.

Как бы ни разворачивались события при задержании, в любом случае вся процедура физического задержания состоит из 5 основных этапов (элементов): подготовка к задержанию; процесс задержания; наружный осмотр задержанного; доставление задержанного; документальное оформление задержания [2].

На первом этапе при задержании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, по мере возможности, сотрудники обязаны:

- а) определить, имеются ли основания для законного задержания;
- б) в зависимости от обстоятельств оценить степень опасности задержания для окружающих граждан и себя, вероятность применения оружия или специальных средств, основания и условия их применения, возможность оказания задерживаемым вооруженного сопротивления или нападения;
- в) выбрать правильный тактический прием для задержания;
- г) распределить роли между собой, если действуют несколько сотрудников;
- д) с учетом ситуации – доложить и согласовать с дежурным ОВД предстоящее задержание.

Второй этап (процесс задержания) можно разделить на 2 подвида: бесконтактное и контактное.

Под бесконтактным понимается такое задержание, когда задерживаемый не оказывает сопротивления, выполняет все требования сотрудников полиции и применять силу или крайние меры оснований нет.

В процессе бесконтактного задержания при опросе подозреваемого и проверке документов сотрудник должен стоять вполборота в одном шаге от проверяемого и быть готовым к отражению нападения.

При контактном задержании сотрудники полиции вынуждены в соответствии с законом применять физическую силу, боевые приемы, специальные средства и оружие. Также особое внимание должно быть обращено на выяснение наличия у задерживаемых опасных предметов, оружия и обеспечение мер предосторожности.

При оказании преступником вооруженного сопротивления и возникновении огневого контакта сотрудникам полиции необходимо соблюдать ряд рекомендаций.

Во-первых, во всех ситуациях непосредственного огневого контакта следует сделать по преступнику два выстрела подряд. Наблюдениями установлено, что из сделанных подряд выстрелов второй всегда приходится выше первого за счет отдачи, тем самым повышается вероятность попадания в противника.

Во-вторых, нужно целиться двумя глазами для лучшего контроля над ситуацией и корректировки огня. Наводить оружие следует снизу вверх. В этом случае повышается вероятность попадания в противника по вертикальной линии.

Стратегия любого огневого контакта сводится к выполнению двух основных задач: остаться живым и поразить противника.

Для выполнения указанных требований необходимо соблюдать следующие правила:

1. Быстрый уход с линии атаки. Сотрудник полиции, попав в ситуацию огневого контакта, должен определить направление атаки, быстро уйти с линии атаки и принять положение для стрельбы.

В ситуации «противник с тыла» целесообразно резким рывком уйти вправо, развернуться через левое плечо с одновременным приведением оружия в боевую готовность и принять положение для стрельбы «с колена» или «лежа». Тем самым достигаются два положительных момента: уход с линии атаки и уменьшение площади поражения. Противнику придется целиться заново, что создаст неудобства в прицеливании и повлияет на точность стрельбы.

В ситуации «противник с фронта» необходимо, доставая оружие, резко присесть и занять положение для стрельбы «с колена» и в этом положении сделать два выстрела. Затем перекатиться вбок и, оказавшись в положении «лежа», сделать еще два выстрела. Быстрая смена позиций и меткая стрельба – гарантия личной безопасности сотрудника.

2. Сотрудник полиции должен быть готов к изменению оперативной обстановки и постоянно вести поиск возможных укрытий от вероятного нападения. При этом выбор укрытия должен зависеть от надежности в защите от огнестрельного оружия, а также от типа самого оружия, от которого придется укрываться.

3. Сотрудник полиции должен стремиться к минимизации любого ущерба, полученного нападающим. Для этого необходимо детально представить ситуацию, оценить её опасность и правомерность своих действий при различных вариантах её развития.

В служебной деятельности выбор того или иного способа тактики зависит от складывающейся обстановки.

Задержание преступника следует осуществлять внезапно, маскируя свои действия [4]. Для обеспечения внезапности сотрудники незаметно приближаются к задерживаемым, выбрав момент, когда те менее всего готовы к оказанию сопротивления.

Выполнив прием задержания, нельзя отпускать захват. При сопровождении необходимо выбирать наиболее удобный маршрут, минуя многолюдные улицы, рынки, очереди. Не следует вести задержанного вблизи мест, представляющих возможность для побега. Во время сопровождения нельзя позволять подозрительным лицам приближаться ни к себе, ни к задержанному.

На третьем этапе (наружный осмотр задержанного) сотрудники нередко совершают ошибки. Наружный осмотр является обязательным страховочным тактическим действием перед доставлением в ОВД лица, подозреваемого в совершении преступления либо иного правонарушения.

Само действие, как справедливо отмечает Е. А. Семенов, не оформляется протоколом, о его выполнении сотрудник указывает в рапорте на доставленного лишь в том случае, если изъяты опасные предметы, оружие или вещественные доказательства [5].

Наружный осмотр делается сразу либо в удобный момент, когда подоспела помощь.

При проведении наружного осмотра группы задержанных следует развести их друг от друга на расстояние, исключающее возможность обмениваться имеющимися предметами, и запретить им переговариваться. В этом случае наружный осмотр задержанных необходимо производить по очереди. Когда имеются основания предполагать, что орудия преступления могут быть тщательно замаскированы, наружный осмотр производится с особой тщательностью. При обнаружении оружия или иных предметов, которые могут быть использованы как оружие, наружный осмотр не прекращается, т. к. задержанный может иметь несколько видов оружия, спрятанного в разных местах.

На четвертом этапе (доставление задержанного) сотрудники полиции принимают решение о доставлении задержанного и его способе. Как правило, оно производится на специальном полицейском транспорте, а при его отсутствии – на автомобилях, принадлежащих организациям или отдельным гражданам, кроме общественного транспорта и автомобилей специального назначения.

Перед посадкой задержанного в любой вид автомобиля салон необходимо осмотреть и убрать предметы, которыми он может воспользоваться как оружием. В практической деятельности на руки доставляемых преступников надевают наручники.

Доставление задержанного пешим порядком осуществляется, как правило, двумя сотрудниками полиции. В этом случае один из них должен

идти рядом с задержанным сбоку и вести его, а другой – сзади в трех шагах и наблюдать за его поведением.

Завершается процесс задержания документальным оформлением.

Процессуальное решение (протокол) о задержании подозреваемого принимается не лицом, участвовавшим в его захвате, и не в месте его проведения, а несколько позднее (после его доставления) в кабинете следователя/дознателя, на что прямо указывает ч. 1 ст. 92 УПК РФ. Поэтому излагаемые в нем основания и мотивы – это не плоды непосредственного восприятия автором протокола обстоятельств фактического задержания, а сведения, полученные из других источников: из показаний потерпевшего, свидетелей-очевидцев, результатов осмотра места происшествия, обыска, предъявления для опознания и т. д. Именно для их собирания (формирования), проверки и оценки законодатель и предоставляет те самые три часа, в течение которых должен быть составлен протокол задержания. Аргумент о том, что в реальности следователи далеко не всегда и далеко не сразу допрашивают в качестве свидетелей лиц, проводящих фактическое задержание, – это не проблема теории уголовного процесса или закона, а системный недостаток следственной практики, который подлежит обязательному устранению.

Однако эти формы государственного принуждения не нацелены на достижение задач уголовного судопроизводства и поэтому осуществляются в принципиально ином правовом режиме, установленном не УПК РФ, а другими законодательными актами [6]. В этой связи Генеральный прокурор РФ специально обращал внимание на необходимость пресечения прокурорами случаев задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, на основании протоколов об административных правонарушениях.

Таким образом, задержание подозреваемого как одну из мер уголовно-процессуального принуждения нельзя смешивать с иными правовыми средствами, находящимися в арсенале органов предварительного расследования, а также различными формами правоохранительной деятельности непроцессуального характера.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, от 18.12.2001, № 174-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: Учеб. / Под ред. А. В. Смирнова. 3-е изд. М.: КНОРУС, 2007. С. 229.

3. Токарева М. Е., Буланова Н. В., Быкова Е. В., Власова Н. А. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / Под ред. М. Е. Токаревой. М.: Юрлитинформ, 2005.

4. Цоколова О. И. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3. С. 25-28.

5. Семенов Е. А. Фактическое задержание как составная часть задержания в уголовном процессе России // «Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации»: Сборник научных трудов II Всероссийской конференции. Под редакцией Н. С. Расуловой. Екатеринбург. 2017. С. 108.

6. Шамсутдинов М. М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кириченко Юлия Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

Российская Федерация, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Михайликов Виталий Леонидович. Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры тактико-специальной подготовки.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

Российская Федерация, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

***Ключевые слова:** задержание подозреваемого, меры уголовно-процессуального принуждения, протокол задержания подозреваемого, следственные действия, уголовно-процессуальное регулирование.*

УДК343.1

Колотушкин С. М.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПУТНИКОВОЙ КАРТОГРАФИИ И МАТЕРИАЛОВ ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДТП

В статье раскрывается проблематика использования спутниковой картографии и материалов видеозаписи при расследовании ДТП.

В статье приводится пример как с использованием спутниковых снимков местности была построена модель для экспертного эксперимента при проведении автотехнической экспертизы по материалам видеозаписи. Суть модели сводится к тому, что взаиморасположение стационарных объектов, зафиксированных в материалах видеозаписи было перенесено на масштабный план фотоснимка из космоса. Это позволило пересчитать линейные и угловые величины на видеозаписи, где транспортное

средство двигалось на фоне стационарных объектов. По этим данным были рассчитаны скорость движения автомобилей, дистанции между ними, а также их положение в полосах движения на автомагистрали.

В 2014 году в районе г. Таганрога Ростовской области произошло ДТП, в результате которого в легковом автомобиле погибли 4 человека. Военная колонна, в которую входили колесные бронетранспортеры и грузовые автомобили, перемещалась по автостраде, имеющей четыре полосы движения, по две в каждую сторону. Колонна шла на спуск, легковой автомобиль поднимался на пригорок, дорога была мокрой после дождя. На середине спуска автомобиль КамАЗ заносит, он выходит на встречную полосу движения и совершает столкновение с легковым автомобилем.

В материалах уголовного дела имелись материалы видеозаписи, произведенные видеокамерой, расположенной на магазине строительных материалов. Серьезными недостатками видеозаписи были:

- запись была произведена на большой дальности – более 200 метров;
- ракурс объектива видеокамеры, расположенный на здании магазина, зафиксировал событие ДТП снизу – вверх, что не позволяло наблюдать полосы движения транспортных средств, рис. 1.



Рис. 1. Видеокادر ДТП, прямоугольником красного цвета выделен участок местности, где произошло столкновение автомобилей КамАЗ и ВАЗ-2105.

В рамках назначенной автотехнической экспертизы требовалось определить скорость движения столкнувшихся автомашин, дистанцию транспортных средств в колонне и между машинами при возникновении критической ситуации, а также положения транспортных средств по полосам движения на автодороге. Качество видеозаписи и ракурс видеосъемки не позволяли определить эти параметры.

Как метод исследований было выбрано натурное моделирование, суть которого сводилась к следующему. С использованием космических

снимков местности построить план сверху. В качестве исходной точки в масштабном плане выбрать место расположения видеокамеры и от нее построить линии визирования на стационарные объекты, расположенные в зоне места ДТП.

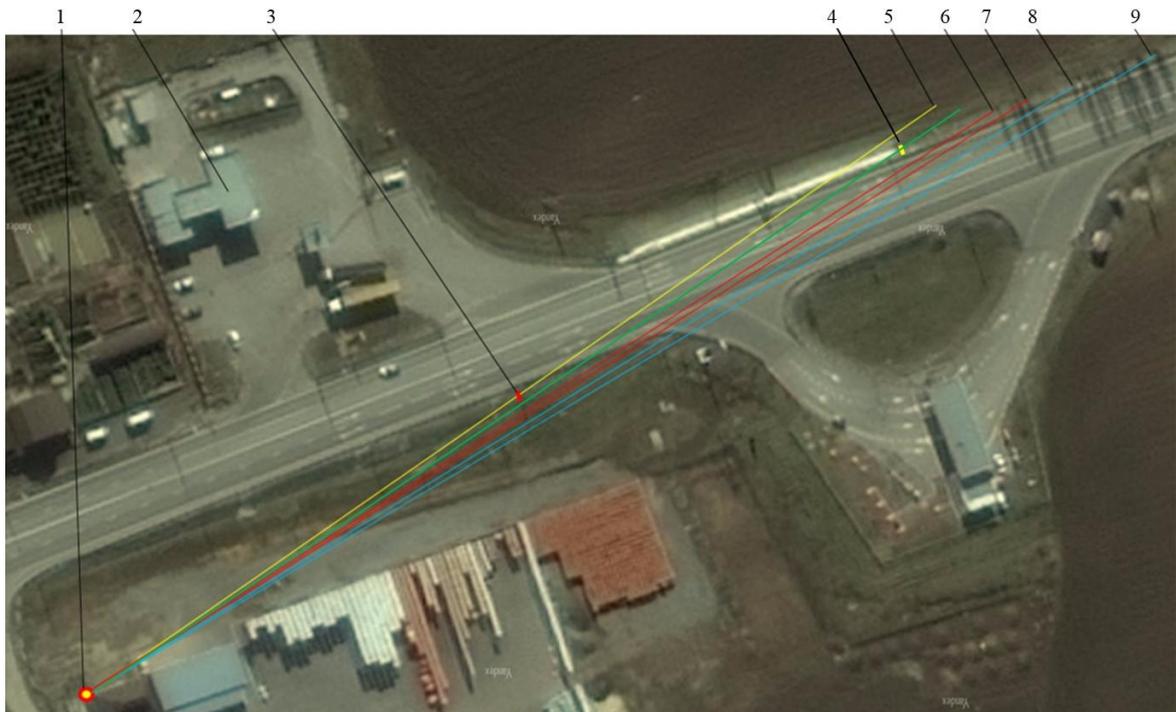


Рис. 2. Фотография из космоса (Яндекс. Карты.) местности в районе участка автодороги г. Ростов-на-Дону – г. Таганрог 52 км: 1 – видеокамера на здании магазина; 2 – автозаправочная станция; 3 – дорожный знак № 1; 4 – дорожный знак № 2; 5 – направление наблюдения через дорожный знак № 1; 6,7 – направление наблюдения видеокамерой на первую группу деревьев; 8, 9 – направление наблюдения видеокамерой на вторую группу деревьев.

В материалах видеозаписи было видно, как транспортные средства двигались на фоне стационарных объектов – дорожных знаков, деревьев и столбов. Это позволяло реконструировать положение транспортных средств на фоне этих объектов, рис. 3.

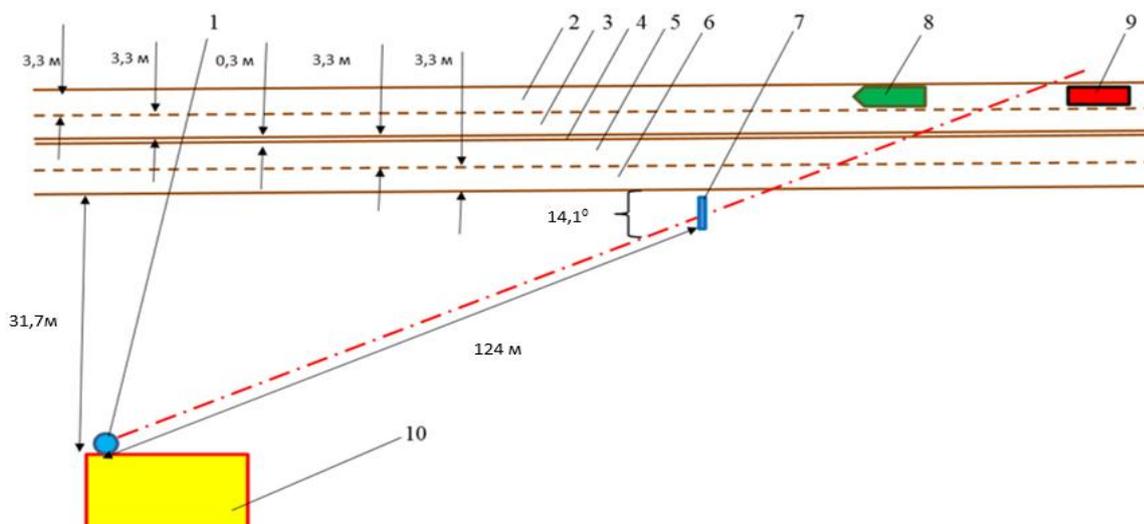


Рис. 3. Схема участка автодороги г. Ростов-на-Дону – г. Таганрог 52 км и прилегающих объектов, используемые для проводимых исследований: 1 – видеокамера на здании магазина; 2 – правый ряд полосы движения в сторону г. Ростов-на-Дону; 3 – левый ряд полосы движения в сторону г. Ростов-на-Дону; 4 – двойная линии разделения полос движения; 5 – левый ряд полосы движения в сторону г. Таганрог; 6 – правый ряд полосы движения в сторону г. Таганрог; 7 – дорожный знак № 1; 8 – БТР-80; 9 – автомобиль КамАЗ; 10 – здание магазина.

Исследование проводилось путем сопоставления изображения движущихся транспортных средств на масштабной схеме. В качестве анализа был использован метода измерений между объектами, которые наблюдались в видеокадре на фоне неподвижных ориентиров, размеры и расстояния между которыми были известны. Выбирались такие видеокадры, на которых движущиеся транспортные средства (БТР-80 и КамАЗ) достигали определенных неподвижных ориентиров и находились на линии наблюдения их видеокамерой. В масштабе 1:100 (в одном сантиметре один метр) были вырезаны из цветной бумаги прямоугольники в габаритных размерах БТР-80 прямоугольник с размерами 75 x 29 мм, КамАЗ – с размерами 86 x 25 мм. Эти бумажные прямоугольные фигуры накладывались на масштабную схему так, чтобы соответствовать условиям:

1 – соответствует полоса движения;

2 – масштабная фигура транспортного средства располагалась на схеме так, чтобы касаться линии наблюдения объектива видеокамеры определенных объектов.

На рис. 4 представлена графическая схема, соответствующая видеокадру № 124, когда башня БТР-80 поравнялась с дорожным знаком № 1, а передняя часть автомобиля КамАЗ поравнялась с проекцией ствола пирамидального тополя № 12. Используя масштаб схемы вычисляется дистан-

ция между БТР-80 и автомобилем КамАЗ, когда эти транспортные средства четка различаются в материалах видеозаписи. Расчеты показали, что эта дистанция составляет 72...75 метров.

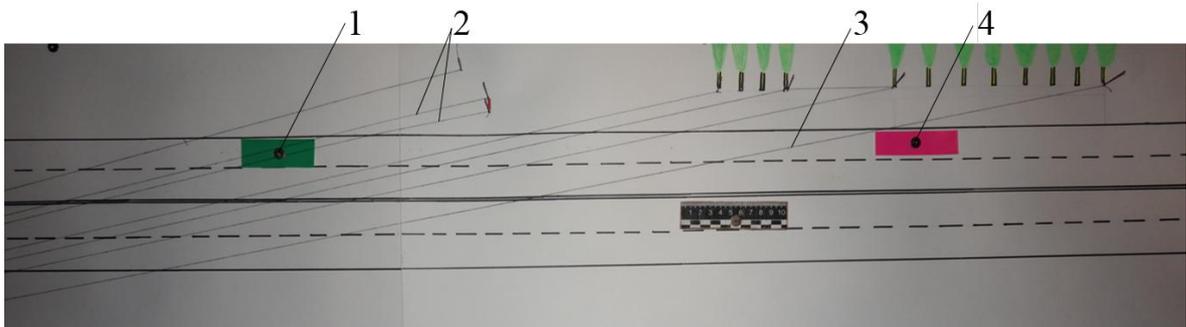


Рис. 4. Графическая схема места происшествия: 1 – БТР-80; 2 – линия визирования направления на дорожный знак № 2; 3 – линия визирования направления на правую сторону группы деревьев № 2; 4 – автомобиль КамАЗ.

При определении полосы движения использовались вертикальные ориентиры, так при движении автомобиля КамАЗ в первом ряду возникал просвет между нижней кромкой дорожного знака и крышей кабины КамАЗ, рис. 5. При движении КамАЗ во втором ряду крыша его кабины закрывала часть знака.

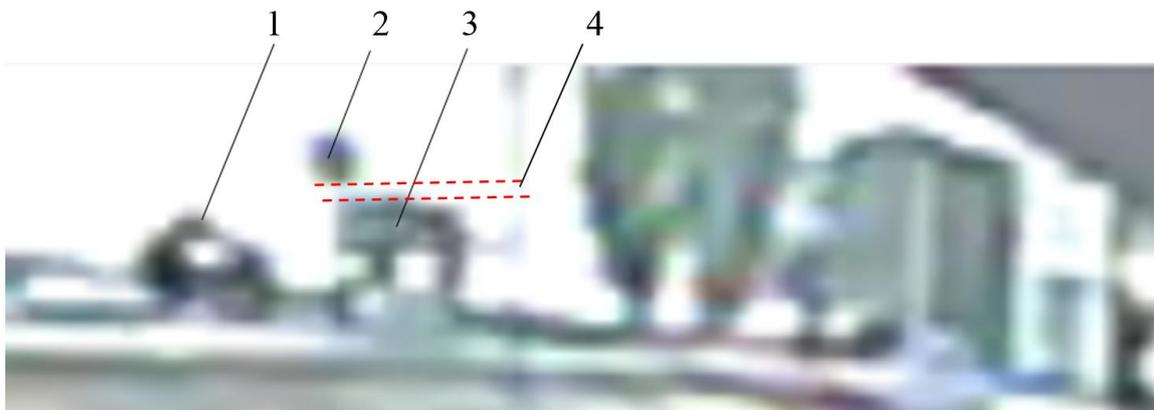


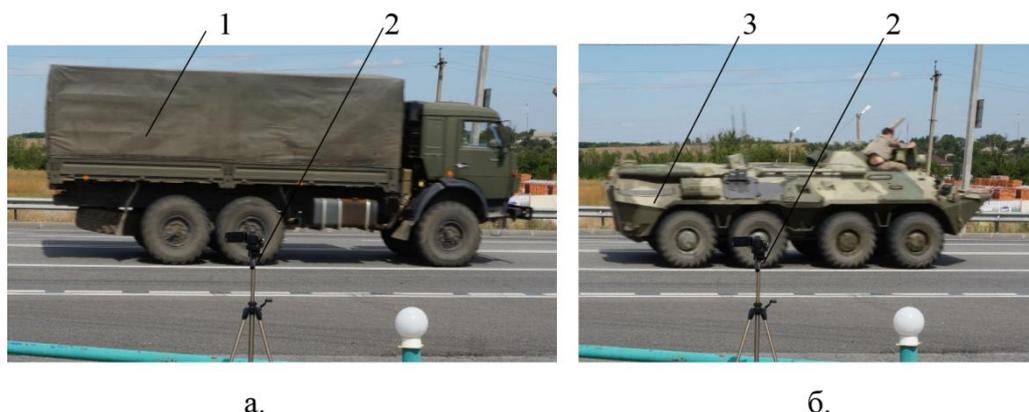
Рис. 5. Видеокадр начала заноса влево автомобиля КамАЗ: 1 – БТР-80; 2 – дорожный знак № 1; 3 – автомобиль КамАЗ; 4 – просвет между дорожным знаком и крышей кабины КамАЗ.

Для проверки расчетов был проведен экспертный эксперимент – осуществлялись проезды двух транспортных средств БТР-80 и автомобиля КамАЗ», рис. 6.



Рис. 6. Положение транспортных средств перед экспериментальным заездом: 1 – дорожный знак № 1; 2 – автомобиль КамАЗ; 3 – БТР-80.

Заезды транспортных средств кроме видеокамеры на здании магазина дополнительно фиксировались видеокамерой, установленной перпендикулярно оси движения транспортных средств, рис. 7.



а.

б.

Рис. 7. Видеофиксация проездов транспортных средств: а, б – проезд автомобиля КамАЗ и БТР-80 по разным полосам движения дороги с разной скоростью: 1 – автомобиль КамАЗ; 2 – видеокамера; 3 – БТР-80.

Скорость движения транспортных средств определялось методом покадрового анализа их перемещения относительно стационарных объектов, зафиксированных в материалах видеозаписи с видеокамеры на штативе. Проведенные эксперименты показали, что ошибка в расчетах скоростей и дистанций, сделанных из данных материалов видеозаписи, произведенной со здания магазина, и с видеокамеры, установленной на штативе у дороги, составили не более 7,2 %, что вполне допустимо для подобных расчетов.

В результате комплексных исследований с проведением экспертных экспериментов и масштабного моделирования были получены следующие выводы по экспертизе.

1. С момента появления на видеозаписи (время, зафиксированное на видеорегистраторе – 12 ч. 19 мин. 37 сек.) и до возникновения аварийной ситуации БТР-80 и автомобиль КамАЗ находились в правой полосе движения автодороги.

2. Дистанция между БТР-80 и автомобилем КамАЗ с момента появления их на видеозаписи (время, зафиксированное на видеорегистраторе – 12 ч. 19 мин. 37 сек.) и до момента возникновения аварийной ситуации постоянно сокращалась. С момента появления указанных транспортных средств в материалах видеозаписи дистанция между ними составляла 72...75 метров. С момента появления в видеоматериалах указанных транспортных средств до возникновения аварийной ситуации, начала заноса автомобиля КамАЗ, прошло 3,32 секунды. В течение этого времени (3,32 секунды) дистанция между БТР-80 и автомобилем КамАЗ сократилась до 17...19 метров.

3. С начала появления в материалах видеозаписи и до возникновения аварийной ситуации скорость движения БТР-80 не менялась и составляла 40,6...40,8 км/час. С момента появления в материалах видеозаписи автомобиля КамАЗ до возникновения аварийной ситуации его скорость снижалась с 74,5 км/ч до 51 км/ч. Это изменение скорости происходило за 3,32 секунды.

Таким образом, не стандартное решение экспертной задачи позволило ответить на вопросы следствия и разрешить механизм ДТП.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колотушкин Сергей Михайлович. Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Научно-исследовательский институт ФСИН России.

Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, видеозапись, космические фотоснимки местности, автотехническая экспертиза.

УДК 343.1

Комаров И. М.

РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

В настоящей публикации автор рассматривает проблемы практической реализации положений института уголовно-процессуальной реабили-

литации, которые возникают в связи с их нормативно-правовым несовершенством, в первую очередь связанном с отсутствием должного толкования законодателем понятий «реабилитация», «реабилитированный», «моральный вред», «компенсация морального вреда» и других, что не способствует осуществлению единообразной правоприменительной деятельности.

Сравнительно правовой анализ свидетельствует о том, что по количеству норм, где предусмотрено и возможно ограничение прав и свобод гражданина, своеобразным лидером является уголовно-процессуальное законодательство.

Анализ практики расследования преступлений свидетельствует о том, что самый существенный моральный вред гражданину причиняется посредством его незаконного или необоснованного уголовного преследования.

Право на возмещение вреда, причиненного лицу необоснованным уголовным преследованием, впервые было закреплено УПК РФ 2001 года (глава 18) и корреспондирующими нормам гражданского законодательства (ст. 1070 и 1100 ГК РФ), регулирующими порядок возмещения морального вреда, причиненного гражданину в результате незаконных действий должностных лиц правоохранительных органов.

Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель в главе 18 УПК РФ, неоднократно используя термин «моральный вред», не дает его понятия. Нет такового и в других нормах указанного кодифицированного законодательного акта. Безусловно, это законодательный пробел, но еще больший пробел – полное отсутствие процессуального порядка и процедуры определения и возмещения морального вреда в виде материальной (денежной) компенсации. Отсутствие процессуального порядка оценки размера материальной компенсации морального вреда вызывает большие проблемы у правоприменителя, и они возникают как в уголовном, так и гражданском судопроизводстве.

Эти проблемы уже давно негативно влияют на правоприменительную практику, порождают волокиту в судебных реабилитационных разбирательствах и не способствуют соблюдению порядка точного выполнению прав и свобод личности, гарантированных Конституцией РФ.

Такая ситуация вынуждает лиц, которым причинен моральный вред в результате незаконного и необоснованного уголовного преследования, добиваться восстановления своих прав и компенсации указанного вреда в различных судебных инстанциях.

Для эффективной практической реализации соответствующих норм российского законодательства давно назрела необходимость проведения их ревизии в аспекте процессуального определения понятия «моральный

вред», процессуальной методики его определения и поэтапного, в зависимости от волеизъявления реабилитированного, порядка компенсирования.

Это целостная проблема, и решать ее следует не поэтапно, а на основе системного подхода, что означает внесение необходимых изменений законодателем одним нормативным актом и сразу.

Методика оценки размера материальной компенсации морального вреда в настоящее время является наиболее важным, сложным в правовой реализации вопросом и практически не урегулированным ни текущим законодательством, ни судебной практикой.

Различные методики оценки размера компенсации морального вреда неоднократно предлагались учеными-процессуалистами и юристами-практиками. Их суть сводится к выработке базисных критериев, которые рекомендовались к законодательному закреплению. Конечный же размер компенсации морального вреда предлагалось определять по различным формулам с учетом обстоятельств, причинивших страдания гражданину, а именно: «примененной мерой пресечения и процессуального принуждения; фактически понесенного наказания; разумности сроков судопроизводства и применения, вышеуказанных мер, а также статуса реабилитированного как участника уголовного судопроизводства» [1, с. 105-108; 2, с. 214-215].

Предлагаемые методики, безусловно, будут способствовать эффективности правоприменительной практики, но будут ли они способствовать скорому восстановлению нарушенных прав реабилитированного и компенсации причиненного ему вреда в номинальном, денежном выражении? Это вопрос, так как при практической реализации предлагаемых методик для установления размера вреда, причиненного в рамках публичных отношений, мы снова должны будем обращаться к нормам частного права.

Суды, определяя размеры компенсаций причиненного морального вреда в денежном выражении, исходят из критериев, закрепленных в ст. 151 и 1101 ГК РФ, то есть степени вины нарушителя; степени физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица и фактическими обстоятельствами, при которых причинен вред; требований разумности и справедливости; иных заслуживающих внимания обстоятельств. Как видно, все приведенные критерии носят оценочный характер, что не исключает, а предполагает субъективную оценку при вынесении судебных решений.

Мы полагаем, что уйти от проблемы необъективности судебного решения по делу о компенсации морального вреда можно только на основе законодательного, в нормах публичного права, закрепления обязательного проведения истцу психологической экспертизы [6].

Реализация соответствующего вида специальных знаний на основе научно-разработанной методики их применения позволит суду получить достоверные и объективные сведения относительно характера морального вреда, причиненного гражданину. Такая процедура избавит суд и участни-

ков процесса от волокиты в обеспечении доказательственной базы, обосновывающей моральные страдания (соответствующие справки от врачей; психологов; данные, подтверждающие ухудшение состояния здоровья; производства самостоятельных расчетов в обоснование размера компенсации причиненного вреда и пр.), что повысит эффективность рассмотрения исков, разумность и справедливость размеров компенсаций, а также вынесенных решений.

Наши предложения обосновываются позицией С. Н. Бокова: «Моральный вред является объективно существующей комплексной юридико-психологической категорией» [3, с. 308]. Соответственно объективным способом установления и доказывания данной категории должен быть научно обоснованный метод психологического исследования, который на протяжении длительного времени применяется за рубежом и положительно себя зарекомендовал.

На этом основании мы предлагаем внести соответствующие дополнения в ст. 196 УПК РФ следующего содержания: *«б) характер и степень перенесенных психофизиологических страданий, а также психофизиологическое состояние реабилитированного, обратившегося за компенсацией морального вреда в исковом порядке».*

В качестве основы психофизиологических критериев оценки причиненного морального вреда, «проявляющегося как негативное физическое ощущение, негативные эмоции и неблагоприятные в психологическом отношении состояния» [4, с. 130], можно использовать Международный классификатор болезней 10-го пересмотра – МКБ-10, рубрика F43 – «Реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации» [5].

Расстройства в соответствии с данными вышеуказанной рубрики классификатора развиваются у человека вследствие значимых перемен в жизни, вызванных исключительно неблагоприятными жизненными событиями. Таковыми в рассматриваемом нами контексте могут являться: незаконное и необоснованное уголовное преследование, незаконное избрание меры пресечения, утрата связей с родственниками и т. п. Следует отдельно отметить, что тяжесть стрессовых реакций обусловлена исключительно индивидуальными особенностями личности, зависит от индивидуальной стрессовой устойчивости либо же ее подверженности. Проявления эмоционального расстройства в результате воздействия стрессового фактора различны и могут включать как в целом депрессивное настроение, так и отдельные проявления: беспокойство, подавленность настроения, тревога, неспособность социальной адаптации и т. п. По отдельности или в совокупности перечисленные нами психофизиологические нарушения могут выступить психологической основой причинения морального вреда, а восприятие их личностью в зависимости от ее индивидуальных особенностей может указывать на их глубину, а соответственно, и оценку морального вреда в номинальном, денежном выражении.

Как отражено в названии статьи, рассмотренный вопрос представляет собой отдельную проблему института реабилитации, однако в настоящее время она является, видимо, одной из самых главных проблем, так как для ее разрешения требуется активная и напряжённая работа ученых-процессуалистов и законодателя для того, чтобы усовершенствованное законодательство способствовало материальному компенсационному восстановлению прав граждан, нарушенных должностными лицами правоохранительных органов в процессе уголовного судопроизводства.

1. Боков С. Н. Судебно-психологическая экспертиза в делах по искам о возмещении морального вреда: психофизиологические составляющие теории / Вестник ВГУ. Серия право. 2007. С. 304-319.

2. Поляков Б. А. Метод определения размера денежной компенсации морального вреда реабилитированным лицам / Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2. № 3 (3). С. 105-108.

3. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 272.

4. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 240.

5. Приказ Минздрава РФ от 27.05.1997 № 170 (ред. от 12.01.1998) «О переходе органов и учреждений здравоохранения Российской Федерации на Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем X пересмотра» / Консультант-Плюс, contact@consultant.ru

6. В настоящей публикации мы не намерены подробно рассматривать данный вопрос, это отдельная тема исследования, которая связана с необходимостью дополнительной разработки соответствующих процессуальных процедур, здесь обозначена только идея.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Игорь Михайлович. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4-й учебный корпус.

Ключевые слова: реабилитация, институт уголовно-процессуальной реабилитации, реабилитированный.

УДК 343.1

Кузьменко Е. С., Лапшин В. Е.

**АНАЛИЗ СТЕПЕНИ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНЫХ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ
И НАВЫКОВ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ
КОНКУРСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА**

В статье исследуются вопросы, связанные с современным состоянием профессиональной подготовки сотрудников следственных подразделений системы МВД России в конкурсных испытаниях на звание «Лучший следователь».

Появление данной статьи было predetermined проведённым в сентябре текущего года на базе Нижегородской академии МВД России Всероссийским конкурсом профессионального мастерства следователей органов предварительного следствия в системе МВД России на звание «Лучший следователь», в котором приняли участие 95 следователей из 85 регионов Российской Федерации, следственных подразделений управлений на транспорте и ГУ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу. Надо сказать, что Следственный департамент МВД России проводит Всероссийский конкурс профессионального мастерства следователей «Лучший по профессии» с 2000 года, а с 2015 года данное мероприятие стало ежегодным [1]. Организация и проведение впервые в 2018 году конкурса на базе Нижегородской академии МВД России свидетельствует о высоком доверии со стороны руководства Следственного департамента МВД России и накладывает особые обязательства на принимающую сторону.

Безусловно, совершенствование уголовно-процессуального законодательства России невозможно без учета потребностей правоприменительной практики. В свою очередь, качественная подготовка следователей немыслима без знания ими уголовно-процессуального законодательства, практических приемов криминалистической техники в частности и алгоритмов расследования преступлений в общем. И, конечно, высококвалифицированный следователь должен уметь грамотно работать со следами-доказательствами в процессе поиска, фиксации и изъятия их самостоятельно, без участия специалиста.

Об уровне умения следователя работать со следами говорят знания им закономерностей механизмов слеодообразования (возникновения в материальных следах доказательственной информации о преступлении и его участниках); установления материальных следов (поиск, обнаружение, фиксация, анализ и оценка их значимости); использования следов в процессе расследования и предотвращения преступлений. И, основываясь на

познании этих закономерностей, впоследствии следователь разрабатывает технику работы с вещественными доказательствами при расследовании конкретного преступления.

При подготовке, совершении и сокрытии преступления возникают материальные следы преступления, работа с которыми занимает важное место в процессе расследования уголовных дел, поскольку обнаружение изменений среды позволяет судить об обстановке, обстоятельствах и деталях происшедшего события, о количестве и физических признаках субъектов, их действиях, о виде и особенностях использованных ими механизмов, инструментов. В свою очередь, следы в уголовном процессе впоследствии трансформируются в доказательства по уголовному делу, необходимые для установления истины в уголовном судопроизводстве.

Ниже мы рассмотрим основные аспекты, касающиеся действий следователя по работе со следами, оценки сформулированных вопросов перед экспертом и оценки материалов, направляемых на судебную экспертизу, а также укажем типичные допущенные ошибки. В испытаниях следователям предлагались ситуации, связанные с проверкой умений и навыков обнаружения, фиксации и изъятия следующих видов следов: трасологических (следы пальцев рук и обуви), баллистических (гильзы), биологических (волосы и вещество, имитирующее кровь).

При выявлении типичных ошибок, допускаемых при работе с вещественными доказательствами, мы исходили из оценки понимания и соблюдения следователями основных требований, предъявляемых к процессуальному порядку деятельности, связанной с работой с материальными следами преступления.

Так, прежде всего, необходимо грамотно обнаружить следы преступления: правильно их отыскать, а затем выделить доказательственную информацию из окружающей среды, отобрать нужные практические данные, имеющие доказательственное значение. После этого необходимо обнаруженные доказательства зафиксировать: запечатлеть их в установленном уголовно-процессуальном законом порядке, указав средства и методы фиксации, служащей средством сохранения доказательств для их дальнейшего исследования, оценки и использования, что придает обнаруженной информации доказательственную силу. Затем наступает очередь изъятия следов: необходимо правильно произвести действия, обеспечивающие возможность использования вещественных доказательств, приобщения их к делу, а также их исследования применительно, главным образом, к вещественным доказательствам. И в заключение, необходимо принять меры по сохранности обнаруженных, зафиксированных и изъятых доказательств и их источников, тем самым достигнув цели обеспечения возможности их дальнейшего использования следователем при расследовании уголовного дела и судом при рассмотрении дела по существу.

Однако в рамках предложенных конкурсных испытаний по имеющимся критериям оценки в действиях следователей по итогу выполнения заданий, усматривались ошибки.

Например, в процессе деятельности по обнаружению следов встречались такие ошибки, как неиспользование резиновых перчаток и технико-криминалистических средств на этапе обнаружения следов; неправильное избрание вида криминалистического средства для обнаружения следов; небрежное обращение с объектом, ведущее к потере или уничтожению следа; осуществление процедуры обнаружения следа, повлекшей его частичное уничтожение; отсутствие визуального контроля объекта, действий по измерению следа и места его расположения (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка действий по обнаружению следов

№ п/п	Допущенные ошибки	Участники, допустившие ошибки
1.	Отсутствие использования резиновых перчаток в работе со следами	10
2.	Отсутствие использования технико-криминалистических средств в работе со следами	14
3.	Неправильное избрание вида криминалистического средства для обнаружения следов	18
4.	Отсутствие визуального контроля объекта	10
5.	Небрежное обращение с объектом, ведущее к потере или уничтожению следа	22
6.	Осуществление процедуры обнаружения следа, повлекшей его частичное уничтожение	6
7.	Отсутствие действий по измерению места расположения следа	42
8.	Отсутствие действий по измерению следа	28

Анализ этого блока показал, что подавляющее большинство следователей не уделяли должного внимания тщательной фиксации места расположения следа относительно вещной обстановки места происшествия. На наш взгляд, это объясняется несколькими причинами. Во-первых, недостаточностью имеющихся у них познаний о правильных приемах осуществления фиксации размера и положения следа в пространстве. Во-вторых, они полагают, что описание во фрагменте протокола места обнаружения следа уже означает факт выполнения ими определенных действий по указанию места расположения следа. Однако они не учитывают, что само по себе описание места следа в интерьере не подменяет собой необходимость указания на закрепление в пространстве размерных характеристик расположения следов-доказательств. В свою очередь, наличие точных сведений

относительно зафиксированного положения следа-доказательства при дальнейшем расследовании преступления может стать неоценимым подспорьем следователю и обеспечить недопущение дальнейших ошибок при проверке следственных версий.

Далее, среди ошибок, касающихся действий по изъятию и упаковке следов, имелись неправильный выбор технико-криминалистических средств для изъятия следа; частичная потеря следовой информации в ходе выполнения действий по изъятию следов; отсутствие действий по измерению объекта, используемого для изъятия следа; небрежное обращение с объектом, ведущее к потере или уничтожению следа на этапе изъятия и упаковки; нарушение технологии упаковки следа, влекущее его повреждение или уничтожение; наличие грамматических, стилистических ошибок, сокращений слов при оформлении пояснительного текста; неполное указание реквизитов (дата, подписи и т. д.) в пояснительном тексте (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка действий по изъятию и упаковке следов

№ п/п	Допущенные ошибки	Участники, допустившие ошибки
1.	Неправильный выбор технико-криминалистического средства для изъятия следа	36
2.	Частичная потеря следовой информации при изъятии следов	33
3.	Отсутствие действий по измерению объекта, используемого для изъятия следа	33
4.	Небрежное обращение с объектом, ведущее к потере или уничтожению следа на этапе изъятия и упаковки	31
5.	Нарушение технологии упаковки следа, влекущее его повреждение или уничтожение	41
6.	Наличие грамматических, стилистических ошибок, сокращений слов при оформлении пояснительного текста	16
7.	Использование несоответствующих сведений о процедуре обнаружения и изъятия при оформлении пояснительного текста	7
8.	Неполное указание реквизитов (дата, подписи и т. д.) в пояснительном тексте	43
9.	Нечитаемый почерк в пояснительном тексте	3

Наиболее распространенными ошибками в этом блоке явились неполное указание реквизитов (дата, подписи и т. д.) в пояснительном тексте и нарушение технологии упаковки следа, влекущее его повреждение или уничтожение. На наш взгляд, этому также имеет свое объяснение. Во-первых, следователи не придают должного значения надлежащей процессуальной форме фиксации хода и результатов изъятия следа в течение про-

водимого следственного действия, что, безусловно, является нарушением требования законности и впоследствии может привести к признанию доказательства недопустимым. Что же касается второй ошибки, то здесь наблюдается элементарное отсутствие знаний о соблюдении правил подготовки следа для его дальнейшей транспортировки и последующего использования в доказывании по уголовному делу.

Но это были ошибки, касающиеся в большей степени применения знаний, умений и навыков в области технико-криминалистических познаний.

Теперь перейдем к ошибкам процессуального характера, напрямую связанным с проведением следственных действий и составлением процессуальных документов в виде протоколов. Так, следователи допускали наличие ошибок в логической структуре текста фрагмента описательной части протокола осмотра места происшествия и в терминологии при описании объектов и их признаков; неверно указывают на способ обнаружения, изъятия, упаковки следа; делают неполные записи в пояснительном тексте на упаковке следа в фрагменте протокола осмотра места происшествия; неполное указание месторасположения, взаиморасположения обнаруженного следа; неточное указание количества, материала, размерных характеристик, физического состояния, формы, цвета обнаруженного следа; отсутствие характеристик вида и состояния следовоспринимающей поверхности и записи о применяемых технико-криминалистических средствах; отсутствие указания на способ обнаружения, изъятия, размерных характеристик объекта, используемого для следокопирования (см. табл. 3).

Таблица 3

Оценка действий по фиксации следов

№ п/п	Допущенные ошибки	Участники, допустившие ошибки
1.	Неполное указание месторасположения, взаиморасположения обнаруженного следа	57
2.	Отсутствие указания месторасположения или взаиморасположения обнаруженного следа	9
3.	Отсутствие характеристики вида и состояния следовоспринимающей поверхности	40
4.	Неточное указание количества обнаруженного следа	16
5.	Неточное указание физического состояния обнаруженного следа	42
6.	Неточное указание размерных характеристик обнаруженного следа	47
7.	Неточное указание цвета обнаруженного следа	29
8.	Неточное указание формы обнаруженного следа	42
9.	Неточное указание материала обнаруженного следа	26
10.	Отсутствие указания на способ обнаружения следа	42
11.	Неверное указание на способ обнаружения следа	21

№ п/п	Допущенные ошибки	Участники, допустившие ошибки
12.	Отсутствие указания на способ изъятия следа	17
13.	Неверное указание на способ изъятия следа	28
14.	Отсутствие указания на способ упаковки следа	0
15.	Неверное указание на способ упаковки следа	20
16.	Неполная запись о пояснительном тексте на упаковке следа, выполненная в фрагменте протокола осмотра места происшествия	49
17.	Отсутствие записи о пояснительном тексте на упаковке следа в фрагменте протокола осмотра места происшествия	11
18.	Отсутствие записи о применяемых технико-криминалистических средствах	46
19.	Отсутствие размерных характеристик объекта, используемого для следокопирования	32
20.	Использование при описании разных метрических единиц	8
21.	Наличие ошибок в терминологии при описании объектов и их признаков	16
22.	Наличие ошибок в логической структуре текста фрагмента описательной части протокола осмотра места происшествия	21
23.	Нечитаемый почерк в тексте фрагмента описательной части протокола осмотра места происшествия	9

К тщательному соблюдению требований правильности составления процессуальных документов в виде фрагмента описательной части протокола соответствующего следственного действия возникли наибольшие претензии. И тут уместно вспомнить начало нашего разговора об ошибках. Так, отсутствие грамотных действий следователя по измерению места расположения следа, в свою очередь, повлекло за собой серьезные недочеты, связанные с неполным указанием месторасположения, взаиморасположения обнаруженного следа. Как видим, все взаимосвязано.

При оценке материалов, направляемых на судебную экспертизу, также были выявлены ошибки. Так, следователи неверно указывали наименование и давали неполный перечень материалов, направляемых на судебную экспертизу, а также небрежно относились к собственному почерку в тексте предоставляемых материалов для проведения судебной экспертизы (нечитаемый почерк затрудняет понимание экспертом того, что же именно указывает следователь в своем постановлении о назначении экспертизы) (см. табл. 4).

Таблица 4

Оценка материалов, направляемых на судебную экспертизу

№ п/п	Допущенные ошибки	Участники, допустившие ошибки
1.	Неверное указание материалов, направляемых на судебную экспертизу	45
2.	Неполный перечень материалов, направляемых на судебную экспертизу	42
3.	Нечитаемый почерк в тексте предоставляемых материалов для проведения судебной экспертизы	11

Необходимость формулирования вопросов перед экспертом тоже не обошлась без досадных неточностей.

Следователи, в основном, формулировали вопросы не в соответствии с последовательностью решаемых задач исследования. Кроме того, исходя из представленных материалов, формулируемые вопросы превышали объем решаемых задач исследования; исходя из сложившейся следственной ситуации, формулируемые вопросы превышали объем решаемых задач исследования или были сформулированы не в полном объеме. Кроме того, были единичные случаи, когда формулируемые вопросы выходили за пределы проводимого исследования или затрагивали решение задач юридического характера, в формулируемых вопросах отсутствовала явная конкретика о необходимости решения определенной задачи. Ну и ставшие традиционными недочеты в виде наличия грамматических ошибок в тексте формулируемых вопросов и нечитаемого почерка также заслуживают упоминания (см. табл. 5).

Таблица 5

Оценка сформулированных вопросов перед экспертом

№ п/п	Допущенные ошибки	Участники, допустившие ошибки
1.	Вопросы сформулированы не в соответствии с последовательностью решаемых задач исследования	23
2.	Формулируемые вопросы, исходя из представленных материалов, превышают объем решаемых задач исследования	9
3.	Формулируемые вопросы, исходя из сложившейся следственной ситуации, превышают объем решаемых задач исследования	6
4.	Вопросы, исходя из сложившейся следственной ситуации, сформулированы не в полном объеме	60

№ п/п	Допущенные ошибки	Участники, допустившие ошибки
5.	Формулируемые вопросы выходят за пределы проводимого исследования	5
6.	Формулируемые вопросы затрагивают решение задач юридического характера	3
7.	В формулируемых вопросах отсутствует явная конкретика о необходимости решения определенной задачи	18
8.	Наличие грамматических ошибок в тексте формулируемых вопросов	22
9.	Нечитаемый почерк	15

Разумеется, любая статья должна заканчиваться определенными выводами, и данная – не исключение.

В качестве таковых напрашиваются три основных тезиса.

Во-первых, институт качественного взаимодействия следователей и специалистов, несомненно, очень важен. Это в очередной раз подтверждается наблюдаемым значительным несовершенством и рассогласованностью их действий, исходя из анализа и оценки результатов проведения конкурса.

Во-вторых, и это важно для всех образовательных организаций системы МВД России и других ведомственных вузов, профессорско-преподавательскому составу необходимо в большей степени предпринимать усилия, направленные на углубление практической направленности в процессе обучения в рамках получения высшего образования, прохождения программ дополнительного образования и повышения квалификации сотрудников следственных подразделений с упором на получение специальных познаний в области криминалистики и уголовного процесса.

И, в-третьих, как наблюдалось, исходя из процедуры проведения конкурса, следователи, к сожалению, имеют серьезные недостатки в самостоятельной работе со следами-доказательствами без привлечения специалиста.

Сказанное нами требует совершенствования в указанных направлениях и оставляет пространство для дальнейших дискуссий.

1. Приказ МВД РФ от 21.10.2005 № 850 (ред. от 09.12.2008) «Об утверждении положения о конкурсах профессионального мастерства среди сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на звание "Лучший по профессии"» // ЭСПС КонсультантПлюс (дата обращения 5 сентября 2018 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьменко Елена Сергеевна. Кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЦ № 5 (по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания).

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25,
стр. 1.

Лапшин Вячеслав Евгеньевич. Кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики.
Нижегородская академия МВД России.
Российская Федерация, 603950, БОКС-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Ключевые слова: уголовный процесс, технико-криминалистическая подготовка, конкурс профессионального мастерства, следователь.

УДК 341.1

Кураков Д. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье затрагиваются отдельные аспекты осуществления прокурорского надзора в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Прежде чем конкретно рассмотреть вопрос о предмете прокурорского надзора в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, следует определиться с общим понятием «предмет прокурорского надзора».

Вопрос о понятии предмета прокурорского надзора в теории до сих пор является дискуссионным. Так, В. И. Басков определяет предмет прокурорского надзора как соблюдение законности (при этом содержание понятия законности образуется из следующих элементов: законы и подзаконные акты; исполнение законов, т. е. проведение их в жизнь); надзор за точным и единообразным исполнением законов; ответственность за допущенные нарушения законов [1].

Некоторые авторы под «предметом» понимают закон, которому должны соответствовать действия (акты) субъектов прокурорско-надзорных правоотношений. Однако именовать предметом надзора закон или иной нормативный акт необоснованно. Субъективное право прокурора направлено не на закон, а на его исполнение.

Наиболее правильно предмет прокурорского надзора определяется как законность деятельности и актов поднадзорных органов, организаций и лиц применительно к отдельным направлениям надзорной деятельности.

В целях определения пределов прокурорского надзора в литературе высказывалась точка зрения, что, исходя из положений ч. 3 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», прокурору не могут представляться: материалы оперативных проверок; оперативные дела, в рамках которых осуществляется оперативно-розыскное производство; оперативно-служебные документы, отражающие подготовку и осуществление как отдельных оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 названного закона, так и их комплекса.

Указанные положения нашли свое отражение в ч. 2 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (в редакции Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 января 1999 г.). Прокурору в соответствии с этой нормой закона предоставлено право требовать от руководителей оперативно-розыскных органов представления оперативно-служебных документов, включающих в себя дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Как представляется, основным аргументом, который можно было бы привести в защиту рассматриваемой нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», являлось то, что сведения об организации, тактике, методах и средствах осуществления оперативно-розыскной деятельности представляют государственную тайну. Но данный аргумент малоубедителен и не совсем обоснован хотя бы уже потому, что руководители органов прокуратуры обязаны создавать все условия, обеспечивающие защиту сведений, содержащихся в представляемых прокурору оперативно-следственных документах (ч. 4 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), и допуск уполномоченного прокурора к сведениям, содержащим государственную тайну, производится в том же порядке, что и допуск должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [2].

Определенную сложность вызывает вопрос о том, входит ли в предмет прокурорского надзора соблюдение норм, касающихся порядка привлечения граждан и должностных лиц к сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ст. 17, 18 гл. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), и каковы пределы надзорной деятельности прокурора в данной области [3].

В ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что отдельные лица с их согласия могут привлекаться к под-

готовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением конфиденциальности сотрудничества с оперативно-розыскными органами (в т. ч. по контракту). К сотрудничеству могут привлекаться только дееспособные, совершеннолетние граждане. Кроме того, запрещается привлекать на контрактной основе депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей, официально зарегистрированных религиозных объединений.

В литературе высказано мнение, что прокурор вправе проверить соблюдение норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», касающихся порядка и круга лиц, привлекаемых к сотрудничеству на конфиденциальной основе. Эта точка зрения представляется обоснованной.

Вместе с тем в ч. 3 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» фактически устанавливаются пределы прокурорского надзора, т.к. согласно содержащейся в этой части статьи норме, сведения о лицах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе, представляются прокурору только с их письменного согласия, за исключением случаев привлечения их к уголовной ответственности. Без указанных сведений прокурору затруднительно, а иногда и невозможно осуществлять надзор в рассматриваемой сфере.

Разглашение сведений о лицах, сотрудничающих с оперативно-розыскными органами, может создать реальную угрозу для жизни, здоровья или имущества этих лиц. Поэтому понятно желание законодателя определенным образом ограничить доступ к этим сведениям как можно большего круга должностных лиц. Это главным образом и повлияло на установление на уровне закона ограничений доступа прокурора к этим сведениям [4].

В связи с этим можно предложить (как дополнительную гарантию) повысить уровень уполномоченных прокуроров, имеющих право затребовать соответствующие сведения, и разрешить при наличии указанных нами ранее условий запрашивать сведения, касающиеся лиц, сотрудничающих с оперативно-розыскными органами на конфиденциальной основе, уполномоченным прокурорам не ниже прокурора субъекта РФ.

Вопросы, касающиеся законности и обоснованности возбуждения ходатайства о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, а также проведение этих мероприятий до судебного решения, безусловно, относятся к порядку выполнения оперативно-розыскных мероприятий. Прокурор не может оставаться безучастным, если считает, что при проведении рассматриваемых оперативно-розыскных мероприятий нарушается закон; он обязан должным образом прореагировать [5].

Вполне возможно, что соответствующей реакции прокурора будет достаточно, чтобы оперативно-розыскной орган отказался от принятого решения, согласившись с мнением прокурора. В полномочия прокурора не

входит наложение запрета на обращение в суд органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, но он обязан представить в суд сведения о недопущении проведения оперативно-розыскного мероприятия, если оно является незаконным и необоснованным. В конечном счете это поможет суду правильно определиться с ситуацией и принять решение, соответствующее закону [6].

Прокурор не только не должен самоустраняться от надзорной деятельности при ограничении конституционных прав граждан до принятия судебного решения в порядке ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», но и с особым вниманием относиться к этим случаям. Он должен проверить, действительно ли ограничение конституционных прав граждан обусловлено не терпящими отлагательства обстоятельствами, и действительно ли непринятие срочных и необходимых мер может привести к совершению тяжкого преступления, к событиям и действиям, создающим угрозу государственной, военной, экономической и экологической безопасности Российской Федерации.

При этом прокурор обязан проверить своевременность (в течение 24 часов) уведомления судьи о проведении соответствующих оперативно-розыскных мероприятий, а также выяснить, получено ли в течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскных мероприятий судебное решение. Если решение судьи в установленный срок не получено, а проведение оперативно-розыскного мероприятия продолжается, прокурор обязан отреагировать на это, дав указание о прекращении данного мероприятия органу, его осуществляющему. Проведение в рассматриваемых случаях оперативно-розыскного мероприятия без получения соответствующего разрешения судьи является грубым нарушением конституционных прав граждан, и прокурору необходимо рассматривать вопрос о привлечении виновных к ответственности [7].

Об уничтожении материалов, отражающих результаты оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на основании судебного решения, за три месяца до уничтожения уведомляется соответствующий судья. Прокурор, осуществляя надзор, в частности, должен следить, чтобы не нарушались установленные сроки либо не допускалось уничтожение соответствующих материалов без уведомления судьи [8].

Указанные решения принимаются в рамках не оперативно-розыскной деятельности, а уголовно-процессуальной; правовой основой их является не Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», а Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Законность данных решений входит в предмет прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве.

При производстве оперативно-розыскной деятельности неизбежно затрагиваются, а иногда и существенно ограничиваются права и законные интересы граждан, гарантированные Конституцией РФ и другими закона-

ми (право на тайну переписки, телефонных переговоров, на неприкосновенность жилища и т. д.).

Закон предусматривает соблюдение прав и свобод граждан различных категорий: законопослушных граждан, вовлеченных по тем или иным причинам в сферу оперативно-розыскной деятельности; законопослушных граждан, которые сотрудничают с оперативно-розыскными органами на конфиденциальной основе (в отношении этих двух категорий граждан недопустимо ограничение их конституционных прав и свобод); граждан, нарушивших закон и ставших объектами оперативно-розыскной деятельности (в отношении них в установленном порядке допускается ограничение конституционных прав).

Кроме того, прокурор вправе: изучать и проверять планы, в которых предусматривается скоординированное проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, осуществляемых в рамках оперативно-розыскного сопровождения предварительного следствия; рассматривать, проверять и корректировать планы работы следственно-оперативных групп; непосредственно участвовать в планировании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих использование результатов оперативно-розыскной деятельности для возбуждения уголовного дела [9].

Необходимо иметь в виду, что согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, издают нормативные акты, которые регламентируют только организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий. Если указанные нормативные правовые акты затрагивают права и законные интересы граждан или носят межведомственный характер, то они подлежат обязательной государственной регистрации в Министерстве юстиции РФ [10].

Кроме того, указанные нормативные акты издаются только на основе и в соответствии с законом. Они не могут затрагивать вопросов, которые отнесены исключительно к компетенции закона (например, изменять перечень органов, которые вправе осуществлять оперативно-розыскную деятельность, перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые могут проводиться в ходе этой деятельности, и т. д.).

Можно согласиться с суждением, что в сфере прокурорского надзора должно находиться исполнение законов, а также непосредственно связанных с ними других нормативных актов. На практике многие из таковых актов конкретизируют закон, определяют механизм его исполнения. При оценке прокурором законности проведения оперативно-розыскных мероприятий, он может руководствоваться не только указаниями, содержащимися в законе, но и положениями, которые имеются в соответствующих ведомственных нормативных актах.

Особое место занимает вопрос, касающийся надзора за оперативно-розыскной деятельностью, сопровождающей и обеспечивающей уголовный процесс на стадиях возбуждения и расследования уголовных дел. Первоочередное внимание должно быть уделено надзору за законностью и обоснованностью реализации результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и использования результатов этой деятельности при расследовании уголовных дел.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит не только нормы, относящиеся к порядку проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и нормы, регулирующие некоторые другие отношения, касающиеся оперативно-розыскной деятельности или тесно с ней связанные. Возникает вопрос: охватывает ли рассматриваемое направление надзорной деятельности все нормы, содержащиеся в вышеуказанном законе или только те, которые относятся к порядку проведения оперативно-розыскных мероприятий?

Для разрешения поставленного вопроса необходимо отметить, что деятельность оперативно-розыскных органов разнообразна. Она включает в себя как непосредственное осуществление оперативно-розыскной деятельности, так и управленческую деятельность субъектов, возглавляющих оперативно-розыскные органы. При этом субъектами управления выступают также и аппараты, подчиненные соответствующим руководителям этих органов. В первом случае прокурорский надзор осуществляется за соблюдением законности оперативно-розыскной деятельности в рамках рассматриваемого нами направления прокурорской деятельности, во втором случае деятельность прокурора осуществляется в рамках общего надзора, который регламентирован, в частности, главами 1 и 2 раздела 3 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации».

Надзор за исполнением законодательства о создании оперативных органов, об их кадровом, материально-техническом, финансовом, ведомственном нормативном обеспечении, надзор за исполнением законодательства в процессе управления деятельностью оперативно-розыскных органов осуществляется в порядке общего надзора, а не надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности.

Подводя общий итог, можно согласиться с положением, что предмет прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, определяется как ее порядок, установленный федеральными законами, и законность принимаемых этими органами решений.

1. Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность: Учебно-методическое пособие. М., 1997. С. 6.

2. Железняк Н. С. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятель-

ность: научно-практический комментарий / Н. С. Железняк. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. 94 с.

3. Бондаренко В. А. Надзор за оперативно-розыскной деятельностью // Законность. 2013. № 2. С. 30-33.

4. Кожевников К. М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью по делам коррупционной направленности // Законность. 2013. № 3. С. 6-9.

5. Захарцев С. И., Пахунов А. М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. 2012. № 9. С. 37-40.

6. Камчатов К. В., Янчуркин О. В., Журавлева А. С. Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия по уголовным делам в сфере торговли людьми // Юридический мир. 2013. № 11. С. 62-67.

7. Смирнов М. П. Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: учебное пособие (постатейный). 5-е изд., расширенное и перераб. // СПС КонсультантПлюс. 2012.

8. Скосарев В. В. О состоянии законности при осуществлении органами внутренних дел розыска лиц, пропавших без вести // Прокурор. 2013. № 1. С. 73-80.

9. Скуратов Ю. И. Концептуальные вопросы развития прокуратуры в период правовой реформы в Российской Федерации // Законность. 1997. № 3.

10. Становление правового государства в Российской Федерации и функции прокуратуры («круглый стол») // Государство и право. 1994. № 5. С. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кураков Денис Владимирович. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: осуществление прокурорского надзора, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность.

УДК 351.745.7

Кучин О. С.

«СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ» ПРОЦЕДУРЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗА И ПРОТИВ

В данной статье автором рассмотрена проблематика «упрощенного правосудия». Автором анализируются основные «за» и «против» в отношении «согласительных» процедур в российском уголовном процессе.

В настоящее время в отечественном уголовном процессе активно набирают обороты так называемые «согласительные» процедуры, в связи с чем производство по уголовным делам приобретает всё более специфические особенности в следующих случаях:

- 1) при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;
- 2) в случае особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением;
- 3) при сокращенной форме дознания.

Все эти процедуры, в частности, объединяет единая особенность или единое условие – обвиняемый должен признавать свою вину полностью, соглашаться с предъявленным обвинением, что в дальнейшем освобождает суд от оценки собранных по делу доказательств, и приговор постановляется фактически без их анализа.

Многие российские авторы называют эти «согласительные» процедуры не иначе как «сделки с правосудием» и предсказывают им большую перспективу при дальнейшем развитии досудебного производства по уголовным делам.

Институт, который современные российские авторы не совсем обоснованно называют «сделкой с правосудием», был известен еще в Средние века в Британии. В те далёкие времена существовало такое понятие, как «апелляция раскаявшегося», и преступник мог избежать смерти, если он рассказывал представителям королевской власти о преступлениях, совершенных другими лицами.

Но в дальнейшем эта практика прекратила свое существование, т. к. слишком многие преступники стали оговаривать своих знакомых и родственников, а пока судебные власти разбирались в правдивости их показаний, сами преступники сбегали из тюрьмы и скрывались от заслуженного наказания.

Современная «сделка с правосудием» в нынешнем её понимании возникла в конце XIX века в США и быстро получила широкое распространение не только там, но и во многих странах мира.

Сегодня в мировой уголовно-процессуальной практике существует два типа сделок, которые подходят под российское определение «досудебное соглашение о сотрудничестве».

1. Первая форма – это договор с прокуратурой, на основе которого только в США выносятся не менее 90 % всех приговоров. Суть его заключается в том, что в обмен на признание вины прокуратура снимает с обвиняемого часть обвинений или переqualифицирует преступление из более тяжкого в менее тяжкое. Эта сделка может быть предложена любой из сторон. Ее условия обсуждаются обвиняемым и представителями прокуратуры, а затем утверждаются судьей, как правило, в открытом судебном заседании. Судья может отказать в утверждении сделки, но если он дает свое согласие, то обязан, со своей стороны, исполнить ее условия.

По мнению противников таких сделок, они открывают широкие возможности для злоупотреблений. Так, в США нередки случаи, когда прокуратура фактически вымогает согласие обвиняемого на сделку, с самого начала выдвигая максимально жесткое обвинение.

2. Второй формой сделки с правосудием является то, что в США называют «превращением в свидетеля обвинения». Суть в том, что в обмен на показания против сообщников обвиняемый получает «прокурорский иммунитет» – полное или частичное освобождение от ответственности. Сделка также заключается между обвиняемым и прокурором и должна быть одобрена судьей. После заключения сделки исполнение ее условий становится обязательным для всех ее участников. Правда, если у прокурора появляются новые улики, на основе которых он может добиться вынесения обвинительного приговора, сделка может быть расторгнута. В действительности такое происходит крайне редко.

Главные претензии противников таких сделок с правосудием заключаются в том, что обвиняемый может оговорить кого угодно, лишь бы избежать наказания.

Российская Федерация в 2009 г., перейдя к состязательной форме уголовного производства и перенеся черты англосаксонской правовой системы, также ввела в действие новый правовой институт – досудебное соглашение о сотрудничестве.

Но на наш взгляд, в российском уголовном процессе заключение досудебного соглашения о сотрудничестве фактически ничего не имеет общего с зарубежным «досудебным соглашением о сотрудничестве». Так, при заключении такого досудебного соглашения прокуратура и орган следствия не несут никаких обязанностей перед обвиняемым, а если их и дают, то в дальнейшем могут от них отказаться без объяснения причин такого отказа. Суд также может при постановке приговора не принимать во внимание обещания, данные подсудимому прокуратурой или следствием. Единственное, что получает подсудимый от такого соглашения, это то, что ему не назначается максимальный срок лишения свободы и к нему не может быть применена смертная казнь или пожизненное лишение свободы.

Сторонники активного и дальнейшего развития правового института досудебного соглашения о сотрудничестве пытаются убедить научную

общественность в том, что он является эффективным инструментарием в раскрытии и расследовании многих преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких. Но в главе 40.1 УПК РФ об этом ничего не сказано, и многие специалисты и правоприменители справедливо полагают, что досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено по любым составам преступлений и в любой форме расследования.

Соблюдение же лицом всех условий и выполнение всех обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, дает подсудимому по усмотрению суда с учетом положений статей 64, 73 и 80.1 УК РФ возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания. Кроме того, в настоящее время на практике распространено избрание или изменение меры пресечения на более мягкую непосредственно в ходе предварительного расследования, особенно это касается такой меры пресечения, как содержание под стражей.

Многие современные учёные и представители следствия, дознания, прокуратуры, суда в конечном итоге указывают только на положительные стороны вышеуказанного правового института. Так, без сомнений, упрощается процесс доказывания вины обвиняемого по уголовному делу, сокращается время на судебное разбирательство и вынесение приговора, исключается обжалование приговора на основании того, что вина подсудимого не доказана.

Но вместе с тем следует, в частности, отметить, что в законе отсутствует, например, обязанность прокурора подтвердить совершение указанных им действий по смягчению участи обвиняемого. Также, по моему мнению, главным минусом «согласительных» процедур в уголовном процессе является то, что полученное признание вины обвиняемым становится бесспорным доказательством, и уголовное дело не расследуется полно, всесторонне и объективно.

Изучение уголовных дел, интервьюирование следователей, дознавателей и оперативных сотрудников позволило автору сделать вывод, что в настоящее время признание обвиняемым своей вины опять стало, как и в прошедшие 30-е годы XX века, «царицей доказательств». Во многих следственных подразделениях уже наработана практика склонения обвиняемого к досудебному соглашению или к тому, чтобы дело в дальнейшем было рассмотрено в особом порядке. То же происходит и в подразделениях дознания, чтобы провести расследование в упрощённой форме.

Прокуроры и суды в своём большинстве также склоняются к тому, чтобы уголовные дела были рассмотрены в упрощённом порядке, без изучения всех доказательств и только на основании признания подсудимым своей вины.

Хотелось бы отметить, что законодатель почему-то признал в качестве гарантии объективности и законности такого упрощённого судебного разбирательства только то, что решение о его применении подсудимый принимает после консультации с адвокатом, как будто защитник может ему что-то, действительно, гарантировать. А ведь защитник при таком упрощении решения судьбы человека, пусть даже и совершившего преступление, не может обратить внимание суда, прокурора и следователя на возможные ошибки в квалификации вменённого ему преступления. Также он не может заявить ходатайства о недопустимости доказательств. Если он всё это будет делать, то лишит своего подзащитного возможности рассмотрения его дела в особом порядке.

Кроме того, развитие вышеназванных «согласительных» процедур в уголовном процессе, и именно в таком направлении, в каком оно сейчас осуществляется, по моему глубокому убеждению, вполне может привести к тому, что такая наука, как криминалистика, станет бесполезной. Ведь следователю не надо будет ничего доказывать. Следствие перейдёт на простое вменение приблизительно подходящего состава преступления, проведении ряда психологических обработок подозреваемого или обвиняемого, склонению его к любой из «согласительных» процедур и направлению дела в суд, а там его просто и формально рассмотрят, подтвердят вывод следователя о виновности лица, правильности квалификации содеянного (при этом адвокат-защитник сыграет роль фактора убеждения) и вынесут приговор, который впоследствии отменить или изменить уже будет невозможно. И мы просто перейдём к «упрощенному или согласительному правосудию».

Но мне почему-то кажется, что законодатели, учёные и правоприменители не совсем хотят, чтобы такое «упрощенное правосудие» было применено в дальнейшем к ним или их близким. Будем надеяться на то, что разум победит желание работать проще в вопросах решения человеческих судеб.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кучин Олег Стасьевич. Доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент РАЕ, профессор кафедры криминалистики.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Российская Федерация, 125080, г. Москва, Волоколамское шоссе,
д. 7, кв. 40.

Ключевые слова: «согласительные» процедуры; российский уголовный процесс; уголовное судопроизводство; УПК РФ.

УДК 343.1

Лакомская М. Ю.

ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ГРУППЫ «ФИКСАЦИЯ»

Автор настоящей публикации на практическом примере рассматривает вопросы организации и проведения сложной тактической операции, относящейся к группе тактических операций «фиксация» и связанной с изобличением заподозренного в преступлении – вымогательстве взятки должностного лица. В статье определяются основные цели для успешного проведения операции и предлагается практический алгоритм их достижения.

Практика расследования преступлений свидетельствует о том, что одной из сложных задач предварительного расследования противоправных деяний с материальными составами является установление следователем причинно-следственных связей между наступившим преступным результатом и действиями определенного лица.

Сам факт решения этой задачи порождает проблемную ситуацию расследования по причине того, что установление связей указанного вида затруднено противодействием со стороны заинтересованных лиц, которые, используя различные способы и средства, скрывают эти обстоятельства от следствия с тем, чтобы избежать разоблачения и уголовной ответственности.

Особое значение установление причинно-следственных связей имеет для результатов качественного расследования коррупционных преступлений, в частности взяточничества, так как они совершаются в условиях неочевидности и не всегда расследованию удается подлинно установить их объективную сторону, которая реализуется скрытно и связана с непосредственными действиями, обычно, двух лиц.

Проблемная ситуация первоначального этапа расследования может характеризоваться двумя информационными факторами, когда о факте предполагаемой взятки правоохрнительным органам становится известно до передачи предмета взятки и когда предмет взятки передан и преступник им завладел.

Первая проблемная ситуация расследования, на наш взгляд, предполагает для расследования больше возможностей объективного, полного и всестороннего установления факта преступного события по причине того, что позволяет на основе известных данных прогнозировать ход ее разрешения на основе проверки выдвинутой следственной версии посредством тактической операции.

Основаниями к принятию решения о возбуждении уголовного дела по факту взятки могут быть различные факты, полученные из различных источников, например, заявление лица, у которого вымогают взятку, явка взяткодателя с повинной, оперативные данные, заявления лиц, которым

стало известно о взятке, и пр. Когда следователем принято решение о возбуждении уголовного дела, эти обстоятельства определенным образом содержательно характеризуют проблемную ситуацию расследования, что позволяет дать ей объективную оценку, в соответствии с чем выдвинуть следственную версию и под нее спланировать тактическую операцию с тем, чтобы, реализуя ее, можно было бы доказать связи подозреваемого лица с предметом преступного посягательства, иными обстоятельствами объективной стороны преступления.

Рассмотрим как частый случай разрешение *проблемной ситуации расследования, когда на основании заявления лица, у которого вымогают взятку, следователь возбудил уголовное дело и об этом факте заподозренному во взяточничестве лицу не известно.*

Определенная таким образом проблемная ситуация расследования рассматривается нами как часть более общего процесса системы логико-психологического механизма построения следственной версии на следующем сквозном примере [1].

В Ленинский отдел внутренних дел г. Ростова-на-Дону с заявлением обратился владелец теплохода «Азов» Шестернин П. П. В заявлении он указал, что государственный инспектор «Ростехнадзора» Иванов М. П. потребовал у него 15.000 рублей за беспрепятственное проведение предлицензионной проверки теплохода на право осуществления буксировок морским транспортом. В соответствии с заявлением Шестернина П. П. было возбуждено уголовное дело и сформирована следственно-оперативная группа.

Характер проблемной ситуации расследования определяется следующим образом.

1. Ее формирование протекает на основе мыслительных процедур следователя и связано с процессуальным порядком поиска и обнаружения сведений, объективно отражающих событие, относительно которого возбуждено уголовное дело (вымогательство взятки), анализе полученных данных и проверкой их относимости к факту взяточничества.

Основная цель на этом этапе заключается в создании необходимого массива криминалистически значимой информации, объясняющей событие тем или иным образом. Подобной криминалистически значимой информацией может быть официальным порядком полученное и процессуально правильно оформленное заявление лица о вымогательстве взятки и соответствующих этому обстоятельствах, подробный допрос этого лица в качестве свидетеля, наведение оперативным путем справок о вымогателе взятки, другие действия, содержание которых может объективно указывать на факт преступных действий.

По факту заявления Шестернина П. П. после возбуждения уголовного дела он был допрошен следователем об обстоятельствах вымогательства взятки Ивановым М. П., истребованы документы, подтверждающие

принадлежность Шестернину П. П. теплохода «Азов» по праву собственности, данные о сроках действия лицензии, которая была получена ранее на эксплуатацию судна Шестерниным П. П., исследованы сведения характеризующие государственного инспектора Иванова М. П., которые можно было получить на этом этапе расследования.

2. Собранная криминалистически значимая информация должна быть соответствующим образом предметно исследована с тем, чтобы ее можно было представить относительно будущего события без «избыточной» информации, которая в настоящее время (начальный этап расследования) мало связана с расследуемым событием. Это означает, что следователь должен быть сосредоточен только на обстоятельствах факта, сообщенного заявителем. В этой связи его исключительно должна интересовать информация, имеющая связи и отношения с этим фактом. Другая информация, хотя бы и косвенно связанная с ним, подлежит вторичному рассмотрению в расследовании и может быть подробно изучена только после детального процессуального и криминалистического исследования заявленного факта о вымогательстве взятки.

Следователь должен дифференцировать информацию о факте вымогательства взятки на ответы, которые являются очевидными для проблемной ситуации, и вопросы, требующие своего разрешения следственным путем.

Анализ криминалистически значимой информации позволил следователю получить от Шестернина П. П. точные сведения относительно действий заподозренного в вымогательстве взятки Иванова М. П., их направленности и предметной составляющей. Объективная оценка данной информации в соответствии с проблемной ситуацией расследования позволяла не сомневаться в правдивости заявлений Шестернина П. П., что требовало постановку дальнейших вопросов на основе планирования и их разрешения оперативным и следственным путем.

3. Вопросы могут быть сформированы в блоки относительно обстоятельств, подлежащих установлению (ст. 73 УПК РФ), что для проблемной ситуации будет определением искомого, то есть криминалистически значимой информации, обнаружение которой, вероятно, сможет разрешить проблемную ситуацию, подтвердив (опровергнув) факт вымогательства взятки.

Основными обстоятельствами (вопросами) рассматриваемой проблемной ситуации расследования, которые требовали своего разрешения в первую очередь были вопросы, связанные с событием преступления (временем, местом, способами и другими обстоятельствами), а также виновностью лица (Иванова М. П.) в совершении преступления, формой вины и мотивом (вымогательстве взятки) у Шестернина П. П.

4. Определение содержания проблемной ситуации – постановка проблемы и определение ситуации – представляет собой процесс, основанный на конкретизации искомых данных, о содержании которых в настоящее время у следователя нет достаточной информации, а также сведений о ее

носителях. Он, нацеливая себя на отыскание искомого, упорядочивает известную информацию и определяет проблемную ситуацию.

Искомые данные рассматриваемой проблемной ситуации расследования были определены как отсутствующие в настоящее время сведения, в том числе и их носители, связанные с действиями Иванова М. П. по вымогательству взятки у Шестернина П. П., но подтвержденные последним как наличествующие посредством проведенных с ним следственных действий.

Этот элемент динамической структуры (4) проблемной ситуации означает, что следователь на основе анализа дифференцировал информацию и выделил криминалистически значимую информацию, соответствующую факту, изложенному в заявлении о взяточничестве, а также определил для себя вопросы, требующие установления с тем, чтобы подтвердить факт вымогательства взятки.

Это означает, что фактически следователь на основе промежуточной оценки данных известной на определенный момент криминалистически значимой информации с учетом состояния проблемной ситуации расследования имеет возможность приступить к выдвигению следственных версий, планированию расследования и установлению факта вымогательства взятки.

Данное действие соответствует постановке проблемы и определению ситуации расследования, что обеспечивает возможность перехода к построению конкретной следственной версии, проверка которой может способствовать установлению искомого, той криминалистически значимой информации, чье значение может способствовать разрешению проблемной ситуации расследования, то есть установлению сведений, объективно указывающих на обстоятельство вымогательства взятки.

В соответствии с данными анализа проблемной ситуации расследования и установленной криминалистически значимой информацией для проверки была выдвинута следственная версия, в соответствии с которой требовалось установить факт – вымогательство взятки со стороны государственного инспектора «Ростехнадзора» Иванова М. П. имеет место, вымогательство взятки обращено к владельцу теплохода «Азов» Шестернину П. П., за беспрепятственное проведение предлицензионной проверки теплохода на право осуществления буксировок морским транспортом.

В деятельности по расследованию преступления процессы формирования проблемной ситуации расследования и следственной версии плавно перетекают из одного состояния в другое, поэтому динамическую структуру следственной версии мы развиваем последовательно за проблемной ситуацией расследования взяточничества.

5. Следственная версия основывается на фактических данных, фактической базе, которая определена и фиксирована следователем в материа-

лах уголовного дела. По сути, это известная ему криминалистически значимая информация, полученная из процессуальных и непроцессуальных источников. Она группируется вокруг обстоятельств, требующих своего установления. Одна и та же фактическая база может способствовать формированию нескольких версий относительно заявления о вымогательстве взятки, чья проверка возможна как одновременно на основе одних и тех же криминалистических и процессуальных средств, так и отдельно с временными интервалами. Однако первостепенной в этом ряду является *версия о действительности наличия факта вымогательства взятки*, она является доминантой и соответствующей следственной версии, и разрешения проблемной ситуации расследования. Эта позиция динамической структуры следственной версии основывается исключительно на сведениях, которые следователь черпает из материалов уголовного дела.

В рассматриваемом нами примере выдвинутая следственная версия является основной, которая требует своей оперативной следственной проверки в короткие временные сроки. Ее подтверждение (опровержение) в процессе расследования может способствовать выдвижению других следственных версий, актуализированных ходом расследования. Однако разрешение проблемной ситуации расследования в рассматриваемый период связывалось следователем с приведенной выше следственной ситуацией.

6. Практика расследования свидетельствует о том, что одних данных, сформировавших проблемную ситуацию расследования и обоснованных в качестве фактической базы следственной версии для разрешения проблемной ситуации, не всегда достаточно. Это обстоятельство требует уточнения проблемной ситуации через механизм построения следственной версии на основе использования данных, лежащих «за пределами» расследуемого события.

По существу, это сведения, которые наработаны практикой расследования преступлений в подобных проблемных ситуациях и на основе аналогии могут соответствовать в качестве дополнительных информационных ресурсов для исследования следственной версии и разрешения проблемной ситуации.

Расследование коррупционных преступлений и, в особенности, взяточничества, достаточно сложная процедура. Она связана с необходимостью использования не только криминалистически значимой информации конкретного расследования, но и данных криминалистики, которые всегда могут эффективно способствовать объективной проверке следственной версии и разрешения на этой основе проблемной ситуации расследования.

7. Фактически речь идет о поиске и формировании теоретической базы версии, данных, извлеченных следователем из других источников с последующей адаптацией к конкретным условиям проблемной ситуации.

8. Динамическая структура формирования следственной версии завершается формированием версионного умозаключения из образованных ранее логических посылок и получения вероятностного вывода.

Относительно нашего примера версионное заключение следователь связал с фактом вымогательства взятки у судовладельца Шестернина П. П. государственным инспектором «Ростехнадзора» Ивановым М. П.

Для рассматриваемой проблемной ситуации расследования версионный вывод может означать высокую степень достоверности того, что имеются все основания предполагать о факте вымогательства взятки.

В качестве средства разрешения проблемной ситуации расследования и проверки соответствующей ей следственной версии может быть предложена тактическая операция группы «фиксация», которая наиболее эффективна при расследовании преступлений, где реализуется длящийся механизм преступной деятельности.

Основной задачей такой тактической операции является задержание взяткополучателя с поличным, то есть задержание в момент непосредственного контакта с предметом взятки.

Разрешению этой задачи следователем способствует *система целей*: а) проведение специальных организационных, оперативно-технических и специальных мероприятий в отношении заявителя и предмета взятки; б) рекогносцировка на месте, где предполагается передача заявителем предмета взятки; в) планирование совместно с оперативными и специальными службами и заявителем сценария передачи предмета взятки взяткополучателю; г) контроль за ходом передачи предмета взятки взяткополучателю; д) задержание взяткополучателя и фиксация хода и результатов тактической операции.

Их линейная и системная реализация позволяет существенно сократить логически выводимые причинно-следственные связи и проводить доказывание в соответствии с установленными фактами взаимодействия взяткополучателя с предметом взятки.

Тактическая операция данного вида основана на взаимодействии следователя с оперативными, техническими и специальными службами, ресурсы которых позволяют осуществить оперативно-тактическое и технико-криминалистическое обеспечение указанного мероприятия. Следователь, принимая решение о ее проведении, непосредственно планирует и организует тактическую операцию, руководит операцией на всем протяжении ее реализации, осуществляет процессуальное фиксирование ее хода и окончательных результатов.

Цели тактической операции должны быть в первую очередь направлены на обнаружение и фиксацию фактов, бесспорно указывающих на непосредственный контакт заподозренного в вымогательстве взятки с лицом, у которого взятка вымогалась, и предметом взятки. Процессуальная и криминалистическая фиксация подобных контактов обеспечивает убедитель-

ное доказывание причастности к преступлению, то есть тем самым обеспечивается задача изобличения заподозренного в вымогательстве взятки, что подтверждает следственную версию и разрешает проблемную ситуацию расследования, восполняя криминалистически значимой информацией «неизвестную» ее проблемную часть.

1. Приговор Ленинского районного суда г. Ростов-на-Дону. Уголовное дело №1-127/2017 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лакомская Марта Юрьевна. Адъюнкт кафедры криминалистики. Краснодарский университет МВД России. Российская Федерация, 350019, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Ключевые слова: криминалистика, расследование преступлений, тактическая операция, расследование взяточничества.

УДК 343.985

Лукьянчикова С. А.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

В данной статье рассмотрен опыт зарубежных государств, таких как США, Германия, Англия, Франция, Япония, Китай, которые значительно отличаются своей устойчивостью по борьбе с коррупцией.

Проблема коррупции в последнее время приобрела особую актуальность.

Коррупция, равно как международное проявление представляет существенную опасность целому всемирному обществу. Противоборство подкупности осуществляется в различных государствах, начиная с их исторического, а в некоторых случаях и церковного формирования. Антикоррупционная борьба протекает с разным результатом и согласно разным тенденциям. Самой обговариваемой проблемой абсолютно в каждом обществе и не только лишь в Российской Федерации, считается, борьба с коррупцией и вопрос приостановки её продвижения. В течение длительного периода, общество и антикоррупционные компании стараются уменьшить степень коррупционных операций, однако преуспевания в данном процессе никак не получается достигнуть [1].

Для свершения установленной задачи находят решения. Изучение иностранного навыка противодействия коррупционной преступности базируется в рассмотрении отличительных черт её восприятия властью и правоохранительными органами иностранных государств.

Коррупция начала выражаться ещё в промежуток развития рыночных взаимоотношений в XIX столетии. В то же время возникли и первоначальные стремления противодействия ей на законодательном уровне. Однако значимой перемены антикоррупционной ситуации ни в обществе, ни в отдельных странах не состоялось [2].

Только во 2-ой середине XX века, если соперничество с коррупцией в ряде государств была возведена в разряд общегосударственной политики, получилось достичь минимизации её воздействия на все без исключения области жизнедеятельности общества [3].

В данном взаимоотношении предполагает интерес опыта зарубежных стран, которые сопоставимы с Российской Федерацией согласно количеству административного аппарата. Можно отметить несколько стран, которые значительно отличились своей устойчивостью по борьбе с коррупцией. Это, в первую очередь, США, Германия, Англия, Франция, Китай и несколько иных государств.

В США антикоррупционное право характеризуется чрезмерной строгостью. Таким образом, за разнообразные виды коррупции – нелегальный доход, кикбэкинг (оплата доли противозаконных средств соучастнику операции) и др. – учтены штрафы в троичном объеме за взятки либо тюремное заключение от 15 лет, а при отягчающих условиях – потеря свободы вплоть до 20 лет.

Законодательство США учитывает взыскание за дачу и приобретение гонорара за обслуживание, вступающие в область обязательств должностного лица. Поощрения, согласно североамериканскому праву, государственный служащий способен приобрести только лишь формально (официально) – с правительства, но совсем никак не с потусторонних лиц. Наказание за несоблюдение данной нормы наказывается взысканием, либо потерей свободы вплоть до 2 лет, либо совокупностью наказаний.

Сенатор США, а кроме того работники его аппарата не должны принимать подарки с индивидуальных физических и юридических персон, которые имеют все шансы быть заинтересованными в одобрении Сенатом определенных законов, в случае если цена подарков в течение календарного года в совокупности превосходит 100 долл. Цена подарков, получаемых сенатором с иных источников (за исключением членов семьи) на протяжении календарного года, не должна быть выше в совокупности 300 долл. Закон об этике налагает ограничения на оплату индивидуальным лицам подарков в форме путешествий.

Как показывает анализ, в США достаточно эффективно выстроена система, создающая условия для действенной борьбы с коррупцией.

Что же касается коррупции на финансовых рынках, то британская правовая система обязывает финансистов сообщать обо всех подозрительных операциях в правоохранительные органы. И если банкир этого не сделает, то его привлекут к уголовной ответственности в качестве соучастника.

Антикоррупционное законодательство Франции направлено на борьбу с должностными преступлениями государственных чиновников, принимающих политико-административные решения, а также противодействие деятельности политических партий, которые применяют незаконные методы финансирования и проведения избирательных кампаний.

Французское законодательство уделяет большое внимание административным, а не уголовным мерам наказания. При этом преследуется главная цель – предотвращение «недолжного соединения личных финансовых интересов и исполнения должностных функций государственного служащего». Французские законодатели менее суровы, чем американские. От чиновников не требуется подача декларации о доходах, а соблюдение ограничений на профессиональную деятельность после увольнения чиновника с государственной службы контролируется менее строго [4].

Особенность французского антикоррупционного законодательства, по сравнению с американским, заключается в том, что государственные чиновники могут участвовать в выборах, не утрачивая своего статуса. Им разрешается совмещать свою работу с выборной должностью на местном уровне. В системе противодействия коррупции функционируют специальные подразделения криминальной полиции, МВД, прокуратуры, таможенной службы и налоговой инспекции. Координация этой деятельности возложена на Центральную межведомственную службу при министерстве по предотвращению коррупции.

Опыт борьбы с коррупцией в Японии говорит о том, то, что недостаток общего кодифицированного действия никак не мешает результативному заключению данной задачи. Нормы антикоррупционного права находятся в многочисленных государственных законах.

Особое значение право Японии дает запретам во взаимоотношении политических деятелей, муниципальных и городских служащих. Они, в частности, затрагивают множественные меры, которые политически нейтрализуют японского чиновника во взаимоотношении индивидуального бизнеса, как в период службы, так и после ухода с должности [5].

Как и в многочисленных государствах, в Японии один из основных течений борьбы с коррупцией считается профессиональная стратегия. Национальное управление создано на принципе меритократия и ориентировано на работу. Японским госслужащим обещана приличная оплата работы.

Японское право определяет жесткое лимитирование финансирования избирательных кампаний, партий и других общественно-политических учреждений. Антикоррупционная стратегия Японии подразумевает подотчетность общественно-политического управления, реформу финансируема-

ния общественно-политических партий и избирательных кампаний; сохранение престижа общегосударственной работы; предоставление гражданских независимостей.

Эталонным является новый Закон Республики Корея «О борьбе с коррупцией», вступивший в силу 1 января 2002 г. и заслуживший широкое международное признание. В соответствии с ним право начинать расследование о коррупции фактически предоставлено любому совершеннолетнему гражданину страны. Комитету по аудиту и инспекции (так называется в стране главный антикоррупционный орган) вменено в обязанность приступать к расследованию соответствующих преступлений по любому заявлению граждан.

Кроме наиболее строгих граней в Китае применяют и предупредительные. К примеру, ЦК Коммунистической партии Китая запрещает заниматься бизнесом служащим, агентам, а так же их детям и членам семьи «управляющих сотрудников». Подобная степень призвана уменьшить коррупцию в высших эшелонах власти. Этой категории лиц категорично запрещается содержать развлекательные заведения, которые «противоречат интересам общества». В Китайской Народной Республики функционирует «горячая» телефонная линия, согласно которой каждый уроженец способен безмянно проинформировать о фактах взяточничества либо злоупотребления должностным положением чиновников.

Таким образом, анализ действующих антикоррупционных стратегий США, стран Европы и Азии показывает, что полностью уничтожить коррупцию не удастся ни одному государству, но снизить ее порог вполне возможно.

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) "О противодействии коррупции" // [Электронный ресурс].

2. Есаян А. К., Петросян О. Ш., Трунцевский Ю. В. О первоочередных мерах, предпринимаемых в органах внутренних дел по борьбе с коррупцией // Российский следователь. 2008. № 17.

3. Гилевская М. А. Передовые национальные антикоррупционные стратегии.

4. Противодействие коррупции в Российской Федерации: Учебник / под ред. Изд-е 2-е, доп. и перераб. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014.

5. США: борьба с коррупцией в государственном аппарате // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 11. С. 37-40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукьянчикова Светлана Анатольевна. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова:** коррупция, антикоррупционное законодательство, антикоррупционная стратегия.*

УДК 343.1

Марковичева Е. В.

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАКРЕПЛЕНИЕМ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО, В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируются гарантии обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве. Предлагаются перспективные направления реформирования процедур допроса несовершеннолетнего потерпевшего в досудебном и судебном производстве.

Одной из проблем современного уголовного судопроизводства является обеспечение прав и законных интересов потерпевшего. Однако общий механизм обеспечения процессуальных гарантий для потерпевших нуждается в дополнительной трансформации в случае участия при производстве по уголовному делу несовершеннолетнего потерпевшего.

В рамках российского уголовного судопроизводства процессуальный статус несовершеннолетнего потерпевшего во многом регулируется фрагментарно. Несмотря на предпринятые в последние годы законодательные попытки по исправлению ситуации и закреплению в УПК РФ дополнительных гарантий обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших, на практике возникает много проблем, связанных с поиском разумного соотношения между задачами предварительного расследования и судебного разбирательства и правами несовершеннолетнего потерпевшего [1].

В целом современное уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетнего потерпевшего в большинстве государств конструируется таким образом, чтобы организация процессуальной деятельности способствовала предотвращению его вторичной виктимизации. Как отмечают исследователи, «психофизиологические особенности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства обусловили необходимость обеспечения их дополнительными процессуальными гарантиями» [2, с. 173]. Такой подход получил закрепление и в международных правовых

актах. В Руководящих принципах, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, прямо указывается на то, что «обращение с детьми – жертвами и свидетелями – должно основываться на проявлении заботы и учета их интересов в течение всего процесса отправления правосудия, учитывая их конкретное положение и непосредственные потребности, возраст, пол, состояние здоровья и уровень зрелости, и при полном уважении их физической, психической и нравственной неприкосновенности» [3].

Закрепив в УПК РФ специфику закрепления показаний несовершеннолетнего потерпевшего, законодатель, в силу небрежности предложенных конструкций, не смог создать бесппроблемно работающий процессуальный механизм. На пробелы в законодательной регламентации допроса несовершеннолетнего потерпевшего обоснованно обращается внимание в научной литературе [4].

В частности, это касается правил, закрепленных в ч. 5 ст. 191 УПК РФ. Содержащаяся здесь норма предписывает обязательное применение видеозаписи с целью фиксации показаний несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего. Введение данной нормы является оправданным, соответствует принципу снижения психотравмирующего воздействия на несовершеннолетнего и позволяет суду в последующем не допрашивать потерпевшего повторно. Но действующая редакция данной нормы создает предпосылки для отказа следователя, дознавателя от выполнения предписанных требований. Следствием такого подхода стало массовое поступление в суды уголовных дел, в которых фигурирует отказ (возражения), чаще всего, законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, реже – самого потерпевшего от применения видеофиксации допроса. Результат такой практики крайне негативен: как минимум, вынесение судом частного определения (постановления) в отношении лица, производящего предварительное расследование, максимум – признание протокола допроса недопустимым доказательством.

Согласимся с С. А. Синенко, отмечающим, что «для обеспечения гарантий прав несовершеннолетних потерпевших в судебном заседании не всегда необходима корректировка уголовно-процессуального закона, поскольку проблемы могут быть решены через разъяснения, даваемые Верховным Судом РФ» [5, с. 297]. Действительно, в целях обеспечения охраны прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в п. 12 Постановления Пленума № 51 от 19 декабря 2017 г. «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» [6] было закреплено указание судам системно применять уголовно-процессуальные нормы, закрепленные в ч. 6 ст. 281 и ч. 5 ст. 191 УПК РФ и допускающие оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля даже при отсутствии видеозаписи. В такой ситуации суды пытаются исправить недоработки стадии

предварительного расследования, признают такую ситуацию «обратимым нарушением закона» [2, с. 175] и обеспечивают дальнейшее движение уголовного дела, действуя, в первую очередь, в интересах потерпевшего.

Следует отметить, что подобная позиция высшей судебной инстанции не противоречит и международно-правовым нормам. Более того, она соответствует и прецедентной практике Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Например, в Решении ЕСПЧ от 20 января 2005 г. по делу «Аккарди и другие против Италии» была высказана вполне определенная позиция по вопросу установления баланса между интересами несовершеннолетних потерпевших и правом обвиняемых на надлежащую процедуру судебного разбирательства [7].

Подход, избранный российскими судами, с учетом международных правил и стандартов судопроизводства в отношении несовершеннолетних жертв разумен, способствует охране прав несовершеннолетних и строится на принципах возрастной психологии. С точки зрения последней практика повторных допросов несовершеннолетнего неприемлема как с точки зрения психотравмирующего воздействия на ребенка, так и с точки зрения сохранения позитивного психологического контакта между допрашивающими лицами и несовершеннолетним. Ребенок в силу возрастных психологических особенностей не понимает смысла и значения многократных допросов. Как справедливо отмечает Л. В. Брусницын, «с точки зрения ребенка повторный допрос означает недоверие к его словам» [8, с. 90].

В тоже время считаем, что усилиями Верховного Суда РФ, разъясняющего судам особенности применения отдельных уголовно-процессуальных норм сложно решить все проблемы. Поэтому определенные коррективы в тексте УПК РФ необходимы. Например, считаем необходимым закрепить процессуальную обязанность следователя или дознавателя по разъяснению несовершеннолетнему потерпевшему или его законному представителю последствий их отказа от видеозаписи допроса.

В плане разработки целостных изменений полезным будет изучение зарубежного опыта создания специальных процедур закрепления показаний несовершеннолетнего потерпевшего при производстве по уголовному делу. Например, в Казахстане с введением института следственного судьи стало возможным депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, которое производится с участием законного представителя и психолога, а «новеллы уголовно-процессуального закона существенно расширили использование технических средств в уголовном процессе» [9, с. 47]. Интересным с точки зрения обеспечения прав несовершеннолетних видится и в использовании дистанционного допроса, применяемого в ряде государств. Такой подход позволит вносить изменения в УПК РФ системно и решить ряд правоприменительных проблем, связанных с обеспечением прав несовершеннолетнего потерпевшего.

1. Марковичева Е. В. Проблема совершенствования процессуального статуса несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 1. С. 17-19.

2. Шестакова Л. А. Процессуальные проблемы применения видеозаписи при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 173-176.

3. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений: Приняты 22.07.2005 Резолюцией 2005/20 на 36-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН // СПС КонсультантПлюс.

4. Николук В. В., Виноградова В. А., Антонов В. А. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3. С. 39-52.

5. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: Москва, 2014. 418 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Российская газета. № 297. 29 декабря 2017.

7. Решение ЕСПЧ от 20.01.2005 по делу «Аккарди и другие (Accardi and others) против Италии» (жалоба № 30598/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 6.

8. Брусницин Л. В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 90-94.

9. Аубакирова А. А. Закрепление показаний несовершеннолетнего потерпевшего в современном уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 43-48.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марковичева Елена Викторовна. Доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства.

Российский государственный университет правосудия.

Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетний потерпевший, суд, допрос, видеофиксация показаний.

УДК 343.1

Мерецкий Н. Е.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЧЛЕНАМИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ

В статье рассматриваются некоторые основные направления деятельности работников правоохранительных органов, возникающие на первоначальном этапе раскрытия и расследования убийств, совершаемых членами организованных преступных сообществ.

Анализу практики расследования преступлений любой категории дел свойственно плановое начало. Дело в том, что планирование направления расследования определяет наиболее оптимальное сочетание и эффективное применение имеющихся в распоряжении правоохранительных органов сил и средств для достижения задач уголовного судопроизводства. Планирование первоначального этапа расследования убийств, совершаемых членами организованных преступных сообществ, позволяет наиболее рационально и целенаправленно организовать работу, способствует быстрому, объективному, полному и всестороннему установлению всех обстоятельств события, изобличению виновных. Планируя расследование обозначенных преступлений, следователь должен определить стоящие перед ним цели, задачи, пути и способы их реализации.

Анализ результатов проведенных исследований позволил установить, что к числу важнейших задач расследования преступлений, совершаемых членами организованных сообществ, относится получение наибольшего количества доказательственной информации о событии преступления, способствующей (в соответствии с предусмотренным Уголовным кодексом РФ) изобличению всех субъектов, причастных к преступному деянию. Дело в том, что круг доказательств, устанавливающих событие преступления, сравнительно широк, и далеко не вся имеющаяся информация может одновременно свидетельствовать о событии преступления, совершенном конкретным субъектом или группой лиц, руководимых субъектом, занимающим в данном сообществе лидирующее место [2, с. 90].

Нельзя не отметить, что информация, необходимая для раскрытия и расследования преступления, должна быть получена путем всестороннего, полного и объективного анализа определенных обстоятельств, которые направлены, во-первых, на установление факта нанесения тяжких телесных повреждений либо противоправного лишения жизни другого человека группой лиц, руководимых конкретным лидером, во-вторых, на установление причины наступления смерти, в-третьих, на определение наличия причинной связи между действиями определенного сообщества и наступившими последствиями, в-четвертых, на выявление признаков действий преступников, указывающих на совершение инсценировки убийства под самоубийство и т. п.

Приходится, в частности, отметить, что исследуемые события совершаются только группой лиц под непосредственным руководством конкретного субъекта, занимающего лидирующее место в преступном сообществе. На первоначальном этапе расследования, исходя из следовой картины происшедшего, для возбуждения уголовного дела необходимо выяснить, что произошло: 1) на месте происшествия обнаружен труп с признаками насильственной смерти; 2) наступило неизгладимое обезображивание лица; 3) причиненный вред здоровью субъекта опасен для жизни; 4) произошло прерывание беременности; 5) наступило психическое расстройство либо заболевание наркоманией или токсикоманией; 6) утрачен какой-либо орган либо утрачена функция какого-либо органа; 7) произошла потеря зрения, речи, слуха; 8) заведомо для виновного потерпевший полностью утратил профессиональную трудоспособность; 9) причинен вред, вызвавший длительное расстройство здоровья, соединенное со значительной стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть.

По нашему мнению, обязательным условием преступления является наличие причинной связи между действиями преступной группы и наступившими указанными последствиями, например, произошла передача имущества после совершения нападения на конкретного субъекта.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что характер обстановки, в которой осуществляются противоправные действия в отношении конкретных субъектов, совершаемые членами преступного сообщества, как правило, несколько отличается от обстановки других видов преступной деятельности. Безусловно, вещественные, пространственные, временные и поведенческо-психологические факторы здесь также играют немаловажную роль, однако многое зависит от конкретного субъекта, занимающего лидирующее место в данной преступной группе [4, с. 361].

В этих целях необходимо исследовать место совершения умышленного убийства или причинения тяжкого вреда здоровью гражданам, совершенных членами организованных преступных групп. Обратим внимание на то, что при осмотре места, где совершено нападение на конкретного субъекта, следует обращать внимание на объекты, которые в наибольшей степени

являются сосредоточением материальных следов. Представляется целесообразным отметить, что противоправные деяния члены групп (движений), как правило, совершают исходя из территориального признака их формирования, а именно: по месту организации группы, по месту проживания ее членов, их учебы, проведения досуга (так называемые «тусовки») и т. п.

Практика показывает, что необходимым условием доказывания на первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых членами организованных сообществ, является установление способа его совершения, который складывается, во-первых, из последовательности действий; во-вторых, из взаимосвязанной системы мероприятий, включающих в себя три стадии: подготовку, совершение, сокрытие: в-третьих, данное событие направлено на единый конечный эффективный результат.

Наши данные убеждают, что применительно к исследуемым преступлениям цель и задачи устанавливает непосредственно лидер (руководитель) сообщества, который формирует не только мотивы поведения других членов группы как лично, так и через приближенных к нему лиц, но и в дальнейшем постоянно контролирует их действия. Дело в том, что способ и средства совершения обозначенных преступлений организованным сообществом играют роль признака для определения характера уголовно-правового преследования, имеющего свою специфику, по которому эти деяния в силу характера и степени общественной опасности отличаются от других. По нашему мнению, такие признаки в большей степени обладают криминалистически значимой информацией, влияющей на ход и результаты расследования. Знание способа совершения преступления в одних случаях необходимо для правильной квалификации преступления, в других – для установления обстоятельств, отягчающих (смягчающих) наказание. В связи с этим, исследуя способ совершения преступлений, необходимо определить механизм и последовательность всех действий членов преступной группы.

Анализ наших исследований показывает, что, выбирая тот или иной способ совершения преступления (т. е. при подготовке к совершению), члены организованной группы уже предпринимают меры, направленные на его сокрытие. Связано это с тем, что, во-первых, в некоторых случаях ими совершается иное правонарушение в целях сокрытия содеянного, во-вторых, итогом их деятельности (притом, что информация может стать известна иным лицам, а в последующем – и широкому кругу лиц) является уход от ответственности, в-третьих, активно используются нетипичные виды орудий и средств для причинения вреда здоровью, в-четвертых, продумываются способы инсценировки, например, суицид потерпевшего. Можно предположить, что именно перечисленные противоречия являются главным препятствием для осуществления комплекса мер, направленных, во-первых, на задержание и изобличение работниками правоохранительных органов всех членов преступной группы, во-вторых, на разработку

мероприятий членами организованного преступного сообщества, препятствующих наступлению уголовной ответственности за содеянное.

Расследование обозначенных преступлений невозможно проводить без анализа механизма совершаемых действий членами преступного сообщества. С нашей точки зрения, полученная и правильно оцененная информация позволяет, во-первых, проанализировать поведение каждого члена группы, во-вторых, уяснить детали расследуемого события, в-третьих, выявить негативные обстоятельства, влияющие на нейтрализацию противодействия расследованию членами группы, в-четвертых, установить сходство элементов в механизме преступления, в-пятых, восстановить в полном объеме совершенное преступление, в-шестых, разработать комплекс тактических комбинаций в целях получения новой информации по обстоятельствам дела. Кроме того, при расследовании обозначенных преступлений необходимо установить сведения о личности жертвы не только для того, чтобы убедиться в наличии события преступления, но также для обеспечения успеха в расследовании, точности определения ответственности каждого из виновных, а также для правильной квалификации совершенного деяния.

Очевидно, что указанные выше особенности дадут правовые основания для задержания всех подозреваемых в совершении преступления, а также для разработки алгоритма действий, направленных на установление и изобличение лидера преступной группы. При этом следует учитывать, что в отношении участников преступления могут быть высказаны угрозы, в результате чего правдивые показания будет получить проблематично [3, с. 338].

Для этих целей необходимы обоснованный анализ и вывод о содержании умысла, а также мотива совершения преступления. Как показал анализ следственной и судебной практики, исследуемые преступления совершаются только с прямым умыслом, в этом случае доказыванию подлежат мотив и цель преступления, без установления которых невозможно правильно квалифицировать преступление, назначить обвиняемому (обвиняемым) соразмерную меру наказания. Без учета обозначенных особенностей многие преступления из числа зарегистрированных остаются нераскрытыми [1, с. 61].

Исследование проблемы расследования преступлений, совершаемых членами организованных сообществ, проведенное автором, позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, следует учитывать все обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые имеют некоторые особенности, во-вторых, в целях установления и изобличения лидера необходимо проанализировать специфические признаки, характеризующие личность каждого субъекта преступной группы, в-третьих, исследовать личностные особенности жертв преступления, в-четвертых, разработать алгоритм первоначального этапа расследования, в-пятых, разработать комплекс тактических

комбинаций, направленных на нейтрализацию противодействия расследованию.

1. Ищенко Е. П. Низкое качество расследование преступлений: причины и последствия // Причинность в криминалистике: сб. науч.-практ. статей. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 57-72.

2. Мерецкий Н. Е. Влияние исходной информации на расследование преступлений // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований: материалы всерос. науч.-практ. конф. (11-12 ноября 2016). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016. С. 89-92.

3. Синенко С. А. Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. (21-22 октября 2016 г.) Орловский юрид. ин-т МВД России им. В. В. Лукьянова. Орел: ОрЮОИ МВД РФ им. Лукьянова, 2016. С. 336-343.

4. Шурухнов Н. Г. Роль отдельных первоначальных следственных действий и режимных мероприятий в расследовании преступлений, совершенных лидерами и членами организованных преступных групп в местах лишения свободы // Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 29-30 ноября 2012 г.). Владимир, 2013. С. 360-368.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мерецкий Николай Евгеньевич. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры криминалистики. Дальневосточный юридический институт МВД России. Российская Федерация, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.

Ключевые слова: преступное сообщество, группа, убийство, предмет доказывания, способ преступления, личность организатора преступления.

УДК 343.1

Михайлина Ю. В.

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с мошенничеством в сфере долевого строительства, трудности при выявлении, раскрытии и расследовании мошенничеств в сфере долевого строительства, проблемы в сфере противодействия данному виду преступлений.

Специфика динамичной хозяйственной жизни заставляет потребителей доверять свои денежные средства организациям и финансовым учреждениям, не проводя анализа их надежности и финансово-хозяйственной состоятельности.

Развитие отношений, связанных с оборотом недвижимости, а также большие суммы денежных средств, циркулирующие в данной области, не оставили в стороне и различные криминальные проявления, заставляя мошенников придумывать способы завладения объектами недвижимого имущества, денежными средствами либо правами, предоставляемыми на их приобретение.

В отличие от иных форм хищения, при мошенничестве потерпевший передает преступникам своё имущество как бы по собственной воле, но добровольность передачи только кажется, так как воля потерпевшего проявилась в результате обмана.

Учитывая, что обеспечение жильем граждан Российской Федерации является приоритетным направлением государственной политики, эффективная борьба с преступлениями, совершаемыми в сфере долевого строительства жилья, является одной из первостепенных задач деятельности правоохранительных органов.

На сегодняшний день, сотни и тысячи граждан становятся жертвами мошенничества в сфере долевого строительства. Люди пытаются вернуть свои деньги и отстоять свои права различными способами. В Москве самым распространенными являются митинги и пикетирование. Согласно сложившейся статистике, самыми доверчивыми являются люди трудоспособного возраста.

Как показывает практика, большинство застройщиков – это компании, которые образуются лишь с одной целью – начать строительство какого-нибудь дома и получить прибыль.

Как правила, такие компании создаются под определенный инвестиционный проект и не имеют достаточного капитала, чтобы обеспечить финансовые гарантии своих дольщиков.

Таким недобросовестным застройщикам право на строительство предоставляет органы местного самоуправления, которая не преследует цель жилищного развития города или района, а цель обогащения на деятельности застройщика.

Действующий федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» [1] обязывает застройщика заключать договор долевого участия в строительстве. В связи с этим, любая схема недобросовестного застройщика начинается с желания заключить другой договор, вместо договора долевого участия.

При выявлении, раскрытии и расследовании мошенничеств, связанных с долевым участием в строительстве, сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с определенными трудностями, выраженными в том, что:

во-первых, при составлении договоров с гражданами на долевое строительство намерения использования полученных от дольщиков денежных средств не по прямому назначению тщательно маскируются, подделываются документы, договоры оформляются таким образом, чтобы невыполнение обязательств по предоставлению дольщику квартиры было расценено не как криминальное, а как относящееся к сфере гражданско-правовых отношений.

Учитывая сложность отграничения мошенничества в сфере долевого строительства от обычных неурегулированных гражданско-правовых споров в связи с ненадлежащим выполнением сторонами обязательств по соответствующему договору, следует отметить, что критериями такого разграничения является правовая позиция, изложенная в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2] в связи с ненадлежащим выполнением сторонами обязательств по договору;

во-вторых, в связи с долгосрочностью договоров обман обнаруживается спустя длительное время, что дает возможность преступникам скрыть, уничтожить документы о движении денежных средств, полученных от вкладчиков;

во-вторых, в связи с долгосрочностью договоров обман обнаруживается спустя длительное время, что дает возможность преступникам скрыть, уничтожить документы о движении денежных средств, полученных от вкладчиков;

в-третьих, процесс доказывания вины фигурантов имеет сложный характер, требует проведения тщательной предварительной проверки, большого объема следственных действий в ходе расследования с использованием помощи специалистов – бухгалтеров, строителей.

Кроме того, трудности при выявлении, раскрытии и расследовании мошенничеств в сфере долевого строительства также связаны с тем, что,

как правило, это группа лиц по предварительному сговору, либо организованная группа.

По некоторым делам о крупных мошенничествах в сфере долевого строительства сразу можно обнаружить действия, явно выходящие за рамки финансовой и хозяйственной деятельности юридического лица и наиболее явно свидетельствующие о цели хищения. Выявление таких действий, как правило, не требует исследования всей финансовой и хозяйственной деятельности. Примерами могут являться: изъятие без каких-либо оправдательных документов денежных средств или имущества из учитываемого по бухгалтерскому учету оборота юридического лица, либо изъятие без бухгалтерского учета вообще.

Анализ финансово-хозяйственной деятельности юридического лица, которая позволит сделать вывод о наличии субъективной стороны и состава рассматриваемого преступления в целом.

Для привлечения денежных средств граждан существуют многообразные формы обмана:

- заключение заведомо фиктивных договоров о долевом участии в строительстве жилого дома, в которых в качестве доли в объекте выступает жилое помещение, без фактического их исполнения;
- заключение договоров долевого строительства при отсутствии необходимых разрешительных документов на строительство;
- заключение договора участия в долевом строительстве жилой квартиры, в отношении которой уже был заключен подобный договор с другим лицом, от которого приняты денежные средства;
- получение права аренды земельного участка и под предлогом осуществления строительства на нем многоквартирного жилого дома заключение с физическими и юридическими лицами договоров долевого участия в строительстве, по которым получают от этих лиц денежные средства или иное имущество, при этом заранее не имея намерений выполнять обязательства по таким договорам;
- переуступкой права требования на квартиру путем заключения договора купли-продажи ценных бумаг и другие.

Таким образом, мошенничество с недвижимостью, а в частности в сфере долевого строительства, приобретает небывалую изощренность, что требует неординарных способов борьбы со стороны правоохранительных органов.

Как правило, поводом для возбуждения уголовного дела данной категории являются:

- информация (заявления), полученные от граждан-вкладчиков, соинвесторов строительства жилья;
- информация, полученная в результате целенаправленной работы оперативно-розыскных служб;

- информация, полученная от иных лиц, обнаруживших следы мошеннических операций.

После получения заявлений граждан об их обмане при долевом строительстве жилья, следует незамедлительно обеспечить сохранность документов, с помощью которых можно проследить, движение денежных средств соинвесторов строительства физических и юридических лиц (как и на что они были израсходованы).

В этой связи следует изъять в банке и офисе строительной и посреднической инвестиционной фирмы банковские выписки, бухгалтерские регистры (с прилагаемыми документами), а если это строительная организация - проектную и рабочую документацию по строительству.

В бухгалтерии, прежде всего, изымаются банковские выписки с платежными поручениями и все основания для оформления платежных документов (договоры, счета, счета-фактуры и т. д.). Кроме того, производится выемка бухгалтерских регистров с соответствующими документами: 50-го счета (касса); 51-го счета (расчетный счет); 60-го счета (расчеты с поставщиками и подрядчиками); 62-го счета (расчеты по авансам); 64-го счета (расчеты с заказчиками); 71-го счета (расчеты с подотчетными лицами); 76-го счета (расчеты с кредиторами и дебиторами).

Если это строительная фирма – необходимо изъять проектно-сметную документацию, техническое задание, рабочие документы к проекту. Производится также выемка договоров о долевом инвестировании строительства.

Для проверки правомерности (легитимности) строительства необходимо запросить в местных органах власти, администрации копии правоустанавливающих документов на земельный участок под строительство, разрешений, договоров, соглашений на строительство жилого дома, комплекса, коттеджного поселка.

Также у фирмы или в налоговом органе истребуются копии регистрационных документов (устав, свидетельство о постановке на учет в налоговой инспекции, справка об открытии счета в банке, приказы о назначении генерального директора, главного бухгалтера, лицензии на определенные виды деятельности и др.). Изымаются документы, свидетельствующие: о причинах неисполнения инвестиционного проекта строительства; акты ревизий и аудиторских проверок по вопросам привлечения финансовых средств соинвесторов, реестр инвесторов (с указанием даты, номера договора, суммы инвестирования и установочных данных каждого вкладчика); договоры инвестиционного вклада и дополнительных соглашений к ним с юридическими и физическими лицами; свидетельства, которые ранее выдавались вкладчикам и которые были возвращены при расторжении договоров инвестиционного вклада; документы, подтверждающие выполнение судебных решений по искам соинвесторов и др.

Если имеются, то изымаются также следующие документы: акты ревизий и аудиторских проверок по вопросам привлечения финансовых средств соинвесторов, реестр инвесторов (с указанием даты, номера договора, суммы инвестирования и установочных данных каждого вкладчика); договоры инвестиционного вклада дополнительных соглашений к ним с юридическими и физическим лицами; свидетельства, которые ранее выдавались вкладчикам, которые были возвращены при расторжении договоров инвестиционного вклада; документы, подтверждающие выполнение судебных решений по искам соинвесторов и др.

Следует отметить, что документы финансово-хозяйственной деятельности анализируются на предмет заключения договоров на одну и ту же квартиру с разными физическими лицами, которые оплатили ее, неоприходования по кассе предприятия полученных от граждан денежных средств, их перечисления на хозяйственные операции либо приобретение материалов, не связанных со строительством квартир, в том числе приобретение легковых автомашин, регулярное финансирование деятельности аффилированных к руководству предприятия юридических лиц, строительство и ремонт других объектов, другие нужды, не связанные со строительством дома и свидетельствующие о злоупотреблении полномочиями, преследовании корыстных целей, растрате собранных средств.

Крайне важен вопрос, в чьей собственности находятся квартиры, предлагаемые на реализацию, поскольку распоряжаться имуществом может только его собственник. При заключении договоров фирма может ссылаться на договор «долевого участия в строительстве», как на документ, подтверждающий ее права на продаваемую квартиру. Однако по гражданскому законодательству этот договор вовсе не является таковым подтверждением.

При опросе лиц, возможно причастных к совершению рассматриваемого преступления (руководителей организаций-застройщиков и посреднических фирм, как официально занимающих должность генерального директора или директора, так и фактически осуществляющих распорядительные функции, главных бухгалтеров) выясняются обстоятельства подготовки преступления, способов привлечения и обмана вкладчиков, разработки механизма нецелевого использования и хищения денежных средств.

Подводя итог, следует отметить, что в расследовании современных экономических преступлений необходима экономическая специализация следователя и помощь специалистов, внедрение в практику результатов проведенных в этом направлении научных исследований становится насущной необходимостью. Данная категория преступлений представляет собой повышенную общественную опасность и наносит невосполнимый ущерб экономической безопасности государства. На результаты и эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с экономическими преступлениями негативное влияние оказывают отсутствие у

субъектов экономического расследования четкого представления о сущности и структуре криминалистической характеристики экономических преступлений, что в свою очередь сказывается на качестве и эффективности проводимых документально-проверочных мероприятий и уголовно-процессуальной деятельности.

1. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1). ст. 40; «Российская газета», № 292.

2. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/28/chapter/116>. Дата обращения: 23.05.2018 г.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

4. Хуснуллин М. Ш., Гареев И. Ф., Кульков А. А., Сарваров Р. И. (2009). Практика применения договоров долевого участия в финансировании жилищного строительства. Региональная экономика: теория и практика. 191 с.

5. Договор участия в долевом строительстве объектов недвижимости. Правовое регулирование / Петрухин М.В. // 2012 г. 200 с.

6. Долевое строительство жилья. Правовые акты, материалы судебной практики. М.: Издание Тихомирова М.Ю., 2012. 592 с.

7. Пухова В. Подходы и методы решения проблемы обманутых дольщиков. М., 2015. 104 с.

8. Касьянова Г. К. Долевое строительство. Правовые аспекты. М.: АБАК, 2014. 128 с.

9. Шаров А. В. Расследование мошенничества в сфере оборота жилья. М., 2007. 142 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлина Юлия Владимировна. Преподаватель цикла общеправовых и социальных дисциплин.

ЦПП Главного управления МВД России по Московской области имени героя России майора милиции В. А. Тинькова.

Российская Федерация, 142700, Московская область, г. Видное-2, Петровский проезд, д. 2.

Ключевые слова: экономические преступления, долевое строительство, дольщики, методика расследования, криминалистическая характеристика.

УДК 343.1

Морозова Н. В., Лазаренко О. Н.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

В статье рассмотрены некоторые особенности проведения допроса несовершеннолетних подозреваемых в уголовном судопроизводстве.

В современной России детская беспризорность, безнадзорность и преступность несовершеннолетних членов общества носят характер национальной катастрофы. Беспризорные и безнадзорные дети, несовершеннолетние преступники представляют собой угрозу не только общественной безопасности, ввиду совершения ими уголовно-наказуемых деяний, но и национальной безопасности России, поскольку именно от них зависит сохранение нормального генофонда нации. В настоящий момент статистика такова, что в 2016-2017 годах количество преступлений, совершенных несовершеннолетними приблизилось к 52 тыс. В 2017 году каждое двадцать седьмое преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии. За период январь-июнь 2018 года каждое двадцать пятое зарегистрированное преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии.

Борьба с преступностью несовершеннолетних во все времена оставалась первоочередной и нелегкой задачей правоохранительных структур, и осуществляться она должна только в строгом соответствии с законом [1]. Произвол, ущемление прав и интересов, а также небрежное отношение к детям – недопустимы.

В практике расследования преступлений, в том числе и преступлений несовершеннолетних допрос является самым распространенным следственным действием. Допрос несовершеннолетних подозреваемых имеет некоторые особенности, обусловленные, во-первых, возрастом, а во-вторых, психофизическими, социально-демографическими особенностями допрашиваемых и требует от следователя тщательной подготовки.

В практике уголовного судопроизводства до сих пор нет единого мнения касательно возраста, с которого человек может выступать в качестве подозреваемого.

Некоторые авторы, в своих научных трудах приводят различные точки зрения доводы. Так, например, Н. И. Порубов утверждал, что, несовершеннолетний может быть допрошен независимо от возраста, если ребенок способен понимать суть вопросов и может дать адекватный ответ и если ребенок не является умственно отсталым [2].

Другие ученые определяют строгие возрастные рамки и критерии умственного развития ребенка, которые, по их мнению, смогут повлиять на качество выдаваемой информации об имеющих значение для дела обстоятельствах.

К примеру Е. И. Цымбал считает, что «значимые для дела показания могут быть получены у здоровых детей старше 3 лет и детей с дебильностью средней тяжести старше 5-6 лет [3].

Учитывая непрекращающиеся дискуссии, согласимся с мнением ученых о необходимости законодательного закрепления возраста, когда несовершеннолетнее лицо вправе вступить в уголовное судопроизводство в качестве его участника.

Допрос несовершеннолетних как, правило, проводится при дефиците информации у следствия.

Учитывая, что ребенок находился в психотравмирующей ситуации, следователю необходимо очень тщательно готовиться к допросу, дабы еще больше не травмировать психику допрашиваемого, заранее вместе с психологом или педагогом формулировать вопросы, подбирать место проведения следственного действия.

При подготовке к допросу следователю необходима беседа с родителями, родственниками, воспитателями, педагогами, долгое время контактирующими с ребенком с целью выяснения психологических особенностей допрашиваемого.

Как правило, допрос несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства проходит в домашней обстановке, в школьном учреждении, колледже, институте, в отдельных случаях в отделе полиции и др., то есть в такой обстановке, где можно добиться максимальной коммуникативной активности ребенка.

Вовлечение подростка в общение должно происходить планомерно. Вначале необходимо дать ему возможность освоиться с новым местом и привыкнуть к новым людям. Постепенно вовлекая в беседу сопровождающих ребенка лиц (родителей, педагогов, воспитателей или психологов), следователь может задавать отдельные вопросы и ребенку. Вопросы следователя должны быть краткими и доступными для понимания несовершеннолетнего.

Сложность вопросов должна наращиваться постепенно: сначала целесообразно выяснить круг лиц, участвовавших в преступном событии, обстановку, которую подросток хорошо запомнил, действия, которые он сам совершал, и лишь затем задавать вопросы о содержании самого события и

описании внешних признаков взрослых преступников (в случаях соучастия совершеннолетних).

Чередую вопросы о психотравмирующей ситуации (преступлении) с нейтральными, эмоционально положительными, следователь добьется эмоционального раскрепощения подростка, тем самым получив больше необходимой информации о преступлении и лицах его совершивших.

Однако не следует забыть о психологических особенностях данной категории лиц, учитывать, что сосредоточенность внимания у детей длится короткий промежуток времени. Здесь возникает вопрос о законодательном закреплении временного промежутка допроса малолетних свидетелей и потерпевших.

Согласно ст. 425 Уголовно-процессуального кодекса РФ допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день.

Это не единственная особенность, закреплённая в законе, касающаяся расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Следственная практика показывает, что при расследовании преступлений несовершеннолетних возникают определённые трудности. Поэтому целесообразно, по нашему мнению, еще раз обратить внимание, на ряд положений, закреплённых уголовно-процессуальным законодательством.

Показания несовершеннолетних даются только в присутствии законного представителя и адвоката. Причем, данное правило должно соблюдаться как в ходе следствия, так и в ходе доследственной проверки, когда уголовное дело еще не возбуждено. В целях обеспечения дополнительных гарантий охраны прав несовершеннолетних все беседы, опросы, получение объяснений должны происходить только в присутствии взрослых [4].

Ряд следственных действий, предусмотренных ст. 170 УПК РФ, с участием несовершеннолетних обязательно должны производиться в присутствии понятых – незаинтересованных в исходе уголовного дела лица, привлекаемых для удостоверения факта производства, содержания, хода и результатов следственного действия, что не всегда соблюдается, либо в протокол вписываются вымышленные лица.

Зачастую родители (законные представители) не способны в полной мере отстоять интересы своих детей по причине незнания в полной мере своих прав и обязанностей.

Поэтому при допуске законных представителей несовершеннолетнего к участию в уголовном судопроизводстве им должны разъясняться их права, в частности: знать, в чем подозревается несовершеннолетний; участвовать в допросе, знакомиться с протоколами следственных действий и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей; заявлять ходатайства, приносить жалобы; рассчитывать на оплату труда защитника за счет федерального бюджета, при отсутствии средств на

его оплату; при окончании расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела и т. д.

Вызов несовершеннолетнего на допрос должен быть осуществлен только через его родителей (законных представителей) [5].

При расследовании уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних наряду с доказыванием события, состава преступления и т.д. на допросах целесообразно устанавливать влияние на несовершеннолетних старших по возрасту лиц, однако следователи нередко пренебрегают этим положением [6].

Еще одним «пробелом» в уголовно-процессуальном законодательстве, как верно отмечает Е. А. Семенов, является неурегулированность вопросов участия педагога в допросе малолетних свидетелей и потерпевших [7]. В настоящий момент они, зачастую выполняют пассивную роль при допросе, ограничиваясь лишь формальным присутствием. Между тем, следователи обязаны заранее разъяснить цель их вызова и присутствия на допросе.

Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что при правильной планомерной организации и проведении допросов несовершеннолетних подозреваемых от них могут быть получены вполне надежные, достаточно полные и точные показания.

1. Обеспечение прав человека: учебник / под общ. ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 326.

2. Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М., 1968. С. 413.

3. Цымбал Е. И. Проблемы правового регулирования использования психологических познаний при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних // Психолого-криминалистические проблемы раскрытия преступлений. Тезисы научно-практической конференции. М., 2002. С. 26.

4. Чаплыгина В. Н., Калюжный А. Н. Законный представитель несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших на стадии предварительного расследования: проблема определения статуса // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николука. 2016. С. 399-403.

5. Ветрова О. А. Особенности современной российской модели ювенального уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Всероссийской конференции. 2015. С.98-105.

6. Гришина Е. Б. Особенности формирования показаний потерпевшего и свидетеля // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5 (40). С. 24-28.

7. Семенов Е. А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах. 2015. С. 229.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Морозова Наталия Владимировна. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Лазаренко Ольга Николаевна. Кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики.

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Российская Федерация, 143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево.

Ключевые слова: допрос, законный представитель, несовершеннолетние, уголовное судопроизводство.

УДК 343.91

Москвичев А. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ РАСПОЗНАВАНИЯ ОБЪЕКТОВ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ

Статья посвящена изучению современных систем биометрии, видеонаблюдения и аудиорегистрации, позволяющих проверять подлинность фото или видео, обнаружить изменения, внесенные в оригинал, и улучшить качество изображения таким образом, чтобы оно стало пригодным для проведения полицейского расследования или предоставления материалов в суд. Приведен ряд примеров эффективного использования современных технологий при решении оперативно-поисковых задач.

Повышение эффективности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений во многом связано с использованием в практической деятельности сотрудников ОВД перспективных методов и средств информационного обеспечения и сопровождения. Специфика деятельности правоохранительных органов заключается в непрерывности получения, обработки и реализации больших массивов разнородной информации о событиях, фактах, лицах, следах, предметах и т. д. и ее использовании на основе информационных технологий [1].

Современные информационные технологии получают все более широкое развитие, так как позволяют создавать большие базы данных с обеспечением быстрого поиска нужной информации в них [2]. Основным условием достижения положительного эффекта является их правильное и своевременное применение.

К наиболее перспективным можно отнести использующие биометрические способы идентификации личности, автоматическое обнаружение и анализ широкого спектра событий и объектов, например автомобильных номеров и типов транспортных средств, образование толпы, оставленных предметов и т. п.

Неавтоматизированные системы поиска сведений о внешнем облике лиц уже не в состоянии удовлетворить сегодняшние потребности в получении своевременной и точной информации. Данное обстоятельство обусловлено тем, что процедура обычного поиска данных на конкретное лицо по базам данных на миллионы человек, состоящих на учёте, потребует значительных временных ресурсов, что особенно недопустимо при раскрытии и расследовании преступлений по «горячим» следам.

К современным технологиям распознавания и анализа лиц относятся системы биометрии и видеонаблюдения VOCORD, основанные на собственных алгоритмах нейронных сетей и глубокого машинного обучения, которые обеспечивают высочайшую скорость и точность – человек в толпе распознается менее чем за секунду. Данные системы занимают первое место в MegaFaceOpenChfllenge с результатом по точности 91,76 % и второе место в тестировании NIST 2017 – TPR при FPR 10-4=98,7 %, TPR при FPR 10-6=96,6 %. Камера VOCORDNetCam.AI предназначена для использования в составе комплексов распознавания лиц, видеонаблюдения и видеоаналитики. Камера работает в сложных условиях освещения и обладает встроенными функциями улучшения качества изображения и распознавания объектов в видеопотоке. Ее уникальной особенностью является способность автоматически детектировать в видеопотоке лица людей, строить по ним биометрические шаблоны и идентифицировать людей без обращения к серверу.

Благодаря этому многократно снижается нагрузка на сетевое оборудование, требования к аппаратному обеспечению и увеличивается общая производительность всего комплекса видеонаблюдения и распознавания

лиц. Камера VOCORDNetCam.AI является оптимальным решением при построении крупных распределенных систем в масштабах города или региона, а также на объектах массового пребывания людей: на вокзалах, в метро, в аэропортах, на спортивных аренах и пр.

Подобные системы позволяют решать следующие задачи в области превентивной безопасности: 1) распознавание пола, возраста и эмоций; 2) сквозной профиль активности в различных зонах; 3) поиск пропавших и разыскиваемых лиц в режиме онлайн; 4) мгновенное оповещение о появлении из списка розыска.

Преимущества систем биометрии и видеонаблюдения VOCORD: 1) установка в существующую инфраструктуру без дополнительных конструкций; 2) неограниченная масштабируемость; 3) высокая производительность при любом пассажиропотоке; 4) интеграция со СКУД и системами контроля рабочего времени; 5) полностью российская разработка, которая применяется на десятках объектов в России и других странах; 6) соответствует требованиям Постановления Правительства РФ № 969 от 26.09.2016 г. [3]; 7) распознавание лиц и трекинг непосредственно в камере; 8) детектирование позиции глаз; 9) построение биометрических шаблонов; 10) поиск по базе (серверной или локальной); 11) передача готовых шаблонов или изображений лиц по сети; 12) минимальные затраты на систему биометрической идентификации; 13) встроенные алгоритмы улучшения качества изображения; 14) автоматическая оптимизация параметров камеры в зависимости от зоны интереса; 15) возможность использовать (загружать) различные алгоритмы распознавания; 16) очень низкие требования к сети (объем биометрического шаблона всего 0,5 Kb); 17) может работать без подключения к серверу.

В качестве примера внедрения названных систем на крупнейших объектах можно привести международную специализированную выставку «Астана Экспо-2017», прошедшую в столице Казахстана г. Астана. Проход на территорию выставки осуществлялся через 4 входные группы, расположенные в разных частях комплекса, каждая из которых была оборудована системой VOCORDFaceControl. Входные группы могли работать автономно друг от друга или все вместе. В проекте использовались 4 сервера – по одному на каждую входную группу – и 48 специализированных камер VOCORDNetCam. Сканировался весь поток посетителей на входе и выходе из комплекса. Только в первые 2 недели работы системы было выявлено более 70 человек из баз розыска МВД Республики Казахстан.

Первая территориально-распределительная система распознавания лиц на базе системы VOCORDFaceControl заработала в рамках проекта «Безопасный город» в г. Рязань в 2012 г. Видеокамеры, установленные на железнодорожном и автовокзалах города, позволяют контролировать входы на станции, включая подземные переходы и автоматически проверять посетителей по базам данных полиции. Все данные передаются в ситуаци-

онный центр УМВД России по Рязанской области. «Безопасный город» в г. Рязань стал одним из успешных проектов такого класса, следствием чего стало признание г. Рязань в 2015 г. самым безопасным городом России среди городов с населением более 500 тыс. человек.

Система распознавания лиц VOCORDFaceControl также установлена на одной из крупнейших хоккейных арен России – «Арена Омск». Камеры для распознавания лиц контролируют 18 входов. Система сравнивает лицо каждого человека с лицами в «черном списке», в который внесены агрессивные фанаты и нежелательные посетители. В случае попытки прохода на массовое мероприятие посетителя из «черного списка» служба безопасности получает моментальное уведомление.

Другим примером применения самых современных технологий обработки и идентификации изображений является система «Синергет розыск», предназначенная для идентификации граждан по лицу и поиска людей, находящихся в розыске, разработанная специалистами компании «Стилсофт».

Специализированное программное обеспечение «Синергет розыск» – это автоматизированная аналитическая информационно-поисковая система, созданная с учетом потребностей и задач, стоящих перед правоохранительными органами, позволяющая формировать базы фото/видео и иной информации на лиц, представляющих оперативный интерес, и осуществлять идентификацию личности: по изображению лица, по субъективному (словесному описанию, композиционному или рисованному изображению); по анкетным и иным данным.

В СПО «Синергет розыск» используются биометрические алгоритмы собственной разработки, основным отличием которых является надежное распознавание лиц по изображениям низкого качества, с большой разницей в возрасте, со значительным разворотом головы, с яркими эмоциями, изображения трупов человека с видимыми посмертными изменениями, что актуально с учетом содержания информационных массивов системы МВД России.

Формирование информационного массива СПО возможно как в «ручном», так и в автоматическом режиме. В качестве источника информации могут быть все используемые в системе МВД России банки данных («Кронос», «Легенда», «Портрет», БД ГИБДД), а также массив других ведомств. СПО обеспечивает работу в сетевом и локальном режимах, в т. ч. в режиме удаленного доступа, при одновременной работе сотен пользователей и позволяет обрабатывать массивы, количество изображений в которых ограничивается только мощностью серверного оборудования. СПО «Синергет розыск» позволяет одновременно работать с множеством различных и однотипных банков данных, обеспечивая защиту от несанкционированного доступа и осуществлять резервное копирование информации на внешние носители с заданной периодичностью. В целях обеспечения

контроля за работой с информационным массивом СПО предусмотрено создание разнообразных отчетов и выходных форм.

Таким образом, в настоящее время в условиях высокого уровня преступности, терроризма, неконтролируемого расширения миграционных процессов, а также в связи с внедрением в процесс борьбы с преступностью новых цифровых биометрических технологий обработки информации, построения более совершенных коммуникаций становится актуальным использование автоматизированных информационно-поисковых систем, позволяющих эффективно проводить мероприятия по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

1. Лобачева Г. К., Елагин А. Г. Инновационные технологии обеспечения безопасности граждан во время проведения массовых мероприятий. Труды Академии управления МВД России, 2017. № 1 (41). С. 15.

2. Мишин С. А. Автоматизация процесса анализа динамики изменения показателей оперативной обстановки в подразделениях органов внутренних дел // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений: сб. материалов Всеросс. научно-практич. конф. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. С.104–109.

3. Об утверждении требований к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности и Правил обязательной сертификации технических средств обеспечения транспортной безопасности: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.09.2016 г. № 969 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 40. Ст. 5749.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Москвичев Алексей Александрович. Преподаватель кафедры криминалистики.

Краснодарский университет МВД России.

Российская Федерация, 350019, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

***Ключевые слова:** идентификация, изображение, биометрия, информационно-поисковая система, детектирование.*

УДК 343.1

Муравьев К. В.

ЗАКОННОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Автор делает предложения о корректировании нормативной основы принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ) с учетом значения категорий «законность», «справедливость» и «целесообразность» и понимания ценности правильного применения норм УК РФ.

1. В статье 7 УПК РФ закреплено правило о приоритете уголовно-процессуального законодательства по отношению к установлениям иных законов. Кроме того, указывается, что нарушение норм УПК РФ участниками уголовного производства влечет за собой признание недопустимыми полученных доказательств. При таком подходе от компетентных субъектов требуется законность применения, прежде всего, процессуальных норм, соблюдение процедуры производства. Уполномоченные лица должным образом не нацеливаются на правильное применение иных законов, в том числе УК РФ. Законность юридической оценки деяний явно недооценивается. В то же время, главным правовым ориентиром, первоосновой ведения самой уголовно-процессуальной деятельности является именно законное применение норм УК РФ [1].

Необходимо учитывать, что ошибочная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности влечет неправильное назначение наказания, необоснованное применение или неприменение амнистии, условно-досрочного освобождения, сроков давности, т.е. означает вынесение неправомерного приговора. Не может осуществляться в противоречии с положениями уголовного закона и предшествующая приговору процессуальная деятельность. На протяжении досудебного и судебного производства выносятся значительное число актов, в которых осуществляется правовая оценка содеянного на основании предварительно установленных фактических обстоятельств. Предположительная квалификация выступает в качестве условия для дифференциации формы уголовного производства, установления полномочий должностных лиц по ведению дела, применению мер процессуального принуждения. От неё зависит полнота обеспечения прав преследуемых лиц на квалифицированную юридическую помощь, на рассмотрение уголовного дела в суде и в составе, которые определены законом, и др.

Полагаем, что законность применения норм УК РФ и иных законов должна найти адекватное отражение в ч. 3 ст. 7 УПК РФ, для чего предлагаем её скорректировать: «3. Суд, прокурор, органы предварительного расследования при производстве действий и принятии решений обязаны не-

укоснительно соблюдать Конституцию РФ, нормы настоящего Кодекса и других законов, определяющих порядок производства, а также правильно применять нормы уголовного и иных материальных законов. Нарушение закона недопустимо и влечет признание принятых решений незаконными и их отмену или изменение.»

2. В УПК РФ прямо не содержится требований к справедливости уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем, в ч. 1 ст. 297 УПК РФ указывается, что приговор суда должен быть не только законным, обоснованным, но и справедливым. Он признается таковым при соответствии требованиям процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, форме и порядку постановления, а также если основан на правильном применении норм УК РФ (ч. 2 ст. 297 УПК РФ). Верховный Суд РФ разъясняет, что с учетом положений ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод приговор может быть признан законным лишь в случае, когда он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства [2]. Реализация прав участников производства на справедливое судебное разбирательство (*fair trial*) предполагает его соответствие гласности, независимости суда, равенства сторон и т. д.

3. Категория «справедливость» используется в решениях Конституционного Суда РФ. Так, в одном из них со ссылкой на ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 8 Всеобщей декларации прав человека указывается, что «правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах» [3]. В другом постановлении поясняется, что «ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено». Орган конституционного контроля предлагает признавать справедливым решение, предполагающее «установление на основе исследованных доказательств обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния» [4]. При таком понимании справедливость почти «сливается» с законностью и обоснованностью.

4. Обращение к основаниям отмены или изменения приговора в апелляционном порядке (ст. 389¹⁵ УПК РФ) позволяет разграничить законность применения норм УПК РФ (соблюдение должной процедуры) и законность (правильность) применения уголовного закона. Кроме того, «центральный» акт правосудия, постановленный в соответствии с требованиями УПК РФ и основанный на правильном применении норм УК РФ, подлежит отмене, если не соответствует требованию справедливости. Согласно ч. 2 ст. 389¹⁸ УПК РФ несправедливым является приговор, по кото-

рому назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, по своему виду или размеру чрезмерно мягкое или суровое. В данном случае «справедливость» используется в материально-правовом значении.

5. В уголовно-правовом значении «справедливость» употребляется по отношению к единственному судебному решению – приговору, а ее критерием выступает справедливость назначаемого наказания (ч. 2 ст. 6, ч. 4 ст. 226⁹, ч. 2 ст. 389¹⁸ УПК РФ). Вместе с тем в ст. 6 УК РФ отмечается, что справедливым должно быть не только наказание, но и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление. Для этого они должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Полагаем, что справедливыми (в материально-правовом смысле) могут быть не только итоговые, но и некоторые промежуточные уголовно-процессуальные решения, отражающие результаты продолжающегося юридического процесса. Данному требованию должны отвечать те акты, которые не только содержат юридическую оценку деяния (здесь речь может идти лишь о законности и обоснованности), но и с учетом характеристики содеянного, личности правонарушителя предполагают выбор средств правового воздействия.

Так, установление условий для применения мер процессуального принуждения позволяет компетентному органу оказывать принудительное воздействие на лицо, преследуемое в совершении преступления [5]. Меры пресечения и многие иные меры процессуального принуждения при производстве по делу, как и наказание по приговору суда, должны применяться с учетом санкции нормы УК РФ (ч. 1 ст. 91, ч. 3 ст. 106, чч.1, 1.1 и 2 ст. 108 УПК РФ и др.). При решении вопроса о мере пресечения и определении её вида должны учитываться тяжесть преступления, сведения о личности обвиняемого (подозреваемого), его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК РФ).

Преследуемый вправе рассчитывать на применение к нему лишь тех ограничений, которые вызваны необходимостью. В части 3 ст. 105.1, ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ указывается на то, что избрание запрета определенных действий (возложение запретов при других мерах пресечения), избрание домашнего ареста или заключения под стражу допускается в случаях невозможности применения иных мер пресечения. Стремиться к минимальным ограничениям, требующимся для нейтрализации обстоятельств, служащих основанием для оказания воздействия, необходимо в любых иных случаях применения принуждения.

6. Категорию «справедливость» следует отграничивать от «целесообразности». Последняя возникает в правоприменении при выборе вариантов решения. Она наиболее часто находит своё проявление в деятельности

по освобождению от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, при определении вида и размера наказания, при назначении или освобождении от наказания, применении других мер уголовно-правового воздействия, не являющихся наказанием [6]. Как и в ситуациях со справедливостью, правоприменительная целесообразность связана с выбором решения. В том и другом случае подразумевается, что решению о правовых последствиях преступления предшествует оценка факторов, связанных с деянием и субъектом его совершения. Однако категорию «справедливость» (в материально-правовом значении) следует применять к деятельности суда, по отношению к его решениям, сопряженным с определением правового воздействия. Под целесообразностью же понимается право следователя, прокурора, стороны обвинения определять, необходимо ли осуществлять уголовное преследование в каждом конкретном случае, исходя из фактических обстоятельств совершенного преступления и личности правонарушителя. В этой связи целесообразность также рассматривается как процессуальная экономия, гуманность, справедливость [7].

Фактически, справедливость – это высшая форма целесообразности. Справедливые решения суда априори считаются целесообразными. Насколько его деятельность справедлива, настолько она и целесообразна. Поэтому второе определение по отношению к действиям и решениям суда не применяется. И напротив, действия и решения органов предварительного расследования и прокурора принято оценивать с точки зрения целесообразности, а не справедливости, так как они в большей степени зависят от усмотрения необходимости осуществления уголовного преследования либо отказа в нем.

7. В правовом государстве целесообразность не может противоречить принципу законности [8]. Она должна существовать только в тех пределах, которые им установлены. Правоприменитель не может ставить вопрос о целесообразности самой нормы, он имеет возможность лишь принять наиболее разумное решение, исходя из её содержания. Применение уголовного закона, таким образом, должно быть не только формально правильным, но и целесообразным по существу. Верховенство закона должно оставаться приоритетным, и выход за его пределы при осуществлении правоприменительной деятельности является недопустимым [5].

Учитывая соотношение категорий «законность», «справедливость» и «целесообразность» считаем, что ч. 4 ст. 7 УПК РФ необходимо изложить в новой редакции: «4. Определения суда, постановления судьи, прокурора, органов предварительного расследования должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Процессуальные решения суда (судьи), связанные с определением вида и размера правового воздействия, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности уголовно-правового деяния, обстоятельствам его совершения, личности предполагаемого правонарушителя. Процессуальные ре-

шения прокурора, органов предварительного расследования в пределах, установленных настоящим Кодексом, должны быть целесообразными, т.е. соответствовать принципам гуманизма и справедливости, отвечать критериям эффективности и рациональности».

1. Гуляев А. П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // Рос. следователь. 2012. №11. С.3.

2. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 (п. 1) // СПС «КонсультантПлюс».

3. По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова: постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

4. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

5. Подробнее см.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. 228 с.

6. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве: монография. Омск, 2004. С. 166.

7. Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии. СПб., 2004. С. 49-53.

8. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам: монография. Омск, 2006. С. 83.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Муравьев Кирилл Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.

Омская академия МВД России.

Российская Федерация, 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

Ключевые слова: процессуальные решения, законность, справедливость, целесообразность, применение уголовного закона, меры процессуального принуждения.

УДК 343

Новикова Е. А., Чаплыгина В. Н.

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ КАК УСЛОВИЕ СОКРАЩЕННОГО ПОРЯДКА ДОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются общие вопросы признания вины, как основного условия при производстве сокращенного порядка дознания.

На протяжении нескольких лет в положения УПК РФ вносятся различного рода изменения, направленные на усовершенствование уголовно-процессуальной деятельности.

Сама уголовно-процессуальная политика российского государства направлена на то, чтобы было создано законодательство для эффективной борьбы с преступностью, но в то же время не происходило нарушение прав и интересов личности, а также соблюдался разумный срок уголовного судопроизводства.

В последние годы рост преступлений, которые требуют незамедлительного проведения определенных процессуальных действий, «непроизводство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств» [1], перегруженность следственных органов, а также органов дознания, определили необходимость введения института сокращенной формы дознания в систему уголовно-процессуального законодательства.

В последнем случае речь идет о введении Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [2] института сокращенной формы дознания по уголовным делам небольшой и средней тяжести (гл. 32.1 УПК РФ).

Данный институт для России не является новым. В УПК РФ, в частности, в разделе 10 главах 40 и 40.1 уже ведется речь о сокращенных производствах. Но эти сокращенные производства касаются уже рассмотрения дела в суде (судебного разбирательства), а не предварительного расследования. Получается, что производство дознания в сокращенной форме – новелла, которая касается именно досудебного производства. Ряд процессуалистов считает ее прообразом протокольной формы дознания, предусмотренной УПК РСФСР 1960 г. Полагаем, что наиболее близкой по своей сущности к процедуре сокращенного дознания является протокольная форма досудебной подготовки материалов, которая была введена Указом Верховного Совета РСФСР от 24.01.1985 г., просуществовала около 20 лет и была отменена Федеральным законом № 177-ФЗ от 18.12.2001.

В рамках дифференциации процессуальной формы досудебного производства УПК РФ предусматривает такие формы предварительного расследования как: предварительное следствие и дознание (ч. 1 ст. 150). С учетом внесенных изменений дознание может проводиться либо в общем порядке, либо в сокращенной форме (п. 1.1 ч. 1 ст. 150 УПК РФ).

Отечественный и зарубежный многолетний опыт уголовной юстиции показывает, что посредством применения только лишь мер ужесточения наказания невозможно достичь снижения преступности, а также оказать воспитательное воздействие на осужденных лиц.

Именно поэтому в необходимых случаях государство может применить поощрительные нормы, которые склоняют указанных лиц к добровольному прекращению преступных действий, а также побуждают их к своевременному отказу от создания так называемых препятствий в ходе расследования уголовного дела с гарантией освобождения либо смягчения наказания. Как известно данные нормы можно применить в случае явки лица с повинной, деятельного раскаяния, либо примирения сторон.

В связи с тем, что в последнее время возрастают требования повышения качества и эффективности, а также динамичности уголовно-процессуального производства вопрос о форме уголовного судопроизводства очень важен, так как через определение этого понятия раскрывается ряд существенных характеристик данного вида правовой деятельности.

Для того чтобы следователь, дознаватель, прокурор или суд приняли какое-либо процессуальное решение, необходимо соблюсти строго и четко определенные условия, установленные законом.

Как уже указывалось выше федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ введена глава 32.1, регламентирующая новую форму предварительного расследования, которую предполагается использовать при выяснении обстоятельств совершения преступлений небольшой и средней тяжести и применять только в том случае, если подозреваемый полностью признает вину. Так в УПК РФ признание подозреваемым, обвиняемым своей вины в совершении преступления до марта 2013 г. не указывалось в качестве обязательного условия принятия какого-либо процессуального решения.

Для того чтобы понять сущность рассматриваемой проблемы, необходимо обратиться к истокам ее возникновения. Достаточно трудно не согласиться с целесообразностью такого подхода. Рассмотрение любого института в динамике позволяет наиболее полно познать и уяснить его сущность, выявить как положительные, так и отрицательные стороны, присущие данному институту тенденции развития.

Советский законодатель проводил дифференциацию уголовно-процессуальной формы посредством выделения трех отдельных производств: по делам несовершеннолетних, по применению принудительных мер медицинского характера (так называемые усложненные производства) и протокольную форму досудебной подготовки материалов (упрощенная форма производства).

В свою очередь, российский законодатель подошел к вопросу о дифференциации уголовного процесса более рационально, тем самым возродив ранее применявшиеся производства и закрепив новые для отечественного судопроизводства, такие как: особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, досудебное соглашение о сотрудничестве, а также введенная сокращенная форма дознания.

Протокольная форма досудебной подготовки материалов подверглась наибольшей критике. Так наиболее весомым аргументом против данной формы можно назвать то, что в результате составления протокола нарушались права участников процесса, а именно конституционные, так как статус данных участников не был четко определен в законе, что в последующем привело к отказу от указанной формы. В свою очередь, потребность в упрощении досудебного производства по категориям дел, не представляющим какой-либо сложности в расследовании, оставалась актуальной. Результатом стало введение сокращенной формы дознания. Как указывается в научной литературе, сокращенное дознание способствует реализации права на скорый суд – важнейшей международно-правовой нормы, обеспечивающей защиту интересов личности [3].

Применение этой процедуры возможно, если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по одному или нескольким преступлениям, расследуемым в порядке дознания, а подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, и ходатайствует о применении этой процедуры.

Таким образом, признание лицом, совершившим преступление, своей вины, выступает в качестве возможного условия проведения сокращенного дознания. В свою очередь получение согласия лица, на производство дознания в сокращенной форме способствует тому что, будут учтены его интересы, а также сведет к минимуму факты последующих отказов от сокращенной формы дознания.

У многих авторов вызывает опасение данное положение, так как бытует мнение, что признание вины в сокращенной форме дознания может стать «царицей доказательств» [4]. Необходимо также отметить, что советская, российская, а также зарубежная судебная практика свидетельствует о том, что показания подозреваемого, обвиняемого все еще оцениваются как «особо убедительное доказательство», и при получении этих доказательств не всегда соблюдается правило о добровольности дачи показаний подозреваемым, обвиняемым.

Указанные опасения можно объяснить, прежде всего, тем, что до сих пор существует негативная правоприменительная практика в части, касающейся использования незаконных методов ведения расследования по делу, в частности, психическое и физическое воздействие на подозреваем-

мого, которое законодательно запрещено. Не только органы расследования могут совершать противоправные действия, но судьи, в свою очередь, основываясь на том, что лицо признало свою вину, проводят судебное разбирательство формально, что влечет за собой осуждение невиновного лица. В данном случае, судам необходимо помнить о том, что при производстве сокращенного дознания, дознаватель не устанавливает все предусмотренные ст. 73 УПК РФ обстоятельства.

В то же время нельзя отказываться от такого ценного доказательства, как признание вины. Наиболее целесообразно будет направить усилия на совершенствование указанного положения, в частности, улучшения мер преодоления и нейтрализации незаконных методов ведения дознания. К числу таковых относится введение гарантий добровольности признания, а именно введение допроса при рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства с целью исключения сомнений в возможности самооговора допрашиваемого лица.

Кроме указанного положения, в законодательстве уже имеется гарантия, предусмотренная статье 226.3 УПК РФ, предусматривающая, что подозреваемый, обвиняемый вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, что позволяет исключить самооговор, применение физического или психологического воздействия и т. д.

Тем самым, для обеспечения прав и законных интересов подозреваемого лица и других участников ускоренного досудебного производства по уголовному делу необходимо постоянно совершенствовать соответствующие гарантии добровольности признания подозреваемого.

Таким образом, стремление законодателя ввести в УПК РФ новые процедуры, с помощью которых может достигаться процессуальная экономия государственных сил и средств, не выразились в представлении завершенной законодательной конструкции. Поэтому описанные пробелы и неточности не позволяют в полной мере положительно оценить нововведения, которые порой игнорируют отечественную специфику нормативного регулирования уголовно-процессуальных отношений.

1. Григорьев Д. А. Ускоренная форма досудебного производства по уголовному делу и права человека // Мировой судья. 2011. № 6. С. 5.

2. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875; № 52, ч. 1. Ст. 6997.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. 2001. №2. Ст. 163.

4. Полуяктова Н. Сокращенному дознанию быть? // Эж-Юрист. 2013. № 31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Екатерина Александровна. Кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса.

Белгородский институт МВД России имени И. Д. Путилина.

Российская Федерация, 117437, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Чаплыгина Виктория Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова:** дознание, дознание в сокращённой форме, признание вины, уголовное судопроизводство, УПК РФ.*

УДК 343.1

Пимакова О. Г., Малышева Н. А.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ХИЩЕНИЕМ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Авторами рассмотрены особенности первоначального этапа деятельности по делам, связанным с хищением чужого имущества, совершенного с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, кроме того приводятся некоторые примеры и ситуации, которые складываются при расследовании уголовных дел данной категории.

Увеличение безналичного денежного оборота привело к повсеместному использованию гражданами банковских карт. Маленькие пластиковые банковские карты все чаще заменяют людям наличные денежные

средства. Многие считают это удобным и практичным [1]. Согласитесь, гораздо удобнее, когда в кармане куртки находится только одна банковская карта, а не десятки бумажных и металлических купюр. Однако, ссылаясь на удобство и комфорт, граждане зачастую забывают о безопасности сохранности денежных средств.

Безопасность безналичных денег снижается и благодаря эксплуатации мобильных устройств, компьютеров, ноутбуков, планшетов, значительно упрощающих жизнь человека, делающих ее более мобильной. Люди активно решают многие финансовые и личные вопросы через приложения ВКонтакте, Skype, Viber, Сбербанк Онлайн, WattsApp, Instagram и т. д. Это приводит к концентрации большого объема данных личного характера на различных технических устройствах либо циркуляции ее в сети Интернет. В таких условиях доступ граждан к нормальному денежному обороту нарушается.

Федеральным законом от 23.04.2018 года № 111-ФЗ были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, ужесточающие наказание за кражу денежных средств с банковских счетов. В ч. 3 ст. 158 УК РФ добавлен новый квалифицирующий признак – «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». В результате в практической деятельности появилось значительное число уголовных дел, переквалифицированных со ст. 159 УК РФ на п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В связи с этим возросло требование к производству первоначальных следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Первоначальным этапом деятельности по делам, связанным с хищением чужого имущества с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, на стадии возбуждения уголовного дела является получение и фиксация первичной информации о готовящемся, совершенном или совершаемом преступлении, то есть получение повода к возбуждению уголовного дела, и процесс выявления факта совершенного преступления.

В каждом конкретном случае действия следователя будут определяться наличием или отсутствием таких оснований. Если имеет место быть таковым, то следователь незамедлительно возбуждает уголовное дело и приступает к его расследованию.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ и как показывает практика изучения уголовных дел, заявление о преступлении, в настоящее время пока выступает одним из часто встречаемых поводов к возбуждению уголовного дела данной категории.

Заявление о преступлении представляет собой сообщение о совершенном противоправном деянии, которое непосредственно поступает в ОВД. Сообщения о хищении с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств поступают в основном от граждан. Зачас-

тую сами граждане неосознанно принимают в хищении активную роль. Так представившись сотрудником службы безопасности ПАО «Сбербанк», злоумышленники убедили гражданку Н. в том, что на ее денежные средства покушаются мошенники, поэтому, для обеспечения безопасности ее денежных средств, ей необходимо перевести их на другой счет, для чего необходимо назвать срок действия карты и код безопасности на оборотной стороне. Н. выполнила все действия злоумышленников, в результате чего и были похищенные денежные средства с ее банковского счета. По данному факту было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [2].

Этот случай далеко не единичный. В настоящее время преступники, под видом службы безопасности ПАО «Сбербанк» и других банков часто входят в доверие к гражданам под видом их благих намерений. На самом же деле, злоумышленники беспощадно переводят денежные средства с банковских счетов граждан на свои счета.

После приема и регистрации сообщения о преступлении начинается его проверка, в ходе которой устанавливается наличие или отсутствие основания для возбуждения уголовного дела. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении регламентируется ст. 144 УПК РФ. По результатам проведенной проверки следователь возбуждает уголовное дело в порядке ст. 146 УПК РФ.

На этапе возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, следователь должен собирать сведения, которые относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Важно своевременно отправить соответствующий запрос в ПАО «Сбербанк» или иной банк, если этого требуют обстоятельства дела. В случае, если потерпевший указывает, что денежные средства были перечислены на счет банка, о чем он узнал из SMS-сообщения, то необходимо сформулировать правильный и грамотный запрос, для того, чтобы собрать наиболее полную информацию о счете потерпевшего и счете злоумышленника. Так, целесообразным представляется установить дату открытия счета, вид счета и остаток на нем. Также необходимо определить, какие операции проводились в период совершения преступления.

Мы полагаем, для того, чтобы не упустить точный период совершения преступных действий, думается правильным ограничиться временными рамками – 20 сутками: 10 суток до момента совершения преступления, указанного потерпевшим и 10 суток после. Такой срок представляется нам вполне разумным и наглядно демонстрирующим движение денежных средств.

В случае указания потерпевшим конкретных номеров, с которых осуществлялись звонки, следователю важно в кратчайшие сроки обратиться в суд с ходатайством об установлении регистрационных данных абонен-

та и получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Однако, при формировании ходатайства следователь должен самостоятельно или через Управление специальных технических мероприятий, определить оператора сотовой связи, от которой поступил звонок. Дальнейший ход расследования будет зависеть от ответа сотовой компании на запрос следователя.

Как правило, категории преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, не предусматривают наличие свидетелей и очевидцев по уголовному делу. Поэтому целесообразно, провести допрос кого-либо из родственников потерпевших об известных ему обстоятельствах дела. В свете этого, допрос потерпевшего является важнейшим следственным действием при расследовании рассматриваемых уголовных дел.

Допрос производится с целью уточнения времени, места и иных обстоятельств совершения преступления. При допросе потерпевшего важно указать, когда был открыт банковский счет, на чье имя, в каком отделении банка, с указанием конкретного адреса. Необходимо зафиксировать, с какого абонентского номера поступали звонки, если таковые имелись. Важно знать, какую информацию он сообщил злоумышленникам: паспортные данные, номер карты, код безопасности и т. д. Необходимо также установить, пользовался ли потерпевший мобильным приложением, позволяющим управлять банковскими счетами онлайн.

Изучение нами практики показало, что успех в раскрытии преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 полностью определяется своевременностью возбуждения уголовного дела, качеством осмотра сотового телефона потерпевшего, проведением экспертиз и других неотложных следственных действий с использованием достижений научно-технического прогресса.

1. Сулима В. И., Стрелкова А. О., Крылова О. В. Мошенничество с банковскими картами // Символ науки. 2016. № 3-1 (15). С. 168-169.

2. Материалы уголовного дела № 11801940018147611 // Архив отдела по обслуживанию территории Первомайского района СУ УМВД России по г. Ижевску.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пимакова Ольга Геннадьевна. Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Малышева Наталия Александровна. Следователь по расследованию общеуголовных преступлений отдела по обслуживанию Первомайского района СУ УМВД России по г. Ижевску.

ОП № 3 УМВД России по г. Ижевску.

Российская Федерация, 426009, г. Ижевск, ул. Ухтомского, д. 23.

Ключевые слова: банковский счет, электронные денежные средства, заявление о преступлении, возбуждение уголовного дела, допрос.

УДК 343.1

Победкин А. В.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК ФОРМА ДИКТАТУРЫ НРАВСТВЕННО-ЗДОРОВЫХ СИЛ

В статье предлагается взгляд на уголовное судопроизводство как надстроечное явление, которое будучи неразрывно связано с базисом, ориентировано на защиту определенных слоев населения. Предлагаются пути, обеспечивающие эффективную защиту средствами уголовного судопроизводства основной массы населения России (нравственно-здоровой части общества).

Уголовное судопроизводство – одна из самых политизированных отраслей права. Это закономерно, поскольку предполагает использование жестких инструментов государственной власти, без которых невозможно обеспечить национальную безопасность от угрозы преступности.

Нет никаких сомнений, что само существование уголовно-процессуального права как самостоятельной отрасли права обусловлено объективно. История без объективных оснований не позволила бы процессуальному праву сначала выделиться из уголовного, а затем размежеваться уголовному и гражданскому процессам [5, с. 47]. Очевидно, что основная причина самостоятельности уголовно-процессуального права – его публичная основа, связь с интересами общества в целом.

Однако возможен и иной взгляд на уголовное судопроизводство, который в последние годы набирает обороты и в России. Общество может и отказаться от удовлетворения потребности в безопасности от преступных проявлений, отдав приоритет разрешению других проблем: дешевизне, скорости, возмещению вреда, причиненного конкретному потерпевшему и т. д. В уголовном судопроизводстве прежде всего можно также усматривать средство сглаживания конфликтов, противоречий, умиротворения сторон и др.

Вряд ли такие походы дальновидны, поскольку человек, жертвуя, публичностью уголовного судопроизводства, отказываясь от осуждения настоящего виновного, а не только «назначенного» таковым, сознательно рискует собственной безопасностью, безопасностью своих детей, родных и близких. Наивно было бы полагать, что государства с таким взглядом на уголовный процесс действительно готовы отказаться от средств обеспечения национальной безопасности. Любое общество в целом не может не испытывать потребность в подавлении преступности. Следовательно, для борьбы с ней акцент в указанных случаях делается на иные средства, в основном непроцессуальные (полицейские, административные, оперативные), что гораздо опаснее для тех же граждан, которые будут лишены относительно надежных гарантий обеспечения их прав и интересов, которые предоставляет уголовно-процессуальная сфера.

Итак, общество создает такие концепции уголовного процесса, которые заслуживает, ориентируясь на ценности, которые для него приоритетны. Отсутствие в числе таких ценностей безопасности граждан, их защищенности от преступности вполне закономерно приводит к построению уголовного судопроизводства на фундаменте интересов конкретных участников уголовного судопроизводства, которые могут быть различными и с интересами общества в целом не совпадать.

Вместе с тем, было бы наивно полагать, что уголовный процесс с «хромающей» публичностью защищает только участников конкретных правоотношений. Любое надстроечное явление, к числу которых, несомненно относится и уголовное судопроизводство как вид государственной деятельности, основанный на праве, всегда определяется базисом – производственными отношениями, отношениями собственности на средства производства.

В. М. Сырых не без оснований называет «побасенкой» культивируемое мнение о том, что противоречия между материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой, другими философскими доктринами сняты и достигнута классовая гармония среди капиталистов и их наемными рабочими. «Реальное существующее противоречие не может быть разрешено на уровне научных теорий, если оно присуще объективной реальности, неспособной ... даже в отдаленной перспективе уничтожить условия, культивирующие это противоречие, равно как и само противоречие» [7, с. 77].

Известно, что Платон критиковал как тиранию, так и демократию, полагая, что и то и другое ведет к проявлению худших человеческих качеств [8, с. 55]. Однако и то и другое – лишь форма осуществления власти тех или иных социальных слоев. Демократия также не бывает для всех, закон всегда ориентирован на защиту в приоритетном порядке интересов определенной части населения (законопослушные граждане, трудящиеся, средний класс, крупные собственники и т. д.). Наверное, сегодня социальная структура общества более сложная, чем век назад, и не сводится к

классовой. Однако последняя все равно самая стабильная и в первую очередь определяющая политический и социальный фон в государстве.

Формы уголовного судопроизводства могут быть разными. Однако в какие бы одежды уголовный процесс «не рядился» с учетом духа закона и правоприменительного механизма он – средство защиты тех, кто, во-первых, владеет средствами производства и, во-вторых, заинтересован во владении определенными людьми этими средствами.

Разворот в сторону буржуазного уголовного процесса в России начался с Концепции судебной реформы в РСФСР [10], о которой сегодня вспоминают нечасто, а зря. Большинство ее стержневых идей успешно вошли в жизнь, да так, что едва не сгубили само государство. Вот одна из таких идей: «Возвращение Отечества в лоно мировой цивилизации требует, чтобы наряду с политическими и экономическими преобразованиями разворачивался процесс правовой реформы. Государство, переставая быть инструментом насилия в руках тоталитарного режима, демократизируется, чтобы в конце концов совершить мужественный акт *самоотрицания* (курсив – А. П.), превратившись из политического в правовое». Поскольку государство не может не быть политическим, речь, очевидно, идет о том, что политика должна стать другой. Какой же? Ответ ясен: ориентированной на западные образцы, которые вне зависимости от конкретных процессуальных форм всегда в сущности будут средством защиты интересов имущего класса, буржуазии.

Лукавство заложено уже в задачах судебной реформы, провозглашенных Концепцией. Хотя среди них и упоминается обеспечение суверенного права РСФСР осуществлять правосудие и уголовное преследование на своей территории в соответствии с собственным материальным и процессуальным правом, содержание концепции впрямую отсылает к западному опыту (ФРГ, США) как безоговорочно положительному. Невзирая на некоторое отрезвление и возвращение к национальным ценностям, а иногда и попросту к здравому смыслу, западные идеи рационализма, бездуховности, приоритета материального над нравственным, дешевизны в ущерб правде и истине еще и сегодня продолжают угнетать отечественный уголовный процесс.

Буржуазный вектор концепции ясно прослеживается в призывах Концепции судебной реформы порвать связь уголовного судопроизводства с народом. Эта мысль в документе даже и не вуалируется. «Антидемократический режим, не меняя своей сущности, с одинаковым цинизмом представлял перед подданными то в маске народного представительства, то под видом правосудия», – утверждает в Концепции. И далее: «Суды вынуждены иметь дело с откровенно политизированным законодательством». Однако это верно всегда и для всех государств. Призывы деидеологизировать систему на деле являются стремлением не отменить идеологию, а заменить ее, «настроить» уголовное судопроизводство на защиту имущих

элит, а не подавляющего большинства трудящихся. «Суды как и всякая система юстиции, составляли важный элемент командно-административной системы руководства страной, были проводниками ее воли», – читаем в Концепции. Верно. Только «Суды везде и всегда проводят политику господствующего класса и, следовательно, неизбежно руководствуется в своей деятельности соображениями целесообразности», – утверждал Н. Н. Полянский [6, с. 223] и спорить с этим по существу бессмысленно (тем более, что в Концепции прямо пишется о необходимости «примирения законности с целесообразностью в каждом конкретном случае»). Разве только целесообразность теперь вполне укладывается в рамки и в дух закона: законность целесообразна, а целесообразность законна [2, с. 108].

Вычерпывая из уголовного процесса тоталитарное государство в русле, заложенном Концепцией, – «международную солидарность трудящихся», «создание материально-технической базы коммунизма», «коммунистическую мораль» и «подготовку детей к активному участию в строительстве коммунистического общества», мы умудрились вычерпать и идеи народовластия, приоритета интересов трудящихся, социальной справедливости, связи с народом, коллективами. Всего этого в уголовном процессе теперь нет.

Конечно, можно говорить о том, что народ в уголовном процессе представлен присяжными заседателями. «Думается, что коллективный разум и совесть присяжных, сдерживающих карательный меч во имя справедливого разрешения дела, – достаточные гарантии правопорядка. Пока в правосудии обнаруживается дефицит милосердия, не нужно бороться с его избытком», – пишут авторы Концепции. На первый взгляд, придраться, действительно, не к чему. Сама по себе идея присяжных неплоха, однако жизнь показала, что отказ от народного представительства при осуществлении правосудия в форме народных заседателей, оказался «подмененным» на «витрину» присяжных, роль которых (несколько сотен уголовных дел в год, рассмотренных с их участием) в правосудии не просматривалась вплоть до середины 2018 г., когда по инициативе Президента России законодатель несколько расширил круг дел, рассматриваемых с участием присяжных. Незначительная доля уголовных дел, рассматриваемая судом присяжных – общемировая практика. Россия не могла быть исключением, в то время как с участием народных заседателей в советский период рассматривались все уголовные дела. При этом народный опыт использоваться не только при оценке доказательств, но и при назначении наказания. Судья, оторванный от масс и плохо представляющий, что такое справедливость в их понимании, вряд ли всегда способен правильно решить вопрос о виде и размере наказания. Таким образом, под благовидными предлогом допуска «народного представительства в судебные залы» участие народа в отправлении правосудия оказалось резко ограниченным [4, с. 14].

Стремление порвать с массами – и в заложенных в Концепции взглядах на необходимость отказа от воспитательной работы судей, от чтения ими лекций, выступления перед общественностью. Воспитание не может быть «несвойственной» функцией тех, кто решает судьбу человека. Мало того, встречи судей с людьми позволяют им не отрываться от народного понимания нравственных ценностей, от потребностей общества, которому в конечном счете служат и судьи.

Несмотря на противоречивость Концепции в деталях, она идейно едина и направлена на построение буржуазного уголовного процесса, оторванного от народа слоем профессионалов, не озабоченных защитой общества от преступности, не одухотворенных идеями справедливости, не питающихся народной духовностью, и не ориентированных на чаяния и потребности подавляющего большинства трудящихся.

Объективные закономерности всегда сильнее идей, не связанных с экономическим базисом, пусть и здравых, но всегда эклектичных и фрагментарных. Смена экономического базиса не могла не повлечь за собой новый уголовный процесс, основанный на иных ценностях. По этой причине, несмотря на нереализованность ряда идей Концепции, в целом, ее идеи легли в основу Уголовно-процессуального кодекса, принятого в 2001 г.

Увы, основное противоречие уголовного процесса России, конечно, в целом неснимаемо: капиталистические экономические отношения, определяющие содержание уголовного судопроизводства, никогда не смогут ужиться с национальными духовно-нравственными ценностями, которые основаны на социальном подходе к государству, общности решаемых задач и коллективизме. Однако смягчить противоречие и весьма существенно, конечно, можно: надстройка не лишена возможности в определенных пределах влиять на базис.

Прежде всего нужно изжить остатки сервильности перед западными идеями: они бывают и хороши и плохи, а состояние преступности в западных странах, очевидно, не всегда вызывает благодушие. Все сокращенные и ускоренные процедуры, особенности производства в отношении отдельных категорий лиц из УПК следует исключить [3, с. 216].

В уголовно-процессуальный закон должен проникнуть воспитательный заряд. Конечно, людей воспитывает любой уголовный процесс сам по себе: своим содержанием, формой, уровнем законности и справедливости решений, доступностью правосудия для человека, связью его с народом. Буржуазный уголовный процесс воспитывает разочарованного индивидуалиста, склонного верить не в справедливое правосудие, а свои возможности, включая финансовые, решить дело. Капитализм, как писал А. Эйнштейн, неизбежно изувечивает социальное сознание отдельной личности и в этом его самое большое зло [1]. Буржуазному уголовному процессу не нужна связь с народом, не нужна отчетность перед ним (выборность и от-

зыв судей), не нужно народное мнение и при принятии решений (единичные случаи суда присяжных, конечно, не в счет).

Вместе с истиной, народным представительством, отчетностью судей перед народом в уголовный процесс должны вернуться представители общественности, общественные обвинители и защитники, выездные судебные заседания, широкие и прямые их трансляции, выступления судей перед населением с пропагандой законодательства и уважения к нему. Тогда есть надежда, что народ поверит в уголовно-процессуальный закон и осознает, что уголовное судопроизводство – не чуждое ему явление, а его собственное средство борьбы с теми, кто подрывает основы безопасной жизни честного, трудящегося населения. Иначе уголовно-процессуальное законодательство так и останется «правовым миражом» [9, с. 86].

Настало время новой Концепции уголовного судопроизводства, на которую следует сориентировать законодателя. Она должна быть проста и понятна и ему самому и правоприменителю и обществу. Суть ее – обеспечение публично-правового характера реагирования государства на факты совершения преступлений, равенства всех перед законом и судом, безопасности общества от преступных проявлений путем выявления и привлечения к уголовной ответственности тех, кто в действительности, совершил преступление.

Уголовное судопроизводство должно стать формой диктатуры нравственно здоровой части российского общества (т.е. подавляющего большинства населения), посредством которой оно обеспечит собственную безопасность, а значит и безопасность страны.

-
1. Алферов Ж. И все-таки, почему социализм? // Рос. газета. 2018. 3 октября.
 2. Ендольцева А. В. Уголовная политика России и ее значение в регулировании общественных отношений в сфере борьбы с преступностью // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 2 (85).
 3. Зарипов Ф. Ф., Зинатуллин З. З. Думы о современном состоянии российской уголовно-процессуальной политики // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2.
 4. Кокорев Л. Д. Теория концепции и практика законов // Юридический вестник. 1992. № 18.
 5. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016.
 6. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Издательство Московского университета. 1956.
 7. Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. 2016. № 1.

8. Симонова С. А. К вопросу о нравственном аспекте государственного управления: этико-философская ретроспектива // Труды Академии МВД России 2018. № 2 (46).

9. Серегин А. В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре. М.: Юрлитинформ, 2016.

10. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 № 1801 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Победкин Александр Викторович. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.

Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, форма уголовного судопроизводства, тип уголовного судопроизводства, нравственные начала.

УДК 343.1

Пушкарев В. В.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ ПОНЯТИЯ

В статье рассматриваются вопросы, определяющие смысл и содержание понятия уголовного преследования, как основного вида уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в уголовном судопроизводстве. Анализируются качественные признаки исследуемого понятия с использованием сравнительно-правового метода, формулируются базовые тезисы теоретико-методологического характера, касающиеся юридической догмы уголовного преследования, по признакам содержательной части определения, юридического факта и субъектного состава.

Понятие уголовного преследования сформулировано в п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), где под ним понимается процессуальная деятельность, осуществляе-

мая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Однако законодатель еще раз возвращается к определению уголовного преследования в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, где устанавливается обязанность осуществления уголовного преследования прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем, когда данные субъекты в каждом случае обнаружения признаков преступления принимают предусмотренные меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Введение дефинитивного признака *«принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления»* приводит к явному диссонансу данной нормы с той, которая определяет исковую дефиницию в п. 55 ст. 5 УПК РФ, и последующим текстом в самой ч. 2 ст. 21 УПК РФ, поскольку предполагается направленность уголовного преследования не на лицо, а на факт, событие преступления. Подобный подход противоречит устойчивому поступательному развитию науки уголовного процесса, отраслевого законодательства и правоприменительной практики, обнажает слабую восприимчивость действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства к правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, корректирующим порядок осуществления уголовного преследования в досудебном производстве, в которых признается неоспоримая значимость ориентации уголовного преследования на лицо, при решении вопросов о справедливости уголовного судопроизводства в целом.

Основной причиной подобного положения дел в уголовно-процессуальном законе видится отсутствие сущностного методологического подхода к определению уголовного преследования.

Обращаясь к истокам уголовно-процессуальной теории об уголовном преследовании, можно констатировать, что М. С. Строгович философски верно, подошел к определению субъектно-объектных доминант в исследуемом институте, справедливо отказавшись от атрибуции признаков объекта уголовного преследования у неопределенного круга лиц, («всякий предполагаемый совершитель преступления» [3, с. 193] – по М. А. Чельцову) [5, с. 348]. Он правильно указал на необходимую первичность субъектно-субъектных отношений при осуществлении уголовного преследования, что служит основанием его начала, а также на субъектно-объектные отношения, как познавательную активность лица или органа, осуществляющего уголовное преследование, в отношении деятельности обвиняемого, в их диалектической взаимосвязи, однако не разрешил вопрос о моменте начала уголовного преследования при описании положения подозреваемого в совершении преступления.

Утверждение же о том, что изобличаемое в совершении преступления лицо (субъект преступления в уголовно-правовом смысле), тем более неопределенный круг лиц, есть объект уголовного преследования – суть

инквизиционной формы уголовного процесса, не предполагающей наличия серьёзных оснований для её начала, свойственной своими методами неизбирательного отношения к субъектам [5, с. 347-350].

Игнорирование данного положения приводит к неудовлетворительному выражению соответствующих положений в действующем уголовно-процессуальном законе, серьёзным нарушениям допускаемых в правоприменительной практике.

Так, в своем Постановлении № 11-П [2] Конституционный Суд Российской Федерации установил, что уголовное преследование представляет собой обвинительную процессуальную деятельность уполномоченных должностных лиц и органов, направленную против конкретного лица, которая может подтверждаться вынесенным процессуальным решением о возбуждении уголовного дела, проведением в отношении него следственных и процессуальных действий по доказыванию его причастности к совершенному преступлению посредством установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого).

Совершенно очевидно, как Конституционный Суд РФ абстрагировался от текста УПК РФ в определении содержательных свойств и выявлении существенных признаков момента начала уголовного преследования, указав, что в первую очередь должно учитываться фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, а уголовно-процессуальная терминология – понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» – должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР более узком смысле [2].

Аналогичный подход неоднократно демонстрировал Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), для правовых позиций которого свойственно предельно широкое и в то же время четкое понимание термина «уголовное обвинение», отождествляемого с термином уголовное преследование. Например, в деле Фоти и Другие против Италии (Foti and others v. Italy) (1982) Суд включил в него меры, подразумевающие такое подозрение и которые могут серьезно и непосредственно повлиять на положение подозреваемого (заинтересованное лицо) [1, с. 38-39].

Таким образом, в правовых позициях Европейского суда по правам человека, сталкивающегося в своей практике с различными проявлениями национального права в уголовно-процессуальной деятельности, составляющими суть жалоб, определение направленности уголовного преследования на лицо, позволяет четко сформулировать начальный момент уголовного преследования, всегда связанный с ограничением прав и законных интересов конкретного лица.

Однако, нормы п. 55 ст. 5 УПК РФ не изменились под влиянием вышеприведенных положений Конституционного суда РФ и позиций ЕСПЧ, хотя сам Закон претерпел существенные изменения, когда в стадии проверки сообщения о преступлении, появился новый субъект – лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В ситуации, когда с участием данного лица (подозрение подразумевается) проводятся следственные и процессуальные действия, которые могут серьезно и непосредственно повлиять на его положение, де-факто осуществляется уголовное преследование, но де-юре – нет, так как содержание его процессуального статуса не определено, что приводит к неосновательному стеснению данного участника уголовно-процессуальных отношений, нарушению, как следствие, охранительной функции уголовного процесса, так как в соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ, субъектом уголовного преследования является подозреваемый или обвиняемый.

Существует два подхода к нормативному решению данной проблемы, а выбор правильного связан с надлежащим определением юридического факта, как момента возникновения, изменения или прекращения уголовно-процессуальных отношений.

В соответствии с первым, в качестве юридического факта называется момент появления у лица права на юридическую помощь [4, с. 71, 72].

Авторская новация предполагает учет вышеприведенной аргументации, в соответствии с которой юридическим фактом уголовного преследования является момент начала обвинительной процессуальной деятельности уполномоченных должностных лиц и органов, направленной против конкретного лица, серьезно и непосредственно влияющей на его положение.

Вполне очевидно, что в первом случае конституционное право на защиту выступает в качестве производного фактора общего характера, которому ошибочно придается первичное значение. Именно начало обвинительной деятельности, то есть уголовного преследования конкретного лица, предполагает возникновение у него вышеприведенного конституционного права и определяет, как следствие, момент начала защиты от уголовного преследования, а не наоборот.

В качестве закономерного итога следует предложить три базовых тезиса теоретико-методологического характера, касающихся юридической догмы уголовного преследования в УПК РФ, по признакам содержательной части определения, юридического факта и субъектного состава:

1. Из содержания ч. 2 ст. 21 УПК РФ исключить слова *«установлению события преступления»*.

2. Пункт 55 ст. 5 УПК РФ изложить в следующей редакции: *«55) уголовное преследование – обвинительная процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения, в целях изобличения конкретного лица в совершении преступления, серьезно и непосредственно влияющая на его положение;»*.

3. Включить в Главу 7 УПК РФ статью 46.1. под названием «Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении».

1. Гомиен Д. Путеводитель по Европейской Конвенции о защите прав человека. Совет Европы, Служба публикаций и документации. Страсбург: Совет Европы, Служба публикаций и документации, 1994. 136 с.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И.Маслова» // Российская газета, № 128, 04.07.2000.

3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. 468 с.

4. Федулов А. В. Начало публичного уголовного преследования в современном уголовном процессе России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 71-74.

5. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. 624 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкарев Виктор Викторович. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предварительного расследования.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.

Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

***Ключевые слова:** уголовное преследование, досудебное производство, обвинение, следователь, дознаватель.*

УДК 343.13

Расулова Н. С., Такиulina Э. Р.

**ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ
ИНСТИТУТ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА,
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ**

В статье на основе сравнительного анализа уголовно – процессуального законодательства зарубежных стран и законодательства Российской Федерации показаны имеющиеся различия на стадии возбуждения уголовного дела. В заключение кратко охарактеризована необходимость сохранения в национальном законодательстве стадии возбуждения уголовного дела.

Несмотря на многолетние дискуссии об упразднении, сохранении и дальнейшем реформировании стадии возбуждения уголовного дела, в российском уголовном процессе она продолжает оставаться самостоятельным, первоначальным и значимым этапом, обуславливающим законность и обоснованность решения о возбуждении уголовного дела и начале расследования.

В качестве самостоятельной стадии возбуждение уголовного дела закреплено в УПК РСФСР, принятом в 1960 г. В 2000 году значение данной стадии подчеркнул в решении № 1-П от 14.01.2000 Конституционный Суд РФ, указав, что возбуждение уголовного дела является начальной самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания для возбуждения уголовного дела, актом возбуждения уголовного дела, создаются правовые основания для последующих процессуальных решений органов дознания, предварительного следствия и суда [1].

Абсолютно обоснованно А. А. Давлетов и Л. А. Кравчук называют данную стадию «фильтром», предшествующим предварительному расследованию [2]. Под «фильтром» следует понимать выделение из общего части с заданными свойствами, к которым, в случае начальной стадии, относятся признаки преступления. Так, анализ информации, поступившей в дежурные части отделов полиции и зарегистрированной в КУСП [3], позволяет сделать вывод о том, что далеко не все сообщения о преступлении в итоге относятся к таковым. Обратимся к официальным данным МВД России за январь 2018 года, приведенным в таблице 1:

**Сведения о результатах разрешения сообщений о преступлениях,
административных правонарушениях и происшествиях [4]**

Показатель	Январь 2018
Зарегистрировано заявлений (сообщений) о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях	2 357 652
Из них рассмотрено заявлений о преступлениях, по результатам которых	737 590
– возбуждено уголовных дел	125 538
– в возбуждении уголовного дела отказано	444 340
– из них за отсутствием состава преступления	429 603

Таким образом, только в январе 2018 года из зарегистрированных 2 357 652 сообщений 737 590 относятся к заявлениям и сообщениям о преступлении, однако после проведения проверки лишь по 125 538 из них принято решение о возбуждении уголовного дела. Данная статистика свидетельствует о том, что на момент поступления сообщений в 612 052 случаях отсутствовали основания для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), а соответственно, не имелось правовых оснований для начала производства процессуальных действий, направленных на изобличение виновных в совершении преступления, на применение мер процессуального принуждения и т. д.

Если наложить данную статистику на модель уголовного процесса, в которой стадия возбуждения уголовного дела отсутствует, то решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – отсутствие состава преступления, автоматически перейдут в решения о прекращении уголовного дела, то есть в январе 2018 года на территории государства по реабилитирующему основанию прекращено производство по 429 603 уголовным делам. К каким последствиям это может привести? Как минимум к основаниям возникновения права на реабилитацию, которое влечет за собой возмещение имущественного вреда и т. д., причиненного в результате заведомого нарушения закона, выразившегося в ограничении конституционных прав неприкосновенности личности, жилища и т. д. Не стоит забывать и о фактической нагрузке на одного следователя (дознателя). Элементарный подсчет позволяет сделать вывод о том, что если в настоящее время в среднем у следователя при текущей нагрузке от 5 до 12 уголовных дел в производстве, на одно уго-

ловное дело приходится 5-6 материалов проверок, соответственно, при отсутствии начальной стадии один следователь будет расследовать в среднем от 25 до 50 уголовных дел. Возможно ли в таком случае говорить о качестве предварительного расследования?

В пользу необходимости признания стадии возбуждения уголовного дела неотъемлемой частью уголовного судопроизводства России свидетельствует также ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Соответственно, применение различных мер процессуального принуждения и проведение сопряженных с правоограничением следственных действий оправдано лишь тогда, когда возникает необходимость расследовать конкретное преступление, реагировать на этот частный случай общей борьбы с преступностью.

Тем не менее в современной действительности некоторые страны постсоветского пространства предприняли революционное решение и отказались от данной стадии – Украина, Грузия, Казахстан, Латвия, Молдова.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 214 УПК Украины 2012 г. следователь, прокурор безотлагательно, но не позднее 24 часов после подачи заявления, сообщения о совершенном уголовном преступлении или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного преступления, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований (далее по тексту ЕРДР) и начать расследование [5]. Таким образом, доследственная проверка в УПК Украины отсутствует, за исключением возможности единственного следственного действия до внесения сведений в ЕРДР – осмотра места происшествия, который возможно произвести в течение 24 часов с момента получения сообщения о преступлении от заявителя в случаях, не терпящих отлагательства. По результатам регистрации в ЕРДР выдается, так называемый, «вытяг», одновременно являющийся основанием возбуждения уголовного производства, копия которого в течение 24 часов направляется заявителю. Номер уголовного производства присваивается автоматически программой ЕРДР.

Согласно ст. 369 Уголовно-процессуального закона Латвии поводом к началу уголовного процесса является представление следственному учреждению, прокуратуре или суду сведений, которые указывают на возможное совершение преступного деяния или получение этих сведений учреждением, ответственным за ход уголовного процесса.

В УПК Молдовы начало производства по уголовному делу регламентирует ст. 274 «Начало уголовного преследования», в соответствии с ч. 1 которой орган уголовного преследования или прокурор в 30-дневный срок

распоряжается посредством постановления о начале уголовного преследования в случае, если из акта осведомления или констатирующих актов вытекают разумные подозрения в совершении преступления и отсутствуют какие-либо обстоятельства, исключающие уголовное преследование» [6].

В представленных нормах акцент делается на феномене «возможное совершенное преступное деяние» и «разумные подозрения». Иначе говоря, преступления пока нет и, может быть, никогда и не будет. Дает ли такая правовая неуверенность основания для производства расследования?

Многие ученые-процессуалисты полагают, что в Грузии в угоду проамериканским приоритетам произошло полное разрушение уголовного процесса [7].

Отдельного рассмотрения требуют вопросы реализации прав участников уголовного процесса как в странах бывшего СНГ, в которых нет стадии возбуждения уголовного дела, так и в Германии, Англии, США.

На наш взгляд, стадия возбуждения уголовного дела является и должна оставаться первым этапом уголовного судопроизводства, на котором решаются такие важные задачи, как прием и регистрация сообщений о преступлении; отграничение преступных деяний от неправомерных; обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение следов преступлений; получение правовых оснований для начала расследования, что гарантирует стабильное функционирование уголовно-процессуальной системы.

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного суда Российской Федерации // *Собрание законодательства РФ*. 2000. № 5. Ст. 611.

2. Давлетов А. А., Кравчук Л. А. Стадия возбуждения уголовного дела – современного отечественного уголовного процесса // *Российский юридический журнал*. 2010. № 6.

3. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС Гарант

4. Краткая характеристика состояния преступности за январь-июль 2018 // *Официальный сайт МВД РФ*. Режим доступа: <http://mvd.ru/reports/item/8306504> (дата обращения: 03.03.2018).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI // [Электронный ресурс]. URL: <http://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012.htm> online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения 03.09.2018).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения 03.09.2018).

7. Головкин Л. В. Апхетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. М.: Издательская группа «Юрист». 2014. № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Расулова Наталья Сергеевна. Начальник кафедры уголовного процесса.

Уральский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Такиulina Эльвира Руслановна. Курсант 4 курса.

Уральский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, фильтр, конституционные права, реестр.

УДК 343.1

Сальников Е. В.

УЧАСТНИКИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Анализируя историю формирования процессуального права, автор обращается к рассмотрению объема и содержания категории участников судопроизводства. На примерах исторических процессов он показывает, что круг участников судопроизводства допускал участие в процессуальных отношениях не только человека, но и животных и неодушевленных предметов.

Процессуальная логика средневекового человека, как человека традиционного допускала значительное расширение круга участников судопроизводства, включая в него наряду с человеком и внечеловеческие сущности.

Во-первых, предполагалось, что при отсутствии свидетельских показаний людей их может дать сам мир, ибо в нем господствует раз и навсегда установленный Богом порядок вещей, а потому преступивший этот поряд-

док в одном, не сможет вернуться к нему ни в чем другом. Речь идет об ордалиях, состоящих в испытании другой стороны в процессе.

Ордалии были разные, но все они опирались на убеждение, что Бог (иначе говоря, традиция) сама укажет на своего нарушителя. Не знающий традицию, не живший ею, чуждый ей не пройдет испытание и сам себя выдаст. Так, скажем, нельзя было не утонуть, если у человека связаны вместе большие пальцы правой руки и левой ноги, но виновного вода не примет. Или же раны трупа будут кровоточить, дотронься до тела убийца. Равным образом и в боевом поединке утверждалось господство традиции, ибо побеждал тот, кто соответствовал чести воина. Как верно замечает Й. Хейзинга, «различие между битвой и судебным поединком или рыцарским ристалищем было не слишком значительным» [4; с.73].

В этом отношении можно апеллировать и к авторитету М. А. Рейснера, утверждавшего, что «между средневековыми людьми существует общность воззрений на соотношение силы и права. И поскольку сила, проявленная в честном бою, есть своего рода доказательство доблести, постольку она является основанием последующего правового “договора”... победа одной из борющихся сторон была вместе с тем своего рода правовым решением в пользу одного из соперников» [3; с. 109].

Во-вторых, нерушимый порядок мира мог не только свидетельствовать, но и быть истцом либо же ответчиком. В первом случае имелось в виду божественное воздаяние за грехи в этом мире. Факт Страшного Суда, где истцом выступит сам Всевышний, был для средневекового человека не такой уж отдаленной перспективой. Смерть в юридическом отношении означала вызов в суд, где всемогущество Божества означало неотвратимость наказания.

Жить в вере означало жить, зная, что нет ничего сокровитного, что будет Суд, на котором ответчику придется давать объяснения обо всем содеянном. Страшный суд это не только восстановленная справедливость, но еще и явленность истины во всей полноте. Нельзя сделать ничего, что осталось бы скрытым, Богу явлено все.

Некоторой аналогией Страшного суда в земной жизни выступало общинное дознание, формы которого еще присутствовали в раннем средневековье, но были вытеснены по мере развития правовой парадигмы этой эпохи. Здесь тоже не было истца как отдельного человеческого лица. Обвинение было формальным, обвинял сам мир.

Участниками судопроизводства могли стать не только Бог или человек, но и все твари Божьи. Средневековье знавало процессы против млекопитающих и насекомых. Так, капитул 36 Салической правды устанавливал, что при убийстве человека животным его хозяин отдает лишь половину виры, вторую же половину представляет собой само животное, которое переходит в руки истца. Животное тем самым становилось ответчиком.

Сэр Дж. Фрезер приводит случай, датируемый 1314 годом, когда фермер позволил бешеному быку вырваться на волю. Бык помял человека так, что тот через несколько часов умер. Узнав об этом происшествии, граф Шарль де Валуа приказал поймать быка и предать суду, что и было исполнено. Графские чиновники собрали все нужные сведения, сняли под присягой свидетельские показания и установили виновность быка, который на этом основании был присужден к смертной казни и повешен на городской виселице в Муази-ле-Тамиле. Примечательно, что впоследствии на приговор графских чиновников была подана апелляция в парламент, но парламент оставил эту апелляцию без последствий, признав, что бык заслужил свою участь, хотя графские чиновники и превысили свою власть, вмешавшись в это дело. Тот же Фрезер приводит данные об участии кошки, собаки и петуха в качестве свидетелей на процессе по убийству в Савойе [5; с. 470-485].

Вплоть до первой половины 18 века сохранялся обычай возбуждать судебные процессы против вредных насекомых. Известен судебный процесс над жуками-вредителями в 1478 году, инициированный церковными властями города Берн (Швейцария). По итогам рассмотрения дела епископ Лозаннский Бенедикт из Монферрато вынес решение о виновности жуков. Властью Римской католической церкви он призвал на них проклятие, предал анафеме и потребовал, чтобы они оставили поля и земли округи и удалились прочь. Стоит отметить, что в аналогичном процессе, затеянном общиной Сен-Жюльен (Франция) против огородных вредителей в 1445 году после более 40 лет судебных разбирательств победу одержали обвиняемые.

Исключительно вследствие хорошего знания процессуальной аспекта права выиграл дело, возбужденное в начале XVI века в Отэнском церковном округе против крыс, хорошо известный впоследствии французский юрист Варфоломей де Шассенэ. Суть иска заключалась в требовании предать анафеме и проклять как виновных перед богом и людьми крыс за уничтожение значительной части урожая. Процессуальные требования делались необходимым призвать крыс на процесс. Шассенэ оспорил правомерность той формы, в которой это было сделано, показал невозможность для крыс явиться на суд при отсутствии гарантий личной неприкосновенности обвиняемых (от кошек), чем доказал невозможность осуществления судебного разбирательства, но не по вине ответчика, а по вине истца и самого суда. В результате процесс над крысами был прекращен и животные остались невиновными.

Однако круг участников судебного процесса не ограничивался только одушевленными предметами. Известен и факт наказания плетью колокола протестантской церкви в Ла-Рошели. В ходе религиозных войн во Франции в XVI веке победу одержали католики. Символом окончательного поражения гугенотов стала потеря оплота сопротивления – города Ла-

Рошель. Эта ситуация породила проблему того, как быть с главной церковью города, звонившей протестантам. Был инициирован судебный процесс, по результатам которого колокол церкви был бит плетьюми, после чего, испившись от вины, он созывал на службу уже добропорядочных католиков.

Подобные правовые воззрения были характерны не только для западноевропейской средневековой традиции. Процессы, в которых фигурировали неодоушевленные юридические лица, известны и в отеческой правовой практике. Самый громкий случай связан с гибелью сына Ивана IV Грозного – царевича Дмитрия. Комиссия, уполномоченная расследовать события смерти царевича Дмитрия в Угличе 15 (25) мая 1591 года установила беспочвенность обвинений в убийстве в силу того, что никто из опрошенных лиц не видел преступных действий и не поднимал шума. Однако возникал вопрос, кто ударил в набат в колокол Угличского собора? Члены комиссии постановили, что раз никто этого не делал, значит, колокол зазвонил сам и потому виновен в том самосуде, который возник после смерти царевича Дмитрия. В 1593 году колокол был сослан в Тобольск и стал первым узником Тобольского кремля. Местный воевода князь Фёдор Лобанов-Ростовский запер его в приказной избе и распорядился сделать на нём надпись «первоссылный неодоушевленный с Углича».

1. Ведовство, которого не было. СПб., 2005.
2. Григулевич И. Р. Инквизиция. М., 1985.
3. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.-М., 1925.
4. Хейзинга Й. Политическое и военное значение рыцарских идей в позднем Средневековье // Человек. 1997. № 5.
5. Фрезер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сальников Евгений Вячеславович. Доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *ордалии, юридическое лицо, средневековое право, история процессуального права, философии права.*

УДК 343.1

Сафронов Д. М.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ДОЛЖНО ОБЕСПЕЧИВАТЬ РЕАЛИЗАЦИЮ ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена необходимости рассмотрения уголовного судопроизводства как деятельности, обеспечивающей внешние государственные функции: охрану и оборону страны, поддержание мирового порядка, урегулирование международных конфликтов.

Эффективное функционирование государства зависит от многих факторов. В частности от взвешенного подхода в реализации его внутренних и внешних функций [1]. Такое их деление позволяет системно оценивать отдельные виды деятельности, корректируя их, делая их внутренне более логичными, упорядоченными, отвечающими современным вызовам государства.

К внутренним функциям государства традиционно относят политическую, экономическую, финансовую, социальную, экологическую, правоохранительную (или её иногда называют – функцию охраны правопорядка, прав и свобод граждан и обеспечения общественной безопасности [2])[3]. Последняя раскрывается, в частности, через эффективную правотворческую деятельность, создание и обеспечение правопорядка на всей территории государства посредством работы правоохранительных органов. Основное в характеристике правоохранительной функции – возможность государственного принуждения, применения в деятельности государственных органов принудительных, насильственных методов, необходимых для поддержания порядка внутри государства [4]. Это и предопределило ее отнесение к внутренним функциям государства.

Интеграция России в международное сообщество, тесное взаимодействие с сопредельными странами в сфере поддержания мира и безопасности граждан позволяет провести ревизию современных представлений о складывающемся в настоящее время уголовном судопроизводстве в его взаимосвязи с внешними функциями государства. Роль уголовно-процессуальной деятельности в обеспечении внешних функций государства в современных условиях, как представляется, не достаточно очевидна.

Как мы отмечали ранее, к внешним функциям государства относят политическую, экономическую, финансовую, социальную, экономическую и экологическую. Вместо внутренней правоохранительной функции обычно называются функции охраны и обороны государства, обеспечения территориальной целостности, борьбы с организованной преступностью, международным терроризмом, поддержанием мирового порядка, урегулированием международных конфликтов. Рассмотрим связь уголовного судопроизводства с внешними функциями государства.

Традиционно она раскрывается посредством через международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства (Главы 53-55.1 Части 5 УПК РФ), в которых излагаются: основные положения о порядке взаимодействия, выдача лица для уголовного преследования и исполнения приговора, передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в ином государстве, решение вопросов, связанных с конфискацией доходов. Считаем, приведенный список направлений реализации уголовного судопроизводства для обеспечения внешних функций государства требует существенного дополнения.

Во-первых, уголовно-процессуальная деятельность способствует выполнению таких внешних функций государства как охрана и оборона страны и поддержание территориальной целостности России. Эта деятельность, с одной стороны, осуществляется посредством установления лиц, совершающих преступления, посягающие на данные объекты, и принятия мер по привлечению их к ответственности (Глава 29 УК РФ). С другой стороны, реализации названных функций должно способствовать осуществление уголовного судопроизводства, в ряде нестандартных ситуаций. К ним мы относим возможность введения на территории Российской Федерации либо ее части чрезвычайного положения [5] или военного положения [6]. В таких условиях уголовно-процессуальная деятельность должна продолжать носить упорядоченный характер. Даже во время военных действий защита граждан должна осуществляться, в том числе посредством расследования и рассмотрения дел в суде.

Связана с внешними функциями государства по охране и обороне страны и поддержанию территориальной целостности России и ситуация массового исхода лиц. Соответствующая Конвенция Организации Объединенных Наций «О статусе беженцев» была принята ещё 28 июля 1951 г. [7] Действующее законодательство не предусматривает особенностей осуществления уголовно-процессуальной деятельности в случае осуществления массового исхода на территорию Российской Федерации с территории сопредельных государств, как наших соотечественников, так и других лиц. Такая ситуация может возникнуть, например, в случае возникновения вооруженных конфликтов, либо других экстраординарных ситуаций, угрожающих жизни и здоровью.

Справедливости ради отметим, в истории отечественного правотворчества были попытки урегулировать массовый исход иностранных граждан (в отношении граждан Республики Украина) была предпринята в 2014 г. Тогда был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О беженцах"» № 533808-6 [8]. Он предусматривал возможность для граждан Украины покинуть страну своей гражданской принадлежности в результате сложившейся на Украине экстраординарной ситуации. С точки зрения правового регулирования этот проект не лишен некоторых недостатков. В частности, он создавался в расчете лишь на граж-

дан Украины и не определял, что есть такое экстраординарная ситуация. Правительство Российской Федерации, изучив проект, 23 мая 2014 г. дало отрицательное заключение на него № 3098п-П4. Соответственно нормы, которые позволили бы рассматривать особенности уголовно-процессуальной деятельности в таких условиях, не были сформированы. Между тем в современных нам условиях актуальность принятия этого акта (с учетом ведущихся боевых действий на территории Республики Украина), не только не ослабла, а наоборот, как представляется, резко возросла.

С точки зрения организации уголовно процессуальной деятельности в таких условиях мы вынуждены обратить внимание на то, что массовый исход неработающих граждан, без определенного места жительства, повлияет и на криминогенную ситуацию в соответствующем приграничном районе. При определенных условиях это может спровоцировать введение чрезвычайного либо даже военного положения. Правоохранительные органы к уголовно-процессуальной деятельности в таких условиях не готовы.

Во-вторых, полагаем, дополнительно и особо в уголовно-процессуальном порядке должна быть урегулирована деятельность государственных органов, направленная на борьбу с международным терроризмом.

Террористические акты, затрагивающие жизнь и здоровье многих лиц, создающие угрозу для общественной и государственной безопасности, в конечном счёте, имеют целью воздействие на государственные органы в лице их должностных лиц с целью решения конкретных политических вопросов. Между тем действующий порядок судопроизводства в отношении таких лиц, несмотря на то, что наносится удар по безопасности государства, остается, фактически, общим.

В-третьих, на наш взгляд, необходимо провести ревизию ситуаций, в которых совершаются преступления на территориях, юридически являющихся территорией Российской Федерации: воздушные и морские суда, идущие под флагом Российской Федерации, посольские и консульские учреждения Российской Федерации, военные базы Российской Федерации. Представляется и в этой сфере необходимо осуществлять уголовное судопроизводство с применением особенных процедур.

Приведенные обстоятельства позволяют поставить вопрос о корректировке содержания уголовно-процессуальной деятельности в связи с перечисленными обстоятельствами.

Подводя итоги вопросам взаимосвязи уголовно-процессуальной деятельности и внешних функций государства отметим следующее. Уголовно-процессуальная деятельность, безусловно, направлена не только на обеспечение внутренних, но и внешних функций государства. Предложенные нами основные и некоторые иные нетипичные ситуации требуют взвешенного анализа и предложений по созданию особых уголовно-процессуальных процедур.

1. Мы опираемся на традиционное понимание, что «функции государства – это основные направления его деятельности, в которых выражается его сущность и социальное назначение // Теория государства и права: учебник / Под общ. ред. О. В. Мартышина. М.: Норма, 2009. С. 159, 161.

2. Теория государства и права: учебник / Под общ. ред. О. В. Мартышина. М.: Норма, 2009. С. 159.

3. Лазарев В. В. Теория государства и права: учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. С. 111.

4. Лазарев В. В. Указ. соч. С. 117.

5. О чрезвычайном положении. Федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 апр. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 16 мая 2001 г. // Российская газ. 2001. 2 июня.

6. О военном положении. Федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 дек. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 16 янв. 2002 г. // Российская газ. 2002. 2 фев.

7. Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 6-28.

8. Справочная поисковая система «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронов Дмитрий Михайлович. Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики.

Омская академия МВД России.

Российская Федерация, 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

Ключевые слова: уголовный процесс, внешние функции государства, военное положение, чрезвычайное положение, массовый исход граждан.

УДК 343.1

Сафронова Е. В.

**К ВОПРОСУ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
О РАЗБОЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ
ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ В ОТНОШЕНИИ
ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Проблема борьбы с организованной преступностью является наиболее приоритетной на сегодняшний день. В том числе остается актуальным вопрос увеличения числа не раскрытых уголовных дел по факту совершения разбоя в отношении финансово-кредитных учреждений.

В настоящее время увеличилось число разбоев совершаемых организованными преступными группами в отношении финансово-кредитных организаций. Так, по данным ГИАЦ МВД России в 2017 году было совершено 2166,4 тыс. преступлений, из которых 45,3 % – преступления против собственности, в том числе 76,2 тыс. – разбои (17,3 %) и 4,2 тыс. разбои, совершенные в отношении объектов финансово-кредитной сферы (13,7 %) [1].

Несмотря на то, что по данным ГИАЦ МВД России наблюдается тенденция снижения преступности и в начале первого квартала текущего года (грабежей – 17,4 тыс. (–13,3 %), разбойных нападений – 3,4 тыс. (–8,3 %), расследование разбоев на объекты финансово-кредитной сферы продолжают оставаться социальной проблемой, оказывающей негативное влияние на различные аспекты жизнедеятельности общества. Наиболее опасными из таких посягательств являются разбойные нападения на объекты финансово-кредитной сферы, которых в России в 2017 году было зарегистрировано 781 (в 2015 г. – 521, 2016 г. – 503) [2]. Из них 182 нападения на объекты финансово-кредитной сферы.

Важным условием, способствующим раскрытию преступления рассматриваемого вида, являются быстрое обнаружение его признаков и безотлагательное возбуждение уголовного дела. Условием успешного расследования уголовных дел рассматриваемой категории преступлений выступает работа следователя на стадии возбуждения уголовного дела.

При этом неправильная оценка поступившей в правоохранительные органы информации, поверхностная ее проверка, медлительность и несогласованность действий сотрудников правоохранительных органов влекут за собой преждевременное возбуждение уголовного дела либо необоснованный отказ в указанном процессуальном действии. Безусловно, стадия возбуждения уголовного дела, а так же грамотное проведение первоначальных следственных действий являются важной информационной основой необходимой для эффективного и рационального раскрытия преступлений рассматриваемой категории. Так, например, В. Н. Григорьев в своей

работе «О концепции возбуждения уголовного дела» отмечает, что «в России уже более века существует система уголовного судопроизводства, в которой традиционно выделяется стадия возбуждения уголовного дела, как одна из важных гарантий защиты личности от необоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения» [3, с. 133].

Возбуждение уголовного дела – это первая самостоятельная стадия уголовного процесса, которая создает правовые основания для проведения процессуальных действий, направленных на собирание доказательств [4, с. 59].

Как известно, для возбуждения уголовных дел о разбоях, совершенных в отношении финансово-кредитных организаций необходимо наличие двух составляющих: повода и основания к возбуждению дела [5, с. 31]. Поводами к возбуждению уголовных дел по данной категории преступлений, чаще всего являются: заявления граждан; сообщения должностных лиц учреждений и организаций. Именно с момента получения информации о происшествии в правоохранительные органы возникает необходимость предварительной ее проверке с целью принятия дальнейшего решения о возбуждении уголовного дела по указанной категории преступлений [6, с. 41]. При этом достаточно установить факты, содержащие признаки состава рассматриваемого вида преступления: следы нападения, указывающие на противоправное изъятие имущества, причинение вреда здоровью иные признаки указывающие на совершение разбоя, совершенного организованной преступной группой в отношении финансово-кредитной организации. При наличии достаточного объема первоначальных данных о совершенном разбое следователь обязан немедленно возбудить уголовное дело и преступить к установлению всех необходимых обстоятельств совершенного противоправного деяния для проведения необходимых следственных действий.

В тех случаях, когда данных недостаточно, возникает необходимость в проведении предварительной проверки. Целью такой проверки является своевременность и обоснованность возбуждения уголовного дела о разбое, совершенном организованной преступной группой в отношении финансово-кредитных организаций. Предметом указанной проверки выступает установление законности повода, выявление достаточности основания к возбуждению уголовного дела по данной категории преступлений, а также выяснения наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу [7, с. 17].

Тактика проведения предварительной проверки зависит от времени получения сообщений о преступлениях данного вида, которые поступают непосредственно после совершения преступления или спустя определенное время. В том случае если информация о преступлении поступила сразу после совершения разбоя, то после устной беседы или телефонного сообщения, выяснив особенности события, необходимо немедленно произвести

осмотр места происшествия с целью обнаружения и закрепления следов преступления (ломбарда, отделения микрорайма, почтового отделения и так далее). Параллельно с осмотром сотрудники уголовного розыска устанавливают свидетелей и возможных очевидцев среди лиц, проживающих или работающих в районе совершения разбоев на объекты финансово-кредитной сферы (к ним можно отнести – продавцов расположенных рядом магазинов, прохожих, работников данных организаций). Часто при расследовании преступлений данной категории при проведении следственных действий на месте совершения преступления используется кинолога со служебной собакой, которые обеспечивают быстрое и эффективное обнаружение как следов и орудий преступления, так и, в некоторых случаях, задержание по горячим следам лиц, совершивших разбой.

В тех же случаях, когда сообщение о преступлении поступило спустя длительное время после совершения разбоя в отношении финансово-кредитных организаций, целесообразно составить протокол устного заявления [8, с. 62]. При поступлении письменное сообщение, то у заявителя берется объяснение. В протоколе устного заявления или объяснения потерпевшего должны быть подробно изложены известные обстоятельства происшествия [9, с. 88]. Следующим шагом является осмотр места происшествия, в ходе которого можно обнаружить: признаки характерные для разбоя; обстоятельства, способствовавшие преступлению; уяснить обстановку совершения преступления; при возможности установить свидетелей. Объем обстоятельств, подлежащих установлению в процессе расследования разбоев на объекты финансово-кредитной сферы, следует определять исходя из предмета и пределов доказывания по уголовному делу, признаков рассматриваемого вида преступлений и особенностей конкретного нападения.

После внесения изменений в ч. 4 ст. 195 УПК РФ назначение и проведение судебных экспертиз стало возможным до возбуждения уголовного дела, что существенным образом облегчило ситуацию сбора доказательственной базы и установление истины. Судебная экспертиза представляет собой основную форму использования специальных знаний. И понимается как «...процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [10, с. 96].

А. В. Варданян и Г. М. Овсепян, определяя роль специальных знаний в расследовании и раскрытии преступлений, указывали на то, что «одним из наиболее информативных источников доказательственной информации ... является использование специальных знаний незаинтересованных в результатах расследования сведущих лиц, которые лишены субъективизма и

чрезмерных эмоций, объективно и на основе научных методов и методик, путем проведения исследования могут определить обстоятельства, которые имеют основное значение для расследования» [11, с. 44].

Совокупность указанных обстоятельств способствуют качественному сбору всей необходимой информации для принятия следователем решение о возбуждении уголовного дела. В том случае, если в ходе проведения предварительной проверки выяснилось, что рассматриваемое деяние не содержит признаки преступления, следователь обязан вынести постановление об отказе возбуждения уголовного дела [12, с. 32].

1. Состояние преступности в России за 2017 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1606.pdf.

2. Состояние преступности в России за 2015-2016 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf.

3. Григорьев В. Н. «О концепции возбуждения уголовного дела». Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. С. 133.

4. Грибунов О. П. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 59-62.

5. Майоров В. И. К вопросу о порядке рассмотрения сообщения о преступлении. Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. 2013. Т. 13. № 2. С. 31-33.

6. Круглова А. А. Осмотр места происшествия по делам о грабежах и разбойных нападениях / А. А. Круглова // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. 2014. № 1 (68). С. 41–45.

7. Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8.

8. Калужный А. Н. Предварительная проверка сообщений о преступлениях: понятие и этапы // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 60–63.

9. Попова О. А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки: предупреждение, выявление и исправление следователем: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2012. 88 с.

10. Никонович С. Л., Шаевич А. А., Трубкина О. В. Современная практика назначения и производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. № 3 (82). 2017. С. 96-102.

11. Варданян А. В., Мирзоян С. С. Общие положения судебной строительно-технической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2014. № 4 (65). С. 44–47.

12. Ветрила Е. В. Перспективы совершенствования правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений в стадии возбуждения уголовного дела. Научно-практический журнал «Государство и право в XXI веке». 2014. № 2. С. 32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронова Екатерина Владимировна. Адъюнкт.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Ключевые слова: уголовный процесс, разбой, финансово-кредитная организация.

УДК 343.9

Семенцов В. А.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цифровые технологии рассматриваются как перспективное направление совершенствования отечественного уголовного судопроизводства, при наличии благоприятных предпосылок для внедрения в практику цифровой инновации – электронного уголовного дела. Критически оценены предложения об упразднении профессии следователя и сложившейся системы следственных действий, с роботизацией досудебного производства.

Термин «цифровизация» обычно истолковывается как преобразование информации в цифровую форму, либо переход на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств. В современном обществе использование цифровых технологий, базирующихся на средствах электронно-вычислительной техники, компьютерных программ и баз данных, информационно-телекоммуникационных сетей и др., процесс закономерный и прогрессивный, запущенный во многих сферах государственной деятельности. Только в 2017 г. федеральные и региональные органы власти потратили на цифровые технологии почти 200 млрд руб. [1], а к 2024 г. доля затрат на цифровизацию экономики возрастет как минимум втрое.

1 марта 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая с ежегодным посланием Федеральному Собранию, подчеркнул, что

«внедрение цифровых технологий во всех сферах – важнейшее условие прорывного развития страны» [2].

В связи с этим актуализируется вопрос о внедрении цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Причем использование цифровых технологий здесь требует законодательного обновления правил процессуальной деятельности, включая производство следственных действий. Пока же содержащиеся в УПК РФ положения о технических средствах, основанных на цифровых технологиях, носят фрагментарный характер, не в полной мере соответствуют достижениям научно-технического прогресса и связаны с проблемами, возникающими в ходе их применения.

Например, отсутствие указания в ст. 107 УПК РФ на технические средства контроля, которые могли бы использоваться при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, потребовало принятия постановления Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134, с утверждением перечня технических средств для контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения этой меры пресечения и соблюдения наложенных судом запретов и ограничений. К техническим средствам персонального контроля были отнесены: браслет электронный, стационарное контрольное устройство, мобильное контрольное устройство, ретранслятор и персональный трекер [3].

Наличие другой проблемы – обеспечения явки участников судопроизводства, при отсутствии четкой регламентации в законе порядка вызова, обусловило необходимость разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. допустимость извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщения, при наличии их согласия на уведомление таким способом и с фиксацией факта отправки и доставки СМС-сообщения адресату [4].

25 декабря 2013 г. утвержден Регламент организации извещения участников судопроизводства посредством СМС, которым устанавливаются общие правила организации извещения участников судопроизводства о дате, времени и месте рассмотрения дела или совершении отдельных процессуальных действий посредством отправки им СМС [5]. При этом традиционные способы извещения участников не отменяются и судебные СМС-сообщения используются наряду с почтовыми и телеграфными извещениями, хотя очевидно, что их рассылка с использованием web-технологий обеспечивает не только повышение эффективности судопроизводства, но и экономию бюджетных средств.

Для решения проблемы обеспечения возможности производства процессуальных действий в режиме удаленного присутствия потребовалось внедрить в практику уголовного судопроизводства технологию видео-конференц-связи, позволяющую осуществлять процессуальные действия на значительном расстоянии, когда их участники видят и слышат друг друга, обмениваются информацией. Первоначально видео-конференц-связь

применялась при рассмотрении жалобы или представления на приговор, обеспечивая осужденному, содержащемуся под стражей или отбывающему наказание, право изложить свою позицию дистанционно, по месту фактического пребывания. 20 марта 2011 г. в ст. 240 УПК РФ внесены дополнения, разрешающие суду в ходе судебного следствия допрашивать свидетелей и потерпевших с использованием видео-конференц-связи, а также получила закрепление в ст. 399 УПК РФ обязанность суда обеспечить осужденному возможность участия в заседании суда в режиме видео-конференц-связи при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Активное применение технологии видео-конференц-связи проиллюстрируем данными судебной статистики по уголовным делам за 2017 г., согласно которым за отчетный период при рассмотрении уголовных дел и материалов судами 1 инстанции в режиме видео-конференц-связи проведено 39 013 судебных заседаний, в том числе, 4 941 заседания при допросах свидетелей и потерпевших, 1 629 – при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, продления срока содержания под стражей, 1 872 – при рассмотрении иных материалов судебного контроля и 30 571 – при рассмотрении материалов в порядке исполнения приговора [6].

По мнению автора, положительный опыт правового регулирования использования технологии видео-конференц-связи при проведении судебных заседаний позволяет решить вопрос ее применения в стадии предварительного расследования при допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний на месте, объединенных методом расспроса [7, с. 100-106].

В научных публикациях последних лет прослеживается позитивное отношение к внедрению в практику уголовного судопроизводства вместо традиционной письменной формы такой перспективной технической инновации как электронное уголовное дело.

Еще 28 июля 2012 г. в п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ введены поправки, регламентирующие процессуальный порядок изъятия, хранения и возвращения законным владельцам в ходе расследования уголовных дел *электронных носителей информации*, а в ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ предусмотрены особенности изъятия электронных носителей при производстве обыска и выемки. Причем по смысловому значению электронный носитель информации имеет схожие конструктивные и технические характеристики с электронной формой уголовного дела.

30 марта 2015 г. в ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ закреплено правило, согласно которому для получения потерпевшими или его законный представитель информации о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания и др., он обязан сообщить адрес *электронной почты*, иные сведения, для своевременного получения информации.

23 июня 2016 г. введена ст. 474.1 УПК РФ, где определен порядок использования *электронных документов*, предусмотрен новый для сферы уголовного судопроизводства термин «*усиленная квалифицированная*

электронная подпись». Однако содержание нормативных предписаний убеждает в том, что указанный в ст. 474.1 УПК РФ порядок применяется судом и лишь при рассмотрении ходатайств, заявлений, жалоб и представлений. Кроме того, необходимо учитывать, что суды не обязаны применять электронный документооборот, поскольку им предоставлена возможность взаимодействовать с участниками процесса в электронном виде, но при наличии для этого в суде технической возможности.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 разъяснены правила подачи документов в электронном виде, порядок извещений судами, подготовки и рассмотрения дела с использованием документов в электронном виде, выполнения судебных актов в форме электронного документа, направления судебных актов и их копий в электронном виде [8].

Использование законодателем в тексте УПК РФ терминов «технические средства», «электронный носитель информации», «электронная почта», «электронный документ», «электронная подпись» позволяет констатировать, что сегодня созданы благоприятные предпосылки для электронной формы уголовного дела. Более того, следует учитывать, что техническая инновация уголовного судопроизводства – электронное уголовное дело, основанное на применении цифровых технологий, уже активно используется в отдельных странах, в том числе на постсоветском пространстве, либо предпринимаются конкретные шаги в этом направлении.

Так, 21 декабря 2017 г. принят закон Республики Казахстан, которым гл. 5 УПК дополнена ст. 42.1 «Формат уголовного судопроизводства», где закреплено право лица, ведущего уголовный процесс, по своему усмотрению «вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносится мотивированное постановление» [9].

Поэтому можно согласиться с мнением О. В. Качаловой и Ю. А. Цветкова, которые утверждают: «в условиях информационного мегатренда отказ от бумажного уголовного дела в пользу электронного, скорее всего, будет неизбежным уже в самом ближайшем будущем» [10, с. 101].

Думается, что цифровизация в сфере производства по уголовному делу позволит: 1) упростить его процессуальный порядок, и как следствие этого, повысить обеспеченность прав участников на осуществление судопроизводства без необоснованных задержек; 2) снизить риски фальсификации доказательств; 3) обеспечить процессуальную экономию; 4) внедрить в практику новые приемы и методы организации труда для снижения нагрузки органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

В то же время необходимо иметь в виду, что тенденция отказа от бумажного уголовного дела в пользу цифровых технологий позволила авторам, исследующим эту тему, занять различные позиции: от опасений, свя-

занных с возвышением цифровизации, до крайней формы ее реализации – замены следователей роботами.

М. П. Поляков, А. Ю. Смолин констатируют: «в мире научной и прикладной юриспруденции возникло особое интеллектуальное и эмоциональное напряжение, связанное с разными, порой противоположными подходами к «триумфу технологии»... Очарование технологией – вот основной идеологический контекст современной реальности. Однако очарование это – далеко не безопасная и безобидная штука» [11, с. 245-246].

Примером неоправданного «очарования» цифровизацией могут служить результаты журналистского расследования, проведенного в Индии, когда удалось получить доступ к базе персональных данных граждан страны всего за 10 минут и 8 долларов, что стало возможным благодаря поголовной цифровизации, представляющей собой серьезную угрозу их законным правам и интересам. Журналистами сделан вывод: некоторые исключительно чувствительные данные в цифровой формат переводиться не должны [12].

А вот заместитель министра экономического развития Российской Федерации С. В. Шипов назвал цифровые данные «окном возможностей», указав, что «большое развитие получила робототехника, и многие профессии в будущем попросту исчезнут. Это касается и таксистов, и бухгалтеров, и юристов, выполняющих простые операции» [13].

Не беремся судить о профессиях таксистов и бухгалтеров, но однозначно можем утверждать, что юриста нельзя отнести к числу лиц, «выполняющих простые операции». В полной мере это относится к профессии следователя, которая всегда считалась особо трудной, требующей от человека всех его интеллектуальных, духовных и физических сил, мужества и безупречного исполнения служебного и гражданского долга. Конечно сегодня социальное место профессии следователя совсем не то, что было по судебной реформе 1861-1864 гг., когда на должность судебного следователя могли претендовать лица, имеющие высшее юридическое образование и прослужившие по судебной части не менее 3 лет, присяжные поверенные (адвокаты) при стаже работы не менее 10 лет, кандидаты на судебные должности, если занимались судебной практикой не менее 4 лет и достигли 25-летнего возраста, а указ о назначении подписывал Император по представлению Министра юстиции.

Однако это не помещало С. В. Власовой высказать достаточно категоричное суждение: «вместо следователя, сыщика, в традиционном смысле, субъектом расследования может быть программист, специалист по информационной безопасности (профессиональный "анти-хакер"), а также "робот" (компьютер)... Любой "субъект", кто сможет с помощью технических средств получить информацию о преступнике, может считаться "следователем", то есть тем, кто раскрывает преступление, но не следственным путем, а посредством информационных технологий». И далее ав-

тор пишет: «Раскрытие преступлений... будет осуществляться, разумеется, не людьми – "киберследователями", а техническими интеллектуальными агентами. У них это лучше получится» [14, с. 14-15].

По мнению А. С. Александрова, «киберпреступность как элемент цифрового мира диктует переход на новую правовую модель уголовно-процессуальной деятельности» и предложено «новое следственное действие: получение цифровой информации, представленной в электронном виде», которое заменит существующую систему следственных действий, а право его проведение предоставляется не только офицеры полиции, но и сотрудникам службы безопасности, адвокатам и вообще любым лиц. Утверждается, что «субъектом проведения этого следственного действия может быть не только человек, но и робот (машина)». По итогам сделан общий вывод: «профессия следователя как юриста, чья профессиональная работа состоит в составлении процессуальных документов – протоколов следственных действий – это мертвая профессия. Его заменит машина» [15, с. 80-84].

Не имеем ничего против пополнения системы следственных действий новым познавательным приемом – получением цифровой информации в электронном виде, основанном на достижениях научно-технического прогресса, востребованном практикой и предназначенном для совершенствования уголовного судопроизводства. Но отправлять профессию следователя и сформировавшуюся на протяжении нескольких столетий систему следственных действий на свалку истории – это не реформирование, а попытка упразднения достаточно эффективного порядка досудебного производства, с крайним проявлением его роботизации. Причем, что характерно, А. С. Александров не логично утверждает: «профессии обвинителя и судьи останутся навсегда, какие бы изменения не происходили в сфере передачи, обработки информации... Раскрывает преступление машина, обвиняет и судит – человек. Защищает, кстати, тоже человек – защитник» [15, с. 84].

Вместе с тем следует признать радикальным предложение о замене следователя роботом, который будет раскрывать и расследовать преступления. Подобного рода цифровая технология (роботизация) ломает устоявшиеся в науке уголовного процесса представления о следователе и институте следственных действий, и может привести к разрушению принципиальных основ отечественного уголовного судопроизводства.

1. Формирование цифровой экономики – вопрос нацбезопасности РФ // Экономика и бизнес. 2017. 5 июля.

2. Президент призвал к всеобъемлющей цифровизации // Открытое правительство. 2018. 1 марта.

3. Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществле-

ния контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Рос. газета. 2013. 22 фев.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 (в ред. от 19 декабря 2017 г.) «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Рос. газета. 2012. 17 фев.

5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень Актов по Судебной системе. 2014. № 2.

6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2017 г. / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // СПС «КонсультантПлюс».

7. Семенцов В. А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6. С. 100-106.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Рос. газета. 2017. 29 дек.

9. Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Рос. правосудие. 2015. № 2. С. 101.

11. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 245-246.

12. Тотальная цифровизация – серьезная угроза // Русские вести. 2018. 17 января.

13. Заместитель министра экономического развития РФ Савва Шипов: «Цифровая экономика – это окно возможностей» // Информационное агентство МАНГАЗЕЯ. 2018. 2 марта.

14. Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 14-15.

15. Александров А. С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3. № 4. С. 80-84.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса.

Кубанский государственный университет.

Российская Федерация, 350063, г. Краснодар, ул. Кирова, д. 2, 63 ОПС, а/я 4851.

Ключевые слова: цифровизация, следователь, следственные действия, электронное уголовное дело, роботизация.

УДК 343.13

Семёнов Е. А., Харьбин А. Ю.

АЛЬТЕРНАТИВА ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ ЕСТЬ

Предметом анализа данной статьи является вопрос о развитии и совершенствовании применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, гуманизации предварительного расследования и судебного разбирательства в вопросах применения мер процессуального принуждения

Конституция Российской Федерации провозгласила права и свободы человека высшей ценностью. Для реализации данного положения государство проводит радикальные преобразования в различных отраслях права, в том числе в области уголовного судопроизводства. Гуманизация уголовной политики повлекла либерализацию уголовно-процессуального законодательства, в частности в сфере уголовно-процессуального принуждения. Доктрина либерализации уголовного закона и порядка его применения, сформулированная в 2009 году, проявила себя в экономии принуждения, в смягчении применяемых в уголовном судопроизводстве мер пресечения. Если еще совсем недавно в правоприменительной практике имело место избыточное применение такой меры пресечения, как заключение под стражу, а альтернатива ей в качестве домашнего ареста или залога, как правило, даже не рассматривалась правоприменителями, то в последнее время наблюдается взрывной рост числа домашних арестов по уголовным

делам на фоне снижения числа лиц, находящихся в местах предварительного заключения.

Значительные усилия политического, правового, организационного характера, предпринятые Российским государством в последнее десятилетие, существенно скорректировали и оптимизировали сферу принуждения в уголовном судопроизводстве: на треть сократилось избрание заключения под стражу [1], появилась новая альтернативная заключению под стражу мера пресечения [2], детализированы порядок залога и домашнего ареста, существенно увеличены гарантии права собственности при наложении ареста на имущество и т. д.

Пленум Верховного Суда РФ за последние годы в специальных постановлениях трижды разъяснял порядок избрания судами мер пресечения в виде заключения под стражу [3]. Кроме того, Верховный Суд РФ в 2017 г. опубликовал обзоры судебной практики, касающиеся различных аспектов содержания под стражей, что стало подтверждением верности избранному курсу [4].

Все это в совокупности с совершенствованием судебно-следственной практики подняло институт мер уголовно-процессуального принуждения на новый, достаточно высокий уровень.

На ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что уголовное законодательство, как и практика его применения, должны стать более современными. Уголовное наказание как на уровне закона, так и на стадии его применения судами должно быть адекватным совершённого преступлению и лучше защищать интересы общества и интересы потерпевшего [5]. В связи с этим изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, связаны с демократизацией уголовного судопроизводства, провозглашением приоритетными прав и свобод личности.

Статистические данные подтверждают наметившуюся тенденцию либерализации уголовно-процессуального принуждения и увеличение случаев применения меры пресечения в виде домашнего ареста. Так, в 2010 году домашний арест избран в отношении 668 обвиняемых, а в 2017 году – уже в отношении 6442 обвиняемых [6].

Исследуя вопросы применения домашнего ареста, можно констатировать, что положительная динамика применения данной меры процессуального принуждения является результатом многолетней работы, которая основывается на опыте. Исторический анализ развития мер пресечения показывает, что, начиная со времен Петра I, когда домашний арест впервые упоминается в источниках, эта принудительная мера была востребована уголовно-правовой системой. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. – это начало применения вышеуказанной меры пресечения, так как именно в период его действия домашний арест имел распространенное значение и был

четко сформулирован в Уставе. Наличие домашнего ареста в качестве меры пресечения в первых советских уголовно-процессуальных кодексах говорит о том, что в эти годы даже Советская власть не могла обойтись без данной меры пресечения. Однако из УПК РСФСР 1960 года данная мера пресечения была исключена, и в 2002 году ее вновь закрепила ст. 107 УПК РФ.

Вместе с тем сегодня еще рано говорить о том, что число избираемых органами предварительного расследования или судами альтернативных заключению под стражу мер пресечения стало преобладающим, в 2017 году самая суровая мера пресечения избрана в отношении 113,3 тыс. обвиняемых [6]. Причина этого заключается не только в том, что преступность остается жестокой. Отчасти проблема состоит и в недостаточно ясной законодательной регламентации мер пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы.

Кроме того, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) по-прежнему отмечает чрезмерную длительность заключения, а также необоснованное продление сроков содержания под стражей без рассмотрения возможности применения альтернативных мер пресечения. В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. обращено внимание на стабильно высокое количество судебных решений о заключении под стражу, которое в ряде случаев можно заменить личным поручительством или домашним арестом [7].

На избыточное применение данной меры пресечения обращал внимание и Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин. По его мнению, можно было бы возродить и так называемое «отобрание вида на жительство», известное Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. В настоящее время это равнялось бы изъятию заграничного паспорта гражданина Российской Федерации или паспорта для иностранного гражданина [8].

В связи с этим назрела насущная потребность в определении достаточно четких границ, в рамках которых действует следователь при избрании названных мер пресечения, в исследовании вопросов, вызывающих наибольшее затруднение при их применении, в установлении факторов объективного и субъективного характера, препятствующих выбору следователем залога и домашнего ареста, а также в поиске путей разрешения проблемных вопросов, возникающих в практике их применения.

В настоящее время все чаще обсуждается вопрос о затратах государства на заключение конкретного лица под стражу на 12 или на 18 месяцев предварительного расследования. Вместе с тем в иных государствах уже давно спрашивают судей, помнят ли они об этом. Знают ли суды о том, что наказание за «незначительное» преступление обойдется государству, следовательно, и обществу весьма дорого?

Не следует забывать и о неизбежных расходах на ресоциализацию личности незаконно репрессированного, восстановление его социальных

связей. С сожалением приходится констатировать, что ни одна из перечисленных социально-правовых составляющих лишения свободы никогда не была предметом соответствующего научного анализа. Если ранее, в условиях «добровольно обязательного» привлечения лиц, заключенных под стражу, к выполнению различного рода работ, пополнялся бюджет государства, то в условиях рыночной экономики уголовная юстиция федеральный бюджет не пополняет.

Детерминантом увеличения случаев залоговых обязательств среди лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, по мнению законодателя, должны были стать снижение суммы залога, однако предложенные авторами УПК РФ условия не могут и в настоящее время соответствовать социально-экономической действительности. После снижения этой суммы со 100 тыс. до 50 тыс. рублей ситуация не изменилась (ч. 3 ст. 106 УПК РФ).

Так, в 2010 году залог избран в отношении 1160 обвиняемых; в 2017 – всего 133 обвиняемых [6].

Надо сказать, что судами Орловской области также недостаточно активно применяется в качестве меры пресечения залог. В нашем регионе, согласно ведомственным статистическим наблюдениям, в 2017 году залог в качестве меры пресечения был избран районными судами в отношении лишь 4 лиц [9].

Очевидно, что лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, менее всего опасны для общества. Нельзя упускать из вида и социальный портрет привлекаемых к уголовной ответственности за такие преступления, одной из характерных черт которого является практически полное отсутствие денежных средств. Не то, что 50 000 руб., для них 10 000 руб. – состояние.

В этой связи считаем целесообразным указанную меру пресечения доработать, увеличив эффективность ее применения. Для сравнения, в большинстве стран размер залога начинается от суммы, эквивалентной 50 долларам США, какой она должна быть, по нашему мнению, писали еще в 1998 г. [10]. Суть высказанных тогда рекомендаций сводилась к простой сумме. Она равнялась размеру причинного вреда плюс расходам на розыск отпущенного под залог.

Залог для России – по-прежнему экзотика, а число правоприменителей, избравших данную меру пресечения на практике, считанные десятки из многих десятков тысяч.

Более того, анализ практики последних лет свидетельствует о том, что залог воспринимается судьями как мера вынужденная, а не естественная. «Ограничиваясь» залогом, суды в своих постановлениях убеждают лицо, что они готовы заключить обвиняемого под стражу, однако сделать этого в силу целого ряда причин не могут. Имеют место факты избрания в качестве меры пресечения залога только тогда, когда давно истекли сроки

содержания обвиняемых под стражей, т. е. тогда, когда эти лица и без изменения меры пресечения на залог подлежат автоматическому освобождению из следственных изоляторов [11].

Наряду с проблемами идеологического и организационно-правового характера распространению залога препятствуют и объективные причины: денег на залог в большинстве случаев нет. Большинство преступлений совершают лица, которые таким способом старались «заработать».

С 18 апреля 2018 г. Федеральным законом от № 72-ФЗ была введена ст. 105.1 УПК РФ, в которой получила правовую регламентацию получила регламентацию еще одна мера пресечения «Запрет определенных действий», согласно которой суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может запретить подозреваемому или обвиняемому: выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них, общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением ПДД и эксплуатации ТС.

Каким образом сложится правоприменительная практика по избранию данной меры пресечения, покажет время, а в настоящее время ясно, что законодатель предпринял еще одну попытку сократить случаи применения самой жесткой меры пресечения в виде заключения под стражу.

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2009-2017 гг. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». [электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (дата обращения 15.08.2018 г.)

2. Федеральный закон от 18 апреля 2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Российская газета. 2018. 20 апреля.

3. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 2013. 27 декабря.

4. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9. С. 16-20.

5. Официальный сетевой ресурс Президента России [электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56949/> (дата обращения 24.08.2018)

6. Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 29.08.2018 г.)

7. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (Т.Н. Москальковой) за 2017 год [электронный ресурс] URL: http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doc_2017_medium.pdf (дата обращения 6.09.2018 г.)

8. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Рос. газета. 2014. 18 дек.

9. Сайт Орловского областного суда РФ [электронный ресурс] URL: <http://www.oblsud.orl.sudrf.ru>; сайт Управления Судебного департамента в Орловской области [электронный ресурс] URL: <http://usd.orl.sudrf.ru/> (дата обращения 20.08.2018)

10. Колоколов Н. А. Меры пресечения имущественного характера // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 41-42; Он же. Значение имущественных гарантий в качестве меры пресечения для интересов судопроизводства // Юрист. 1998. № 10. С. 22-24; Он же. Имущественные гарантии в качестве меры пресечения для интересов судопроизводства // Юридическая газета. 1998. № 47. С. 4, 14.

11. Гришина Е. Б. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в УПК РФ // Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2018. С.124-128.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенов Евгений Алексеевич. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Харьбин Александр Юрьевич. Кандидат юридических наук, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, начальник отдела организации научно-исслед. работы.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: меры пресечения, принуждение, заключение под стражу, залог, домашний арест, запрет определенных действий.

УДК 343.1

Семионкина Н. Г., Комова М. А.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Статья посвящена актуальному направлению юридических исследований. Она рассматривает применение знаний и навыков в практике назначений экспертиз культурных ценностей. Авторы в статье собрали практические примеры того, по каким критериям разграничиваются понятия «культурная ценность» и «предмет культурного назначения», а также как определить «особые» свойства культурных ценностей. Они уделяют внимание проблемам правового характера, которые возникают при экспертизе культурных ценностей. Авторы, показывая опыт экспертирования, также выявляют ряд проблем, мешающих правильной квалификации деяния при хищении предметов в предусмотренных статьями 158 и 164 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Гуманитарные экспертизы (историко-искусствоведческие, историко-культурологические) стали широко использоваться в уголовном производстве в начале XXI в. Это обусловлено как возросшим современным интересом к истории русской культуры и коллекционированию русского антиквариата [8], так и участвовавшими, в связи с этим, преступными деяниями в виде хищений культурных ценностей и предметов культурного назначения.

Тема классификации объектов гуманитарных экспертиз на особые культурные ценности и предметы культурного назначения часто попадает в сферу практической дискуссии между экспертом и стороной защиты интересов подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу.

Международное право, призванное сохранить культурное наследие цивилизации, уделяет особое значение вопросам классификации культурных ценностей для предотвращения их незаконного оборота (ввоз, вывоз). В Федеральном законе РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-01 «О вывозе культурных ценностей» был установлен перечень культурных ценностей и

временные рубежи их бытования [2]. Согласно последним дополнениям к Решению коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования» (ред. от 13.06.2018) в качестве КЦ, которые являются предметами искусствоведческих экспертиз в пункте 2.20 («Культурные ценности, документы национальных архивных фондов, оригиналы архивных документов») перечислены [6]:

1. Культурные ценности, включенные в состав музейного, архивного и библиотечных фондов государств-членов Евразийского экономического союза.

2. Предметы и коллекции, имеющие историческую научную, художественную или иную культурную ценность, связанные со знаменательными событиями в жизни народов, развитием общества и государства, с историей науки и техники (мемориальные предметы, относящиеся к жизни выдающихся политических, государственных деятелей, национальных героев, деятелей науки, литературы и искусства, независимо от времени их создания; предметы и коллекции обмундирования и снаряжения, военного, производственного и иного назначения, созданные 100 лет назад и более; предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок (как санкционированных, так и несанкционированных) и археологических открытий независимо от времени их выявления.

3. Художественные ценности (за исключением созданных менее 50 лет назад живописных, скульптурных и графических работ, предметов декоративно-прикладного искусства и отправления религиозных культов различных конфессий, дизайнерских проектов, инсталляций сувенирных изделий, предметов детского творчества, а также предметов быта независимо от времени их создания) (произведения живописи, скульптуры, графики и оригинальные графические печатные формы; предметы отправления религиозных культов различных конфессий [7]; предметы декоративно-прикладного искусства.

4. Печатные издания, созданные 100 лет назад и более.

5. Монеты, боны, банкноты и ценные бумаги, созданные 100 лет назад и более.

6. Предметы фалеристики: ордена, медали (за исключением личных наград, на ношение которых имеются орденские книжки или наградные удостоверения, вывозимых самим награжденным), а также памятные и наградные знаки, настольные медали и печати, значки, жетоны и др., созданные более 50 лет назад [9].

7. Уникальные и редкие музыкальные инструменты и смычки, независимо от времени изготовления (за исключением фабричного (мануфактурного) изготовления).

8. Знаки почтовой оплаты (почтовые марки и блоки), маркированные конверты, налоговые и аналогичные марки, созданные 100 лет назад и

более (за исключением почтовых карточек и открытых писем независимо от времени их создания).

9. Редкие коллекции и образцы – предметы, представляющие интерес для таких областей науки, как биология (анатомия, ботаника, зоология, палеонтология), минералогия, метеоритика, независимо от времени возникновения или создания.

11. Рукописи, документальные памятники, архивные документы, созданные 50 лет назад и более.

Исходя из данного перечня, любой движимый предмет искусства и культуры, подпадающий под определение, указанное в данном Федеральном законе РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-01 «О вывозе культурных ценностей», соответствующий указанным временным границам, является культурной ценностью. С точки зрения федерального законодательства данный перечень культурных ценностей не всегда относится к уникальным предметам, хранящимся в музейных, архивных, библиотечных фондах России. Это могут быть предметы из частных собраний [3], обладающие особыми свойствами, перечисленными в пункте 2.20 указанного выше закона, подпадающие под указанный в нем перечень движимых предметов.

Среди перечисленных объектов экспертиз есть предметы, которые, на первый взгляд, не имеют особой материальной и культурной ценности. Тем не менее, именно федеральным законодательством, а не Уголовным кодексом определены особые ценностные свойства (возраст, отнесение к определенной подгруппе), выраженные в особой исторической, научной, художественной или культурной ценности предметов, ставших объектами преступления, предусмотренного статьей 164 УК РФ [1]. Поэтому при вынесении Постановления о проведении историко-искусствоведческой или историко-культурологической экспертизы в одном из вопросов эксперту-специалисту, которые тот должен будет раскрыть в исследовании, требуется отметить, является ли предоставленный на экспертизу предмет именно «особой культурной ценностью», исходя из содержания диспозиции статьи 164 УК РФ. Если термин «особая» не будет раскрыт, то это будет существенный прецедент для защиты, чтобы выявить слабые стороны экспертизы и ходатайствовать о направлении материалов уголовного дела на дополнительное расследование.

Само разделение предметов на культурные ценности и предметы культурного назначения предполагает дальнейшую квалификацию преступления против собственности либо по статье 164 УК РФ (культурные ценности), либо по статье 158 УК РФ (предметы культурного назначения). Но следует отметить, что именно термин «особая культурная» ценность обозначен в статье 164 УК РФ («Хищение предметов, имеющих особую ценность»), а именно: «Предмет преступления может не иметь большой стоимости, но должен обладать индивидуальными качествами, раритетностью, редкостью, неповторимостью, что относит его к предметам, имеющим

особую историческую, научную, художественную и культурную ценность. Особая ценность похищенных предметов определяется на основании экспертного заключения с учетом не только стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки и культуры»). Поэтому на практике, вопрос о правильной квалификации преступления зависит от точности определения экспертом, не столько стоимости утраченного в результате преступного хищения имущества, сколько подробного обоснования его особой культурной ценности. Для выяснения особой ценности предметов, уже отнесенных к культурным ценностям, эксперту должен быть задан отдельный вопрос: «Являются ли экспертируемые предметы особой культурной ценностью?», так как признак особой культурной ценности прямо указан в диспозиции статьи, а значит, он может являться обязательным признаком при квалификации преступления. И если, например, для таможенной экспертизы достаточно определения культурной ценности предмета, исходя из перечня, указанного в Федеральном законе РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-01 «О вывозе культурных ценностей», то для историко-культурологических экспертиз культурных ценностей в рамках уголовного судопроизводства по уголовному делу, эксперт должен подробно обосновать особую значимость экспертируемой культурной ценности.

Особая ценность отдельных предметов определяется не столько его отношением к особому музейному, архивному или библиотечному фонду России, сколько отношением к перечню всех культурных ценностей, указанных в Федеральном законе РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-01 «О вывозе культурных ценностей» [2]. Эти ценности могут находиться в частном собрании, могут иметь небольшую стоимость, тем не менее, обладать особыми свойствами, а именно, теми, которые определены в указанном перечне.

Другой важной практической проблемой, обсуждаемой экспертами и стороной защиты, является вопрос о возможности проведения экспертного исследования утраченных или отсутствующих в результате хищения предметов по фотографиям, рисункам, словесным описаниям (например, согласно материалам допросов потерпевших), предположительно представляющих особую культурную, историческую или художественную ценность. Законодательное ограничение на исследование фотографий КЦ в отсутствие самого предмета, производимое экспертами Министерства культуры, действует только в отношении тех объектов, которые подготовлены к вывозу за пределы Российской Федерации [6]. В данное время не существует законодательных запретов на исследование фото, видеоматериалов, рисунков и словесных описаний при отсутствии движимого предмета, ставшего объектом преступного хищения [4]. Также не существует законодательных запретов на поиск экспертом аналоговой аукционной стоимости отсутствующих, утраченных (например, указанных в диспозиции статьи 243 УК РФ) предметов, предположительно представляющих

особую культурную, историческую или художественную ценность. Мало того, товароведческая экспертиза и материальная оценка часто проводится при отсутствии похищенного предмета. При этом, возможности эксперта будут ограничены, так как на первом плане будет не технико-технологическая экспертиза, а визуальный и иконографический анализ, как методы искусствоведческого исследования [5]. Эксперт также должен составить подробный опросник для потерпевшего, касающийся внешнего вида предмета, его размера, особенностей композиции, материалов изготовления, по которому следователь должен его дополнительно допросить (возможно, даже с участием самого специалиста). Большой удачей для проведения подобной экспертизы является интеллектуальная подготовка и образование потерпевшего и его зрительная память (например, если потерпевший художник-график, член ВТОО «Союз художников России»). В противном случае, описание предмета потерпевшим будет носить субъективный характер и исказить настоящий облик предмета хищения. Кроме того, эксперт исследует не сам объект, а фото-, видео-, аудио-материалы, о чем он обязательно должен указать в исследовании, отметив, что заключение дается только на основании предоставленной информации и исследовании известных аналогов предметов, подобных утраченному.

На наш взгляд, уяснение и сопоставление понятий предмета культурного назначения, культурной ценности и особой культурной ценности имеют крайне важное значение для уголовного судопроизводства при правильной квалификации различных видов хищений и разграничения смежных составов преступлений.

Итак, авторы приходят к следующим выводам:

1. Разделение предметов старины, являющихся объектами преступного хищения, на культурные ценности и предметы культурного назначения определено современным российским законодательством.

2. Для квалификации преступлений по статьям 158 и 164 УК РФ достаточно разделения объектов на предметы культурного назначения и культурные ценности.

3. Для обоснования дополнительных требований к предмету доказывания по уголовным делам указанной категории, следует выявить «особую» культурную ценность, что должно быть обозначено отдельным вопросом в постановлении следователя.

4. Для определения особой культурной ценности предметов следует использовать не только УК РФ, но и Федеральные законы России в сфере оборота культурных ценностей.

1. Бакрадзе А. А. Признаки культурных ценностей как предмета преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ / Российский следователь. 2010. № 8. С. 12-16.

2. Закон РФ о вывозе и ввозе культурных ценностей от 15.04.1993 г. №4804-1 (в ред. Федеральных законов от 30.03.18). Эл. документ: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-15041993-n-4804-1-o> (дата обращения: 4.10.2018).
3. Комова М. А. Иконное наследие Орловского края XVIII-XIX веков. М.: Издательский центр «Индрик», РАН. М., 2012. 512 с., ил.
4. Пискунова Е. Объекты судебной искусствоведческой экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 1 (25). С. 194-198.
5. Прохорова Ю. А. Методы судебной искусствоведческой экспертизы в историческом исследовании // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 416.
6. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 "О мерах нетарифного регулирования" (ред. от 13.06.2018) Эл. документ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/ (дата обращения: 4.10.2018).
7. Семионкина Н. Г., Комова М. А. Актуальные проблемы производства экспертиз культурных ценностей религиозных конфессий в рамках современного российского законодательства // Наука и практика. 2015. № 4 (65). С. 180-184.
8. Семионкина Н. Г., Комова М. А. Правовые аспекты сохранения культурного кода русской цивилизации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2016. № 2 (67). С. 157-160.
9. Семионкина Н. Г., Комова М. А. Проблемные вопросы назначения и производства историко-культурологической экспертизы наград, которые являлись предметами преступного хищения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. № 1 (74). С. 140-143.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Семионкина Наталья Георгиевна. Преподаватель кафедры специальной подготовки.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Комова Марианна Александровна. Кандидат искусствоведения, аттестованный эксперт по культурным ценностям Министерства культуры РФ, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности Юридического института.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.

Российская Федерация, 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

Ключевые слова: культурные ценности, производство экспертиз, искусствоведческая экспертиза.

УДК 343.711.6

Сиделев В. В.

**ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ Ч. 5 СТ. 215 УПК РФ
ДЛЯ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗАТЯГИВАНИЯ СРОКОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СО СТОРОНЫ
ОБВИНЯЕМЫХ И ИХ ЗАЩИТНИКОВ**

В статье рассматриваются вопросы применения положений ч. 5 ст. 215 УПК РФ для пресечения затягивания сроков предварительного следствия со стороны обвиняемых и их защитников.

Основанием для написания настоящей статьи являются многочисленные фактыумышленного «затягивания» сроков предварительного следствия со стороны обвиняемых и их защитников, в том числе при ознакомлении их с материалами уголовных дел в порядке ст. 217 УПК РФ. Преследуемая ими цель очевидна – по возможности избежать уголовной ответственности или минимизировать ее последствия.

Как правило, такие действия защиты по конкретным уголовным делам обусловлены окончанием процессуальных сроков и пониманием того, что дальнейшее их продление может быть для органа предварительного следствия заведомо затруднено или даже невозможно. В частности это касается дел категорий средней и небольшой тяжести, по которым в отношении обвиняемых, как правило, избирается мера пресечения не связанная с лишением свободы.

В настоящее время органами предварительного следствия такие действия успешно пресекаются, в частности отработана в судах и активно используется практика обращения в порядке ч. 3 ст. 217 УПК РФ с ходатайствами в суд с целью ограничения сроков ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела. Введенная в 2009 году такая правоприменительная практика только формировалась и рассматриваемый ниже период 2010-2012 года по разного рода причинам данные ходатайства следователей не всегда находили поддержку в судах.

Указанное поведение стороны защиты по конкретным уголовным делам во-многом обусловлено личностью и моральными качествами обвиняемых, их защитников, их отношениемк вине и пр. Следователь должен учитывать данные обстоятельства в планировании расследования и особенно окончания следствия и действовать на их упреждение путем остав-

ления в резерве значительного срока следствия. Однако, в практике, по разного рода причинам зачастую сделать это не представляется возможным.

Тем не менее, кроме ограничения срока ознакомления обвиняемого и защитника с материалами дела законодателем предусмотрены и другие способы пресечения действий стороны защиты, направленных на умышленное затягивание сроков следствия, в частности положение ч. 5 ст. 215 УПК РФ, которое порой незаслуженно игнорируется. Вместе с тем разумное их использование является достаточно эффективным при определенных обстоятельствах.

Об одном из таких случаев практики и о полученном положительном следственном опыте пойдет речь в настоящей статье. Для лучшего понимания материала события изложены подробно и в строгом хронометрическом порядке.

Так, 13.05.2010 в отделение гнойной хирургии МУЗ «МГКБ СМП № 1» г. Оренбурга поступил гр. В. в тяжелом состоянии, в сознании, с признаками тяжелой интоксикации. В этот же день после предоперационной подготовки гр. В. был прооперирован – произведено вскрытие флегмоны дна полости рта. После операции в результате развившегося бактериально-токсического шока произошла остановка сердечной деятельности и последующая экстренная реанимация. В дальнейшем, на фоне тяжелой интоксикации, гипоксии и токсической энцефалопатии у гр. В. развилось коматозное состояние (острая постгипоксическая энцефалопатия) с переходом в апалический синдром. 25.07.2010 в палате интенсивной терапии отделения челюстно-лицевой хирургии МУЗ «МГКБ СМП № 1» г. Оренбурга гр. В. умер.

В ходе доследственной проверки объективно установить все обстоятельства проведения операции гр. В. и наступившие в связи с ее проведением последствия, а также причинно-следственную связь между действиями (бездействиями) медицинского персонала, проводившего операцию и смертью гр. В. не представилось возможным, в связи с чем по данному факту следственным отделом по г. Оренбургу СУ СК при прокуратуре Российской Федерации по Оренбургской области возбуждено уголовное дело [1] по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ.

В дальнейшем следственный отдел по г. Оренбургу СУ СК России по Оренбургской области из ОРЧ ОГЗ УМВД России по Оренбургской области поступил материал по факту подкупа свидетеля по уголовному делу о неосторожном причинении смерти гр. В. в интересах Ч. – врача анестезиолога-реаниматолога МУЗ «МГКБ СМП № 1» г. Оренбурга, являющегося свидетелем по уголовному делу о причинении смерти В. и проверяемого на причастность к названному преступлению. По результатам проведенной процессуальной проверки возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 309 УК РФ.

В последующем вышеуказанные уголовные дела были соединены в одно производство.

В ходе предварительного следствия в ряде субъектов Российской Федерации по данному уголовному делу выполнен комплекс судебных экспертиз, что потребовало неоднократного продления срока предварительного следствия, установлена вина врача анестезиолога-реаниматолога Ч. и медицинской сестры-анестезистки З. в некачественном оказании медицинской помощи гр. В., повлекшей смерть потерпевшего. Данные лица были привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Также по установленным обстоятельствам подкупа свидетеля Г., фигуранту дела К. и совместно с ним действовавшему Ч. предъявлены обвинения по ч. 1 ст. 309 УК РФ.

В ходе расследования уголовного дела из ОРЧ по ОГЗ УМВД России по Оренбургской области поступили результаты оперативно-розыскной деятельности, проводимые в отношении адвоката Н. о причастности последнего к совместному с Ч. и К. подкупу свидетеля Г., в связи с чем уголовное дело для дальнейшего расследования передано в отдел по расследованию особо важных дел СУ СК России по Оренбургской области.

На основании достоверной совокупности полученных доказательств адвокату Н. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 309 УК РФ и избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Понимая, что объективные доказательства виновности не позволят избежать уголовной ответственности, но тем не менее в силу различных личных причин не желая признавать этого обстоятельства, обвиняемые Н., Ч. и З. заняли активную позицию защиты и противодействия органам следствия.

Так, в предоставленных материалах оперативно-розыскной деятельности имелся зафиксированный разговор Н. с обвиняемым К., из которого следовало намерение Н. всячески затягивать ход расследования дела. Однако проведенные следователем беседы с Н. о недопустимости подобного поведения не имели и не могли иметь положительного результата ввиду особой позиции обвиняемого, исключаяющей какое-либо взаимодействие с правоохранительными органами. При этом Н. обозначал свою осведомленность о значительных сроках предварительного следствия, цинично подчеркивал свою «неуязвимость» в вопросе изменения меры пресечения и советовал прекратить в отношении него уголовное преследование для избежания возможных процессуальных проблем.

В результате, обвиняемый Н. и его защитник, используя невозможность изменения избранной в отношении него меры пресечения (ввиду соответствующей санкции по ч. 1 ст. 309 УК РФ), фактически саботировали явку к следователю для производства следственных действий, в том числе под предлогом прохождения Н. стационарного лечения и занятости защит-

ника. Обвиняемые Ч. и З. являлись к следователю по вызову, однако по причине неявки их защитников проведение запланированных следственных действий многократно срывалось. При этом практически все действия следователя обжаловались стороной защиты в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Помимо этого, обвиняемый Н., его защитник, а также защитники Ч. и З. являлись членами одной коллегии адвокатов, что позволяло им координировать свои действия между собой, в том числе в очередности и тематике направления жалоб в суд.

Органами предварительного следствия и привлеченными к работе следственной группы оперативными сотрудниками полиции, осуществляющими государственную защиту свидетеля Г., был разработан комплекс соответствующих превентивных мер пресечения и нейтрализации противодействия обвиняемых и их защитников нормальному ходу предварительного следствия.

Во-первых, все факты неявки обвиняемых и их защитников к следователю тщательно фиксировались путем составления подробных рапортов, в которых всякий раз указывались обстоятельства неявки, либо иных обстоятельств срыва следственных действий. Рапорт визировался у руководства и приобщался к материалам уголовного дела либо в контрольное производство.

Во-вторых, была активизирована работа по закреплению имеющихся и получению дополнительных доказательств, в том числе признательных показаний обвиняемого К. Так, обвиняемый К. неоднократно являлся для проведения очной ставки с обвиняемым Н. и после удостоверения неявки последнего на указанное следственное действие обвиняемый К. в обязательном порядке дополнительно допрашивался и подтверждал свои ранее данные показания и свое намерение их подтвердить на очной ставке в ходе дальнейшего предварительного следствия и в суде.

В-третьих, после очередной госпитализации обвиняемого Н. в одно из многочисленных медицинских учреждений г. Оренбурга, туда незамедлительно направлялись оперативные сотрудники с целью объективной проверки обоснованности помещения Н. в стационар.

В итоге, 22.02.2012 обвиняемые Н., Ч., З. и их защитники были уведомлены об окончании следственных действий. Уведомление обвиняемого Н. производилось в стационаре одной из больниц г. Оренбурга, куда он поступил незадолго до этого. Данное процессуальное действие осуществлялось в присутствии лечащего врача, понятых, фиксировалось на видеозапись. Защитник Н., сославшись на занятость, в очередной раз в назначенное время и место не явился. Примечательным является тот факт, что после объявления об окончании следственных действий обвиняемый Н. незамедлительно покинул лечебное заведение.

23.02.2012 обвиняемый К. и его защитник также были уведомлены об окончании следственных действий.

Обвиняемые З. и К. заявили ходатайство о совместном ознакомлении с материалами уголовного со своими защитниками. Обвиняемые Н. и Ч. заявлений о раздельном ознакомлении с материалами уголовного дела не подавали.

В соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела.

26.02.2012 обвиняемым К. и его защитником выполнены требования ст. 217 УПК РФ.

В период с 24.02.2012 по 02.03.2012 обвиняемые Н., Ч., З. и их защитники достоверно зная о том, что двенадцати месячный срок предварительного следствия по делу истекает 19.03.2012, будучи неоднократно уведомленными о необходимости явки в следственный орган для ознакомления с материалами уголовного дела, без уважительных причин не явились. Данное обстоятельство свидетельствовало о нежелании обвиняемых и их защитников знакомится с материалами уголовного дела. Свое нежелание являться к следователю для ознакомления с делом они мотивировали обжалованием в суд действий следователя при объявлении об окончании производства следственных действий.

27.02.2012 от защитников обвиняемых Н. и Ч. поступили ходатайства об отложении выполнения требований ст. 217 УПК РФ, в связи с подачей жалоб в Ленинский районный суд г. Оренбурга на действия следователя.

В этот же день Ленинским районным судом г. Оренбурга указанные ходатайства были рассмотрены, в их удовлетворении в соответствии с ч. 7 ст. 125 УПК РФ было отказано.

28.02.2012 и 29.02.2012 от обвиняемой З. и ее защитника поступили аналогичные приведенным выше ходатайства об отложении выполнения требований ст. 217 УПК РФ, в связи с подачей жалоб в Ленинский районный суд г. Оренбурга на действия следователя.

28.02.2012 и 01.03.2012 соответственно данные ходатайства были рассмотрены, в их удовлетворении было отказано по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 125 УПК РФ. О принятом решении уведомятся обвиняемая З. и ее защитник.

Анализ материалов уголовного дела позволял сделать вывод о явном затягивании времени производства предварительного следствия со стороны вышеуказанных обвиняемых и их защитников, в том числе времени ознакомления с материалами уголовного дела.

Так, согласно поступивших из ОКБ № 2 документов, в период с 17.02.2012 по 22.02.2012 состояние обвиняемого Н. являлось удовлетворительным, и в условиях стационара с ним было возможно проведение следственных действий. Нахождение Н. на лечении не лишало его права заявлять любые ходатайства, однако ни от последнего, ни от его защитника за весь указанный период каких-либо ходатайств не поступило.

Напротив, обвиняемым Н. и его защитником всячески игнорировались вызовы к следователю для производства следственных действий, а также открыто саботировалось их проведение. Ими были сорваны следственные действия 08.02.2012, 13.02.2012, 17.02.2012, 21.02.2012 и 22.02.2012. После уведомления о начале выполнения требований ст. 217 УПК РФ, обвиняемый Н. и его защитник в период с 24.02.2012 по 02.03.2012 для ознакомления с материалами дела не явились, чем продолжили умышленно затягивать срок предварительного следствия.

22.02.2012 защитник обвиняемого Ч., открыто игнорируя письменное уведомление о необходимости явки для участия в запланированном уведомлении об окончании следственных действий с ее подзащитным, к следователю также не явилась. Обвиняемым Ч. и его защитником игнорировалась явка к следователю для выполнения требований ст. 217 УПК РФ.

Будучи уведомленными о начале выполнения требований ст. 217 УПК РФ обвиняемая З. и ее защитник к ознакомлению с материалами дела не приступили, они неоднократно вызывались для начала ознакомления, однако к назначенному времени не являлись.

Анализ материалов уголовного дела в части вышеуказанных действий обвиняемых Н., Ч., З. и их защитников по умышленному затягиванию сроков предварительного следствия, явно нарушали права потерпевшего, иных участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию в разумные сроки.

Согласно ч. 5 ст. 215 УПК РФ, если обвиняемый, не содержащийся под стражей, не является для ознакомления с материалами уголовного дела без уважительных причин, то следователь по истечении 5 суток со дня объявления об окончании следственных действий либо со дня окончания ознакомления с материалами уголовного дела иных участников уголовного судопроизводства, указанных в части второй настоящей статьи, составляет обвинительное заключение и направляет материалы уголовного дела прокурору.

02.03.2012 истекли пять суток после ознакомления обвиняемого К. и его защитника с материалами дела.

Учитывая, что обвиняемые Н., Ч., З. и их защитники до указанного времени к ознакомлению с материалами уголовного дела не приступили, т. е. умышленно не реализовали предоставленное им право, предусмотренное ст. 217 УПК РФ, производство процессуального действия – ознакомление обвиняемых и защитников с материалами уголовного дела было прекращено, составлено обвинительное заключение и уголовное дело направлено прокурору в порядке ст. 220 УПК РФ.

При решении вопросов в порядке ст. 221 УПК РФ, прокурором решение следователя признано законным, утверждено обвинительное заключение, которое вместе с уголовным делом поступило в Ленинский районный суд г. Оренбурга, где было рассмотрено по существу.

1. Материалы уголовного дела № 51/96-10 СУ СК России по Оренбургской области.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сиделев Виктор Владимирович. Доцент криминалистической лаборатории.

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12.

Ключевые слова: пресечение, затягивание, сроки, предварительное следствие, обвиняемый, защитник.

УДК 343.985

Синенко С. А.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОРЯДКА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье обращается внимание на проблемы оглашения приговора по всем уголовным делам, рассмотренным в суде, связанные с требованием стоя выслушивать все три части приговора. Отмечается, что оглашение приговора в ряде уголовных дел занимает длительное время, который зависит от объема описательно-мотивировочной части приговора, заслушивание и восприятие которой в суде вызывает ряд трудностей. Предлагается оптимизировать порядок такого провозглашения приговора путем исключения описательно-мотивировочной части при его оглашении и дополнительного обеспечения участникам уголовного процесса возможности на ознакомление с копией приговора и его обжалования.

Приговором является постановленное именем Российской Федерации решение суда по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначения ему наказания либо освобождения от наказания [1]. Таким образом, в нем подводится итог всей уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу и принимается решение. Порядок провозглашения приговора в судебном заседании предусмотрен статьей 310 УПК РФ. Часть первая этой статьи указывает, что весь приговор (вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части) присутствующие в зале суда должны выслушивать стоя, за исключением

случаев рассмотрения уголовного дела в закрытом заседании или рассмотрения уголовного дела о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 7 ст. 241 УПК РФ), когда приговор разрешается оглашать без описательно-мотивировочной части.

Изучение практики применения судами указанного предписания показывает, что его исполнение происходит не всегда одинаково. Это зависит от времени, требуемого на оглашение приговора, основную часть которого занимает зачитывание описательно-мотивировочной части. Так, например, оглашение приговора в Мещанском суде г. Москвы Ходорковскому, Лебедеву и Крайнову по «делу ЮКОСа», который составил 1200 страниц, заняло две недели [2], приговор экс-губернатору Сахалинской области Хорошавину в городском суде Южно-Сахалинска оглашали четыре дня [3], а Симоновский суд г. Москвы оглашал приговор по делу о миллиардном хищении на космодроме «Восточный» пять дней [4].

Очевидно, что при таких периодах оглашения приговора требование выслушивать его стоя порой бывает весьма затруднительно для людей пожилого возраста и лиц, имеющих проблемы со здоровьем. Кроме того, полноценно воспринимать информацию стоя, делать какие-либо необходимые письменные записи (ч. 5 ст. 241 УПК РФ) под силу далеко не каждому человеку, даже с хорошей физической формой.

Поэтому вопрос об оптимизации существующего порядка оглашения приговора обсуждается и правоприменителями, и научной общественностью, и законодателем и, как нам представляется, является актуальным.

Откуда берет начало правило выслушивать приговор стоя? Профессор Ришельевского Лицея В. А. Линовский, проведя анализ уголовных приговоров в 1849 году, пишет, что «на основании «Краткого изображения процессов» требовалось, чтобы приговор «в присутствии челобитчика и ответчика в сидящем суде от секретаря публично был прочтен»» [5], то есть можно предположить, что в то время нормативного требования зачитывать приговор стоя не было. Впервые такое требование в российском кодифицированном уголовно-процессуальном законодательстве встречается в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года в ст. 790, где предписывается: «При входе Судей все находящиеся в зале заседаний лица встают со своих мест и выслушивают стоя сущность приговора». И в дальнейшем в ст. 343 УПК РСФСР 1922 года, в ст. 339 УПК 1923 года, в ст. 318 УПК РСФСР 1960 года и в ст. 310 действующего УПК этот императив в своей основе не поменялся. И это справедливо, поскольку приговор по уголовному делу содержит в себе решения, имеющие важное значение для отдельных участников уголовного процесса и общества в целом, затрагивает конституционные права граждан и поэтому является важнейшим актом правосудия, который выносится именем государства. Это придает высочайшее значение содержанию этого документа и факту его объявления.

От имени государства приговор выносится в основном во всех странах. Однако были и есть отступления от этого правила. Так, например, в Российской Империи согласно ст. 796 УУС 1864 года приговор выносился от имени Императорского Величества, в ФРГ в соответствии со ст. 268 УПК приговор провозглашается именем народа, в Молдове в соответствии со ст. 384 УПК РМ – именем закона.

Как было уже отмечено, приговор состоит из трех частей. Вводная часть, безусловно, важна в приговоре, поскольку в ней указывается, какой суд когда, где, в отношении кого и за что постановляет этот приговор и в присутствии кого.

Наиболее важное значение имеет резолютивная часть, в которой оглашается самое важное в судебном разбирательстве: решение о невиновности подсудимого либо его виновности и в чем, а в зависимости от этого – наступающие последствия. Она всегда воспринимается с высоким вниманием, а порой и сильным психическим напряжением как участников процесса, так и присутствующих при оглашении. Так, например, при оглашении резолютивной части приговора участникам массовой драки в поселке Сагра, произошедшей летом 2011 года, один из подсудимых, услышав свой приговор, опустился на стул, а другая участница драки, услышав приговор организатору драки, немедленно сорвалась в вой [6].

Описательно-мотивировочная часть приговора содержит информацию, на основании которой суд принял свое решение. Выслушивание этой части порой воспринимается без особого внимания. Так, например, уже упомянутый экс-губернатор Сахалинской области Хорошавин на третий день оглашения приговора отвлекся от происходящего и начал читать книгу [7], при оглашении приговора участникам также ранее уже упомянутой массовой драки в Сагре присутствующие в зале суда журналисты и другие начали общаться друг с другом и играть в игры на телефонах.

Положение, складывающееся в практике провозглашения приговоров, по нашему мнению, требует принятия решений, оптимизирующих эту процедуру. Такого же мнения придерживается и заместитель председателя Верховного Суда Республики Татарстан М. В. Беляев, который считает, что «в контексте идей оптимизации уголовно-процессуальной, в том числе и судебной, деятельности, активно обсуждаемой в последнее время, представляется возможным пойти по пути отказа от обязательного мотивирования в приговоре выносимого судебного решения» [8] и таким образом сократить время его оглашения в суде. Судья Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики, также обращая внимание на оптимизацию порядка оглашения приговора, предлагает внести «такие изменения в УПК, ГПК, КАС и АПК, которые позволили бы и судьям, и всем другим участникам судопроизводства при оглашении (объявлении) и выслушивании судебных актов ... пребывать в сидячем положении, а обязанность вставать сохранить только при оглашении (объявлении) вводной и резолю-

тивной частей» [9]. Тем более, что такая практика оглашения есть. Проведенное интервьюирование судей, а также личный опыт присутствия автора в судебных разбирательствах показывают, что судьи по своему личному усмотрению разрешают присутствующим в открытом судебном заседании при оглашении описательно-мотивировочной части садиться, отступая от требований ч. 1 ст. 310 УПК РФ. Такие решения судей значительно облегчают участникам уголовного судопроизводства и присутствующим в зале суда восприятие оглашаемого текста приговора, а судье, а в некоторых случаях и судьям по очереди, – зачитывание приговора (при зачитывании приговора участникам массовой драки в поселке Сагра судьи читали приговор по очереди). Но в правоприменении это зависит от волеизъявления судьи. Так, оглашение всего приговора Ходорковскому, Лебедеву и Крайнову еще в самом начале оглашения председательствующий судья Ирина Колесникова решила зачитывать его сидя [10], а при оглашении приговора Хорошавину и его команде судья такого решения не приняла, и его полностью слушали стоя [11]. При оглашении приговора Надежде Савченко происходила совсем другая ситуация – она единственная из всех позволяла себе садиться во время зачитывания приговора, несмотря на то, что судья такого разрешения не давала [12]. Думается, что такой подход к оглашению приговора, выносимого именем государства, должен четко регламентироваться уголовно-процессуальным законодательством и не должен зависеть от волеизъявления судьи.

Ознакомление с порядком оглашения приговора в других странах показывает, что в некоторых из них, таких как Киргизия, Таджикистан, Армения, придерживаются порядка, аналогичного нашему (ст. 324 УПК КР, ст. 322 УПК РТ). А в других странах законодатель по иному подошел к этой процедуре. Так, например, в Грузии и Узбекистане в зале судебного заседания провозглашается только резолютивная часть приговора, которая выслушивается стоя (ст. 277 УПК Грузии, ст. 473 УПК РУз). В Республике Беларусь законодатель процесс оглашения приговора поставил в зависимость от мнения сторон и допустил с их согласия оглашение только резолютивной части (ст. 365 УПК РБ). Таким образом, видно, что страны бывшего СССР обратили внимание на порядок оглашения приговора и внесли в него свои особенности, которые в основном свелись к удалению описательно-мотивировочной части при оглашении приговора в зале суда.

Необходимо отметить, что и российские правоприменители, обладающие правом законодательной инициативы, также обратили внимание на порядок оглашения приговора и приняли меры к его оптимизации. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации 27 апреля 2017 года принял Постановление № 13 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в котором предлагает внести изменения в часть 7 статьи 241,

которые позволили бы оглашать в открытом судебном заседании только вводную и резолютивную части приговора или иного решения, вынесенного по результатам судебного разбирательства по всем уголовным делам, в отличие от существующей редакции, позволяющей оглашать вводную и резолютивную части только по уголовным делам, рассмотренным в закрытом судебном заседании, или по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Причем это правило инициаторы законопроекта предлагают внести как обязанность для суда, опять же в отличие от существующей редакции, которая предоставляла такую возможность судам по указанным выше уголовным делам, которую они могли использовать по своему усмотрению. Думается, что Пленум Верховного Суда принял абсолютно верное решение, иницируя такое изменение в УПК РФ. Аргументы, обосновывающие внесение этого изменения, приведенные в пояснительной записке к законопроекту, полностью совпадают по своей сути с мнением ученых и правоприменителей и сводятся к тому, что они позволят «сократить процедуру оглашения приговора или иного итогового решения, которое в ряде случаев носит неоправданно длительный характер» [13]. Кроме того, инициаторы законопроекта в целях укрепления установленного законом права сторон на подачу мотивированных апелляционных жалоб или представления с учетом оглашения лишь вводной и резолютивной части приговора и срока вручения копии приговора в течение 5 суток предлагают внести изменения в часть первую статьи 389.4 УПК РФ, увеличив срок на апелляционное обжалование судебного решения с 10 до 15 суток. Таким образом, по мнению инициаторов законопроекта, с которым мы полностью согласны, предлагаемые изменения не приведут к какому-либо ограничению прав и интересов участников процесса и иных лиц.

К сожалению, законотворческая инициатива Пленума Верховного Суда Российской Федерации и мнение научной общественности до сих пор не реализованы. Думается, что тому есть объективные временные причины и меры по оптимизации порядка провозглашения приговора в судебном заседании будут поддержаны законодателем.

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

2. Мещанский суд вынес приговор по делу Ходорковского, Лебедева, Крайнова [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2005-05-31/232879-meschanskiy_sud_vynes_prigovor_po_delu_hodorkovskogo_lebedeva_kraynova (дата обращения: 29 августа 2018 г.).

3. Суд огласил приговор Александру Хорошавину [Электронный ресурс]. URL: <https://okha65.ru/news/sakhalin/4415.html> (дата обращения: 29 августа 2018 г.).

4. Суд огласил приговор по делу о миллиардном хищении на космодроме Восточный [Электронный ресурс]. URL: <https://versia.ru/sud->

oglasil-prigovor-po-delu-o-milliardnom-xishhenii-na-kosmodrome-vostochnyj (дата обращения: 29 августа 2018 г.).

5. Линовский В. А. Опыт исторических розысканий в следственном уголовном судопроизводстве в России. М.: «ЛексЭст», 2001. С. 206.

6. Оглашение приговора участникам драки в Сагре. Онлайн [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20130319/266745154.html (дата обращения: 29 августа 2018 г.).

7. Суд надеется огласить сегодня приговор экс-губернатору Сахалинской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.5-tv.ru/news/182897> (дата обращения: 29 августа 2018 г.).

8. Беляев М. В. О некоторых свойствах приговора как акта правосудия по уголовным делам // Российская юстиция. № 8. 2018. С. 29.

9. Коцубин Ю. М. Встать, Суд идёт! (о необходимости и целесообразности стоять суду и в суде) [Электронный ресурс]. URL: <http://отрасли-права.рф/article/14723> (дата обращения: 28 августа 2018 г.).

10. Суд начал оглашение приговора по делу Ходорковского, Лебедева и Крайнова [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/news/2005/05/16/verdict> (дата обращения: 29 августа 2018 г.).

11. На Сахалине продолжается оглашение приговора экс-губернатору Хорошавину и его команде [Электронный ресурс]. URL: <https://astv.ru/news/politics/2018-02-07-na-sahaline-prodolzhaetsya-oglashenie-prigovora-eks-gubernatoru-horoshavinu-i-ego-komande> (дата обращения: 29 августа 2018 г.).

12. Оглашение приговора Надежде Савченко заняло весь день, решение суда будет известно 22 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/news/2016-03-21/144691> (дата обращения: 28 августа 2018 г.).

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 N 13 "О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonrf.info/postanovlenie-plenum-verkhovnogo-suda-rf-13-27042017> (дата обращения: 9 октября 2018 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Синенко Сергей Андреевич. Доктор юридических наук, доцент, начальник института.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: порядок оглашения приговора, оптимизация уголовного судопроизводства, вводная и резолютивная части приговора, описательно-мотивировочная часть, законодательная инициатива, выслушивание приговора стоя, права и интересы участников уголовного процесса.

УДК 343.1

Ситдикова Г. З., Чаплыгина В. Н.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ

Для решения проблем эффективного противодействия экстремизму необходима концептуально обоснованная, многоуровневая система мер, которая должна включать в себя совершенствование законодательства, превентивные мероприятия, обеспечение согласованности усилий силовых ведомств и органов власти всех уровней.

В современных условиях проявление радикальных религиозных настроений в обществе и совершение преступлений на фоне межнациональных и межконфессиональных конфликтов могут привести к значительному росту особо тяжких преступлений. Противодействие таким преступлениям, их пресечение и особенно раскрытие представляют особую значимость для правоохранительных органов, поскольку совершение этих преступлений зачастую сопряжено с нанесением морального и физического вреда здоровью людей и могут повлечь наступление катастрофических последствий в случае непринятия своевременных и адекватных мер реагирования.

Впервые на международном уровне определение понятия «экстремизм» было закреплено в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года, ратифицированной Российской Федерацией 10 января 2003 года. Согласно ст. 1 Конвенции под экстремизмом понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [1].

В соответствии с Указом Президента России от 6 сентября 2008 г. № 1316 и приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 31 октября 2008 г. № 940 образован Департамент МВД России по противодействию экстремизму. В Следственном комитете при прокуратуре

Российской Федерации создано подразделение по контролю за расследованием преступлений экстремистской направленности.

Нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность подразделений по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации, наряду с вышеуказанными, являются:

1) приказ МВД России от 30 сентября 2012 г. № 465/699/240 «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления органами федеральной службы безопасности, ОВД России и Федеральной службой исполнения наказаний информации о преступлениях террористической направленности и результатах борьбы с терроризмом в аппарат Национального анти-террористического комитета»;

2) приказ МВД России от 25 ноября 2010 г. № 362/810/584 «О взаимодействии Министерства юстиции РФ, МВД России и ФСБ России в целях повышения эффективности деятельности учреждений (подразделений) осуществляющих проведение исследований и экспертиз по делам, связанным с проявлениями экстремизма», а также специализированные ведомственные нормативные акты.

Президент Российской Федерации Путин В. В. в своем выступлении отметил, что силами только правоохранительных органов с решением таких задач не справиться. В этой многоплановой сложной работе должны активно участвовать и другие заинтересованные министерства, все уровни власти, система образования, политические партии, структуры гражданского общества, правозащитные организации и представители традиционных религий России [2].

Отсутствие взаимодействия представителей традиционных религий в отдельных субъектах Российской Федерации с правоохранительными органами и духовными управлениями федерального уровня привело к возникновению очага экстремизма с человеческими жертвами в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) в 2017 году.

19 августа 2017 года в центре Сургута одетый в традиционные для религиозных фанатиков одежды уроженец Дагестана Артур Гаджиев попытался поджечь здание ТЦ «Северный» и ударил пенсионерку топором по голове. После этого он вышел на улицу и набросился с ножом на прохожих. Приехавший на место событий наряд ППС ликвидировал злоумышленника.

Ответственность за произошедшее взяло на себя запрещенное в России «Исламское государство». Организация опубликовала видео, где некто, одетый в маску, представляется Масудом Сургутским и приносит клятву лидеру «ИГ». Террористы утверждают, что на кадрах запечатлен Гаджиев. Правоохранительные органы ХМАО выдвигают иную версию, утверждая, что злоумышленник имел проблемы с психическим здоровьем.

Одной из возможных причин подобной ситуации явился выход в 2012 году югорской религиозной организации мусульман из подчинения Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ) и проведение обособленной религиозной политики в регионе. Отделение от федерального духовного управления, несмотря на протесты верховного муфтия страны Талгата Сафы Таджуддина, было инициировано югорским муфтием Тагиром Саматовым. По неофициальным данным, решение было продиктовано экономическими соображениями. Между духовными лидерами мусульман вспыхнул конфликт, переросший в борьбу за контроль над финансовыми потоками, состоящими из пожертвований от рядовых правоверных и представителей бизнеса. В результате официальные религиозные деятели северного региона допустили появление ячейки запрещенной в России организации «Исламское государство». Отсутствие взаимодействия с центральным духовным управлением мусульман России и непринятие профилактических мер привело к тому, что в регионе сформировалась негласная община, неподконтрольная руководству Регионального духовного управления мусульман Югры (РДУМ). Адепты этого культа находятся под влиянием враждебной идеологии, общаются и распространяют свое учение посредством социальных сетей и мессенджеров [3].

Доступность и массовое использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет является одним из источников угрозы национальной безопасности Российской Федерации в связи с активным ее использованием в целях распространения идеологии экстремизма.

Организаторы и участники экстремистских групп активно используют в своих целях процесс глобализации, принимая на вооружение новейшие информационные технологии, с помощью которых делают менее уязвимыми для правоохранительных органов элементы своей инфраструктуры. Создаются организации, в основу построения которых заложен принцип сетевой структуры, что в свою очередь обуславливает увеличение их потенциала в современных информационно-коммуникативных условиях. Для них характерны единые центры и информационно-коммуникативные каналы, автономный способ существования входящих в сообщество периферийных преступных группировок, взаимодействующих как с центром, так и между собой [4].

Нередко, являясь приверженцами экстремистской идеологии, преступники начинают переходить к активным действиям, совершая террористические акты. Так, в отношении гражданина И. возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30 – ч. 1 ст. 205 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ и ч. 1 ст. 223.1 УК РФ. Расследованием установлено, что гр. И., являясь приверженцем радикальных идей, в домашних условиях изготовил самодельное взрывное устройство и осуществлял поиск мест с наибольшим скоплением людей на территории г. Уфы. В ходе расследования, выяснилось, что действия гр. И. были управляемы

жителем Самарской области гр. П., который знал о радикальной настроенности И. В ходе проведения обыска у гр. П. обнаружены и изъяты автомат АК-47, патроны, тротиловые шашки, заполненные бланки поддельных паспортов Республики Кыргызстан на гр. И. и членов его семьи [5].

Кроме этого, в рамках данного уголовного дела, был установлен факт причастности гражданки Ш. к склонению граждан Российской Федерации, имеющих радикальную настроенность, к участию в деятельности запрещенной международной террористической организации «Исламское государство». Установлено, что гр. Ш. в период с 2014 года по 2016 год, склоняла граждан Российской Федерации к участию незаконных экстремистских, а в дальнейшем и в террористических организациях, путем воздействия на чувства верующих, убеждения их в необходимости ведения войны (джихада) с целью установления Исламского государства – «Халифат». В результате следственных действий у гр. Ш. была изъята печатная продукция, в т. ч. внесенная в федеральный список экстремистских материалов. В отношении гр. Ш. возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности).

Также возбуждены уголовные дела в отношении гр. Х., жителя Республики Башкортостан, по признакам преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ, ст. 317 УК РФ. В мае 2016 года у гр. Х. на почве развитых экстремистских идей, возник умысел на совершение поджога административного корпуса № 1 АО «Учалинский горно-обогатительный комбинат».

Кроме того, были возбуждены уголовные дела по факту участия жителей Республики Башкортостан в деятельности террористической организации «Партия исламского освобождения» («Хизб утТахрир аль-Ислами») по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.5 УК РФ. В ходе проведения обысков, были обнаружены и изъяты литература религиозного содержания (журналы, книги, брошюры и листовки), съемные жесткие диски, компьютерная техника, сотовые телефоны.

Для решения этих проблем необходима концептуально обоснованная, многоуровневая система мер предупреждения экстремизма, которая должна включать в себя: нормативно-правовое обеспечение антитеррористических действий, совершенствование законодательства о недопустимости и запрете возбуждения религиозной, национальной вражды; превентивные мероприятия, позволяющие выявлять намерения экстремистов на стадии их реализации; централизация руководства всеми антиэкстремистскими действиями, обеспечение согласованности усилий силовых ведомств и органов власти всех уровней на основе четкого размежевания компетенции органов федерального, регионального и местного уровней; обеспечение взаимодействия и координации действий антиэкстремистских сил в международном, межгосударственном масштабе, контроль за деятельно-

стью международных экстремистских объединений, их центров и штаб-квартир, выявление и ликвидация источников финансирования, включая легитимные и криминальные доходы; всестороннее информационно-психологическое обеспечение антиэкстремистской деятельности, выявление и ликвидация центров идеологического обеспечения и поддержки экстремистских движений, идеологическое дифференцированное воздействие на население, субъектов их поддержки и противников, переориентацию СМИ на противодействие пропаганде насилия и внедрение в социальную практику норм толерантного поведения.

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

2. Из выступления В. В. Путина на заседании Совета Безопасности. <http://www.kremlin.ru>.

3. Мусульмане Югры отделились от Москвы. Следующий шаг – захват мечетей // Российское информационное агентство «Ura.RU». URL: <https://ura.news/articles>.

4. Троегубов Ю. Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Гуманитарный вектор. 2014. № 3(39). Политология. С. 145.

5. Далее по тексту представлен результат изучения материалов проверки заявлений (сообщений) о преступлениях и уголовных дел, находившихся в производстве СЧ ГСУ МВД по Республике Башкортостан, и рассмотренных в суде.

6. Чаплыгина В. Н., Земзикова Е. А. Общие черты и согбенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей // News of Science and Education. 2016. Т. 7. С. 186-190.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ситдикова Гузель Зуфаровна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Институт права Башкирского государственного университета.

Российская Федерация, 450076, Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.

Чаплыгина Виктория Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: экстремизм, взаимодействие, Интернет, экстремистская идеология.

УДК 343.1

Ситникова И. Л.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ АКТОВ ВЫСШЕГО ОРГАНА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ИЕРАРХИИ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В статье рассмотрены основные взгляды на правовую природу актов высшего органа конституционного правосудия. Автором делается попытка определить место итоговых решений Конституционного Суда РФ в иерархии источников уголовно-процессуального права.

Социально-экономические и политические преобразования, произошедшие в нашем государстве в конце XX столетия, затронули и такое фундаментальное понятие, используемое в юридической науке, как «источник права». Так, решения государственных органов, появившихся относительно недавно, но оказывающих значительное влияние на реформирование законодательства Российской Федерации, иногда не находят закрепления среди существующих источников права.

В настоящее время представителями российской правовой доктрины выделяются такие источники уголовно-процессуального права, как: общепризнанные принципы и нормы международного права, которые, как указано в ч. 3 ст. 1 УПК РФ, являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, и системы национальных источников уголовно-процессуального права, главенствующее положение в которой принадлежит Конституции РФ, входящей в систему национальных источников права. Далее по иерархической лестнице следуют федеральные конституционные законы, нормы международного договора (ч. 3 ст. 1 УПК РФ), кодифицированные отраслевые источники (ч. 2 ст. 7 УПК РФ) и иные федеральные законы, нормативно дополняющие отрасль уголовно-процессуального права своим регулятивным содержанием [1].

Однако среди представителей правовой доктрины отсутствует единое мнение, когда возникает вопрос о месте актов высшего органа конституционного правосудия в представленной выше иерархии источников российского уголовно-процессуального права, которое при осуществлении уголовного судопроизводства должно быть определено а priori, а не post factum [2].

Применительно к представленной системе источников уголовно-процессуального права выделяют следующие мнения относительно их места положения:

- решения Конституционного Суда РФ являются частью «живой Конституции», приспособливающие и интерпретирующие ее нормы в соответствии с условиями действительности, существующими на момент уяснения их смысла [3];

итоговые акты Конституционного Суда в иерархии источников права следуют сразу за Конституцией РФ [1];

являясь судебным прецедентом, решения Конституционного Суда не могут быть источником уголовно-процессуального права (занимать место в иерархии источников права) [3].

Для ответа на вопрос относительно места актов высшего органа конституционного правосудия в иерархии источников уголовно-процессуального права, необходимо обратиться к дискуссии относительно их правовой природы.

В настоящее время в плеяде существующих мнений относительно правовой природы решений Конституционного Суда РФ, можно, обобщив, выделить следующие: 1) они являются нормативными правовыми актами (актами правотворчества) [5]; 2) судебными прецедентами [6]; 3) решениями преюдициального плана [7]; 4) правовыми презумпциями [8]; 5) сочетают в себе отдельные или все перечисленные выше свойства [9].

Рассмотрев вышеуказанные точки зрения относительно правовой природы актов Конституционного Суда РФ, и, исходя из анализа действующего законодательства Российской Федерации, следует отметить нормативный характер принимаемых им решений. Они обладают всеми признаками нормативного правового акта, а именно: принимаются в виде постановлений, которые подлежат официальному опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда РФ», а также в официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, которых касается принятое решение [10, статья 78], и обязательны для применения на всей территории Российской Федерации не только для граждан, их объединений, юридических лиц, органов местного самоуправления, но и для органов судебной, законодательной, исполнительной власти [10, статья 6].

Таким образом, акты высшего органа конституционного правосудия не ограничиваются обязательностью применения в отношении решений по аналогичным делам (судебный прецедент) и всех дел, связанных с применением соответствующей нормы права (преюдициальный характер). Кроме того, решения Конституционного Суда РФ вступают в силу немедленно после провозглашения, являются окончательными, и не подлежат обжалованию и пересмотру как непосредственно высшим органом конституционного правосудия, так и иными органами государственной власти, и долж-

ностными лицами, что также говорит об их нормативном характере [10, статья 79].

Между тем, определяя правовую природу решений высшего органа конституционного правосудия в качестве судебного прецедента, решений преюдициального характера, правовой доктрины, правовой презумпции, акта особого правотворчества, невозможно объяснить правовые последствия решений Конституционного Суда, в результате которых отменяются полностью или в части нормы международных договоров, федеральных конституционных законов, иных актов федерального уровня, возникают, изменяются или прекращаются уголовно-процессуальные отношения, зачастую происходит реформирование законодательства.

Характер решений, выносимых по итогам рассмотрения дела, определяется непосредственно высшим органом конституционного правосудия в Постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П, которое гласит, что «решения Конституционного Суда Российской Федерации, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [11].

Таким образом, при определении положения в иерархической лестнице актов высшего органа конституционного правосудия следует учитывать, что они имеют нормативный характер. В итоге, исходя из компетенции Конституционного Суда РФ, как законодательно регламентированной, так и расширенной им непосредственно в процессе осуществления правосудия, следовало бы определить место его итоговых актов в иерархической лестнице источников уголовно-процессуального права сразу же после Конституции РФ, так как подвергнуты проверке на конституционность могут быть не только федеральные конституционные законы, федеральные законы, но и нормы международного договора, причем как не ратифицированного, так и ратифицированного Российской Федерацией, но изменившего свою сущность под действием существующих жизненных реалий [1]. Кроме того, провозглашение им нормативного акта неконституционным полностью или в части посредством принятия решения влечет применение до момента устранения пробела законодательства непосредственно норм Конституции РФ, а не норм федерального законодательства, международных договоров, решений иных судов.

Для разрешения существующей коллизии, на наш взгляд, следует законодательно закрепить место итоговых актов высшего органа конституционного правосудия в системе нормативных актов Российской Федерации посредством принятия соответствующего федерального закона с последующим определением их в иерархии источников права непосредственно после Конституции РФ. Обратимся в качестве примера к законодательству

республики Казахстан, регламентирующему в Законе от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах», что нормативные постановления Конституционного Совета республики Казахстан являются нормативными актами, но в соответствии с ч. 5 статьи 10 находятся вне иерархии нормативных правовых актов [12].

Однако, исходя из смысла статьи 5 вышеуказанного закона, следует, что решения высшего органа конституционного правосудия республики Казахстан обладают юридической силой тех норм Конституции, на основании которых они приняты [12], и таким образом, следовало бы определить их место в иерархии нормативных актов сразу же за Конституцией республики Казахстан.

Данная мера может иметь важное теоретическое и практическое значение, способствуя более эффективному применению норм уголовно-процессуального законодательства.

1. Ковтун Н. Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права // Государство и право. 2015. № 8. С. 33.

2. Лукьянова Е. А. Конституция в судебном переплете // Законодательство. 2000. №12. С. 47-58.

3. Интернет-интервью с В. Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ. Деятельность Конституционного суда РФ. Решения, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkinbd>.

4. Ястребов В. Б., Ястребов В. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник уголовно-процессуального права // Законодательство. 2014. № 7. С. 74-81.

5. Митюков М. А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и статистический анализ // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 17.

6. Витрук Н. М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Программа международного форума. Москва 26 апреля 1999 года. М., 1999.

7. Морщакова Т. Г. Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы: Обзор научно-практической конференции // Государство и право. 1997. № 5. С. 8.

8. Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения (теоретический и практический аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2005. 187с.

9. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке: взгляд с Ильинки. М., Норма. 2008. С. 133.

10. О Конституционном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. конст. закон Рос. Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ

(с изменениями и дополнениями) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/FCL/Pages/default.aspx>.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П "По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

12. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2018 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://kodeksy-kz.com/ka/o_normativnyh_pravovyh_aktah/10.htm.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ситникова Ирина Леонидовна. Старший инспектор отделения регистрационного учета населения отдела по вопросам миграции.

УМВД России по г. Кирову.

Российская Федерация, 610017, г. Киров, ул. Молодой Гвардии, д. 57.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, акт Конституционного Суда РФ, нормативный акт, судебный прецедент, источники уголовно-процессуального права.

УДК 343.13

Сретенцев А. Н.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ПЕРЕДОВЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ФОТОФИКСАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В данной статье исследуются возможности применения передовых средств и методов фиксации в расследовании преступлений, анализируется передовой опыт в этой сфере, рассматриваются возможности его массового внедрения в следственную практику.

Средства фотофиксации уже давно являются неотъемлемой частью процесса расследования. Они применяются при производстве широкого круга процессуальных действий, и оказывают существенное влияние на полноту и достоверность результатов данных следственных действий. Пожалуй, наибольшее значение, фотофиксация имеет для осмотра места происшествия.

Учитывая, что оптимальный порядок проведения фотосъемки места происшествия и видеозаписи следственного действия уже давно разработан и подробно описан в учебной и научной криминалистической литературе, в большинстве случаев при применении методов запечатлевающей фотографии трудностей не возникает [1; 2].

Однако в следственной практике периодически возникают ситуации когда применение традиционных средств и методов фотофиксации оказывается затруднительным и малоэффективным. В таких нестандартных ситуациях, требующих творческого подхода к решению задач расследования, изобретательность следователя порой приводит к возникновению новых или усовершенствованию уже существующих методов фотосъемки.

В качестве примера можно привести ситуацию, возникшую в 2013 г. при проведении осмотра места авиакатастрофы, произошедшей в г. Серове [3].

В данной ситуации в целях фотофиксации применялась аэрофотосъемка, а также метод компьютерной сферической фотопанорамы (КСФП).

Следует отметить, что в настоящее время имеются определенные предпосылки для более широкого внедрения указанных методов в следственную практику. К числу таких предпосылок можно отнести широкую доступность сверхлегких беспилотных летательных аппаратов. Так цена подобных устройств с необходимыми для целей аэрофотосъемки характеристиками и дополнительным оборудованием составляет от 25 до 50 тысяч рублей. Это примерно сопоставимо по стоимости с ценой одного унифицированного криминалистического чемодана. Еще одной из предпосылок их для более активного использования в ходе следственных осмотров является то, что территориальные органы внутренних дел уже частично укомплектованы подобными устройствами.

Так, например в Орловской области компактные беспилотные летательные аппараты имеются в распоряжении ЭКЦ УМВД России, имеются такие устройства и в распоряжении Управления Следственного комитета Орловской области.

Наиболее целесообразно, по нашему мнению, применения подобных устройств в случаях проведения осмотра в условиях:

- обширной локализации следов происшествия, возникающих в случаях крупных авиационных, железнодорожных, техногенных происшествий;
- сложноступности места осмотра (горная местность, болотистая местность и т. д.);
- места осмотра с условиями не совместимыми с жизнедеятельностью человека (загрязнения токсичными и опасными химическими веществами и т. д.);
- местах крупных дорожно-транспортных происшествий.

Следует отметить также, что подобные устройства могут применяться не только в целях непосредственной фиксации результатов осмотра, но также для определения границ осмотра места происшествия, для установления путей возможного отхода преступников в целях раскрытия преступлений по горячим следам и для решения других задач расследования.

В случаях применения в ходе осмотра БПЛА в протоколе следственного действия должны найти отражение сведения о самом факте его применения, его наименовании и основных характеристиках в числе которых необходимо указать:

- тип, марку, модель летательного аппарата;
- характеристики подвеса камеры;
- марку, модель, разрешение камеры;
- тип, марку, объем, идентификационный номер носителя информации [4].

Еще один из методов упоминавшихся ранее – *метод компьютерной сферической фотопанорамы (КСФП)*.

В основе такой панорамы лежит принцип совмещения множества отдельных кадров в сферической проекции, для получения изображения с углом обзора 360x180 градусов. На примере ситуации указанной вначале. Квадрокоптер, на котором была закреплена камера, зависал в одной точке и затем вращался вокруг своей оси фотографируя по правилам круговой и ярусной панорамы, также отдельно был изготовлен снимок пространства расположенного под точкой съемки. Все снимки в дальнейшем были перекопированы на ноутбук и сшиты с помощью программного обеспечения в одно изображение с широким углом обзора, возможностью ротации и масштабирования изображения.

В дальнейшем фотопанорама может быть просмотрена на экране мультимедийного устройства, например планшетного или настольного компьютера либо ноутбука поддерживающего технологию flash, Quick-Time или JavaScript.

Следует отметить, что возможности данного метода фотосъемки могут быть широко востребованы в практике расследования преступлений. Так наличие компьютерной сферической фотопанорамы позволяет провести демонстрацию трехмерного изображения с возможностью виртуального осмотра места происшествия в целях обнаружения и детального осмотра обнаруженных следов; данные изображения могут использоваться также в целях реконструкции обстановки места происшествия при проведении других следственных действий, а также в целях исследования доказательств в ходе судебного производства.

Следует отметить, что для применения данного метода в обычных условиях достаточно простого фотоаппарата со штативом. Однако более эффективно его применение с использованием специализированных

средств, например, многообъективных камер (RicohTheta), либо специализированных мультикамерных устройств.

Еще одним перспективным направлением развития криминалистической фотографии является метод трехмерного лазерного сканирования.

В целях изготовления высокоточных трехмерных фотопанорам используются 3D сканеры [5].

Принцип действия данных устройств основан на замерах отражающихся от поверхности объекта излученных устройством волн и определении координат множества точек поверхности объекта, из совокупности которых затем создается цельное трехмерное изображение (3D-модель).

Изготавливаемая с помощью подобных аппаратно-программных средств виртуальная трехмерная модель имеет высокую точность, при которой отклонение отдельной точки на дистанции до 25 метров не превышает 2 мм.

Опыт применения подобных устройств имеется и в нашей стране. Так несколько лет назад в ГИБДД ЦАО г. Москва в порядке эксперимента подобное оборудование тестировалось в ходе выездов на места дорожно-транспортных происшествий, в процессе которых отработана методика его использования в реальных условиях эксплуатации и при различных погодных условиях. За время апробации был выработан алгоритм применения данных технических средств и установлены усредненные значения времени, необходимого для производства операций, связанных с использованием данного оборудования [6].

В ходе эксперимента было установлено, что на осуществление полного процесса сканирования места ДТП, требуется в среднем 10 минут.

Полученная в результате сканирования трехмерная модель может использоваться в целях:

- производить осмотр виртуальной копии место событий с любого ракурса и различном масштабе;
- составления схемы места происшествия в полуавтоматическом режиме;
- определять расстояния между объектами с точностью до 5 мм, в целях установления исходных для целей автотехнических и трасологических экспертиз.

Таким образом, вопросы применения современных средств и методов фотофиксации в расследовании преступлений, требуют дальнейшего научного осмысления и разработки, а также соответствующего методического обеспечения следственной практики.

1. Морозова Н. В. Вопросы применения средств аудио и видеозаписи в расследовании преступлений // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности в современных условиях. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2016 С. 36-40.

2. Бадиков Д. А. Некоторые аспекты использования специальных познаний и технических средств при фиксации обстановки на месте ДТП // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования) к 40-летию со дня образования ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова: сборник материалов X международной научно-практической конференции. 2016. С. 61-67.

3. Особенности осмотра места происшествия при расследовании авиационных происшествий: метод. пособие, подготовленное Уральским следственным управлением на транспорте Следственного комитета Российской Федерации. Екатеринбург, 2014. С. 20.

4. Сретенцев Д.Н. К вопросу о возможности использования дистанционно управляемых летательных аппаратов с камерой в следственном осмотре // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016 № 4 (27). С. 177-180.

5. Ломов К. С., Сретенцев А. Н. К вопросу о совершенствовании деятельности по организации осмотров мест ДТП // Наука и практика. 2015 № 4 (65). С. 165-167.

6. Сайт ГИБДД ЦАО г. Москвы [Электронный ресурс] / URL: <http://www.karelfines.ru/news/574.html> (дата обращения 7.04.2014 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сретенцев Андрей Николаевич. Кандидат юридических наук, преподаватель.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: следственный осмотр, дистанционно управляемый летательный аппарат, аэрофотосъемка, компьютерная сферическая фотопанорама, трехмерная фотопанорама, 3D- сканирование, виртуальная трехмерная модель.

УДК 343.1

Старжинская А. Н.

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ СУИЦИДОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

В статье рассматриваются проблемы выявления следователем обстоятельств, способствовавших совершению суицидов несовершеннолетними. На основе анализа статистических данных и примеров из практики обозначается важность изучения психоэмоционального состояния несовершеннолетних.

В наше время у каждого ребенка имеется телефон, компьютер со свободным выходом в сеть Интернет. При этом большинство родителей, наличие у ребенка мобильного телефона связывают с гарантией его безопасности, ведь так они могут в любое время узнать, где находится ребенок, как он себя чувствует, что делает и т. д. Очень редко мы задумываемся, что в момент, когда ребенок держит в руках мобильное устройство или персональный компьютер с выходом в сеть Интернет, он становится доступным для оказания на него негативного влияния со стороны широкого круга ее пользователей. До ребенка становится легко добраться с противоправными намерениями в любое время через социальные сети, различные мессенджеры, смс-сообщения, электронную почту [1].

Проблема детских суицидов получила особую актуальность в начале 2016 года, когда активно получила развитие деятельность сообществ, которые создавались неустановленными лицами для реализации механизма формирования суицидального поведения у несовершеннолетних пользователей социальной сети «В Контакте». К середине 2016 года в России всерьез заговорили о «группах смерти», которые создавались в вышеуказанной социальной сети [2].

В конце 2016 года и весь 2017 год на борьбу с деятельностью указанных групп была направлены значительные силы. Это стало предметом обсуждения всех уровней власти, общественности, правоохранительных органов. Однако, в связи с этим, проблемы детей, имеющие место в семье, в близком окружении, в школе, оказались отодвинутыми на второй план.

В то же время, как показывает практика, подростки принимают решение о совершении суицида под воздействием не одного, а ряда факторов: психотравмирующая ситуация (тяжелая утрата), семейные проблемы, отсутствие понимания, принятия в определенный круг общения, а также прогрессирующее психическое заболевание.

Статистические показатели количества завершенных суицидов несовершеннолетних в Московской области в 2018 году не позволяют в настоящее время говорить о положительной тенденции в данном направле-

нии. Так за 8 месяцев 2018 года суицид в регионе совершен 27 несовершеннолетними, тогда как в 2017 году этот показатель равнялся – 22.

Анализ результатов расследования ряда уголовных дел, находившихся в производстве Московского межрегионального следственного управления на транспорте СК России (далее – ММСУТ СК России) дает основания полагать, что виртуальное общение в социальных сетях подростков, совершивших в последующем суицид, не имело прямой причинно-следственной связи с принятием ими такого решения. В большинстве случаев подросток на период активных бесед в социальных сетях о возможном суициде уже имел признаки эмоциональных нарушений [3].

Так, в 2017 году ММСУТ СК России расследовано уголовное дело по факту доведения до суицида несовершеннолетней М., который совершен последней путем выхода на железнодорожные пути перед приближающимся электропоездом. На первоначальной стадии расследования было установлено, что М. в течение нескольких месяцев изменила свое поведение, стала скрытной, находилась в упадническом настроении, на личной странице в социальной сети «В Контакте» неоднократно размещала записи, носящие суицидальный характер, вступала в общение с участниками групп, также имевшими сходство с деятельностью «групп смерти», пропагандирующих суицидальное поведение, родственниками отмечались факты нанесения М. себе повреждений в виде порезов на запястье.

Однако, проведенным расследованием достоверных данных о совершении каким-либо лицом в отношении М. действий, унижающих ее достоинство, либо направленных на приведение ее в такое психическое состояние, которое способствовало принятию такого решения, не установлено. Выводы следствия, в том числе, подтвердили выводы посмертной комплексной психолого-психиатрической экспертизы, в которых указывалось, что у М. при жизни обнаруживались признаки «Формирующегося смешанного расстройства личности». На фоне субъективно сложной психотравмирующей ситуации (развод родителей) у М. отмечалось формирование таких патохарактерологических черт как эмоциональная лабильность, склонность к демонстративности, стремление к самоутверждению с реакциями оппозиции, протеста, поведенческими девиациями, в связи с чем, наряду с элементами недовольства своей внешностью, а также повторными аутоагрессивными действиями (неоднократные самопорезы), неоднократными мыслями и беседами о возможном суициде, что являлось неким «призывом о помощи», в совокупности все это стало причиной того, что в ее сознании сложилось общее положительное отношение к суицидальному поведению [4].

Необходимо отметить, что в более чем 90 % случаев, из выводов, назначенных по уголовным делам, расследованным в ММСУТ СК России, психолого-психиатрических экспертиз, следовало, что у подростков, совершивших суицид обнаруживались расстройства личности либо иные

психические заболевания, которые не были своевременно выявлены ни родителями, ни психолого-педагогическим составом образовательного учреждения, которое она посещала [5].

В связи с изложенным, ключевым пунктом для осуществления профилактической работы с несовершеннолетними, по прежнему остается выявление психоэмоционального состояния несовершеннолетних и оказание им своевременной индивидуально ориентированной педагогической, психолого-педагогической и социально-психологической помощи.

1. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 120-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ от 03.01.2011. № 1. Ст. 48.

2. Шувалова М. Экспертное сообщество: противодействие подростковому суициду не должно ограничиваться борьбой с «группами смерти» // Доступ с информационно-правового портала ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]: <http://www.garant.ru/news/1101253/#ixzz4uLCAedkX> (дата обращения 02.10.2017 г.).

3. Федеральный закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Собрание законодательства РФ от 12.06.2017. № 24. Ст. 3489.

4. Щербак Л. Ю., Чаплыгина В. Н. Реализация законным представителем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановления проблемы) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью» Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. 2015. С. 383.

5. Семенов Е. А. Особенности применения технических средств специалистами при расследовании преступлений // В сборнике: Криминалистика: вчера, сегодня, завтра Сборник научных трудов. Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. С. 193.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Старжинская Анна Николаевна. Руководитель отдела процессуального контроля.

Московское межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 105066, г. Москва, улица Новорязанская, д. 17.

Ключевые слова: суицид, несовершеннолетний, социальная сеть, расследование, суицидальное поведение.

УДК 343.1

Стеблецов С. Н.

**ПРОБЛЕМА ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ
РУКОВОДИТЕЛЮ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА КАК ГАРАНТИЯ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Представленная статья посвящена анализу форм ведомственного контроля со стороны руководителя следственного органа и обеспечению в связи с рассматриваемыми в статье направлениями деятельности основных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства является основным вектором уголовно-процессуальной деятельности, фундаментальным положением идеологической парадигмы уголовного судопроизводства. Вместе с тем, как справедливо отмечает Б. Я. Гаврилов, низкая эффективность предварительного расследования позволяет констатировать несовершенство многих процессуальных правил современного досудебного производства, которые требуют совершенствования в том числе в ракурсе уголовной политики государства [1].

К числу процессуальных норм, которые требуют совершенствования, относятся правила обжалования участниками уголовного судопроизводства действий следователя и рассмотрения таких жалоб руководителем следственного органа. Возможность обжалования действий (бездействия) и решений следователя является несомненной гарантией реализации участниками процесса, своих конституционных прав и свобод в случае их нарушения.

В большинстве случаев субъектом рассмотрения жалоб выступает руководитель следственного органа по месту проведения предварительного расследования. Данный вид ведомственного контроля включает в себя деятельность по проверке проведенных следователем действий, а также решений и его бездействия, на которые поступили жалобы от участников уголовного судопроизводства в связи с возможным нарушением законности.

Результатом такого контроля является либо подтверждение руководителем следственного органа законности и обоснованности принятого решения или проведенного действия (бездействия), либо полное или частичное удовлетворение жалобы, обязывающее следователя устранить допущенное нарушение (ч. 2 ст. 124 Уголовно-процессуального кодекса Рос-

сийской Федерации, далее – УПК). Если жалоба подана на нарушение разумного срока уголовного судопроизводства, то согласно ч. 21 ст. 124 УПК в случае удовлетворения жалобы в постановлении должны быть указаны процессуальные действия, осуществляемые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления.

Обжалование действий (бездействия) следователя осуществляется по инициативе заинтересованных лиц, чьи права и законные интересы были затронуты его решением или действием (бездействием) путем обращения данных лиц к руководителю следственного органа.

Немаловажное значение для ведомственного контроля со стороны руководителя следственного органа, как справедливо отмечает А. О. Бекетов, имеет срок рассмотрения жалобы [2]. Так, согласно ч. 1 ст. 124 УПК руководитель следственного органа рассматривает жалобу в течение 3 суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток, о чем извещается заявитель. Представляется, что срок рассмотрения жалобы руководителем следственного органа не вполне оптимален. Руководитель следственного органа в отличие от прокурора осуществляет регулярный процессуальный контроль деятельности следователя, он осведомлен об особенностях расследования каждого уголовного дела, находящегося в производстве следователя. Следовательно, имеет возможность рассматривать жалобу на действия (бездействие) следователя быстрее, чем прокурор [3]. Двух суток для этого вполне достаточно с возможностью увеличения этого срока руководителем следственного органа до 5 суток с обязательным обоснованием мотивов такого решения.

К сожалению, четко не определена форма подачи жалобы на действия следователя руководителю следственного органа. Представляется, жалоба может быть подана как в устной, так и в письменной форме. Письменный вариант жалобы составляется в форме отдельного документа, либо замечаний к протоколу следственного или иного процессуального действия. Устная жалоба может быть выражена лично руководителю следственного органа или при производстве процессуальных действий следователем и должна фиксироваться в соответствующем протоколе следственного действия либо руководитель следственного органа должен составлять самостоятельный протокол принятия жалобы.

Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что положения ст. 123, 124 УПК применяются лишь при поступлении документа, именуемого «жалоба», хотя требования об устранении нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства могут быть облечены в форму, например, «заявления», «требования» или иной документ. Полагаем, процессуальный порядок восстановления нарушенных прав должен применяться и в этих случаях и не зависеть от на-

именования документа. Для этого в ст. 124 УПК необходимо предусмотреть, что в порядке, предусмотренном данной статьей, должны рассматриваться любые обращения участников уголовного судопроизводства либо иных лиц, права и законные интересы которых затрагиваются принятым решением и произведенным действием, в которых ставится вопрос о незаконности или необоснованности принятого решения, совершенного действия, а равно бездействию следователя.

Компетенция конкретных руководителей следственных подразделений по разрешению жалоб процессуального характера определяется на основании положений ведомственных актов [4]. В системе МВД России это, в частности, приказ Следственного департамента МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов» [5].

Вместе с тем, смысл понятия «руководитель следственного органа», устанавливаемый в ст. 39 УПК вкупе с ведомственными приказами, гораздо шире процессуального: он включает административные, методические и иных организационно-управленческие функции.

Например, приказом Следственного комитета Российской Федерации полномочия по рассмотрению процессуальных жалоб закреплены в отношении широкого круга руководителей. В соответствии п. 11 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 17 октября 2014 г. № 89 [6], правом по рассмотрению жалоб участников уголовного процесса наделены руководители управлений, отделов и отделений процессуального контроля главных следственных управлений и следственных управлений Следственного комитета по субъектам Российской Федерации и их заместители, т. е. многочисленные руководители ряда структурных подразделений Следственного комитета по субъектам, что и ставит под сомнение легитимность такого регулирования. В ряде случаев уровень руководителей, имеющих серьезные процессуальные полномочия в отношении следователя, явно недостаточен.

Напомним, что наличие в жалобе, наряду с процессуальными, иных требований не устраняет ее процессуального характера и не предполагает разрешения жалобы в иные, чем предусмотрены УПК, сроки. Поскольку в действующем законодательстве отсутствует механизм выделения жалобы непроцессуального характера в отдельное производство, в настоящее время, если правоприменитель сочтет возможным, необходимо либо в целом разрешить жалобу в установленный УПК срок, либо, разрешив не позднее указанного срока вопросы процессуального характера, остальные доводы жалобы рассматривать в другом порядке, определенном соответствующими нормативными актами.

Иное может существенно препятствовать устранению выявленных нарушений [7].

Так, 12 апреля 2016 г. в УМВД России по Орловской области поступила жалоба защитника К. на действия следователя и ОУР уголовного розыска по уголовному делу. Проверка жалобы была поручена начальнику СУ УМВД России по Орловской области и начальнику службы собственной безопасности УМВД России по Орловской области в рамках их осуществляемых полномочий. Несмотря на уголовно-процессуальный характер обжалуемых решений жалоба была рассмотрена в административном и процессуальном порядке. Решение по жалобе было принято 10 мая 2016 г., хотя 29 апреля уголовное дело было направлено прокурору, а 4 мая – с обвинительным заключением в суд [8]. Таким образом, устранить выявленные нарушения было бы возможно лишь при соблюдении процессуального порядка рассмотрения жалоб.

В рассматриваемом примере начальнику СУ УМВД России по Орловской области следовало рассмотреть жалобу на процессуальные действия и решения в порядке, предусмотренном УПК, несмотря на требования различного характера, что соответствовало бы требованиям и могло способствовать устранению выявленных нарушений.

Еще один вопрос связан с реализацией должностных прав и обязанностей следователя и обжалования им решений руководителя следственного органа. Так, согласно ч. 3 ст. 39 УПК указания руководителя следственного органа по уголовному делу даются в письменном виде и обязательны для исполнения следователем. Следователь эти указания может обжаловать руководителю вышестоящего следственного органа, но обжалование этих указаний не приостанавливает их исполнение.

Обжалование следователем указаний руководителя следственного органа приостанавливает их исполнение только в тех случаях, когда они касаются: изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю; привлечения лица в качестве обвиняемого; квалификации преступления, объема обвинения; избрания меры пресечения; производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению; направления уголовного дела в суд или его прекращения. В этой связи следует согласиться с мнением А.В. Победкина, Е. А. Новикова о необходимости законодательного закрепления приостановления любых указаний руководителя следственного органа в случае их обжалования следователем, а также обязанность руководителя прояснять мотивировку вынесения указаний [9]. Реализация указанного предложения сохранит хотя бы минимальную процессуальную самостоятельность следователя [10], позволит следователю самостоятельно определять направление предварительного следствия и выбор следственных и иных процессуальных действий, направленных на получение необходимых обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. В этой связи следует поддержать и позицию А. В. Образцова о взаимной ответственности руководителя следст-

венного органа и следователя, которые действуют в рамках своих компетенций для достижения общей цели [11].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что процессуальный контроль руководителя следственного органа должен быть более оперативным, чем прокурорский надзор, стать реакцией на любые нарушения, допускаемые следователем, не подавляя при этом процессуальную самостоятельность следователя.

1. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22.

2. Бекетов А. О. Руководитель следственного органа – субъект обжалования судебного решения в досудебном производстве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 152-162.

3. Победкин А. В. Постоянно действующая следственная группа в уголовном процессе России: надзор, контроль или процессуальное руководство? // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 2 (85) С. 32-38.

4. См., например: Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 11.10.2012 № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 6 марта; Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2017. № 3.

5. Приказ МВД России от 08.11.2011 № 58 (ред. от 29.07.2016) «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов» // Российская газета. 2011. 29 декабря.

6. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 17.10.2014 № 89 (ред. от 06.07.2017) «Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 28 ноября.

7. Гришина Е. Б. Роль объяснений в системе доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Научный вестник МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. № 2 (63). С. 36-39.

8. Архив СУ УМВД России по Орловской области. Материалы по жалобе гражданина К. от 12 апреля 2016 г.

9. Победкин А. В., Новиков Е. А. Руководитель следственного органа (процессуальные и организационные аспекты): Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 91.

10. Победкин А. В. Модель взаимоотношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя (с учетом правовых позиций Кон-

ституционного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2. С. 117-123.

11. Образцов А. В. Сущность процессуального руководства предварительным расследованием // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1. С. 34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стеблецов Сергей Николаевич. Начальник отделения Центра по противодействию экстремизму.

Управление МВД России по Орловской области.

Российская Федерация, 302001, г. Орел, ул. Тургенева, д. 15.

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, руководитель следственного органа, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, обжалование действий (бездействий) следователя (дознавателя), применение мер процессуального принуждения.*

УДК 343.1

Стельмах В. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С НЕПРИЧАСТНОСТЬЮ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье анализируется непричастность обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления как основание прекращения уголовного преследования, раскрываются виды непричастности и последствия прекращения дела по данному основанию.

Непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления названа в законе в качестве самостоятельного основания прекращения уголовного преследования (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ [1]).

В п. 20 ст. 5 УПК РФ непричастность определяется как неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления. Очевидно, что данное основание не должно дублировать другие реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования. Отличия между непричастностью и отсутствием события преступления заключаются в том, что последнее основание подразумевает отсутствие факта реальной действительности как такового либо его происхождение помимо человеческой воли (кроме совершения соответствующего

щих действий самим пострадавшим). Непричастность имеет место, когда деяние, содержащее признаки преступления, было в реальной действительности, но не совершалось соответствующим лицом. Разграничение между непричастностью и отсутствием в действиях состава преступления состоит в том, что отсутствие состава преступления подразумевает совершение лицом отдельных действий, входящих в объективную сторону состава преступления, если при этом полный состав преступления отсутствует. Непричастность представляет собой такое состояние, когда лицо в принципе не выполняло никаких действий, образующих объективную сторону состава преступления. Исходя из этого, можно выделить два варианта непричастности лица к совершению преступления: фактическую («непричастность – неучастие») и юридическую («непричастность – недоказанность»). Л. Г. Лифанова верно отмечает, что фактическая непричастность «предполагает достоверный уровень знаний о том, что конкретное лицо не совершало инкриминируемое деяние и объем собранных доказательств для такого вывода достаточен; юридическая непричастность предполагает вероятный уровень знаний о причастности либо непричастности конкретного лица к совершению преступления и недостаточный объем собранных доказательств для точного вывода о его виновности либо невиновности при отсутствии возможности для собирания дополнительных доказательств» [2, с. 9].

И фактическая, и юридическая непричастность имеет место лишь тогда, когда преступное событие произошло в реальной действительности. Фактическая непричастность присутствует, когда лицо не выполняло действия, образующие объективную сторону состава преступления, что означает полную фактическую невиновность соответствующего лица. Если лицо выполнило определенные действия, не сознавая их истинный характер (например, при посредственном причинении), имеет место не непричастность, а отсутствие в действиях лица состава преступления. Вместе с тем, если лицо имело умысел на совершение каких-либо действий, но не приступило к его реализации, а обнаружение умысла само по себе не представляет преступления, налицо непричастность лица к преступлению. Юридическая непричастность означает наличие такого состояния, когда виновность соответствующего лица в совершении преступления предполагается, однако она не подтверждена достаточной совокупностью собранных по делу доказательств, при том что дальнейшие возможности собирания доказательств исчерпаны. В этом случае конституционный принцип презумпции невиновности требует расценивать недоказанную виновность как доказанную невиновность. Именно поэтому непричастность считается реабилитирующим основанием прекращения уголовного преследования. Несмотря на то, что «непричастность – недоказанность» фактически представляет собой «условно реабилитирующее» основание, в формально-юридическом смысле оно является полностью реабилитирующим, без каких-либо оговорок, его юридические последствия точно такие же, как и

при прекращении уголовного преследования за отсутствием события или состава преступления. В основе указанного правила лежит принцип презумпции невиновности. Если государство в лице своих специально уполномоченных органов не смогло доказать вину лица в совершенном преступлении, несмотря на все предпринятые меры, оно обязано считать соответствующее лицо невиновным и не вправе оставлять какие-либо юридические сомнения в этом. Нельзя согласиться с авторами, в принципе полагающими такое основание прекращения уголовного преследования дефектным, поскольку оно якобы негативным образом формирует в отношении соответствующего лица общественное мнение и нарушает презумпцию невиновности [3, с. 21]. Данная точка зрения небоснованна, поскольку рассматриваемое основание отражает фактическое положение вещей, и ничего более. Государство в лице органов предварительного расследования констатирует недостаточность доказательств для продолжения уголовного преследования лица и отказывается от него. Никаких негативных юридических последствий для этого лица не наступает. Утверждения о формировании некоей «презумпции виновности» выглядят достаточно надуманными и не подкрепленными реальными фактами.

Представляется, что соединение законодателем фактической и юридической непричастности к совершению преступления в одном основании для прекращения уголовного преследования предпринято сознательно, для того чтобы подчеркнуть одинаковый характер юридических последствий при принятии решения в обеих названных ситуациях. Этим же объясняется замена наименования «недоказанность в совершении преступления», как это было в УПК РСФСР, в «непричастность». Предполагалось, что термин «непричастность» более нейтрален и позволяет избежать обвинительного уклона. Вместе с тем представляется более правильным, прежде всего с практической точки зрения, разграничить в уголовно-процессуальном законе фактическую и юридическую непричастность к совершению преступления на два самостоятельных основания прекращения уголовного преследования. При этом фактическую непричастность можно назвать «несовершение лицом преступления» [2, с. 20-21], а «непричастностью» именовать только недоказанность участия лица в совершении преступления. Разграничение оснований позволит учесть фактические содержательные отличия фактической и юридической непричастности, более точно определить сущность и характер прекращения уголовного преследования.

С теоретической и практической точек зрения представляет значительный интерес вопрос о том, по какому основанию подлежит прекращению уголовное преследование в случаях, когда основные доказательства виновности обвиняемого (подозреваемого) признаны недопустимыми. Подобные ситуации не являются типичными и распространенными, однако, к сожалению, имеют место в правоприменительной деятельности. С одной стороны, продолжение уголовного преследования, базирующегося на не-

допустимых доказательствах, невозможно, поскольку это нарушает принципы законности и презумпции невиновности. С другой стороны, уголовно-процессуальный закон не содержит самостоятельного основания прекращения уголовного преследования, заключающегося в признании недопустимыми доказательств, на которых строится обвинение. Более того, введение в УПК РФ такого основания в принципе неверно, поскольку тогда на законодательном уровне будет изначально закладываться возможность допущения существенных нарушений при собирании доказательств. Очевидно, что в рассматриваемой ситуации необходимо применять какое-либо из оснований, имеющих в УПК РФ, наиболее соответствующее характеру имеющего место правоотношения. Правовая сущность анализируемой ситуации заключается в том, что органы предварительного расследования в силу недоброкачества находящихся в их распоряжении доказательств и невозможности преодоления этого путем получения новых доказательств из тех же источников лишаются возможности подтвердить причастность лица к совершению преступления. В силу этого представляется, что прекращение уголовного преследования должно производиться по основанию «в связи с непричастностью обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления», при этом в описательно-мотивировочной части постановления необходимо указать, что из-за признания недопустимыми основных доказательств, подтверждающих виновность лица в инкриминируемом деянии установить его причастность к этому деянию не представляется возможным.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

2. Лифанова Л. Г. Прекращение уголовного преследования за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 27 с.

3. Фильченко А. П. Непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления в механизме прекращения отношения уголовной ответственности // Российский следователь. 2012. № 14. С. 19-22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стельмах Владимир Юрьевич. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса.

Уральский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, прекращение уголовного преследования, реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования, непричастность к совершению преступления.

УДК 343.123.33

Стольников П. М.

ОБ ИСТОРИИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируется эволюция закрепления в российском уголовном процессе процессуальной самостоятельности следователя. Автор предлагает подразделить процесс эволюционирования уголовно-процессуальных норм на несколько периодов.

Проблема процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе имеет определенные исторические корни. Обращение к ним важно с точки зрения понимания и проблем современности. Исследователи истории уголовного судопроизводства справедливо пишут, что «обращение к истории российского судоустройства и уголовного судопроизводства, с точки зрения становления и развития основных составляющих уголовной политики Российского государства, может содействовать совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, наилучшей постановке уголовного правосудия в современной России» [1, с. 4].

Правоприменительная деятельность, в отличие от применения норм права, может быть определена как государственно-властная организационная деятельность специально на то уполномоченных органов, посредством которой содержащиеся в нормативно-правовых актах общие правила поведения и деятельности социальных субъектов переводятся в плоскость их индивидуально-конкретного действия [2, с. 23].

В российском уголовном судопроизводстве следователь как самостоятельная процессуальная фигура появился достаточно поздно – в ходе судебной реформы 1864 г. Однако, как справедливо отмечают ученые [3, с. 15], и до этого периода в России действовали отдельные следственные органы, однако, нормативно их деятельность регулировалась непоследовательно и фрагментарно. Это, например, деятельность майорских коллегий в конце XVIII в. и следственная деятельность полиции в первой половине XIX в. Однако Свод уголовных законов 1832 г., хотя и фиксировал понятие

«следователь», но не определял его сущность, а деятельность следственная настолько тесно была переплетена с административной, что и в теории, и на практике было затруднительно их разграничить. В то же время следователь уже наделялся определенной процессуальной самостоятельностью при оценке доказательств и мог реализовать усмотрение при решении вопроса о необходимости установления тех или иных «малозначимых» обстоятельств.

Обоснованно считается, что во многом Судебная реформа 1864 г была порождена «крайне неудовлетворительным в тот период времени состоянием следственной части и назревшей необходимостью отделения власти судебной от административной» [4, с. 233].

В 1960 г. началась работа по формированию института судебных следователей, что в дальнейшем позволило разделить следственную и полицейскую деятельность и обеспечить определенный уровень процессуальной самостоятельности следователя. Например, судебный следователь получил право «собственной волею» принимать необходимые и предусмотренные законом процессуальные меры и производить необходимые процессуальные действия. Судебный следователь уже обладал полномочиями по самостоятельному дополнению материалов полицейского дознания. Но самостоятельность была ограниченной, так как судебный следователь не мог самостоятельно производить действия в рамках доследования, так как должен был строго следовать указаниям судебного места.

В этот же период была предпринята первая полноценная попытка упорядочить взаимоотношения судебного следователя и прокурора и начался первоначальный этап формирования прокурорского надзора за следствием. Несмотря на то, что следователь собственной властью осуществлял расследование, он предоставлял результаты расследования прокурору, который решал вопрос о передаче дела в суд. Таким образом, процессуальная самостоятельность судебного следователя могла ограничиваться как судом, так и прокурором.

Следует отметить и высокий уровень законодательной регламентации процессуального статуса судебного следователя в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Среди прочего следователь уже наделялся правом самостоятельного решения о возбуждении уголовного дела в условиях очевидности.

Революционными изменениями, произошедшими в России в 1917 г. деятельность судебных следователей была упразднена и начался новый этап в определении процессуального статуса следователя. Первоначально, в условиях гражданской войны, был создан институт военных следователей, действовавших в рамках военных трибуналов. С 1920 г. началось формирование полноценной системы следователей появились, так называемые, народные следователи, процессуальная самостоятельность которых ограничивалась только судом. В уголовно-процессуальном законода-

тельстве того периода уже появляется перечисление субъектов, наделенных правом выполнять функции следователя. Следователь уже был вправе отказать в производстве предварительного расследования, если он не усматривал для этого оснований. В целом, в своей деятельности он должен был руководствоваться обстоятельствами уголовного дела. Однако процессуальная самостоятельность следователя ограничивалась судебным контролем и прокурорским надзором.

Система следственных органов в довоенный период формировалась противоречиво. Следователи входили в различные ведомства, а в 30-е годы прошлого века фактически были созданы и две системы расследования: по общеуголовным делам и по политическим [5, с. 150].

Существенным шагом на пути реформирования следствия стало принятие в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства и последующее принятие УПК РСФСР 1960 г. В этот период в законодательстве закрепляются нормы о процессуальной самостоятельности следователя. были заложены необходимые предпосылки для реализации следственного усмотрения в условиях прокурорского надзора за следствием.

Обобщая исторический обзор, отметим, что на протяжении всей истории развития российского следствия, фактором, в значительной степени ограничивающим процессуальную самостоятельность следователя, был прокурорский надзор.

С принятием УПК РФ 2001 г. в определенной степени процессуальное положение следователя изменилось, а в последующем и трансформировалось, в силу вносимых в закон изменений. Но при этом следователь, как и ранее, обозначается как процессуально самостоятельный субъект предварительного расследования.

1. Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России (XI-XIX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

2. Ветрова О. А. Юрисдикционные полномочия руководителя следственного органа и процессуальная самостоятельность следователя // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. № 3. 2017.

3. Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

4. Шумилин С. Ф. Реформа следственной части 1860-1864 годов: современные представления и реальная действительность / С. Ф. Шумилин // Судебная реформа в России: преемственность и модернизация: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию Судебной реформы Александра II, Белгород, 10-11 окт. 2014 г. / НИУ БелГУ; гл. ред. Е. Е. Тонков. Белгород, 2014. С. 232-236.

5. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса: монография. СПб.: Наука, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стольников Павел Михайлович. Начальник факультета подготовки следователей.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: следователь, предварительное следствие, процессуальная самостоятельность, усмотрение следователя.

УДК 343.1

Тактоева В. В., Залескина А. Н.

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОЧНОЙ СТАВКИ

Статья посвящена проблемам процессуального характера, возникающих при проведении очной ставки. Актуальность темы обусловлена тем, что при соблюдении всех необходимых требований в ходе расследования совершённых преступных деяний в числе различных следственных действий весьма важное значение принадлежит очной ставке, которая в процессуально-тактическом и психологическом отношениях представляет собой достаточно сложное следственное действие.

Актуальность темы не вызывает сомнений и обусловлена тем, что при соблюдении всех необходимых требований в ходе расследования совершённых преступных деяний, в числе различных следственных действий весьма важное значение принадлежит очной ставке, которая в процессуально-тактическом и психологическом отношениях, представляет собой достаточно сложное следственное действие.

Результаты, полученные в ходе проведения очной ставки, обладают в некоторых случаях если не решающим, то, вне всяких сомнений, очень важным значением. Они способствуют выбору той единственно правильной версии во множестве имеющихся, с помощью которой возможно установить действительные обстоятельства совершённого преступления, а кроме этого, способствуют ликвидации существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. В настоящее время требования, которые предъявляются к качеству расследования уголовных дел, ставят на повестку дня вопрос повышения эффективности следственных действий как одного из наиболее значимых направлений совершенствования досудебного следствия.

Обращаясь к анализу некоторых сложностей, связанных с проведением такого важного следственного действия, как очная ставка, нельзя не отметить множество пробелов и нюансов проведения указанного следственного действия. Кроме того, соответствующая учебная и научная литература, посвящённая рассматриваемым аспектам, демонстрирует отсутствие единого подхода к исследованию отдельных вопросов в этой сфере.

В частности, по мнению некоторых авторов, статьёй 192 УПК РФ не ограничивается число участников очной ставки двумя допрашиваемыми [1], однако с категоричной точки зрения других специалистов, очная ставка может проводиться исключительно «между двумя» лицами [2].

Некоторые исследователи [3] упоминают необходимость учёта норм международного права при применении норм, имеющих отношение к проведению очной ставки, что, как нам представляется, необходимо принимать во внимание при производстве следствия.

В связи с этим обратим внимание на пункт 3е статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [4], 3d статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5], которыми предусматриваются нормы, закрепляющие право обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него (право на очную ставку) и право вызова и допроса его свидетелей на аналогичных условиях, существующих для свидетелей, дающих показания против него.

Анализ судебной практики, основанной на решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), свидетельствует о имеющихся нарушениях вышеуказанных прав при вынесении решений российскими судами, что приводит к принятию Верховным Судом РФ решений, отменяющих указанные выше решения, с учётом новых обстоятельств [6]. Кроме того, Верховным Судом РФ неоднократно отмечались такие нарушения при вынесении приговоров по делам, не дошедшим до ЕСПЧ [7].

Основываясь на положениях, закреплённых частью 1 статьи 281 УПК РФ, огласить показания неявившегося потерпевшего либо свидетеля можно на основе ходатайства гособвинителя в том случае, если не имеется возражений со стороны подсудимого и защитника. Однако на практике, как полагает Т. Г. Кудрявцева, согласия подсудимого и защитника для оглашения показаний прямого свидетельствующего лица судами никогда не получается, поэтому возможность оглашения показаний отпадает [8].

В соответствии с частью 2 статьи 281 УПК РФ при неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд обладает правом на основе ходатайства стороны либо по своей инициативе вынести решение огласить ранее данные им показания:

- в случае смерти потерпевшего или свидетеля;
- в случае тяжёлой болезни, которая препятствует явке в суд;
- в случае отказа потерпевшего либо свидетеля, который является иностранным гражданином, явиться в суд;

в случае возникновения стихийного бедствия либо других чрезвычайных обстоятельств, которые стали препятствием для явки в суд.

Решение суда о признании уважительными причин неявки свидетелей (потерпевших) должно быть убедительным, а государственным органам необходимо принимать все меры, направленные на обеспечение явки указанных выше лиц в судебное заседание, для того чтобы осуждение подсудимых основывалось в максимальной степени на доказательствах, которые не было бы возможности оспаривать.

В тех случаях, если таких оснований не усматривается, то показания таких свидетельствующих лиц в судебном заседании не оглашаются.

В качестве восполнения этого выступает возможность огласить протокол следственного действия, полученного при участии виновного. Показания свидетеля фиксируются протоколом очной ставки, которая проводится в процессе предварительного расследования [9].

В ходе проведения очной ставки должны быть соблюдены процессуальные права всех её участников, и в особенности право на защиту виновного лица. Таким образом, необходимо осуществлять очную ставку при участии защитника или исполнить все тонкости процедуры отказа от него – часть 1 статьи 51 УПК РФ (виновный не должен подпасть под категорию перечисленных лиц), согласно части 1 статьи 52 УПК РФ добровольный отказ от защитника выражается только в письменном виде в присутствии защитника, подтверждающего это своей подписью и указанием даты в заявлении.

Виновный обладает правом на защиту, начиная с момента проведения с ним самого первого следственного действия (часть 4 статьи 46 УПК РФ), материалы дела должны содержать документы, подтверждающие это (например, постановление о назначении защитника и ордер). Нарушение такой нормы ведёт к признанию полученных с нарушением права на защиту доказательств недопустимыми.

Прежде всего, в протоколе очной ставки нужно отразить право лиц, между которыми осуществляется очная ставка, задавать вопросы друг другу, что предусмотрено частью 2 статьи 192 УПК РФ. Указание на это представляется довольно важным, поскольку ещё на этапе предварительного расследования виновному и его защитнику даётся возможность задавать вопросы дающему показания против виновного. И если впоследствии такой свидетель не явится в суд и не даст показания, то право виновного задавать вопросы дающему показания против него не будет нарушено.

Таким образом, в соблюдении изложенного выше усматриваются очень важные аспекты для того, чтобы не утратить доказательственное значение показаний свидетельствующего лица на стадии судебного разбирательства.

Обратим также внимание, что часть 1 статьи 192 УПК РФ устанавливает, что если в показаниях ранее допрошенных лиц есть существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку. Многие сле-

дователи и дознаватели, а также некоторые учёные понимают эту норму так, что это исключительное право следователя – решать, проводить очную ставку или нет [10].

Думается, что указанная позиция уже неактуальна. Все дело в том, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 [11] указывается, что выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления не могут быть основаны исключительно или главным образом (в решающей степени) на фактических данных, содержащихся в оглашённых показаниях потерпевшего или свидетеля, если обвиняемый (подсудимый) в стадии предварительного расследования либо предыдущих судебных заседаниях не имел возможности оспорить эти показания (например, допросить показывающего против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке, задавать ему вопросы, высказывать свои возражения в случае несогласия с показаниями).

На наш взгляд, позиция Пленума Верховного Суда РФ весьма обоснована, в связи с чем законодателю следует внести изменения в ч. 1 ст. 192 УПК, изложив её в следующей редакции: «Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь обязан провести очную ставку».

Однако уже до внесения законодателем изменений в ст. 192 УПК РФ следователи и дознаватели при решении вопроса о проведении очной ставки должны руководствоваться указанным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ.

1. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. 5-е изд., перераб. и доп изд. М.: КНО-РУС, 2016. С. 481.

2. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2015. С. 365.

3. Гельдибаев М. Х., Вандышев В. В. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп изд. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 712.

4. "Международный пакт о гражданских и политических правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) от 16.12.1966 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1976 г. № 17. Ст. 291.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

6. Постановление президиума Верховного Суда РФ от 18.11.2009 № 206-П09 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 5.

7. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.11.2012 № № 93-О12-5СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013 г. № 7; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.06.2013 № 22-АПУ13-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

8. Кудрявцева Т. Г., Кожухарик Д. Н. Новеллы в процессуальных правах и обязанностях потерпевшего и свидетеля // Уголовный процесс. 2015. №2. С. 47-52.

9. Кудрявцева Т. Г., Кожухарик Д. Н. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Российский следователь. 2014. № 5. С. 28-30.

10. Быков В. Обязательность очной ставки на предварительном следствии // Законность. 2013. № 10. С. 47.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. Январь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тактоева Вера Викторовна. Старший преподаватель кафедры общеправовой подготовки.

Восточно-Сибирский институт МВД России.

Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Залескина Анна Николаевна. Преподаватель кафедры общеправовой подготовки.

Восточно-Сибирский институт МВД России.

Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

***Ключевые слова:** уголовный процесс, доказательство, расследование совершённых преступных деяний, следственное действие, очная ставка, проведение очной ставки.*

УДК 343.1

Тарасова О. М.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Данная статья раскрывает правовую основу уголовно-процессуального статуса следователя на современном этапе развития

уголовно-процессуального законодательства России и его структуру. Автором анализируются отдельные проблемы, связанные с уголовно-процессуальным статусом следователя. Рассмотрены и проанализированы разные взгляды ученых по данной теме, проведен анализ законодательства и теоретических положений.

Произошедшие изменения в УПК РФ, за последние годы, во многом изменили традиционные формы и методы работы следователя, тем самым повлекли изменение уголовно-процессуального статуса следователя. В связи с этим одним из приоритетных направлений исследований в современной юридической науке является проблема правового положения следователя в уголовном процессе.

Понятие «статус» (от лат. status – состояние, положение) определяется как установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей [1]. В самом общем виде правовой статус определяется как юридически закрепленное положение личности в государстве и обществе [2]. В словаре русского языка С. И. Ожегова статус определяется как правовое положение [3]. Большинство ученых рассматривают термин «правовое положение» и «правовой статус» как равнозначные понятия.

Правовую основу уголовно-процессуального статуса следователя составляют конституционные положения, УПК РФ и иные нормативно-правовые акты.

Согласно УПК РФ, следователем является должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 41 ст. 5, ст. 38). Предварительное следствие производится следователями Следственного комитета РФ, органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел РФ (ст. 151 УПК РФ). Нахождение следователей и следственных подразделений в составе различных правоохранительных органов не влияет на процессуальный статус этих должностных лиц: объем процессуальных прав и обязанностей у них одинаков. Закон лишь разграничивает их процессуальную компетенцию по подследственности в зависимости от предмета расследуемого дела, что находит только внешнее отражение в квалификации преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 150 УПК РФ, производство предварительного следствия обязательно по всем уголовным делам, за исключением уголовных дел о преступлениях, по которым проводится дознание.

Проведенный анализ законодательства, теоретических положений позволяет прийти к выводу о том, что структуру уголовно-процессуального статуса следователя составляет такие элементы, как функции и задачи, права и обязанности (полномочия), гарантии деятельности и ответственность.

На наш взгляд, определяющим элементом уголовно-процессуального статуса следователя является функция его деятельности. Функция характеризует направленность деятельности и определяет задачи, возникновение и наличие прав, обязанностей.

Следующим по своей значимости элементом уголовно-процессуального статуса следователя являются его задачи, которые предопределены возложенной на него функцией. Без уяснения содержания этих задач, выступающих в качестве средства реализации функции и целей всей деятельности следователя, невозможно полно и объективно оценить место и роль одного из основных субъектов уголовного судопроизводства.

Е. А. Семенов, например, отмечает, что стадии уголовного процесса имеют собственные непосредственные задачи, они отграничены друг от друга итоговыми процессуальными актами, которые решают эти задачи, а функции – не теряются из виду на протяжении всего уголовного процесса (на всех стадиях) и могут быть достигнуты лишь по его окончании [3].

Выполнение задач, являясь правовой обязанностью следователя, обеспечивает целенаправленность его деятельности, хотя в УПК РФ нет специальной статьи, где формулируются задачи, которые непосредственно должен выполнять следователь. Задачи следователя обусловлены общими целями уголовного судопроизводства, а также вытекают из норм УПК РФ, регулирующих его деятельность.

Так же основными элементами правового статуса следователя являются права и обязанности. Субъективные права представляют меру возможного поведения, а обязанности – меру должного поведения.

подавляющее большинство прав следователя является одновременно и его обязанностями, либо становятся таковыми при определенных условиях, возникших при производстве предварительного следствия. В. В. Шимановский писал по этому поводу, что для выполнения своих обязанностей в процессе, следователь наделен соответствующими правами, а обязанности следователя, носящие императивный характер, являются в то же время и его субъективными правами [4].

Мы согласны с мнением многих ученых процессуалистов о том, что вместо понятия права и обязанности в отношении государственных органов и должностных лиц более применимо понятие полномочия.

Полномочия следователя составляют центральное звено его уголовно-процессуального статуса. Закрепленные в законе полномочия следователя устанавливают границы его должного и возможного поведения. Успешное осуществление функции и решение задач, стоящих перед следователем, зависит от многих обстоятельств, в том числе от законодательной регламентации его полномочий в ходе предварительного следствия. В ч. 2 ст. 38 УПК РФ закреплены полномочия следователя, которые раскрывают характер его процессуальной функции. Полномочия следователя не охватываются полностью данной нормой, они в той или иной степени закреплены

в других нормах УПК РФ, регламентирующих порядок производства следственных и иных процессуальных действий, определяющих права и обязанности других участников судопроизводства и т. д. (ст. 17, 21, 164 и др.).

Таким образом, мы можем определить полномочия следователя как закрепленные в процессуальном законе правовые возможности, позволяющие ему свободно и самостоятельно определять нормы его поведения на предварительном следствии в целях наиболее успешного выполнения возложенных на него задач, и в то же время его обязанности, предписывающие ему необходимость такого поведения, которое реализует его назначение в уголовном судопроизводстве.

В характеристике уголовно-процессуального статуса следователя особое значение уделяется гарантиям обеспечения прав и законных интересов. В первую очередь, к процессуальным гарантиям обеспечения законности и обоснованности деятельности следователя должны быть отнесены нормы уголовно-процессуального закона, закрепляющие его полномочия. В качестве процессуальной гарантии должны рассматриваться система проверки обоснованности принимаемых следователем решений, система контроля за законностью процессуальных действий.

Гарантии законности и обоснованности деятельности следователя можно определить как закрепленные в нормах закона средства (условия), обеспечивающие выполнение стоящих перед ним задач в уголовном судопроизводстве, возможность исполнения полномочий.

Рассматривая уголовно-процессуальный статус следователя, мы выделяем как один из его элементов процессуальную самостоятельность. Процессуальная самостоятельность реализуется главным образом на досудебных стадиях, но это не означает, что ее реализация не отражается на осуществлении правосудия. УПК РФ устанавливает, что следователь самостоятельно возбуждает уголовное дело, самостоятельно направляет ход расследования, принимает решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения и согласие руководителя следственного органа (п. 3 ч. 3 ст. 38). Согласно ст. 17 УПК РФ следователь свободен в оценке доказательств. Из этого следует, что решения должны изначально приниматься следователем самостоятельно даже тогда, когда требуется судебное решение и согласие руководителя следственного органа.

Процессуальную самостоятельность следователя можно определить как процессуальный институт, устанавливающий право следователя самостоятельно возбуждать уголовное дело, оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, исключая какое-либо воздействие на решения, принимаемые следователем в ходе предварительного следствия по уголовному делу. При принятии решений следователь руководствуется только законом и внутренним убеждением, самостоятельно определяет на-

правления расследования и несет полную ответственность за законное и своевременное осуществление своих действий и решений. Обеспечение процессуальной самостоятельности является важным условием надлежащего обеспечения прав и интересов личности при производстве предварительного следствия и нуждается, на наш взгляд, в законодательном закреплении как один из принципов уголовного судопроизводства.

Процессуальная самостоятельность следователя тесно связана с вопросом его ответственности. Представление самостоятельности важно и тем, что таким образом на следователя возлагается ответственность за ход и результаты расследования, что способствует строгому и точному соблюдению правовых предписаний.

УПК РФ не содержит конкретной нормы, где прямо предусматривается ответственность следователя за ненадлежащее исполнение своих полномочий. Мы считаем, что отсутствие в законе подобного положения может существенно снизить требования следователя к результатам своей деятельности. Полагаем, что необходимо четко обозначить в законе последствия невыполнения или ненадлежащего выполнения уголовно-процессуальных обязанностей.

Таким образом, мы определяем уголовно-процессуальный статус следователя как установленную нормами уголовно-процессуального права совокупность таких элементов, как функция (основное направление уголовно-процессуальной деятельности), задачи, полномочия следователя, процессуальная самостоятельность, гарантии законности и обоснованности деятельности, ответственность. Содержание уголовно-процессуального статуса следователя изменчиво и зависит от возложенных на него функций в различные исторические периоды развития российской правовой системы.

1. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 2014. 541 с.

2. Конституционное право: Учебник / Под ред. А.Е. Козлова. М., 2016.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2015. С. 175.

4. Семенов Е. А. Особенности применения технических средств специалистами при расследовании преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра Сборник научных трудов. Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. С. 192.

4. Маслов И. В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства: монография. М., 2018. 347 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасова Ольга Михайловна. Преподаватель-методист учебного отдела.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: полномочия, следователь, уголовный процесс, функции, уголовно-процессуальный статус.

УДК 343.1

Титов П. М.

ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье рассматриваются отличительные особенности потерпевшего как участника уголовного судопроизводства по делам частного обвинения, анализируются материально-правовой и процессуальный аспекты надления лица статусом потерпевшего по указанной категории дел.

Состав участников по делам, относящимся к категории частного обвинения имеет ряд особенностей, которые вызваны следующими обстоятельствами: а) гораздо более высоким уровнем диспозитивности, обуславливающим возможность принятия решений по инициативе лиц, не наделенных полномочиями государственно-властного характера; б) приданием значительного числа полномочий по выдвижению обвинения и доказыванию обстоятельств совершения преступления частным лицам, что объективно приводит к некоторой депрофессионализации соответствующей деятельности; в) отсутствием стадии предварительного расследования, в ходе которой происходит присвоение статусов участников уголовного судопроизводства по делам публичного и частно-публичного обвинения.

По названной категории уголовных дел наибольшими особенностями характеризуется состав участников со стороны обвинения. Если потерпевший по делам публичного и частно-публичного обвинения является субсидиарным участником со стороны обвинения, то по делам частного обвинения именно потерпевший, и никто более, иницирует как начало, так и прекращение уголовного преследования. Необходимо отметить, что желание потерпевшего является обязательным для органов уголовного судопроизводства [1, с. 110]. Нужно учитывать и то, что основная нагрузка

по установлению обстоятельств совершения преступления возлагается на потерпевшего, а роль мирового судьи сводится лишь в оказании ему содействия в этом.

По делам частного обвинения, в связи со спецификой составов преступлений, отнесенных законодателем к данной категории, потерпевший фигурирует в обязательном порядке. Преступления, дела по которым отнесены уголовным законом к категории частного обвинения, предполагают причинение вреда конкретному лицу (потерпевшему).

Как и любой другой участник уголовного судопроизводства, не обладающий государственно-властными полномочиями, потерпевший может быть определен в двух аспектах: материально-правовом и процессуальном [2, с. 6]. Материально-правовой аспект заключается в том, что потерпевшим является лицо, которому непосредственно преступлением причинен имущественный, физический или моральный вред (ч. 1 ст. 42 УПК РФ [3], абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [4]). В процессуальном аспекте потерпевший – это лицо, признанное таковым специальным решением правоприменительного органа. При этом вынесение такого постановления в случае установления причиненного лицу вреда от преступления является обязанностью, а не правом соответствующего правоприменительного органа [5, с. 7]. Правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им (ч. 1 ст. 42 УПК РФ, абз. 2 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»). Кроме того, потерпевший по делам частного обвинения имеет одно исключительное право – обратиться с заявлением о возбуждении уголовного дела и осуществлении уголовного преследования конкретного обвиняемого.

Материально-правовой аспект статуса потерпевшего по делам частного обвинения не отличается от статуса этого участника уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения, поскольку характер причиненного вреда, дающего основания для признания лица потерпевшим, не имеет никаких различий. При этом, разумеется, следует учитывать, что в настоящее время законодатель относит к частному обвинению такие составы преступлений, по которым непосредственно преступным деянием может быть причинен физический или моральный вред. Однако, в случае нормативного расширения составов преступлений, отнесенных к частному обвинению, в их число могут попасть деяния имущественного характера, по которым потерпевшему причиняется имущественный вред.

Процессуальный аспект статуса потерпевшего по делам частного обвинения характеризуется некоторой спецификой, поскольку возбуждение уголовного дела производится исключительно по заявлению потерпевшего. Это обстоятельство, а также возложение на потерпевшего обязанности доказывания обуславливает иной, более широкий объем прав и обязанностей потерпевшего по делам частного обвинения, в сравнении с делами публичного и частно-публичного обвинения [6].

Право на подачу заявления о возбуждении дела имеет не любое лицо, а только соответствующее необходимым критериям, прежде всего – возрастному. Из буквального смысла уголовно-процессуального закона неясно, в любом ли возрасте потерпевший вправе подать заявление по делу частного обвинения. В науке уголовного процесса достигнут консенсус по поводу того, что для самостоятельного обращения с заявлением потерпевший должен достичь определенного возраста, однако какого конкретно – единое мнение не выработано. Одни исследователи полагают, что право на самостоятельное обращение с заявлением наступает по достижении 18 лет [7, с. 141], другие – 16 лет [8, с. 154]. Последняя точка зрения представляется наиболее правильной. Законодатель вводит уголовную ответственность за совершение такого преступления, как заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), с 16-летнего возраста. Очевидно, что наличие признаков субъекта именно данного состава преступления позволяет лицу самостоятельно подавать заявление о совершении преступления. Иными словами, если лицо в состоянии нести по достижении 16 лет уголовную ответственность за заведомо ложный донос, оно может и самостоятельно сообщать в правоприменительные органы о совершении преступления. Нет каких-либо правовых и морально-этических оснований ограничивать право таких лиц на самостоятельное обращение с заявлением о возбуждении уголовного дела частного обвинения.

Таким образом, потерпевшим по делу частного обвинения выступает любое лицо, независимо от гражданства, возраста, психического состояния, знания языка уголовного судопроизводства и прочих подобных признаков, которому непосредственно преступлением причинен вред (в настоящее время – физический или моральный), и которое желает привлечь виновных к уголовной ответственности. Вместе с тем право на самостоятельное осуществление таких видов деятельности, как подача заявления о совершении преступления, собирание доказательств, принятие решения о прекращении уголовного преследования, возникает только по достижении лицом 16-летнего возраста.

В науке обращается внимание на то, что по делам частного обвинения не производится предварительное расследование, в силу чего до принятия заявления к производству мировым судьей не выносятся постановления о признании лица потерпевшим, что, по мнению данных авторов, исключает возможность придания этому лицу данного процессуального

статуса. Соответственно, выдвигается предложение о введении в УПК РФ самостоятельного участника уголовного судопроизводства – «пострадавшего» [9, с. 10; 10, с. 7]. Такие предложения представляются недостаточно аргументированными. «Пострадавший», по сути, является тем же потерпевшим, только до принятия судьей заявления к производству. Процессуальные права предполагаемого «пострадавшего» будут практически полностью совпадать с правами потерпевшего. Неясно, какие позитивные моменты даст введение в уголовно-процессуальный закон самостоятельного участника уголовного процесса, но очевидно, что применение закона будет существенно осложнено. «Дробление» процессуальных статусов способно лишь утяжелить процессуальные конструкции, сделать их более запутанными и трудновыполнимыми.

По делам частного обвинения лицо, которому преступлением причинен вред, может быть признано потерпевшим только при подаче заявления о привлечении виновного к уголовной ответственности [11, с. 8]. Это вытекает из сущности данной категории уголовных дел, по которым уголовное преследование производится исключительно по инициативе потерпевшего. Иными словами, даже если будет установлено, что лицу причинен вред преступлением, отнесенным к частному обвинению, однако это лицо не обратилось с заявлением о возбуждении уголовного дела, правоприменительный орган не вправе признать соответствующее лицо потерпевшим.

1. Бозров В. Не всякое примирение освобождает от уголовной ответственности // Уголовное право. 2012. № 3. С. 110-114.

2. Волосова Н. Ю. Процессуальное положение потерпевшего в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 1999. 154 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 17.09.2018 г.).

5. Бегова Д. Я. Потерпевший в уголовном судопроизводстве России: интерес и процессуальные средства защиты: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2009. 227 с.

6. Завидов Б. Д. Правовое положение потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу РФ (Подготовлен для системы Консультант-

Плюс, 2002) // [Электронный ресурс]. Консультант Плюс (дата обращения: 30.03.2018 г.).

7. Кудряков В. Д., Валеев А. Т. Некоторые актуальные вопросы рассмотрения дел частного обвинения // Производство предварительного расследования по УПК РФ и вопросы расследования уголовных дел в подразделениях Минюста России: материалы науч.-практ. семинара. Вологда, 2003. С. 140-142.

8. Куленкова И. Ю. Особенности рассмотрения дел частного обвинения в суде первой инстанции // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. № 1. С. 152-156.

9. Быковская Е. В. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: проблемы правовой регламентации и их решение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.

10. Мисник И. В. Потерпевший в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 238 с.

11. Воронин В. В. Становление, особенности и проблемы российского судопроизводства по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001. 206 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Титов Павел Михайлович. Старший инспектор учебного отдела. Уральский юридический институт МВД России. Российская Федерация, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, частное обвинение, потерпевший, признание потерпевшим, мировой судья.

УДК 343.123.66

Химичева О. В., Шаров Д. В.

ОБ УТОЧНЕНИИ ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Научная статья посвящена проблематике уточнения целей применения мер пресечения в уголовном процессе.

Меры пресечения, являясь мерами уголовно-процессуального принуждения, применяются уполномоченными на то органами и должностными лицами исключительно в рамках уголовного судопроизводства по возбужденному уголовному делу в отношении обвиняемого, реже подоз-

реваемого, подсудимого, осужденного при наличии условий и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом (гл. 13 УПК РФ).

Меры пресечения не являются мерами уголовно-правового воздействия, как полагают некоторые ученые [1], и хотя применяются в связи с совершенным преступлением, имеют целью не наказание за него, а обеспечение производства по уголовным делам.

Они избираются в тех случаях, когда необходимо исключить для подозреваемого, обвиняемого любую возможность скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжить преступную деятельность, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица (ст. 97 УПК РФ).

В связи с этим уяснение целей мер пресечения имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку связано с ответом на вопросы, ради чего эти меры применяются, на что они направлены и каким образом достигается цель.

Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. заключение под стражу лица предназначено для того, чтобы лицо предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или когда необходимо предотвратить совершение им правонарушения, или помешать ему скрыться после его совершения (ст. 5).

Как видим, аналогично цели применения мер пресечения сформулированы и в ст. 97 УПК РФ. Следовательно, недопустимо применение в качестве меры пресечения заключения под стражу для достижения каких-либо иных целей, к примеру, для упрощения производства по уголовному делу, оказания воздействия на подозреваемого, обвиняемого, облегчения доказывания обстоятельств совершения преступления и т. д. Полагаем, что это положение о целях может быть распространено не только на заключение под стражу, но и на другие меры пресечения.

В соответствии п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» [2] любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Соответственно, в уголовном судопроизводстве цели применения любой меры пресечения состоят в том, чтобы предотвратить, сделать невозможными препятствующие производству по уголовному делу действия

обвиняемого или подозреваемого, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ (скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу), кроме того, мера пресечения может избираться для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что целями применения мер пресечения должно являться исключение именно незаконных действий подозреваемого, обвиняемого, направленных на воспрепятствование производству по уголовному делу. Если действия подозреваемого обвиняемого тем или иным образом, по мнению следствия, препятствуют производству по уголовному делу, но при этом остаются в рамках закона, то предотвращение таких действий не может являться целью применения мер пресечения.

Учитывая, что с формальной точки зрения воспрепятствованием производству по уголовному делу следователь, а затем и суд может считать достаточно широкий круг действий подозреваемого или обвиняемого, то формулировка уголовно-процессуального закона – «либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу», использованная в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, – представляется весьма абстрактной.

Как известно, согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе участвовать в доказывании по уголовному делу: собирать и представлять письменные доказательства и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств; а в соответствии с ч. 3 той же статьи защитник наделен правом собирания доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их копии. Следовательно, собирание документов, доказывающих невиновность лица, обращение к специалисту, обжалование действий и решений следователя являются неотъемлемым правом обвиняемого, подозреваемого и не могут расцениваться как попытки воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать воспрепятствованием производству по уголовному делу, к примеру, попытки подозреваемого, обвиняемого получить документы, доказывающие его невиновность, установить лиц, которых мог бы опросить защитник, используя предоставленное ему ч. 3 ст. 86 УПК РФ право, для получения оправдывающих подозреваемого, обвиняемого сведений? Безусловно, применение насилия, угроз, запугивания и прочих незаконных действий в ходе получения

таких сведений недопустимо, однако любая попытка подозреваемого, обвиняемого реализовать свое право на защиту от обвинения вряд ли может быть расценена как незаконное воспрепятствование производству по уголовному делу.

И это не является чисто теоретическим, отвлеченным, «кабинетным» рассуждением. Напротив, данная проблема в практической деятельности предстает во всей своей остроте.

Как показывает адвокатская практика одного из авторов статьи, следователи зачастую обосновывают свои ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу перед судом именно сведениями о совершении подозреваемыми, обвиняемыми действий, хотя, по их мнению, и препятствующих производству по уголовному делу, но далеко не всегда являющимися незаконными.

Так, например, в качестве действий, препятствующих производству по уголовному делу, при обосновании ходатайства о заключении лица под стражу, следователем указывалось поручение обвиняемого, являющегося руководителем организации, подчиненным ему сотрудникам провести обследование его автотранспортного средства и служебного кабинета на предмет обнаружения установленных в них средств негласного аудио- и видеоконтроля.

Является ли обследование собственного автомобиля и кабинета, направленное на поиск, возможно, установленных в них «жучков» незаконной деятельностью? Большой вопрос. На наш взгляд, в данном случае деятельность гражданина правомерна. Возможно, в случае действительного обнаружения средств негласного аудио- и видеоконтроля это в некотором роде и затруднило бы предварительное следствие по делу, но использовать данную не противоречащую закону деятельность в качестве обоснования избрания заключения под стражу – явный перебор.

Кстати, никакой информации о том, где и сколько «жучков» было обнаружено в результате этой, якобы, противоправной деятельности, в материалах, обосновывающих ходатайство следователя о применении данной меры пресечения, не имелось.

Иногда вообще доходит до смешного. В каждом очередном постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей следователь обосновывал намерение обвиняемого скрыться от предварительного следствия и суда наличием у него заграничного паспорта гражданина Российской Федерации, который почти сразу после его заключения под стражу был изъят и давным-давно хранился при уголовном деле. Тем не менее нахождение заграничного паспорта гражданина при уголовном деле, в сейфе следователя, не мешало последнему при каждом следующем продлении срока содержания под стражей утверждать, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда, потому что располагает действующим заграничным паспортом.

В качестве еще одного примера воспрепятствования производству по уголовному делу, служащего обоснованием применения меры пресечения в виде заключения под стражу, можно привести утверждение следователя о наличии в организации помещения, оборудованного специальными техническими средствами установки помех и использовании данного помещения обвиняемым для проведения совещаний, которые, якобы, были направлены на инструктаж подчиненных сотрудников на сокрытие следов противоправной деятельности. При этом никаких доказательств проведения такого рода совещаний в материалах, обосновывающих ходатайство следователя, приведено не было. То, что существование данного помещения вызвано объективной необходимостью обеспечения сохранности сведений, составляющих государственную тайну, в силу специфики выполняемой организацией деятельности и его использование длительное время являлось обычной практикой при обсуждении важных производственных вопросов, следствие не заинтересовало.

Представляется, что наличие такого помещения в организации, а также проведение в нем совещаний само по себе также не должно свидетельствовать о воспрепятствовании производству по делу. И тем не менее следователь использовал данный факт в качестве обоснования заключения под стражу, ограничившись голословным утверждением об их возможном противоправном характере и не потрудившись предоставить суду каких-либо доказательств этого.

После приведенных примеров хотелось бы еще раз обозначить наш первоначальный тезис.

Целью применения мер пресечения в случае «иногo воспрепятствования производству по уголовному делу» (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) должно являться предотвращение именно незаконных действий подозреваемого, обвиняемого. Иными словами, воспрепятствование производству по уголовному делу со стороны подозреваемого, обвиняемого должно являться незаконным. Только в этом случае применение в отношении него меры пресечения можно считать правомерным.

Это позволит упорядочить деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда при применении мер пресечения, уменьшить их дискрецию в данном вопросе, а самое главное – в большей степени защитить конституционные права и свободы граждан от огульного применения самой строгой меры пресечения – заключения под стражу.

Необходимо четко закрепить в законе в качестве одной из целей применения мер пресечения предотвращение попыток воспрепятствовать производству по уголовному делу именно запрещенным, незаконным путем.

Для этого п. 3 ч.1 ст.97 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным **незаконным** путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

1. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства угоовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Химичева Ольга Викторовна. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.

Российская Федерация, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Шаров Денис Васильевич. Кандидат юридических наук, доцент, адвокат.

Адвокатская палата города Москвы.

Российская Федерация, 105005, г. Москва, Плетешковский пер., д. 3А, оф. 31.

***Ключевые слова:** уголовный процесс, меры пресечения, мера уголовно-процессуального принуждения, УПК РФ.*

УДК 343.1

Чаплыгина В. Н.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Статья посвящена анализу уголовно-процессуальной функции следователя. В статье приводятся позиции по указанному вопросу из научного наследия А. П. Гуляева.

В настоящее время российское уголовно-процессуальное законодательство направлено на построение как уголовного судопроизводства в целом, так и предварительного следствия в частности, в рамках состязательного процессуального отношения на стадии предварительного расследования. Реализуемые реформы довольно отчетливо расширили в последние годы права граждан в области уголовно-процессуального права и привели

к усилению гарантий справедливости в данной сфере государственных отношений.

Главным фактором в деятельности органов предварительного расследования является фактор обеспечения действия норм уголовно-процессуального права, достигающийся посредством реализации уголовно-процессуальных функций.

Реализуемая в настоящее время следователем обвинительная функция в равной степени также направлена не только на изобличение лица, совершившего преступление, но и на реализацию целей, стоящих перед всем уголовным судопроизводством (защите прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения его прав и свобод).

Предприняв экскурс в историю уголовно-процессуального права, отметим, что А. П. Гуляев в 1988 году защитил докторскую диссертацию по теме «Совершенствование правового регулирования деятельности следователя» и следует отметить, что этой проблематике он остался преданным на всю жизнь. Научные изыскания А. П. Гуляева активно и с благодарностью были использованы мной при написании кандидатской диссертации «Становление и тенденции развития органов предварительного следствия системы МВД России (функционально-структурный подход)» [1], защита которой состоялась в 2004 году.

Просматривая научное наследие А. П. Гуляева, хочется остановиться на одном из его многочисленных трудов – книге «Следователь в уголовном процессе», на которой выросло ни одно поколение практикующих юристов. В данном издании А. П. Гуляев особое внимание уделил рассмотрению уголовно-процессуальной функции следователя через призму основных направлений его деятельности. К процессуальным функциям А. П. Гуляев относил такие виды процессуальной деятельности, от которых зависит возникновение, движение и разрешение уголовного дела по существу.

Долгое время в советском уголовном процессе так и отстаивалась концепция трех основных функций (которая, к слову сказать, имеет место быть и в настоящее время). Таким процессуальными функциями являлись: обвинение, защита и разрешение уголовного дела [2]. Однако в свою очередь А. П. Гуляев считал, что данная концепция не в полной мере раскрывает содержание процессуальной деятельности, т. к. оставляет за пределами процессуальной функции следователя не только его деятельность по исследованию обстоятельств дела, но и деятельность, связанную с рассмотрением и разрешением заявлений и сообщений о преступлении, обеспечением возмещения материального ущерба, розыском обвиняемого [3].

Кроме того, А. П. Гуляев считал, что из этой тройственной концепции соотношения и взаимосвязи процессуальных функций и механизм их реализации, незаслуженно выпала такая важная процессуальная функция

как исследование обстоятельств дела, что, по его мнению, вело к искажению понятий функций обвинения и защиты. Процессуальные функции следователя он представлял в виде взаимосвязанной системы, при которой эти функции были взаимообусловлены и иногда выступали результатом реализации других функций.

Стоит отметить, что с принятием УПК РФ на следователя была возложена уголовно-процессуальная функция обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ, ст. 15, 21 УПК РФ). На наш взгляд данная позиция законодателя в некотором понимании ошибочна, т. к. следователь реализует не только функцию обвинения, но выясняет и обстоятельства, которые необходимы для всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств по уголовному делу.

Полагаем, что внедрение следователя в круг субъектов со стороны обвинения заранее психологически настраивает следователя на обвинительный уклон, влекущий такое положение вещей, при котором в результате односторонней обвинительной деятельности следователя, происходит существенное нарушение прав и законных интересов граждан, защищаемых Конституцией Российской Федерации.

Не вызывает сомнений, что в настоящее время в деятельности имеется ряд проблем, требующих незамедлительного решения: преодоление обвинительного уклона, неполноты расследования, нарушений прав участников уголовного судопроизводства, необоснованного привлечения к уголовной ответственности в деятельности следователя [4].

Представляется, чтобы освободить следователя от одностороннего обвинительного уклона можно путем исключения его из участников со стороны обвинения и наделением его при этом уголовно-процессуальной функцией расследования, которая должна выражаться в деятельности следователя через призму его специального назначения и роли, выраженная в различных направлениях уголовно-процессуальной деятельности по всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств дела, а также через систему правоотношений, возникающих в ходе этой уголовно-процессуальной деятельности.

Общеизвестно, что для реализации своих полномочий, закрепленных уголовно-процессуальным законом, следователь должен быть процессуально самостоятельным, что должно являться гарантией его объективности и законности расследования. Именно процессуальная самостоятельность следователя должна быть условием для реализации им своей уголовно-процессуальной функции расследования, которое дает толчок к всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств дела [5].

Исследованные современные проблемы уголовно-процессуальной функции следователя нами были предприняты через анализ научных выкладок А. П. Гуляева, который справедливо полагал, что решение проблемы определения места следователя в системе субъектов обвинения сопря-

жено с необходимостью исследования целого ряда вопросов, считающихся дискуссионными на протяжении многих десятилетий в науке уголовного процесса.

Думается, что такой подход преемственности не просто позволяет нам соединить прошлое в настоящем, но и дает возможность увидеть, как сегодня реализуются идеи Анатолия Петровича, насколько истинными и прогрессивными они являются.

Кроме того, сегодня появилась возможность обоснованность современных научных представлений об уголовно-процессуальной функции следователя с позиций УПК РСФСР и УПК России, символизирующих уже по сути разные общественные системы. Нетрудно заметить, что такой подход создает необходимые предпосылки для научного прогнозирования объективных тенденций развития теории уголовно-процессуальных функций и практики ее применения.

Резюмируя сказанное, хочется с теплом вспомнить А. П. Гуляева, который всю свою жизнь посвятил честному и бескорыстному служению уголовно-процессуальной науке. Таким мы должны хранить в наших сердцах память об Анатолии Петровиче Гуляеве и его великом научном наследии.

1. Чаплыгина В. Н. Становление и тенденции развития органов предварительного следствия системы МВД России (функционально-структурный подход). Дис. ... кандидата юридических наук. М., 2004. С. 1.

2. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань. 1976. С. 59-60.

3. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М.: «Юридическая литература». 1981. С. 11.

4. Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования. Дис. ... кандидата юридических наук. Челябинск. 2013. С. 2.

5. Проказин Д. Л., Чаплыгина В. Н. Уголовно-процессуальная функция следователя по УПК РФ: «болевы́е точки» реализации // Материалы Международной конференции «Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Орел. 2016. С. 290-293.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чаплыгина Виктория Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, уголовно-процессуальная функция следователя, А. П. Гуляев, УПК РФ, научное наследие.

УДК 343.1

Шайдуллина Э. Д.

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ – НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

В настоящей статье анализируется целесообразность принятия новой меры пресечения в виде запрета определенных действий. Рассматривается процессуальный порядок применения данной меры, а также проблемы, с которыми может столкнуться правоприменитель, и пути их решения.

Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ [1] перечень мер пресечения был дополнен новой мерой в виде запрета определенных действий, процессуальный порядок применения которой был закреплен в статье 105¹ УПК РФ [2]. Согласно указанной статье запрет определенных действий представляет собой возложение судом на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных уголовно-процессуальным законом РФ, а также осуществление последующего контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Законодатель в части 6 статьи 105¹ УПК РФ приводит перечень таких запретов:

- 1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый или обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- 2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- 3) общаться с определенными лицами;
- 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- 5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- 6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Следует отметить, что применяться данная мера пресечения может на любом этапе производства по уголовному делу. Как уже было сказано,

она применяется только на основании судебного решения. При этом в случае инициирования ее применения следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора суд имеет право при рассмотрении их ходатайств не только разрешить либо запретить применение такой меры пресечения, но и возложить на лицо дополнительные запреты по собственному усмотрению (ч. 4 ст. 105¹ УПК РФ).

В целом, можно сказать, что запрет определенных действий применяется до его отмены или изменения. Часть 10 статьи 105¹ УПК РФ устанавливает предельные временные рамки действия данной меры пресечения: по преступлениям небольшой и средней тяжести – 12 месяцев, по тяжким преступлениям – 24 месяца, по особо тяжким – 36 месяцев.

Следует также отметить, что закрепление запрета определенных действий в главе 13 УПК РФ до залога, домашнего ареста и заключения под стражу, позволяет сделать вывод, что по замыслу законодателя данная мера пресечения является более мягкой, чем перечисленные меры пресечения, но более строгой, чем подписка о невыезде.

Введение запрета определенных действий вызвал неоднозначное отношение со стороны правоприменителя. Это обусловлено тем, что при первом прочтении 105¹ УПК РФ возникает впечатление, что данная мера пресечения является определенным симбиозом подписки о невыезде и домашнего ареста, соответственно, возникает вопрос: для чего ввел законодатель эту меру пресечения, и в чем разница между перечисленными мерами? Данный аспект побудил автора проанализировать запрет определенных действий ответить на поставленный вопрос.

Позиция авторов идеи ввести запрет определенных действий как меру пресечения в УПК РФ было оговорено в пояснительной записке к законопроекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» [3]. В частности, в ней отмечается, что массовое избрание в качестве меры пресечения заключение под стражу обусловлено недостаточной эффективностью залога и домашнего ареста. Например, в статье 106 УПК РФ не указано, какие обязательства должно нести лицо, отпущенное под залог. Что касается домашнего ареста, то в ранее действующей редакции данная мера пресечения представляла собой как запрет покидания подозреваемым (обвиняемым) места жительства, так и просто определенные ограничения на совершение установленных законом действий. При этом срок домашнего ареста засчитывается в срок содержания под стражей (ч. 2.1 ст. 107, п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ), который включается в срок лишения свободы и других видов наказания в случае постановления судом обвинительного приговора (ч. 3 ст. 72 УК РФ [4]). Как подчеркивают разработчики законопроекта: «зачет срока домашнего ареста без учета примененных при этом ограничений в срок наказания не согласуется с

принципом справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку ставит в неравное положение лиц, содержащихся под стражей, и лиц, находившихся под домашним арестом с правом покидать жилище.

Включение срока применения предусмотренных домашним арестом запретов и ограничений, не связанных с лишением права передвижения, в срок содержания под стражу может создать условия для необоснованных расходов государства, не связанных с действительными нарушениями прав человека при решении судом вопроса о реабилитации.

Таким образом, запреты и ограничения, не предусматривающие изоляцию обвиняемого (подозреваемого) в жилище, не должны приравниваться к заключению под стражу. Частичное ограничение свободы передвижения должно получить пропорциональную правовую оценку». Однако никаких альтернатив ранее не было.

Решением сложившейся ситуации как раз и стало введение в УПК РФ запрета определенных действий. Следует отметить, что Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ также были внесены изменения и в статьи 106 «Залог» и 107 «Домашний арест» УПК РФ. В частности, в настоящее время при применении залога суд имеет право обязать подозреваемого (обвиняемого) соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105¹ УПК РФ (ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ).

Кроме того, в настоящее время домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля (ч. 1 ст. 107 УПК РФ). Все остальные альтернативные ограничения, связанные с возможностью покидать свое место жительства, исключены из статьи 107 УПК РФ.

Иными словами в настоящее время в случае избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, она в полной мере отражает свою суть: полное ограничение свободы передвижения лица за пределы его места жительства либо иного помещения, определенного судом для ее отбывания. Соответственно, домашний арест стал более мягкой мерой пресечения по сравнению с заключением под стражу, но изоляция от общества аналогична последней без каких-либо альтернатив. Это, по мнению автора, в полной мере отражает принцип справедливости и позволяет считать обоснованным включение срока домашнего ареста в срок заключения под стражу.

При этом в случае необходимости суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может установить дополнительные запреты, указанные в пунктах 3-5 части 6 статьи 105¹ УПК РФ (ч. 7 ст. 107 УПК РФ).

Следует отметить, что до внесения анализируемых изменений в УПК РФ, в теории уголовного судопроизводства неоднократно обсуждалась не-

обходимость «вывода» ограничений, не связанных с полной изоляцией лица от общества, из статьи 107 УПК РФ. Так, например, Д. А. Воронов ранее обосновывал необходимость введения в УПК РФ новой меры пресечения в виде запрета определенных действий [5]. Свое видение разрешения существующих проблем, связанных с применением мер пресечения, высказывал также К. В. Муравьев, предложив авторскую модель принудительного процессуального воздействия на лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления [6]. Головинская И. В. предлагала на законодательном уровне рассмотреть возможность расширения перечня мер пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы, комплексного применения нескольких мер принуждения и пресечения и т. д. [7]

Что касается правоприменительной практики, следует отметить, что в связи с коротким временным промежутком после дополнения УПК РФ запретом определенных действий пока сложно судить об ее эффективности. В то же время, например, в Республике Татарстан имеются случаи применения данной меры пресечения. Интервьюирование же следователей, дознавателей позволило выделить следующие проблемы, препятствующие применению запрета определенных действий в ходе предварительного расследования: во-первых, нет понимания сути этой меры пресечения и ее отличия от других мер пресечения; во-вторых, встает вопрос об эффективности ее обеспечения после избрания: например, как отследить запрет посещения определенных мест, приближения к определенным объектам? Полагаем, что в первом случае необходимо осуществить разъяснение процессуального порядка применения запрета определенных действий во всех органах предварительного расследования в рамках занятий по служебной подготовке, а также разработать методические рекомендации по ее применению. Что касается второй проблемы, на данный момент единственным выходом остаются использование электронных браслетов. В то же время уполномоченным подразделениям ФСИН РФ необходимо заложить материально-техническую базу для отслеживания исполнения запретов определенных действий подозреваемыми (обвиняемыми), что требует определенного времени.

Подводя итог проведенного исследования, следует отметить, что необходимость выделения отдельных ограничений из домашнего ареста в новую более мягкую меру пресечения вполне обоснована и обусловлена существующей уголовно-правовой политикой нашего государства. Безусловно, судам и органам предварительного расследования потребуется время, чтобы «испробовать» новую меру на практике, понять, как она работает, выработать новые стандарты доказывания. Однако, по мнению автора, запрет определенных действий достаточно быстро получит широкое применение в правоприменительной деятельности в уголовном судопроизводстве.

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. М., 2000. С. 463.
2. Данные – сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения. Там же. С. 151.
3. Иной – другой, отличающийся от этого. Там же. С. 248.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Ю. Девятко, Г. И. Загорский, М. Г. Загорский и др.; под научн. ред. Г. И. Загорского. М.: Проспект, 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шайдуллина Эльвира Дамировна. Кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса.

Казанский юридический институт МВД России.

Российская Федерация, 420108, г. Казань, ул. Магистральная, д. 35.

Ключевые слова: меры пресечения; запрет определенных действий; залог; домашний арест.

УДК 343.132

Шеметов А. К.

СПЕЦИФИКА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ

В статье рассматриваются основные направления допроса потерпевших по делам об изнасилованиях на стадии проверки заявлений и сообщений о преступлении. Приводятся некоторые особенности тактики производства указанного следственного действия. Отдельные рекомендации демонстрируются автором на примерах следственной практики.

Как известно, направление и содержание проверочных действий по любой категории уголовных дел обуславливается характером следственных ситуаций, формирующихся на этапе поступления заявлений и сообщений о совершении изнасилования. Наиболее сложные из них отличаются дефицитом данных о личности субъекта преступления и (или) отсутствием однозначной оценки характера произошедшего.

Судебно-следственная практика показывает, что в большинстве случаев с заявлениями по фактам изнасилований обращаются сами жертвы

преступных посягательств, указывающие на совершение насильственного полового акта с ними знакомым или незнакомым ранее лицом. В первой из указанных ситуаций основным направлением проверочных действий становится розыск и задержание субъекта противоправных действий. Наиболее эффективным средством решения этой задачи является опрос потерпевшей, составление с ее участием композиционных, рисованных портретов разыскиваемого.

Опрос жертвы должен проходить в условиях доверительного общения, отсутствия психотравмирующих факторов, способных усугубить состояние пострадавшей. При этом в круг ставящихся перед указанным лицом вопросов должны быть включены данные, детально уточняющие предшествовавшие нападению, протекающие параллельно с ними или следующие после него действия как самой жертвы, так и преступника.

Необходимо вести себя тактично, пытаться создать при опросе деловую обстановку, акцентируя внимание не на финальной стадии события, а на отдельных элементах, позволяющих судить о действительном характере случившегося, объективности передаваемых сведений. Недопустимо проявление открытого недоверия к объяснениям потерпевшей, если они не опровергаются другими фактами. У потерпевшей необходимо детально выяснить, где, когда, при каких обстоятельствах она встретила с предполагаемым субъектом преступления. Если раньше они были знакомы, то когда познакомились, каковы были их взаимоотношения, не вступали ли ранее в интимную связь, как часто и где встречались.

Рассказ о непосредственном нападении должен быть предварен подробными сведениями об обстановке, в которой находилась потерпевшая, вопросами о том, когда она заметила интересующего следствие субъекта, выдавало ли его поведение противоправный характер, действовал ли он скрытно для потерпевшей и окружающих лиц, или, наоборот, не скрывал своих намерений. Если субъект использовал для наблюдения за жертвой и нападения на нее те или иные убежища, средства маскировки, они также подлежат выяснению. Длительные по времени подготовительные действия неустановленного лица также нуждаются в тщательной детализации. Уточняются и вопросы, связанные с наличием или отсутствием общения с потерпевшей, попыток установления контакта с ней [1].

У всех категорий пострадавших подробно выясняют, в чем конкретно состояло насилие, как, в какой последовательности, при помощи каких средств оно осуществлялось, оказывала ли пострадавшая сопротивление – приведением потерпевшей в бессознательное состояние или положение, исключаящее самооборону (связывание, удерживание несколькими субъектами); угрозой применения жестокого насилия.

Потерпевшей также задаются вопросы о том, совершал ли с ней насильник половой акт, в какой форме и сколько раз, производил ли он при этом какие-либо манипуляции с ее телом, удавалось ли ему закончить по-

ловой акт и т. д. Последние вопросы позволяют выявить некоторые девиации у субъекта преступления, отклонения в половой сфере его жизнедеятельности. Факультативными являются вопросы о том, жила ли опрашиваемая ранее половой жизнью, не находилась ли в момент посягательства в состоянии физиологического цикла или беременности [2].

При описании ранее незнакомого субъекта преступных действий выяснению подлежат не только черты внешности разыскиваемого, но и особенности его поведения, мимики, походки, жестикуляции. В ряде ситуаций показания потерпевшей могут содержать сведения о специфике запахов, сопровождавших нападавшего лица.

Так, по одному из уголовных дел о нападении на молодую женщину потерпевшая указала, что от рук субъекта, насильно совершившего с ней половой акт, исходил запах горюче-смазочных веществ. А перчатки, надетые на руках злоумышленника, имели обильные следы наложения почвы. Сопоставляя названные факты, следователь выдвинул предположение об отнесении разыскиваемого к категории лиц, в чьи профессиональные обязанности может входить ремонт транспортных средств. В ходе производства оперативно-розыскных мероприятий отрабатывались учреждения авторемонтных мастерских и шиномонтажные организации, располагающиеся вблизи места совершения нападения. Названные действия принесли положительный результат, позволив в короткие сроки задержать преступника, исключив при этом возможность сокрытия им образовавшихся следов противоправного события.

Показания потерпевшей при этом могут содержать сведения о тщательной подготовке субъекта к нападению, длительном преследовании жертвы. В указанных случаях все выполняемые лицом действия подлежат выяснению и анализу [3].

Не лишним в ходе допроса будет и использование схем места нападения на жертву, которые будут составляться самой потерпевшей. Графическое изображение в целом места происшествия, направлений движения участников на нем, узловых участков позволит не только проверить версию допрашиваемой, припомнить ей все необходимые детали, но и в последующем может быть использовано для организации осмотра места происшествия, допроса задержанного субъекта полового преступления.

1. Долинин В. Н. Тактика допроса потерпевших при расследовании изнасилований / Законодательство и практика. 2013. № 2 (31).

2. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. М., 2012.

3. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты расследования насильственных преступлений сексуального характера: учебное пособие / Н. Б. Вахмянина, О. Н. Надоненко, А. К. Шеметов, С. А. Яшков. Екатеринбург: Издательство «Раритет», 2017.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеметов Алексей Константинович. Доцент кафедры криминалистики Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбурге).

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18.

Ключевые слова: проверка заявлений и сообщений, допрос потерпевшего, тактические особенности, тактические приемы, следственная ситуация.

УДК 343.98

Ширкин А. А., Назарова А. Б.

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЗА ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена изучению некоторых аспектов прекращения уголовных дел за примирением сторон в стадии судебного разбирательства, а также анализу действующей судебной практики Российской Федерации.

Принцип гласности, наиболее проявляющийся в сфере уголовного правосудия, дает право на общественный контроль за деятельностью органов законодательной, исполнительной и судебной властей. С одной стороны, в рамках его реализации образуется открытый инструмент общественного контроля над государством, с другой (и одновременно) – раздолье для различных афер и мошенничества. Проявляется последнее в многочисленных конфликтах между должностными лицами органов уголовной юстиции, представителями СМИ и общественных организаций. Одним из действенных средств по их нейтрализации является институт прекращения уголовных дел частного и публичного обвинения за примирением сторон в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. При этом принятие рассматриваемых решений в ходе судебных заседаний имеет свою специфику, поскольку прекращение уголовных дел публичного обвинения в связи с примирением сторон находит широкое применение в судебной практике.

Полномочия судьи (суда) по прекращению уголовных дел публичного обвинения в связи с примирением сторон зависят, в частности, от того,

на каком этапе уголовного судопроизводства принимается данное решение. По ходатайству одной из сторон судья может прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон уже на этапе предварительного слушания (ч. 2 ст. 239 УПК РФ). Судья проводит предварительное слушание при наличии оснований для прекращения уголовного дела (п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ). Процедура предварительного слушания способствует тому, чтобы непосредственно выслушать обе стороны, выяснить условия примирения и убедиться в их искренности. Если у судьи возникают какие-то сомнения в добровольности и осознанности примирения, он может лично выяснить у потерпевшего и обвиняемого все обстоятельства примирения.

На этапе предварительного слушания уголовное дело может быть прекращено в связи с примирением сторон по ходатайству одной из них. Из сказанного следует, что в отличие от ст. 25 УПК РФ, на этапе предварительного слушания поводом для рассмотрения вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон является не только заявление потерпевшего или его законного представителя, облеченное в форму ходатайства, но и ходатайство обвиняемого, его законного представителя, защитника, а также других участников уголовного судопроизводства (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Так, постановлением Архангельского областного суда от 09.06.2005 на предварительном слушании было прекращено уголовное дело в отношении Г., обвинявшейся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 298 УК РФ. В судебном заседании подсудимая заявила ходатайство о прекращении уголовного дела за примирением сторон, так как примирилась с потерпевшим и возместила причиненный вред. Потерпевший М. в судебное заседание не явился, представив письменное заявление о том, что с подсудимой Г. он примирился и просит прекратить дело за примирением сторон. Прокурор заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Г., но не за примирением сторон, а в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ, 28 УПК РФ). Обсудив заявленные ходатайства и доводы прокурора, суд принял решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон в отношении Г. на этапе предварительного слушания [1].

Уголовное дело может быть прекращено в связи с примирением сторон и в ходе судебного разбирательства. Согласно ч. 2 ст. 263 УПК РФ в подготовительной части судебного заседания потерпевшему разъясняется его право на примирение с подсудимым в случаях, предусмотренных ст. 25 УПК РФ. Представляется, что на данном этапе уголовного судопроизводства право на примирение должно разъясняться и подсудимому. Ведь законом не предусмотрено межличностного контакта сторон в присутствии должностных лиц правоохранительных (судебных) органов. Поэтому разъяснение права на примирение обеим сторонам может стать своего рода побудительной причиной к позитивной деятельности подсудимого, направленной на примирение с потерпевшим. В ходе судебного следствия, выяс-

нения всех обстоятельств уголовного дела суд может прийти к выводу о возможности разрешения уголовного дела примирением сторон. В этом случае суд должен выяснить позицию каждой стороны, убедиться в добровольности примирения, установить предусмотренные законом условия для прекращения дела по ст. 25 УПК РФ. Поэтому успешному применению примирительной формы разрешения уголовных дел способствовало бы возложение на суд обязанности разъяснения права на примирение как потерпевшему, так и подсудимому в ходе всего судебного разбирательства, если он придет к выводу о возможности такого исхода дела.

В случае примирения сторон суд прекращает уголовное дело на основании п. 3 ч. 1 ст. 254 и ст. 25 УПК РФ. Одним из основополагающих условий прекращения уголовного дела за примирением сторон является то, что подсудимый помирился с потерпевшим и загладил причиненный преступлением вред. Волеизъявление потерпевшего о прекращении дела должно быть добровольным; оно должно быть заявлено непосредственно в судебном заседании. В каждом конкретном случае необходимо выяснять, не дано ли согласие на примирение вынужденно, действительно ли заглажен причиненный потерпевшему вред. Оценка степени заглаживания вреда производится с учетом мнения потерпевшего. УПК РФ не предусматривает способы, посредством которых должен быть возмещен причиненный преступлением вред. Главное здесь – отношение потерпевшего к тому, что он считает допустимым в качестве заглаживания вреда.

Практика Сарпинского районного суда Республики Калмыкия сложилась таким образом, что по всем делам данной категории заявления от потерпевшего с ходатайством о прекращении уголовного дела в связи с примирением с подсудимым принимаются в письменной форме и приобщаются к материалам уголовного дела. Также необходимо согласие на прекращение дела подсудимого, его законного представителя и защитника. Выяснение их согласия на предмет прекращения дела в связи с примирением с потерпевшим необходимо, поскольку данное основание, по сути своей, не является реабилитирующим. Также необходимо согласие государственного обвинителя, участвующего при судебном рассмотрении уголовного дела. Так, А. совершила преступление, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а именно: 23 марта 2007 г. в 17.30, находясь во дворе своего дома, расположенного по адресу: с. Садовое Сарпинского района Республики Калмыкия, ул. Гоголя 4/2, она увидела пасущихся возле двора индюков и решила совершить тайное хищение чужого имущества. В этих целях она загнала во двор своего дома 12 индюков, принадлежавших Е. на праве собственности, затем поместила их в мешки и зарубила, чем причинила потерпевшей значительный материальный ущерб на сумму 4 800 рублей. В ходе судебного следствия потерпевшая Е. заявила ходатайство о прекращении уголовного дела, так как она примирилась с А. (последняя вред возместила полностью) и претензий к подсудимой не имеет. Государ-

ственный обвинитель, защитник и подсудимая поддержали заявленное ходатайство. Суд, принимая во внимание, что подсудимая совершила преступление впервые, средней тяжести, ущерб возместила в полном объеме, постановлением от 02.05.2007 прекратил уголовное дело в отношении А., обвинявшейся в преступлении, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с примирением с потерпевшим [2]. Прекращение уголовного дела в связи с примирением подсудимого с потерпевшим даже при наличии всех перечисленных выше условий является не обязанностью, а правом суда, в связи с чем, учитывая общественную значимость, социальную опасность содеянного, личность подсудимого и другие обстоятельства, суд вправе принять решение о прекращении уголовного дела либо рассмотреть его по существу. Судьи, принимая решение о прекращении уголовного дела, должны в постановлениях мотивировать его [3].

В свою очередь, в ст. 25 УПК РФ ничего не говорится о том, каким образом должно быть оформлено примирение сторон, а лишь подчеркивается, что дело может быть прекращено на основании соответствующего заявления потерпевшего. Если до прекращения уголовного дела вред был заглажен полностью, то, по мнению авторов статьи, составление отдельного документа не требуется. С момента прекращения уголовного дела правовые отношения сторон заканчиваются. Поэтому достаточно закрепления факта примирения в заявлении потерпевшего. При этом за сторонами остается право на составление такого документа. Невыполнение освобожденным от уголовной ответственности принятых на себя обязательств в соответствии с законом не может служить основанием для возобновления производства по прекращенному делу. В связи с этим с позиций восстановления прав потерпевшего, нарушенных преступлением, безусловное освобождение от уголовной ответственности является нецелесообразным.

В литературе отмечается, что благоприятным новшеством для успешного функционирования института примирения в уголовном процессе было бы введение в УПК РФ возможности приостановления предварительного расследования в связи с началом примирительного процесса на период его выполнения, а также его возобновления в случае невыполнения условий примирительного договора [4]. С таким предложением согласиться трудно, поскольку институт приостановления предварительного расследования определяется как временный перерыв в производстве по уголовному делу, когда его продолжение является невозможным ввиду объективных причин, указанных в законе. Примирение же в уголовном процессе рассматривается как основание прекращения уголовного дела, а не временное препятствие.

1. Уголовное дело № 2-50/05 // Архив Архангельского областного суда.

2. Уголовное дело № 1-246/2007. Архив Сарпинского районного суда РК.

3. Обзор практики Сарпинского районного суда Республики Калмыкия по прекращению уголовных дел по орнереабилитирующим основаниям за 2007 г. // http://sarpinsky.sudrf.ru/modules.php?name=document_sud&op=show_document&did=49.

4. Максудов Р., Флямер М., Грасенкова Л. Институт примирения в уголовном процессе: необходимость и условия развития // Уголовное право. 1993. № 1; Аликперов Х. Д., Зейналов М. Л. Компромисс в борьбе с преступностью. М., 1999. С. 79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ширкин Антон Александрович. Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела координации, организации и планирования научно-исследовательской работы.

Научно-исследовательский институт ФСИН России
Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

Назарова Анна Борисовна. Научный сотрудник НИЦ-3.

Научно-исследовательский институт ФСИН России
Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

Ключевые слова: примирение сторон; стадия судебного разбирательства; суд; уголовное дело.

УДК 343.13

Шурухнов Н. Г., Румянцев Н. В.

ВСЕГДА ЛИ ЦЕЛЕСООБРАЗНО ИЗМЕНЕНИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА? АНАЛИЗ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЯ К УСТАНОВЛЕНИЮ ОСОБЫХ ПРАВИЛ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются особенности отдельных процедур выявления и расследования преступлений, совершаемых в экономической сфере, как предпочтения законодателя, отдаваемые этому виду противоправной деятельности.

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (именно принятия, а не вступления в силу) прошло более 17 лет. За этот промежуток времени в него было внесено огромное количество изменений, дополнений. Подавляющее большинство из них диктовалось практикой применения, необходимостью приведения отдельных норм УПК РФ в соответствие с конституционными положениями, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ, федеральными законами Российской Федерации. Причины изменений отдельных норм трудно определить, логический подход не срабатывает, равно как и неприемлем здравый смысл, при попытке оценки неоднократной корректировки одних и тех же уголовно-процессуальных правоотношений.

Подчеркнем, что изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ, не всегда работали на единообразие применения закона, обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов граждан, реализацию принципов уголовного судопроизводства [1, с. 51-72], общих положений уголовного процесса. И, конечно, от этого страдали и страдают граждане и правоприменители: усложнилась работа, увеличился ее объем, сроки принятия процессуальных решений; становились комплексными правоотношения; для расследования противоправных деяний привлекаются дополнительные силы и средства; порой уголовные дела возвращаются прокурорами (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ) для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков; нарушаются права и законные интересы граждан. Все это отрицательно сказывается на морально-психологическом климате в подразделениях следствия и дознания.

Предпринимая попытку раскрыть содержание названия данной статьи, обратимся (в том числе и ретроспективно) к изменениям и дополнениям УПК РФ, внесенным тремя федеральными законами.

Первый. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ [2] в ст. 140 УПК РФ ввел ч. 1.1, которая установила новый, специальный повод для возбуждения уголовных дел по ст. 198-199.2 УК РФ. Им служили *только те материалы* (курсив наш – Н. Ш. – конкретнейшая установка законодателя, «будто пальцем погрозил»), которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Данная норма действовала почти три года и была отменена Федеральным законом от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ [3].

В течение трех лет основанием для возбуждения уголовного дела о нарушении законодательства о налогах и сборах являлось решение налогового органа (вступившее в силу), установившее факт налогового противоправного деяния.

Часть 1.1 ст. 140 УПК РФ ограничивала «традиционные» поводы и основания для возбуждения уголовного дела по данной категории преступлений специальным поводом и основанием – наличием вступившего в силу решения органа Федеральной налоговой службы.

Следователи фактически были лишены права возбуждать уголовные дела налогового характера. Инициатором обязательно должна была выступать налоговая инспекция [4]. После появления этой нормы раскрываемость налоговых преступлений снизилась. Это можно объяснить отсутствием в Федеральной налоговой службе (ФНС) собственных оперативно-розыскных подразделений [5], а использование ресурсов МВД оказалось сильно затруднённым из-за сложного и длительного процесса согласований со Следственным комитетом России (СКР).

В соответствии с официальной статистикой в 2012 году СКР выявил 26 налоговых преступлений, а МВД – 5610 (на 34 % меньше, чем годом ранее). В 2009 г. по ст. 198–199.2 УК РФ было возбуждено 14 642 дела, а в 2011 г. – 3367 дел [6].

Приведенные цифры вполне объяснимы, они показывают, к чему приводит исключение должностных лиц органа дознания из деятельности, связанной с выявлением анализируемых преступлений.

Установленный порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях не согласовывался с принципом публичности осуществления уголовного преследования [7, с. 98-101], в соответствии с которым прокурору, следователю, органу дознания, дознавателю, нормами УПК РФ предписывалось (и предписывается) в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

При этом указанные субъекты обязаны принять и рассмотреть (проверить) сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК, вынести по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

Введенная ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ нарушала неразрывность уголовного преследования, его естественное развитие и течение [8]. Несмотря на наличие достаточных данных о совершенном противоправном деянии и повода, решение о возбуждении уголовного дела не могло быть принято без дополнительного обязательного решения, которое принималось должностным лицом налогового органа.

Как представляется, в процессе проработки и внесения изменений в УПК РФ, все приведенное можно было предвидеть, аргументы лежали на поверхности.

Как уже было указано, 22 октября 2014 г. Федеральный закон № 308-ФЗ в ст. 140 УПК РФ вернул прежний порядок возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям. Необходимость возвращения к

старому порядку в пояснительной записке к федеральному закону Президент РФ В. В. Путин пояснил так: «Принятие предлагаемых изменений обеспечит комплексный подход к противодействию экономическим преступлениям, реализацию возможностей правоохранительных органов по использованию поискового потенциала оперативно-розыскной деятельности для документирования налоговых преступлений и установления умысла на их совершение».

Второй. Одновременно с отменой ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ, Федеральный закон от 22 октября 2014 года № 308-ФЗ продолжил «корректировку» стадии возбуждения уголовного дела, опять же применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 198-199.1 УК РФ. На этот раз ст. 144 УПК РФ была дополнена тремя частями: 7, 8, 9, которые регламентируют процедуру взаимоотношений (в строго установленные сроки): 1) органа дознания – 2) следователя – 3) вышестоящего налогового органа. Она складывается из следующей цепочки:

1. Сообщение о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.1, орган дознания передает следователю для принятия процессуального решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ.

2. Если следователь не усматривает в нем оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, то не позднее трех суток с момента поступления направляет копию сообщения в вышестоящий налоговый орган по отношению к налоговому органу, в котором состоит на налоговом учете налогоплательщик (налоговый агент, плательщик налога). К копии сообщения прилагает соответствующие документы и предварительный расчет предполагаемой суммы недоимки по налогам и (или) сборам.

3. Вышестоящий налоговый орган не позднее 15 суток с момента получения таких материалов должен:

а) направить следователю заключение при условии, когда обстоятельства, указанные в сообщении о преступлении, были предметом исследования при проведении ранее назначенной налоговой проверки, по результатам которой вынесено вступившие в силу решение налогового органа. В нем констатировать нарушение законодательства о налогах и сборах и о правильности предварительного расчета суммы предполагаемой недоимки по налогам и (или) сборам;

предоставить информацию, если имеет место обжалование или приостановление исполнения такого решения;

б) информировать следователя, если в отношении налогоплательщика (налогового агента, плательщика сбора) проводится налоговая проверка, по результатам которой еще не принято решение либо оно не вступило в законную силу;

в) информировать следователя, если указанные в сообщении о преступлении обстоятельства не были предметом исследования при проведе-

нии налоговой проверки и у вышестоящего налогового органа отсутствуют сведения о нарушении законодательства о налогах и сборах.

Подводя промежуточный итог, скажем о том, что в результате дополнения ст. 144 УПК РФ чч. 7 и 8 появился новый орган – вышестоящий налоговый, наделенный уголовно-процессуальной компетенцией, но законодатель не определил уголовно-процессуальную форму, в которую он должен облекать заключение и информацию.

По своему содержанию оригинальна ч. 9 ст. 144 УПК РФ, которую законодатель сформулировал следующим образом: «После получения заключения налогового органа, но не позднее 30 суток со дня поступления сообщения о преступлении, по результатам рассмотрения этого заключения следователем должно быть принято процессуальное решение. Уголовное дело о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, может быть возбуждено следователем до получения из налогового органа заключения или информации, предусмотренных частью восьмой настоящей статьи, при наличии повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления» [9].

Из приведенной итоговой части внесенных дополнений процедура обмена информацией с вышестоящим налоговым органом является необязательной и, как представляется, носит информативный характер. Следователь может, не дожидаясь заключения налогового органа, руководствуясь общими положениями УПК РФ, возбудить уголовное дело. Таким образом, в настоящее время заявить о налоговом преступлении может любой гражданин, и не важно, обладает он для этого необходимой квалификацией или нет [10].

Третий. Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ [11] в УПК РФ была введена специальная статья (ст. 81.1), посвященная порядку признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

В части первой этой статьи продублированы *общие правила*, приведенные в ст. 81 УПК РФ, с акцентом на такие объекты, как электронные носители информации, и на преступления, предусмотренные ч. 5-7 ст. 159, ст. 159.1-159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также на противоправные деяния, предусмотренные ст. 171-174.1, 176-178, 180-183, 185-185.4, 190-199.2 УК РФ.

В последующих частях законодатель дает *специальные конкретизированные правила* признания объектов вещественными доказательствами. Указано на то, что постановление о признании вещественными доказательствами предметов и документов по перечисленным преступлениям выносится в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия.

В случае если для осмотра изъятых предметов и документов ввиду их большого количества или по другим объективным причинам требуется

больше времени, по мотивированному ходатайству следователя или дознавателя этот срок может быть продлен еще на 30 суток соответственно руководителем следственного органа или начальником органа дознания.

В случае если для признания таких предметов и документов вещественными доказательствами требуется назначение судебной экспертизы, срок вынесения постановления о признании их вещественными доказательствами не может превышать 3 суток с момента получения следователем или дознавателем заключения эксперта.

По ходатайству законного владельца документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовному делу о преступлении, указанном в ч. 1 ст. 81.1 УПК РФ, ему предоставляется возможность снять за свой счет копии с изъятых документов, в том числе с помощью технических средств, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (ч. 3 ст. 81.1 УПК РФ).

Изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации, за исключением предметов, запрещенных к обращению, и документы возвращаются лицам, у которых они были изъяты, не позднее чем через 5 суток по истечении сроков, указанных в ч. 2 ст. 81.1. УПК РФ (ч. 4 ст. 81.1 УПК РФ).

Осмысливая приведенное дополнение УПК РФ, опять скажем о том, что игнорируются принципы уголовного судопроизводства, конкретизация, сделанная ст.81.1 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, создает путаницу, усложняет работу правоприменителей.

Подводить общий итог изложенному принято определенными ответами, советами, рекомендациями, предложениями по совершенствованию отдельных норм УПК РФ, исключению противоречий. В нашей ситуации вновь возникает вопрос: зачем осуществлять не совсем спрогнозированное изменение законодательных норм? Поспешность, не обдуманность корректировки норм законодательства не обеспечат защиту прав и законных интересов граждан, не повысят эффективность субъектов расследования, не упростят их деятельность, а напротив, создадут определенные трудности, внесение диссонанса в нормы УПК РФ.

1. См.: Брыляков С. П. Принципы уголовного процесса. Особенности их реализации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы / С. П. Брыляков, Н. Г. Шурухнов // Уголовно-процессуальное право: Учебник / Рекомендован Учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальности «Правоохранительная деятельность». М., 2018. С. 51-72.

2. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

3. Федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

4. Такая процедура была принята в президентство Д. А. Медведева и, как предполагалось, должна была снизить давление на бизнес. См.: Шохина Е. МВД снова займется налогами // «ExpertOnline». <http://expert.ru/2013/10/15/nalogovyyj-shtorm>.

5. Основной задачей налогового органа является налоговое администрирование и налоговый контроль, в рамках которого этот орган проверяет правильность исчисления и действительность уплаты налогов и сборов, а при наличии оснований привлекает недобросовестного налогоплательщика к налоговой ответственности. С учетом этого налоговый орган не наделен правом на проведение оперативно-розыскной деятельности, посредством которой и выявляется большая часть преступлений.

6. В 2012, 2013, 2014, 2017 годах, по данным ГИАЦ МВД России, налоговых преступлений соответственно выявлено – 5818, 6893, 6210, 8654.

7. См.: Шурухнов Н. Г. Изменения процедур принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях / Н. Г. Шурухнов, В. Д. Кутенкова // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: материалы межвуз. научно-практ. конф. (Тула, 6-7 июня 2016 года). Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. С. 98-101.

8. См.: Мерецкий Н. Е. Аксиологические и гносеологические аспекты категории доказательств в системе права / Н. Е. Мерецкий, И. И. Докучаев. Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2015.

9. Если такие дополнения давать по отдельным группам преступлений, то для изложения одной статьи 144 УПК РФ потребуется несколько томов.

10. Беккер И. К вопросу о порядке возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // <http://conf.omua.ru/content/k-voprosu-o-poryadke-vozbuzhdeniya-ugolovnyh-del-o-nalogovyh-prestupleniyah>.

11. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 03.07.2016 № 323-ФЗ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шурухнов Николай Григорьевич. Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-3.

Научно-исследовательский институт ФСИН России.
Российская Федерация, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 А,
стр. 1.

Румянцев Николай Викторович. Доктор юридических наук, заместитель начальника института.

Научно-исследовательский институт ФСИН России.
Российская Федерация, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 А,
стр. 1.

Ключевые слова: нормы УПК РФ; федеральные законы; повод и основание для возбуждения уголовного дела; налоговый орган; орган дознания; следователь; решение; заключение; информация; вещественные доказательства.

УДК 343.13

Щербакова Л. Ю., Гришин А. В.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИЗБРАНИИ
СУДАМИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ С УЧЕТОМ ПРАВОВОЙ
ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
И ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ
СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕРАХ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ,
ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАЛОГА»**

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при избрании судами меры пресечения в виде залога, домашнего ареста, заключения под стражу с учетом правовой позиции Европейского Суда по правам человека и Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

Авторами статьи также высказываются отдельные предложения по решению ряда обозначенных проблем, в том числе путем внесения изменений в действующее законодательство.

Под уголовной политикой общепринято понимать часть политики государства в сфере борьбы с преступностью [1]. Основой уголовно-процессуальной политики является Концепция судебной реформы от 24 октября 1991 г., в которой были определены основные направления раз-

вития уголовно-процессуального законодательства. В результате был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), вступивший в законную силу с 1 июля 2002 г. [2].

В систему уголовно-правовой политики Российской Федерации входит и уголовно-процессуальная политика, которая призвана определять стратегию, цели, задачи, основные направления деятельности правоохранительных и правоприменительных органов нашей страны по выработке и применению форм реализации норм уголовного права в сфере уголовного судопроизводства. Кроме того, уголовно-процессуальная политика должна содержать обеспечительные условия и критерии её эффективности, а также условия и предпосылки изменения уголовно-процессуального законодательства.

Новая уголовно-правовая стратегия, направленная на модернизацию действующего законодательства и удовлетворяющая современным потребностям общества последовательно реализуется в ряде президентских законодательных пакетов.

Первый блок поправок состоял из ряда федеральных законов, которые были сориентированы на гуманизацию ответственности за преступления экономической направленности [3]. Знаковым стало установление запрета заключать под стражу предпринимателей (ч. 11 ст. 108 УПК РФ).

Следующий блок законодательных актов по своей значимости оказался самым масштабным: изменения затронули большинство статей Уголовного кодекса, получило закрепление новое основание освобождения от ответственности тех, кто впервые совершил преступления экономической направленности (ст. 76.1 УК РФ), предусмотрен механизм изменения категории преступления небольшой и средней тяжести (ст. 15 УК РФ) [4].

Многие ученые совершенно обоснованно указывают на необходимость разработки концепции уголовно-правовой политики, отвечающей требованиям современности. Совершенно справедливо отметил М. М. Бабаев: «Нет позитивной концепции – нет твердого стержня – нет политики в полном и точном смысле этого слова» [5].

Содержанию, юридической сущности и основным направлениям уголовно-процессуальной политики, равно как и уголовной политики нашего государства в части решения актуальных проблем, возникающих при избрании судами меры пресечения в виде залога, домашнего ареста, заключения под стражу с учетом правовой позиции Европейского Суда по правам человека и Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» посвящено немало статей [1; 2; 5; 10; 11; 23; 25; 26; 27], исследований [20; 21; 22; 24] и фундаментальных научных работ [6; 7; 8; 9; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

Являясь участником международных правоотношений, Российская Федерация взяла на себя обязательства по исполнению положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и международных соглашений, достигнутых в сфере правоохранительной деятельности. Европейский Суд по правам человека, принимая свои решения, касающиеся оценки деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, ориентирует нас на необходимость внесения определенных коррективов как в систему материального и процессуального права, так и правоприменительной практики в целом. Так, например, в Постановлении ЕСПЧ от 12.11.2015 "Дело "Наимджон Якубов (Naimdzhon Yakubov) против Российской Федерации" (жалоба № 40288/06) [рус., англ.] "Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание", 2017, № 7(181) С. 44 – 56, в частности указано, что по делу допущено нарушение требований пунктов 1, 3 и 4 статьи 5, статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Проанализировав постановления Европейского Суда по правам человека, следует отметить, что в большинстве случаев в них указывается на то, что следственные органы Российской Федерации при избрании подозреваемым меры пресечения в виде заключения под стражу и ее последующем продлении ограничиваются стереотипными формулировками о тяжести совершенного преступления, возможности подозреваемого или обвиняемого скрыться от следствия и суда либо иным образом помешать расследованию уголовного дела. Отмечается, что правоохранительные органы не в полной мере принимают во внимание доводы подозреваемых и обвиняемых в поддержку избрания либо изменения ранее избранной меры пресечения в виде заключения под стражу на меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества.

Статьями 106 и 107 УПК РФ предусмотрена возможность избрания в отношении подозреваемых (обвиняемых) на любой стадии предварительного следствия мер пресечения в виде залога и домашнего ареста. В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 29 УПК РФ избрание указанных мер пресечения производится только по решению суда, т. е. идентично аресту.

Вместе с тем, вероятнее всего, пакет документов представляемых суду при возбуждении ходатайства об избрании денежного залога или домашнего ареста, может быть еще объемнее, чем при ходатайстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку необходимо будет помимо установления обстоятельств совершенного преступления, проведения следственных действий, направленных на закрепление и анализ доказательств, изучения личности подозреваемого (обвиняемого), состояния его здоровья и семейного положения, еще дополнительно перед подачей ходатайства о залоге либо домашнем аресте исследовать материальное положение лица, подтвердить данные о его доходах и расходах, определить предполагаемую сумму залога, установить принадлежность жи-

ля, в котором лицо будет отбывать домашний арест, возможность соблюдения наложенных судом ограничений и т. д., и все это в отведенные законом 48 часов после задержания, что является затруднительным. Это является одной из причин незначительного количества в практике следственных органов избрания указанных мер пресечения.

Домашний арест является второй по строгости мерой пресечения после заключения под стражу. Не случайно законодатель засчитывает время домашнего ареста в срок содержания под стражей.

Согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ сущность домашнего ареста заключается в том, что по ходатайству следственных органов и (или) по решению суда на подозреваемого (обвиняемого) могут быть наложены следующие ограничительные меры: ограничение свободы передвижения; запрет общаться с определенными лицами; запрет получать и отправлять почтово-телеграфную корреспонденцию; запрет вести переговоры с определенными лицами с использованием любых средств связи.

Избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в судебной и следственной практике до последнего времени насчитывало единичные случаи. Выбирая подозреваемому или обвиняемому, согласно ч. 2 ст. 107 УПК РФ, в качестве меры пресечения домашний арест, суд должен учитывать его возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства. В зависимости от тяжести предъявленного обвинения подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом либо всем ограничениям и запретам, перечисленным в ч. 1 ст. 107 УПК РФ, либо отдельным из них.

Обеспечение контроля за соблюдением подозреваемым (обвиняемым) наложенных судом ограничений возложено на органы исполнения наказания, где разработаны ведомственные нормативные материалы по организации этой работы, вплоть до применения электронных приборов слежения.

Однако до конца не проработан механизм контроля за соблюдением лицом ограничений по отправке им почтовых и иных сообщений, использования линий телефонной и иной связи. Как правило, арестованный проживает с семьей по месту своей регистрации или фактического проживания с членами семьи. Соответственно, могут возникнуть проблемы по исключению возможности контакта обвиняемого с лицами, общение с которыми ему запрещено, или передачи иного рода сообщений указанным лицам через близких родственников и т. д.

Например, в отношении обвиняемого, проживающего в Верховском районе, избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, в тоже время судом наложен запрет на общение с лицами, проходящими по уголовному делу в качестве обвиняемых, потерпевшего, свидетелей и их представителями, адвокатами, друзьями, знакомыми. Однако обвиняемый по месту жительства проживает с женой, и, соответственно, никакие запреты на нее

не распространяются. Те же вопросы возникают и в связи с ограничениями переговоров с использованием любых средств связи (интернет-сайты и иные виды информационных коммуникаций).

С другой стороны может сложиться ситуация (тяжелая болезнь обвиняемого), когда жизненно необходимо покинуть место отбытия ареста, как в таком случае будет обеспечиваться наложенное судом ограничение, отслеживать контакты арестованного лица будет еще более затруднительным, чем в домашних условиях.

При реализации избранной меры пресечения контроль за нахождением обвиняемых судом возложен на соответствующие районные подразделения управления исполнения наказаний УФСИН России по Орловской области. Доставка к следователю с целью проведения следственных действий осуществлялась уполномоченными лицам контролирующего органа. В домах контролируемых субъектов устанавливалась специализированная аппаратура для обеспечения ограничения в виде запрета покидать жилое помещение по месту фактического жительства.

Например, судом С-го районного суда Орловской области в отношении подозреваемой А. после проведения последней стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. В резолютивной части постановления суда указано на применение к подозреваемой ограничительной меры в виде запрета выходить за пределы своего жилого помещения. Однако следует заметить, что подозреваемая проживала в частном доме при отсутствии в помещении санитарного узла.

Иными словами, правоохранительные органы сталкиваются с проблемами при применении данной меры пресечения, в связи с чем требуется принятие отдельного федерального закона о домашнем аресте, содержащего четкие инструкции о порядке соблюдения наложенных судом ограничений, их отмены либо изменения (при необходимости), возможности проведения с подозреваемым (обвиняемым) следственных и иных процессуальных действий и т. д.

Хотелось бы заметить, что критерии запретов не могут быть тождественны, поскольку определяются исходя из характеристик личности подозреваемого (обвиняемого), обстоятельств совершенного преступления, отношения к признанию вины за его совершение, семейного положения, состояния здоровья и т. д. Необходимо регламентировать порядок соблюдения всех запретов, изложенных в законе, вопросы контроля за их соблюдением.

На федеральном уровне в настоящее время прорабатывается совместный приказ, который регламентирует порядок взаимодействия Следственного комитета и УФСИН Российской Федерации в связи с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста.

Проведенный анализ субъектов применения домашнего ареста как меры пресечения наглядно показывает, что чаще такое решение выносится в отношении: «высокопоставленных чиновников», «известных политических и общественных деятелей», «крупных предпринимателей». Данная тенденция свидетельствует о высокой вероятности внешнего противоправного влияния на суды, роста коррупционной угрозы». В частности, если вспомнить довольно краткий период существования аналогичного института в «советский период», мы столкнёмся с похожей ситуацией «круга лиц», в отношении которых применялась данная мера пресечения. В дальнейшем названная мера по указанному выше основанию, а также в связи с её незначительным применением была исключена из закона.

Теперь в стране несколько иная ситуация. Позиции Европейского Суда по правам человека активно влияют как на действующее законодательство, так и на практику его применения. В частности, они были учтены при подготовке Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», пришедшего на смену Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29.10.2009 № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», в настоящее время утратившего силу.

Механизм избрания меры пресечения в виде залога в настоящее время законодательно достаточно полно разработан.

Залог состоит во внесении подозреваемым (обвиняемым) либо другими физическими или юридическими лицами на депозитный счет органа, избравшего эту меру пресечения, денег, ценных бумаг или иных ценностей в целях обеспечения явки к следователю или в суд подозреваемого (обвиняемого) и предупреждения совершения им новых преступлений. Согласно ч. 3 ст. 106 УПК РФ залог определяется с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого или обвиняемого, а также имущественного положения залогодателя.

Вид и размер залога определяется органом или лицом, избравшим эту меру пресечения, с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого, обвиняемого и имущественного положения залогодателя. О принятии залога составляется протокол, копия которого вручается залогодателю. В случае невыполнения или нарушения подозреваемым (обвиняемым) обязательств, связанных с внесенным за него залогом, он обращается в доход государства по судебному решению.

Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту применения данной меры пресечения, она апробирована мало и следователями следственных органов Орловской области практически не избирается.

Железнодорожным районным судом г. Орла рассматривалось ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под

стражу в отношении сотрудников К-го м-ого отдела УФСКН России по Орловской области Х. А. Н. и ХХ. И. В., обвиняемых по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Постановлением суда от 25.04.2012 в удовлетворении ходатайства следователя отказано, в отношении подозреваемых Х. А. Н. и ХХ. И. В. избрана мера пресечения в виде денежного залога в сумме 250 000 рублей. В этот же день, до истечения установленного законом срока задержания, близкие родственники подозреваемых внесли на депозит суда означенную сумму и подозреваемые освобождены из изолятора временного содержания.

В ряде случаев при расследовании уголовных дел о совершении тяжких и особо тяжких преступлений в отношении подозреваемых (обвиняемых) по ходатайству следователя судом избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу, которая ввиду тяжести совершенных преступлений, данных о личности обвиняемых судом неоднократно продлевалась. Вместе с тем зачастую в целях соблюдения положений ст. 6.1 УПК РФ по истечении 6-8 месяцев содержания обвиняемого под стражей судом данная мера пресечения изменялась на денежный залог. Как правило, в качестве денежного залога с учетом тяжести совершенного преступления, данных о личности обвиняемого избиралась сумма от 1 000 000 до 1 500 000 рублей, до внесения которой мера пресечения в виде заключения под стражей сохранялась.

В связи с указанными обстоятельствами, поскольку следователи несут персональную ответственность за исход дела, достижение принципа неотвратимости наказания с учетом личности подозреваемых, их поведения, тяжести совершенного преступления, опасения, что они могут скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины по делу, оказать давление на участников уголовного судопроизводства, следователи ходатайствуют перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку только эта мера пресечения максимально обеспечивает соблюдение принципа изоляции подозреваемого (обвиняемого) от общества и пресекает любые его попытки скрыться от следствия и суда, помешать расследованию уголовного дела.

Суды в основном удовлетворяют ходатайства следователей об избрании в отношении подозреваемых и обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу.

Мера пресечения в виде залога может применяться по любой категории дел при отсутствии объективных данных о том, что привлекаемое к уголовной ответственности лицо, находясь на свободе, окажет негативное влияние на результаты предварительного следствия. При возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения залога следует исходить из материального благосостояния привлекаемого к уголовной ответственности лица, ходатайствовать об определении судом в качестве залога де-

нежной суммы, исключаяющей его возможность скрываться от следствия и суда, т.е. значительной в случае ее утраты.

В свою очередь, наиболее обоснованным представляется избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении женщин, престарелых и несовершеннолетних, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, с учетом отсутствия объективных данных о намерениях последних в воспрепятствовании предварительному следствию либо продолжении занятием преступной деятельностью.

Как видится, основаниями для избрания меры пресечения в виде залога для фигуранта уголовного дела выступают следующие: 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда; 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Залог может быть избран в любой момент производства по уголовному делу – как во время предварительного расследования, так и во время судебного производства. Исключением будут являться стадия возбуждения уголовного дела (ст. 144-146 УПК РФ), где применение уголовно-процессуального принуждения исключено вообще, а также стадия исполнения приговора, где реализуются правоотношения, связанные уже не с уголовно-процессуальным принуждением, а с уголовным наказанием. При решении вопроса о необходимости и возможности избрания залога в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, суд должен учитывать обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ. Кроме того, учитывается имущественное положение залогодателя (ч. 3 ст. 106 УПК).

Наличие оснований для избрания залога должно подтверждаться собранными по уголовному делу доказательствами (ч. 1 ст. 74 УПК).

Законодатель, делегируя только суду право избирать такую меру пресечения, как залог, наряду с заключением под стражу, домашним арестом, подчеркивает исключительную важность данных мер пресечения, поскольку они влияют на гарантированные Конституцией РФ и нормами международного законодательства права и свободы человека и гражданина, ограничивают личную свободу человека.

Залог может быть избран в качестве меры пресечения на любой стадии производства по уголовному делу, однако в любом случае решение об избрании залога принимается только судом.

Рассмотрение ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога происходит в таком же порядке, который установлен для рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, при необходимости избрания меры пресечения в виде залога следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом соответствующее ходатайство

по месту производства предварительного следствия или дознания. В постановлении об избрании меры пресечения в виде залога должны быть изложены мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в избрании этой меры пресечения (ст. 106 УПК РФ). В постановлении о возбуждении ходатайства о залоге могут быть указаны также обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, содержащиеся в ст. 99 УПК РФ. Перечень таких обстоятельств не является исчерпывающим, и при избрании меры пресечения в виде залога могут быть указаны и другие обстоятельства.

Залог как мера уголовно-процессуального пресечения является имущественной. В связи с этим можно обоснованно заключить, что при ее применении действуют не только уголовно-процессуальные нормы, но и нормы гражданского и иных отраслей права, регулирующие имущественные и связанные с ними неимущественные отношения.

В соответствии с требованиями УПК РФ (ч.1 ст. 106) предметом залога может быть недвижимое имущество, а также движимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций. Законодатель в указанной норме статьи УПК не определил понятие недвижимого имущества. Оно даётся в гражданском законодательстве (ст. 130 ГК РФ и др.). В ч. 3 ст. 106 УПК РФ законодатель делает важную оговорку, что не может приниматься в качестве залога имущество, на которое в соответствии с ГПК Российской Федерации не может быть обращено взыскание. На практике судьи в подавляющем большинстве случаев применяют залог в виде конкретной денежной суммы. Например, судебная практика районных судов Новгородской области тоже свидетельствует о том, что залог судами избирался только в виде денежных средств. Между тем, согласно требованиям гражданского законодательства, предметом залога может быть «всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права (требования), за исключением имущества, изъятого из оборота, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности, требований об алиментах, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом».

1. Зайцев О. А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник ТвГУ. Серия «Право». Выпуск 35. Москва: Московская академия экономики и права, 2013 год. С. 92-99.

2. Александров А. С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 66-73; Головки Л. В. Принцип установления объективной истины в уголовном процессе // Законодательство. 2012. № 8. С. 5-9.

3. ФЗ № 60-ФЗ от 7 апреля 2010 г. // Рос. газета. 2010. 9 апр.

4. Принятие Федерального закона № 433-ФЗ – весьма значимый этап судебной реформы // Уголовный процесс. 2011. № 3.

5. Бабаев М. М. Российской уголовной политике нужна концепция // Современные проблемы уголовной политики: материалы Всерос. науч.-практ. конф, 1 окт. 2010 г.: в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2010. Т. I. С. 26.

6. Ляхов Ю. А. Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994.

7. Босхолов С. С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

8. Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

9. Александрова И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015.

10. Зайцев О. А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник ТвГУ. Серия "Право". Выпуск 35. М.: Московская академия экономики и права, 2013. С. 92-99.

11. Мусаитов Т. А. Современная уголовно-процессуальная политика по противодействию преступности в сфере экономической деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2013, № 21. С. 226-230.

12. Алексеев А. И., Журавлев М. П., Сухарев А. Я. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М.: «Норма», 1997.

13. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М.: Библиотека «ЮрИнфорР», 1999.

14. Тер-Акопов А. А. Уголовная политика Российской Федерации. М., 1999.

15. Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий: В связи с проектом Федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы». М.: «Penal Reform International (PRI)», 2000.

16. Воронин М. Ю. Уголовная политика: понятие, история возникновения и развития. М., 2000. Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М., 2004.

17. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: «Норма», 2006.

18. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Издательство «Проспект», 2008.
19. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: «Волтер Клувер», 2009.
20. Возмещение (компенсация) вреда в уголовном судопроизводстве. Гражданский иск в уголовном процессе: монография / А. В. Гришин, С. В. Мельник. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 197 с.
21. Коммерческое (торговое) представительство: состояние, защита от противоправных посягательств и применение правовых презумпций: монография / А. В. Гришин, М. В. Гришина. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. 437 с.
22. Ветрова О. А. Специфика функционирования правосознания в сфере применения норм права органами внутренних дел: учебное пособие / О. А. Ветрова. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2012. С. 98.
23. Гришин А. В. Гришина М. В. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершённых коммерческими (торговыми) представителями либо контрагентами в случае злоупотреблений правом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова № 3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016. С. 40-41.
24. Защита конституционных прав граждан в Российской Федерации (правовые и процессуальные аспекты): монография / А. В. Гришин. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2013. 187 с.
25. Ветрова О. А. Некоторые особенности проведения допроса и очной ставки с участием несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова № 3. Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2015 год. С. 23.
26. Гришин А. В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016. С. 43-45.
27. Гришин А. В. Проблемные аспекты осуществления уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Научно-теоретический и информационно-методический журнал «Юристь-Правоведь». № 3 (82), 2017. С. 62, 63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Щербакова Лариса Юрьевна. Кандидат юридических наук, заместитель начальника института (по научной работе).

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальная политика, уголовная политика, мера пресечения, причинение вреда, залог, домашний арест, заключение под стражу, Европейский Суд по правам человека, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ.*

УДК 343.1

Якубина Ю. П.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ ДОСТУП ГРАЖДАН К ПРАВОСУДИЮ

В статье рассматриваются вопросы приостановления дознания по уголовным делам. Предпринята попытка проанализировать научные работы ученых юристов о приостановлении производства по уголовному делу.

По статистике всего нераскрытых преступлений по России на конец 2017 года - 940675 (45,7 % от всех зарегистрированных), за январь 2018 года уже насчитывается 52531 (34,2 % от зарегистрированных) [1]. При сравнении в 2016 году их было 980294 (44,9 % от зарегистрированных) [2].

Произошел незначительный рост (прирост на 0,8 %), что является отрицательным результатом для работы правоохранительных органов.

Уголовно-процессуальная деятельность подразумевает, что в ходе предварительного расследования необходимо установление лица, совершившего преступление. Предварительное расследование не может быть закончено, если такое лицо отсутствует, так как нет возможности предъявить обвинение и составить обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление). Но следует помнить, что при расследовании, обычно возникают множество обстоятельств, которые не дают возможности обеспечить участия обвиняемого (подозреваемого) и закончить предварительное расследование [3]. Зачастую это умышленные действия обвиняемого (подозреваемого) и реже события, происходящие помимо воли вышеуказанного лица. Именно возникновение таких обстоятельств не дают возможности закончить расследование, что определяет наличие, в уголовном процессе института приостановления предварительного следствия [3]. Несмотря на тот факт, что законодатель указывает осно-

вания приостановления предварительного следствия, на практике данный правовой институт, процессуальное решение активно применяется дознавателями в ходе предварительного расследования в форме дознания.

Например, по статистическим данным Управления организации дознания ГУ МВД России по Московской области приостановлено уголовных дел по пункту 1 части 1 ст. 208 УПК РФ (лицо не установлено) 2978, за аналогичный период прошлого года 2817. Разница составляет на 161 больше за отчетный период 2018 года по сравнению с предыдущим годом, процентное соотношение - 5,7 % [18].

По пункту 2 части 1 статьи 208 УПК РФ (обвиняемый скрылся) 83, за аналогичный период прошлого года - 96. Данные показывают, что за отчетный период 2018 года количество сократилось на 13, в процентном соотношении - 13,5 % [18].

По пункту 3 части 1 статьи 208 УПК РФ (возможность участия отсутствует) 22, за аналогичный период прошлого года - 21. Данные увеличились на 1, процент к аналогичному периоду прошлого года составляет 4,8 % [18].

По пункту 4 части 1 статьи 208 УПК РФ (заболевание обвиняемого) 23, за аналогичный период прошлого года 11. Показатели увеличились на 13, в процентном соотношении - на 109,1 %. Всего приостановлено уголовных дел за отчетный период 2018 года 3106, за аналогичный период прошлого года - 2945. Показатели возросли на 161, в процентах - на 5,5 %. Удельный вес по пунктам 1,2,3 от расследованных 29,9 %, за аналогичный период прошлого года 27,8 %, разница составляет на 2,1 процент больше за отчетный период 2018 года [18].

Остаток приостановленных всего уголовных дел за отчетный период 2018 года - 2022, за аналогичный период прошлого года 2007. По пункту 1 части 1 статьи 208 УПК РФ (лицо не установлено) 1927, за аналогичный период прошлого года 1914. Разница составляет на 13 больше за отчетный период 2018 года по сравнению с предыдущим годом, процентное соотношение - 0,7 % [18].

По пункту 2 части 1 статьи 208 УПК РФ (обвиняемый скрылся) 61, за аналогичный период прошлого года - 78. Данные показывают, что за отчетный период 2018 года количество сократилось на 17, в процентном соотношении - 21,8 % [18].

По пункту 3 части 1 статьи 208 УПК РФ (возможность участия отсутствует) 14, за аналогичный период прошлого года - 8. Данные увеличились на 6, процент к аналогичному периоду прошлого года составляет 75 % [18].

По пункту 4 части 1 статьи 208 УПК РФ (заболевание обвиняемого) 20, за аналогичный период прошлого года 7. Показатели увеличились на 13, в процентном соотношении - на 185,7 % [18].

В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации регламентируется начало производства предварительного расследования (ст. 156), окончание предварительного расследования (ст. 158), нормативное закрепление понятия «приостановление предварительного расследования» отсутствует. В науке до сих пор нет единого мнения по этому вопросу. Многие процессуалисты вкладывают в понятие приостановление предварительного следствия определенный промежуток времени (перерыв), наступающий по определенным причинам, которые прямо указаны в УПК РФ [7].

К. Ф. Амиров отмечает, что данный временной перерыв является вынужденным [8]. Признаки временности и вынужденности перерыва при сути приостановлению предварительного следствия, однако в полной мере не раскрывают сущность данного института. Приостановление производства по уголовному делу происходит с целью официальной констатации фактов, которые не позволяют подвести расследование к завершающему этапу. В этой связи приостановление не означает, что деятельность дознавателя заканчивается. С этого момента ему необходимо предпринять ряд мер, которые позволяют устранить обстоятельства, послужившие основаниями для приостановления дознания.

Н. А. Громов и С. И. Анненков считают, что приостановление сроков расследования по уголовному делу есть временный перерыв, урегулированный законом, оформленный решением должностного лица по уголовному делу для принятия мер к устранению обстоятельств, вызвавших приостановление производства по делу [9].

Вышеуказанные научные взгляды, однозначно, заслуживают внимания. Они учитывают и временную невозможность окончания производства и деятельность уполномоченных органов, которая заключается в своевременном устранении причин «перерыва». При рассмотрении оснований, которые предусмотрены п. 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, дознавателю необходимо собрать сведения для того чтобы своевременно возобновить производство по уголовному делу, что является важным средством для достижения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

А. С. Александров указывает, что с приостановлением производства по уголовному делу прекращается движение уголовного процесса к очередной его стадии или этапу в целом или в отношении одного или нескольких обвиняемых до устранения препятствий, вызвавших приостановление. Последующие его институты, этапы и стадии не могут быть реализованы без законного и обоснованного возобновления производства по делу [11].

В. В. Вандышев отмечает, что приостановление предварительного расследования это временное прекращение производства следственных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств, обусловленное

наличием обстоятельств, препятствующих завершению расследования [13].

Невозможность производства следственных действий по приостановленному уголовному делу с одной стороны и необходимость принятия мер, направленных на устранение обстоятельств, повлекших приостановление, с другой стороны наводит на мысль о характере тех действий, которые необходимо проводить по приостановленному уголовному делу. В юридической литературе по данному поводу существуют две противоположные точки зрения [4; 5; 6; 10; 12; 14; 15]. Одни авторы считают, что после приостановления предварительного расследования вся деятельность по раскрытию и расследованию преступления должна носить не процессуальный характер, по мнению других, необходимо действовать только процессуальным путем.

Ориентированность УПК РФ на защиту прав и свобод человека и гражданина затронула и институт приостановления предварительного следствия. Ряд процессуалистов стали отмечать, что институт приостановления предварительного следствия имеет целью обеспечение прав участников уголовного процесса.

Институт приостановления производства по уголовному делу служит осуществлению основной задачи при расследовании преступлений – установлению объективной истины в каждом деле, а также способствует полному раскрытию всех обнаруженных преступлений, установлению лиц, виновных в их совершении.

В специальной литературе высказывается мнение, что приостановление расследования не упрощает, а наоборот осложняет процесс расследования, поскольку нарушается нормальное развитие всего уголовного судопроизводства, в результате чего становится невозможным направление в суд уголовного дела или его прекращение.

М. В. Королев указывает, что приостановление производства по делу, при всех условиях, – явление негативное, весьма нежелательное для выполнения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством [16].

В постановлении Пленума Верховного Суда № 1 от 10 февраля 2009 года «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. 29.11.2016 г.) разъяснено, что действия (бездействие) либо решения должностных лиц органов предварительного расследования могут затруднить доступ граждан к правосудию. Процессуальные решения должностных лиц, ограничивающие права граждан на участие в досудебном производстве по уголовному делу, создают гражданину препятствие для дальнейшего обращения за судебной защитой нарушенного права. К числу таких решений в постановлении Пленума Верховного суда № 1 указывается процессуальное решение о приостановлении предварительного расследования.

Таким образом, дознаватель, принимая решение по уголовному делу, обязан соблюдать конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства, иных лиц, чьи права и законные интересы могут быть нарушены.

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. М.: ГИАЦ МВД России. 51 с.

2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М.: ГИАЦ МВД России. 52 с.

3. Закирова Э. Ф. Понятие, сущность и социальное назначение приостановления предварительного следствия // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". 2016. Т. 12. С. 212-219.

4. Володина Л. М. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) учебное пособие. Тюмень, 2011. С. 115-116.

5. Кузнецова С. М. Реформа предварительного расследования: перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 80-86.

6. Бауэр Д. А. Предварительное следствие как основная форма расследования преступлений в российском уголовном процессе: Молодой ученый. 2016. № 9. С. 799.

7. Зинатуллин З. З. Уголовный процесс современной России: Часть особенная. Курс лекций. Ижевск, 2016. С. 70.

8. Уголовное судопроизводство России: учебник для вузов / Под ред. Н. И. Газетдинова. Казань, 2017. 617 с.

9. Громов Н. А., Анненков С. И. Понятие, основания и условия приостановления предварительного следствия // Следователь. 2001. № 3. С. 19.

10. Даровских Ю. В. Процессуальные и организационные вопросы производства по уголовному делу, приостановленному в связи с розыском скрывшегося обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 223 с.

11. Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, С. П. Сереброва. М., 2016. 584 с.

12. Картохина О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 190 с.

13. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Конспект лекций. СПб., 2012. 312 с.

14. Попов А. М. Проблемы совершенствования оснований и условий приостановления предварительного следствия: Автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2002. 33 с.

15. Шагинян А. С. Приостановление предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 74.

16. Королев М. В. Приостановление предварительного следствия в связи с психическим или иным тяжким заболеванием обвиняемого: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 25 с.

17. Лившиц Ю. Д., Кочетова А. В. Некоторые вопросы эффективности приостановления производства по уголовному делу в кн.: сб. науч. трудов. Челябинск, 2004. 149 с.

18. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений дознания У (О) МВД России по муниципальным образованиям Московской области за 4 месяца 2018 года.

19. Постановление Пленума Верховного Суда № 1 от 10 февраля 2009 года «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. 29.11.2016 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Якубина Юлия Павловна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: дознание, приостановление, временный перерыв, срок.

УДК 343.1

В ПАМЯТЬ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. П. ГУЛЯЕВА

**Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор**

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ ГУЛЯЕВ

14 февраля 1934 г. – 22 января 2018 г.



Анатолий Петрович Гуляев был известным отечественным ученым-процессуалистом, специалистом в области досудебного производства и деятельности органов предварительного следствия, Заслуженным юристом РФ, доктором юридических наук, профессором.

Анатолий Петрович Гуляев прошел сложный, но интересный творческий и научный путь. В разное время своей деятельности он работал следователем, служил инспектором Московского областного управления мест заключения МВД. Он прошёл путь от научного сотрудника до главного научного сотрудника Центра по исследованию проблем предварительного следствия и дознания.

Имея огромный опыт практической деятельности на предварительном следствии, он преобразовал его в научные изыскания, успешно защитив в 1971 году кандидатскую диссертацию «Процессуальные сроки на предварительном следствии и дознании в советском уголовном процессе» во Всесоюзном научно-исследовательском институте МВД СССР, а впоследствии в 1988 году - докторскую диссертацию по теме «Совершенствование правового регулирования деятельности следователя» в Академии МВД СССР.

Основным направлением его исследований было совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов расследования. Анализ многочисленных научных трудов профессора А. П. Гуляева (а им было подготовлено около 500 научных и научно-методических работ) позволяет заключить, что А. П. Гуляев обладал уникальной способностью научного предвидения, т. к. научные идеи, высказанные им еще в 80-х гг. XX столетия применительно к принципам процессуальной деятельности следователя, не только сохранили свою актуальность на протяжении многих десятилетий, но и нашли воплощение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

А. П. Гуляев посвятил свой научный путь поиску решения проблем уголовно-процессуального права, разработав ряд концепций по стратегическим вопросам развития органов предварительного следствия и дознания, участвовал в подготовке научно-практических комментариев к ряду федеральных законов, ставших впоследствии хорошим инструментом для следователей, дознавателей, прокуроров, судей и адвокатов в освоении и правильном применении УПК РФ.

Так, в числе его крупнейших научных работ числятся: «Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования» (1976 г.); «Следователь в уголовном процессе» (1981 г.); Комментарий к ФЗ «О порядке содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (2006 г.); Комментарий к ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (2003 г.); Комментарий Уголовно-процессуального кодекса РФ» (2004 г.) По двум последним работам А. П. Гуляев являлся руководителем авторского коллектива. В 2012 году А. П. Гуляев опубликовал концепцию реформирования предварительного расследования.

Профессор А. П. Гуляев активно сотрудничал с законодательными органами страны, давая заключения по профильным законопроектам и проблемным вопросам, являясь членом научно-экспертных советов в Совете Федерации РФ, в Следственном комитете при МВД РФ. Неоднократно А. П. Гуляев выступал экспертом в Конституционном Суде РФ и давал заключения по запросам Конституционного Суда, активно участвовал в парламентских слушаниях и вузовских научных мероприятиях.

За плодотворную научную деятельность профессор А. П. Гуляев неоднократно награждался правительственными наградами, среди которых звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», орден «Знак почета», медаль ордена «За заслуги перед Отечеством», а также рядом других медалей, грамот и благодарственных писем.

Анатолий Петрович Гуляев был человеком с необычайной широтой академических интересов и глубоким научным предвидением, с принципиальностью в отстаивании собственных взглядов, сочетающейся с лояльным отношением к оппонентам и отеческой заботой об учениках.

Участники конференции

К 300-летию российской полиции

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

18–19 октября 2018 года

**СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Свидетельство о государственной аккредитации

Рег. № 2660 от 02.08.2017 г.

Подписано в печать 17.10.2018 г. Формат 60x90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 26,88. Тираж 54 экз. Заказ № 110.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.